

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Деревянко А.П.** Пластинчатая и микропластинчатая индустрии в Северной, Восточной и Центральной Азии.
1. Возникновение пластинчатой индустрии в Африке и распространение ее на Ближний Восток 3

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Ширази Р., Солтани М.** Памятники наскального искусства Иранского Макрана: петроглифы Апсе-Гоалм и Кухбодане-Джор (район Кесре-Кенд) 23
- Корневский С.Н., Медникова М.Б., Бочковой В.В.** Новые данные о разнообразии погребальных обрядов майкопско-новосвободненской общности 34
- Поляков А.В., Есин Ю.Н.** Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии 43
- Бобров В.В., Герман П.В.** Роговая антропоморфная фигурка из северных предгорий Кузнецкого Алатау 58
- Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В.** Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье 64
- Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н.** Жилые и хозяйственные постройки поселения переходного периода от бронзового к железному веку Линёво-1 (Присалаирье, Западная Сибирь) 72
- Бородовский А.П.** Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хронологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам датирования Быстровского некрополя) 87
- Яблонский Л.Т.** Новые необыкновенные находки из кургана 1 могильника Филипповка-1 97
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж.** Древнетюркские каменные изваяния из с. Туура-Суу в Кыргызстане 109
- Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А.** Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в ангарской тайге 116

ЭТНОГРАФИЯ

- Бауло А.В.** Боги и люди: жизнь под одной крышей 126

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

- Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В.** Молекулярно-генетический анализ останков людей из погребения 1 кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 138
- Богунов Ю.В., Мальцева О.В., Богунова А.А., Балановская Е.В.** Нанайский род *самар*: структура генофонда по данным маркеров Y-хромосомы 146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Международный симпозиум** «Культурная динамика в палеолите Евразии и формирование человека современного физического вида» 1–7 июля 2014 г. 153

ПЕРСОНАЛИИ

- Жизнь счастливого человека:** к юбилею Татьяны Николаевны Троицкой 156

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ** 158

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ** 159

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

- A.P. Derevianko.** Blade and Microblade Industries in Northern, Eastern, and Central Asia. 1. African Origin and Spread to the Near East 3

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

- R. Shirazi and M. Soltani.** The Evidence of Rock Art in Iranian Makran: Aps-e Goalm and Kouhbadan-e Jor Petroglyphs, Qasr-e Qand 23
- S.N. Korenevsky, M.B. Mednikova, and V.V. Bochkovoy.** New Findings Relating to the Maikop–Novosvobodnaya Burial Rite 34
- A.V. Polyakov and Y.N. Esin.** Horn Figurines from an Okunevo Burial on Lake Itkul, Khakassia, Southern Siberia 43
- V.V. Bobrov and P.V. German.** An Anthropomorphic Horn Figurine from the Northern Foothills of the Kuznetsky Alatau, Southern Siberia 58
- N.L. Morgunova, A.A. Evgenyev, and L.V. Kuptsova.** A Funerary Complex of the Sintashta Age at Maloyuldashevo I, Western Orenburg Province 64
- V.P. Mylnikov and L.N. Mylnikova.** Dwellings and Utilitarian Structures at Linevo-1 – a Late Bronze to Early Iron Age Village in the Salair Region, Western Siberia 72
- A.P. Borodovsky.** The Reconstruction of Cultural Processes in the Forest-Steppe Ob Basin during the Early Iron Age, based on the Chronology of the Bystrovka Cemetery 87
- L.T. Yablonsky.** New Unusual Findings at Filippovka-1 Burial Mound 1, Southern Urals 97
- Y.S. Hudiakov, K.S. Tabaldiev, A.Y. Borisenko, and Z. Orozbekova.** Ancient Turkic Stone Statues at Tuura-Suu, Kyrgyzstan 109
- P.O. Senotrusova, P.V. Mandryka, and A.A. Tishkin.** Metal Details of Mongolian Age Belt Sets from the Angara Taiga 116

ETHNOLOGY

- A.V. Baulo.** Gods and Humans: Living under the Same Roof 126

ANTHROPOLOGY

- A.S. Pilipenko, R.O. Trapezov, and N.V. Polosmak.** A Genetic Analysis of Human Remains from Ak-Alakha-3 Burial Mound 1, Gorny Altai 138
- Y.V. Bogunov, O.V. Maltseva, A.A. Bogunova, and E.V. Balanovskaya.** The Nanay Clan *Samar*: the Structure of Gene Pool based on Y-Chromosome Markers 146

INFORMATION

- International Symposium** “Cultural Dynamics in the Paleolithic of Eurasia and the Evolution of Anatomically Modern Human”. July 1–7, 2014. 153

PERSONALIA

- Life of a Happy Person:** to the Jubilee of Tatyana Nikolayevna Troitskaya 156

- ABBREVIATION** 158

- CONTRIBUTORS** 159

ПЛАСТИНЧАТАЯ И МИКРОПЛАСТИНЧАТАЯ ИНДУСТРИИ В СЕВЕРНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЛАСТИНЧАТОЙ ИНДУСТРИИ В АФРИКЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕЕ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК*

В статье, первой из цикла, посвященного рассмотрению роли пластинчатой индустрии в технокомплексах палеолита в Африке и Евразии, анализируются вопросы зарождения пластинчатого расщепления и становления его на юге, востоке и севере африканского континента. Пластинчатое расщепление впервые зафиксировано в Африке на палеолитических местонахождениях формации Каптурин ок. 500 тыс. л.н. В среднем каменном веке на юге, востоке и севере континента первичное расщепление было преимущественно леваллуазским (острый, пластинчатый и отщепный варианты) и радиальным (отщепным). В конце среднего – первой половине верхнего плейстоцена на севере и северо-востоке Африки получили распространение два основных технокомплекса – атер и нубийский, а в южной и частично восточной – индустрия ховисонс-порт с первичным расщеплением, технологически близким к верхнепалеолитическому, и изделиями геометрической формы. Все они оставлены популяциями людей современного анатомического вида. На разных этапах верхнего плейстоцена происходила миграция этих популяций в Евразию.

Ключевые слова: *формация Каптурин, средний каменный век (MSA I–III), ховисонс-порт, атер, нубийский технокомплекс.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.003-022

Введение

Пластинчатые технологии сыграли важную роль в развитии палеолитических каменных индустрий и совершенствовании приемов первичной обработки камня. В отдельных регионах Африки и Евразии они имели большое значение при формировании культур среднего и верхнего палеолита, модернизации способов охоты, обработки различных органических и неорганических материалов, появлении новых, более эффективных видов орудий и т.д. Многие авторы связывают пластинчатые технологии с людьми современного анатомического типа и соответству-

ющей моделью поведения. Но предположение о том, что они являлись передовыми инновациями в одинаковой степени во всех частях Старого Света, не соответствует действительности. На протяжении палеолита наблюдается большая вариативность пластинчатых и отщепных индустрий. Это связано с разными экологическими условиями обитания и, следовательно, различными адаптационными стратегиями. Пластинчатая технология имела как свои преимущества, так и определенные недостатки [Bar-Yosef, Kuhn, 1999].

В данном исследовании мы рассматриваем пластинчатую индустрию в расширенном понимании технологического процесса оформления нуклеусов (леваллуазские, призматические, пирамидальные и т.д.), а также способов скалывания пластин и пластинчатых

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

отщепов с помощью жесткого и мягкого отбойников. Результатом леваллуазского расщепления могли быть остроконечники, пластины и отщепы.

Изучение процесса возникновения и особенностей распространения пластинчатых индустрий показывает, что на одних и тех же территориях в среднем и позднем плейстоцене* пластинчатые технологии могли неоднократно появляться и исчезать, сосуществовать с отщепными, доминировать в производстве орудий или не играть заметной роли.

На финальном этапе плейстоцена в отдельных регионах Евразии на основе пластинчатых технологий возникали микропластинчатые индустрии, которые могли развиваться независимо на автохтонной основе и иметь существенные отличия друг от друга. Так, в западных районах Европы в позднем палеолите широкое распространение получила микроиндустрия с орудиями геометрической формы. На востоке Евразии – на территориях Северной, Центральной Азии, Китая, Кореи, Японии, – а также в Северной Америке развивались микролитические технокомплексы, в которых такие орудия редки. Эти индустрии имеют много общих элементов в первичной и вторичной обработке камня, в формах и типах каменных орудий, принципиально отличаются от технико-типологических комплексов Европы.

За последние несколько десятилетий в Сибири, Монголии, Китае, Японии, Корее, Америке и других регионах открыты десятки археологических местонахождений, относящихся к интервалу 40–10 тыс. л.н. Исследованные стоянки характеризуются особым пластинчатым технокомплексом и единством признаков первичного расщепления, вторичной обработки, а также близким сочетанием определенных типов каменных орудий. Вопросы, касающиеся установления территории и времени возникновения этого технокомплекса, многие сходные черты которого прослеживаются на огромном пространстве восточной части Евразии, обсуждались в сотнях статей, на многих региональных и международных конференциях. Но целый ряд фундаментальных проблем, связанных с уникальностью и особым статусом пластинчатой индустрии в ранней истории человечества, остается нерешенным. В значительной степени это связано с постоянным появлением нового фактического материала, который не всегда укладывается в русло ранее выдвинутых гипотез.

Данное исследование посвящено определению времени зарождения пластинчатой индустрии, решению вопроса о ее появлении в одном или нескольких регионах, а также дальнейшем распространении на

обширных территориях на востоке Азии. Важно выяснить, насколько пластинчатые технологии были более эффективными по сравнению с отщепными; связаны они с одним и тем же таксоном или с разными популяциями людей. Исследование будет представлено в серии статей, посвященных проблеме пластинчатых и микропластинчатых технологий Северной, Центральной и Восточной Азии.

Зарождение пластинчатой индустрии и ее динамика в Африке

Очень важно прежде всего установить, где впервые появились пластинчатые технологии, каким образом они распространялись на другие территории, или они возникали конвергентно, существует ли преемственность пластинчатых индустрий Африки и Евразии. Наиболее раннее проявление этой технологии выявлено в Восточной Африке и на Ближнем Востоке. Именно там, с нашей точки зрения, она зародилась, а в дальнейшем распространилась на значительные территории Евразии. Первые признаки пластинчатой индустрии в Африке зафиксированы в Кении в формации Каптурин на трех позднеашельских местонахождениях GnJh-03, -15, -17, открытых еще в прошлом веке [McBrearty, Bishop, Kingston, 1996; McBrearty, 1999; McBrearty, Brooks, 2000]. Эта формация площадью более 150 км² расположена к западу от оз. Баринго и состоит из речных, озерных, вулканических отложений среднего плейстоцена мощностью до 125 м. Она разделена на пять секций K1–5. В речных отложениях секции K3 были найдены останки *Homo erectus* и *Homo rhodesiensis* [McBrearty, Brooks, 2000].

Наиболее информативным из указанных местонахождений оказалось GnJh-03. Пластинчатые сколы на этой стоянке удалось обнаружить на поверхности и в слое. Культуросодержащий горизонт залегал на глубине ок. 3 м ниже основания секции K4. Наиболее приемлемой археологи считают дату ближе к 280 тыс. л.н., полученную по ⁴⁰Ar/³⁹Ar [Deino, McBrearty, 2002]. От 20 до 30 % нуклеусов с этой стоянки использовались для скалывания пластин. Среди продуктов расщепления около четверти сколов можно отнести к пластинам (рис. 1, 7–9). Основной технический прием, использовавшийся при снятии пластин, – прямые удары жестким отбойником, хотя не исключалось и применение мягкого. Пластины скалывались с полуцилиндрических нуклеусов (рис. 1, 6), но, возможно, некоторые были сняты с ядрищ леваллуазского типа. Скалывание производилось в одном и двух направлениях. Ударные площадки были как простые, так и фасетированные. Длина, тонкость и уплощенность пластин свидетельствует

*Мы придерживаемся Международной стратиграфической шкалы плейстоцена: ранний (2,5–0,8 млн л.н.), средний (0,8–0,12), поздний (0,12–0,01 млн л.н.).

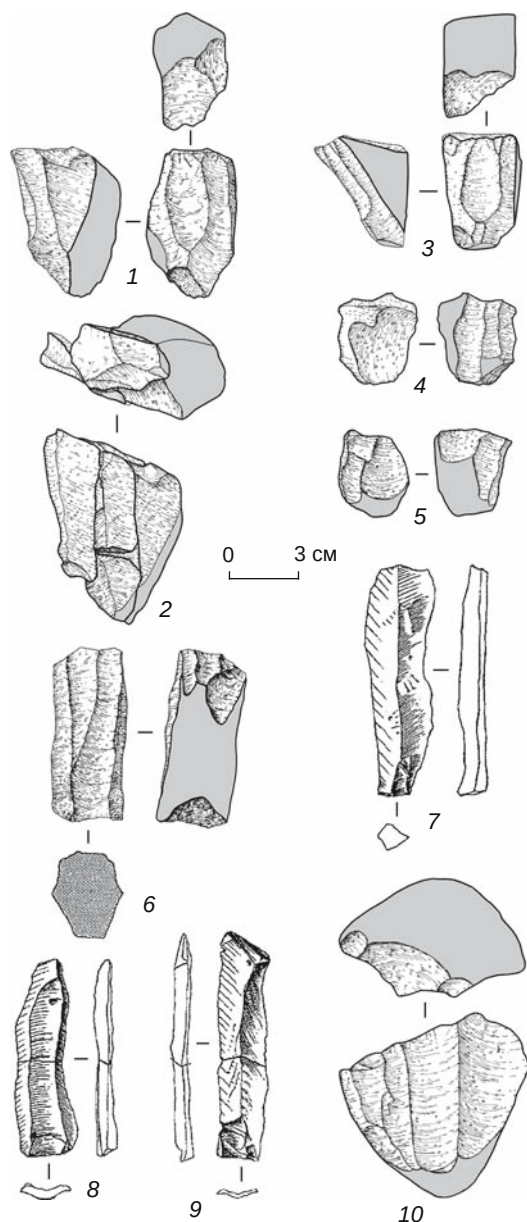

Рис. 1. Пластинчатые нуклеусы и пластины из формации Каптурин (по: [Johnson, McBrearty, 2010; McBrearty, Brooks, 2000]).

1–3 – местонахождение GnJh-42; 4, 5 – GnJh-50;
6–10 – GnJh-03.

о том, что уже ок. 280 тыс. л.н. в Восточной Африке в их изготовлении был достигнут высокий уровень технического мастерства.

Более древние местонахождения с пластинчатой индустрией в данном районе удалось обнаружить в ходе полевых сезонов 2004 и 2005 гг. [Johnson, McBrearty, 2010] в отложениях секции K'3 формации Каптурин, состоящих в основном из черной и красной цеолитизированной глины с прослойками галечного песчаника и известкового туфа. Стоянки GnJh-42, -50 датируются по $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ соответственно 545 ± 3 и

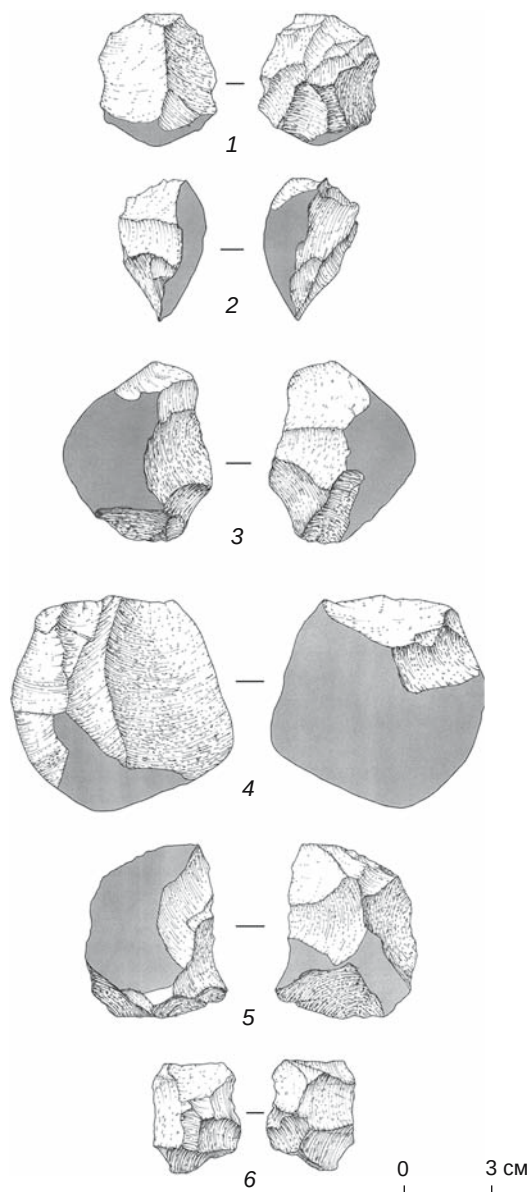

Рис. 2. Радиальные и подрадиальные нуклеусы из формации Каптурин (по: [Johnson, McBrearty, 2010]).

1–3, 5 – местонахождение GnJh-42; 4, 6 – GnJh-50.

509 ± 9 тыс. л.н. Всего найдено 555 каменных изделий в слое и 317 – на поверхности. Более 95 % артефактов на обеих стоянках относились к отщепам (включая фрагменты) и угловатым сколам. Пластины и их фрагменты составляли 2,7 %.

На стоянке GnJh-42 найдено десять нуклеусов: три на поверхности и семь в слое. На местонахождении GnJh-50 обнаружено семь нуклеусов: три на поверхности и четыре в слое. Все они разделены на пластинчатые (5 экз.) (рис. 1, 1–5) фациальные и подрадиальные (12 экз.) (рис. 2). Пластинчатые нуклеусы имеют

размеры от 4,2 до 11,4 см. Изготавливались из крупных отщепов или расщепленных галек. Одним или несколькими сколами подготавливалась ударная площадка, которая образовывала острый угол с одной из прилегающих сторон. Эта сторона и превращалась в рабочую: вначале с нее снималась естественная корка, если нуклеус изготавливался из гальки, а затем скалывались пластины. В качестве рабочей площадки, как правило, использовалась одна выпуклая сторона ядрища. Данный метод подготовки и расщепления нуклеуса Э. Боэда [Boëda, 1995] отнес к хуммалийскому объемному, который отличался от леваллуазского и верхнепалеолитического. Судя по количеству пластинчатых нуклеусов, пластин и их фрагментов, этот инновационный метод первичной обработки камня для получения заготовок в виде пластин не имел сколько-нибудь значительного распространения. Исследователи считают, что придавать его появлению исключительное значение для дальнейшего развития индустрии и самого физического типа человека нет никаких оснований. По технической сложности и эффективности эта стратегия в обработке камня имела некоторое преимущество перед отщепной (в частности, была более экономичной), но в то же время ограничивала возможность использования многих других видов каменного сырья. У дисковидных или радиальных нуклеусов с местонахождений GnJh-42, -50 были две выпуклые стороны, с которых от краев к центру скалывались отщепы (рис. 2). В разрезе они имели форму чечевицы или двояковыпуклой линзы. На этих местонахождениях не обнаружено нуклеусов леваллуазского принципа расщепления.

Остается нерешенным важный вопрос о технологической преемственности не только между местонахождениями GnJh-42, -50 и расположенными выше в формации Каптурин GnJh-03, -15, -17, которые содержат небольшое число пластинчатых нуклеусов, но и с ранним этапом среднего каменного века Южной, Восточной и Северной Африки. Среднепалеолитические индустрии на юге Африканского континента в интервале 250–40 тыс. л.н. подразделяются на несколько стадий: MSA I, II, ховисонс-порт, MSA III и IV [Singer, Wymer, 1982]. Для раннего этапа MSA I характерно пластинчатое расщепление, но технологически оно никак не связано с индустрией, зафиксированной в формации Каптурин. Для изготовления орудий на этом этапе в качестве заготовок использовались пластины, часто без дополнительной ретуши. Они снимались преимущественно с дисковидных и пирамидальных нуклеусов верхнепалеолитического типа. Ранний этап MSA II по основным технико-типологическим показателям существенно отличается от предшествующего и последующего.

Наиболее полно прослежены различия между индустриями MSA I, II и ховисонс-порт на местона-

хождениях на р. Класиес [Wurz, 2005]. MSA II подразделяется на верхний и нижний. Данный подход позволил С. Вурц выделить более широкий набор различий между MSA I, II и ховисонс-порт на р. Класиес. Средний каменный век на этой территории, как и на сопредельных, характеризуется пластинчатыми технокомплексами и индустриями остроконечников. Для скалывания пластин использовались хорошо подготовленные нуклеусы. Большая часть каменных изделий изготовлена из кварцитовых булыжников, найденных вблизи местонахождений. В индустриях MSA I и II более 98 % артефактов из кварцита [Ibid.]. На местонахождениях ховисонс-порт наряду с ним использовался тонкозернистый материал неместного происхождения, из которого изготовлено ок. 30 % изделий. По исходному каменному сырью эта индустрия отличается от других среднепалеолитических.

С. Вурц [Ibid.] на местонахождениях среднего каменного века на юге Африки выделяет две стратегии подготовки и расщепления ядрищ (рис. 3, 4). Наиболее часто встречаются нуклеусы радиального типа (см. рис. 3, 3, 6, 8). Тыльная сторона у них обрабатывалась короткими сколами от края к центру, где нередко оставалась галечная поверхность, а противоположная была фронтом снятия заготовок или рабочей площадкой. На местонахождениях MSA I пластины снимались преимущественно с одной площадки, а на стадии ховисонс-порт – часто с двух во встречном направлении. Для MSA II наиболее характерна леваллуазская система расщепления, когда с рабочего фронта скалывались острия. Для MSA I и ховисонс-порт типичны т.н. пирамидальные нуклеусы (см. рис. 3, 1, 4). Это объемные ядрища верхнепалеолитического поворотного типа с рабочим фронтом на двух или трех сторонах. В небольшом количестве имеются и торцовые нуклеусы (см. рис. 3, 2). На стадии MSA I с ядрищ радиального типа, большинство которых с типологической точки зрения следует относить к леваллуазским, снимались остроконечники и пластины, а с пирамидальных – пластины. На местонахождениях MSA II в качестве заготовок использовались в основном леваллуазские острия; пирамидальные нуклеусы не обнаружены. На стоянках среднего палеолита на юге Африки подготовка ядрищ к работе и скалывание заготовок производились мягким и жестким отбойниками. На местонахождениях ховисонс-порт пластины более мелкие, геометрической формы, с притупленной ретушью спинкой и небольшой ударной площадкой, технологические характеристики которой указывают на снятие заготовки с нуклеуса мягким отбойником. Предназначались они, по мнению исследователей, для изготовления составных орудий.

Орудия геометрической формы, с притупленной спинкой – специфика среднего палеолита Африки.

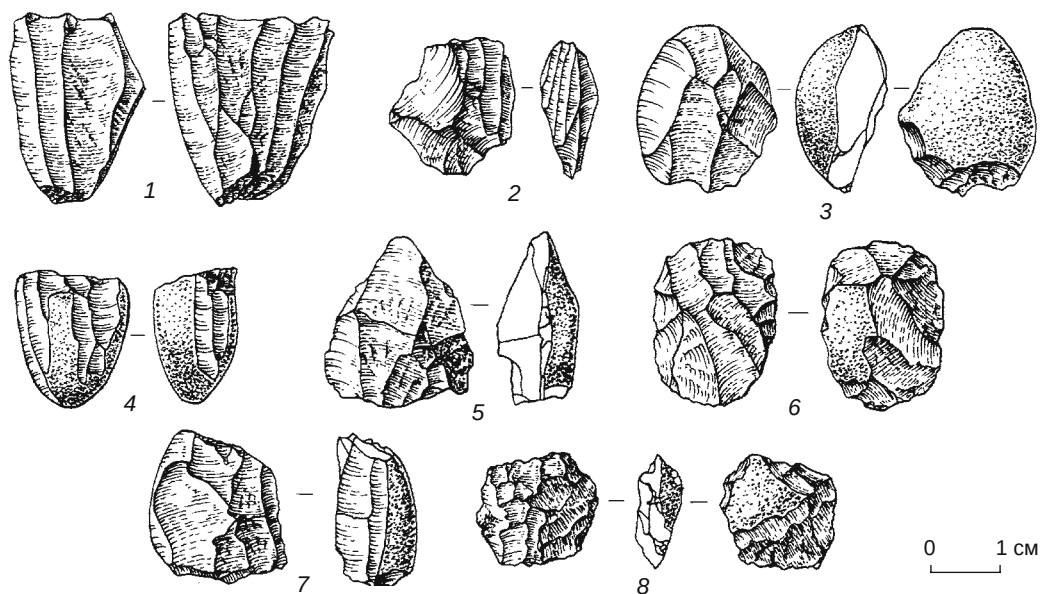

Рис. 3. Нуклеусы со среднепалеолитических местонахождений на юге Африки (по: [Wurz, 2005]).

1, 2 – MSA I; 3, 5, 7 – MSA II; 4, 6, 8 – ховисонс-порт.

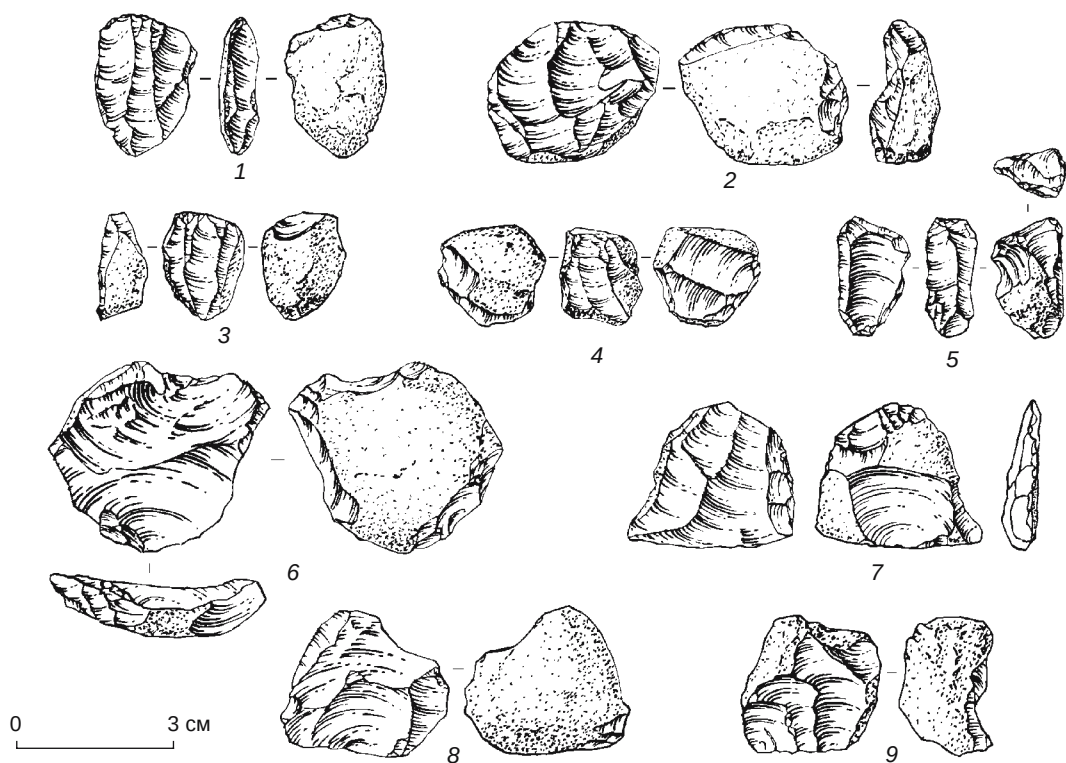

Рис. 4. Нуклеусы из слоев ховисонс-порт в пещере Роуз Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]).

1–5, 7 – пластинчатые; 6 – леваллуа для снятия отщепов; 8, 9 – однонаправленные для снятия отщепов.

1, 2 – слой EMD; 4, 5 – MAS; 3, 8 – ETH; 6, 7, 9 – SUZ.

Они появились на юге в индустрии форсмит, переходной от ранне- к среднепалеолитическим, и в Центральной Африке в индустрии люпембан в самом начале среднего каменного века. Но наибольшее рас-

пространение таких орудий наблюдается в период ховисонс-порт (рис. 5). Орудия геометрической формы, вероятно, использовались в качестве вкладышей для составных орудий типа остроконечников, ножей

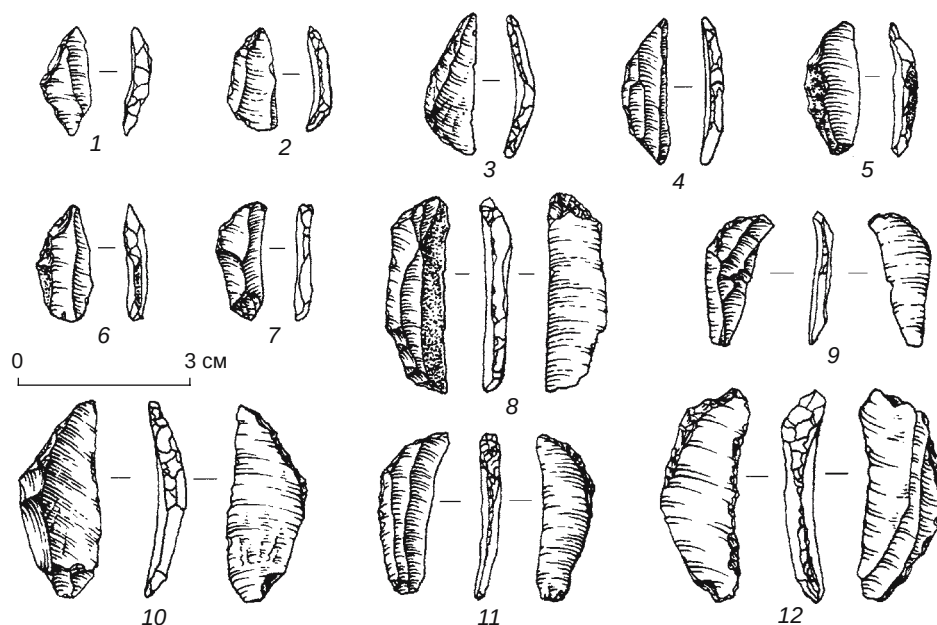

Рис. 5. Пластины с притупленной спинкой из пещеры Роуз-Коттедж (по: [Soriano, Villa, Wadley, 2007]).

и кинжалов, у которых была, скорее всего, деревянная основа, а не костяная, как у более поздних верхнепалеолитических и мезолитических. Индустрию ховисонс-порт многие исследователи относят к интервалу 80(70)–50 тыс. л.н.

На следующем этапе MSA III отсутствуют орудия геометрической формы, индустрия в целом характеризуется многими исследователями как более архаичная. Пластинчатое расщепление верхнепалеолитического типа вновь фиксируется на юге Африки ок. 30 тыс. л.н. Таким образом, в развитии индустрий на этой территории не прослеживается определенной преемственности: пластинчатая технология появляется в ашеле (связь ее с раннесреднепалеолитической пока не выявлена), затем она исчезает и возникает вновь. Объяснить это явление только сменой населения невозможно. Видимо, появление и исчезновение пластинчатых технологий связаны не только с возможным приходом новых популяций, но и со сменой адаптационных стратегий вследствие изменения экологических условий, что приводило к появлению других приемов первичной и вторичной обработки камня.

В Восточной Африке к середине верхнего плейстоцена относятся два ярких многослойных местонахождения – Энкапуне-Йя-Мута в Кении и Мумба в Танзании. На обоих преобладает леваллуазское и радиальное первичное расщепление. Хотя в целом индустрии на этих местонахождениях различаются, для них характерны орудия геометрической формы, с притупленным краем [Ambrose, 1998].

Другая линия развития среднего и верхнего палеолита прослеживается в Северной Африке. Здесь фор-

мировались индустрии атер, даббан, харга и др. В них роль пластинчатого расщепления и пластин в качестве заготовок для орудий труда была различной. Особенно яркая среднепалеолитическая индустрия – атер. Ее нередко ошибочно отождествляют с мустье, которого, с нашей точки зрения, в Африке не было. Мустьерская индустрия в Европе имеет несколько локальных вариантов, но все они связаны с неандертальцами, которые никогда не расселялись в Африке, могли быть только их кратковременные случайные контакты с популяциями людей на севере африканского континента. Африканские индустрии конца среднего – первой половины верхнего плейстоцена имеют некоторое стилистическое сходство с европейскими в обработке каменных орудий и в их типологии, но это не дает, с нашей точки зрения, основания для их отождествления.

Для атера наиболее характерно леваллуазское расщепление [McBurney, 1967]. Представлены его основные стратегии: получение острий, отщепов и пластин. Диагностирующий элемент индустрии – изделия с черешком (рис. 6). Прежде всего, это наконечники с оформленными ретушью острием и черешком. Ретушь могла быть одно- и двухрядной. Черешок имели скребла, скребки, проколки и резцы, что свидетельствует о широком использовании многофункциональных составных орудий и наличии надежных приемов крепления. На атерских местонахождениях наиболее многочисленны скребла различной модификации, представлены зубчато-выемчатые изделия, ножи с обушком. На позднем этапе данной культуры широкое распространение получили острия: с округлым и приостренным черешком, с треугольным

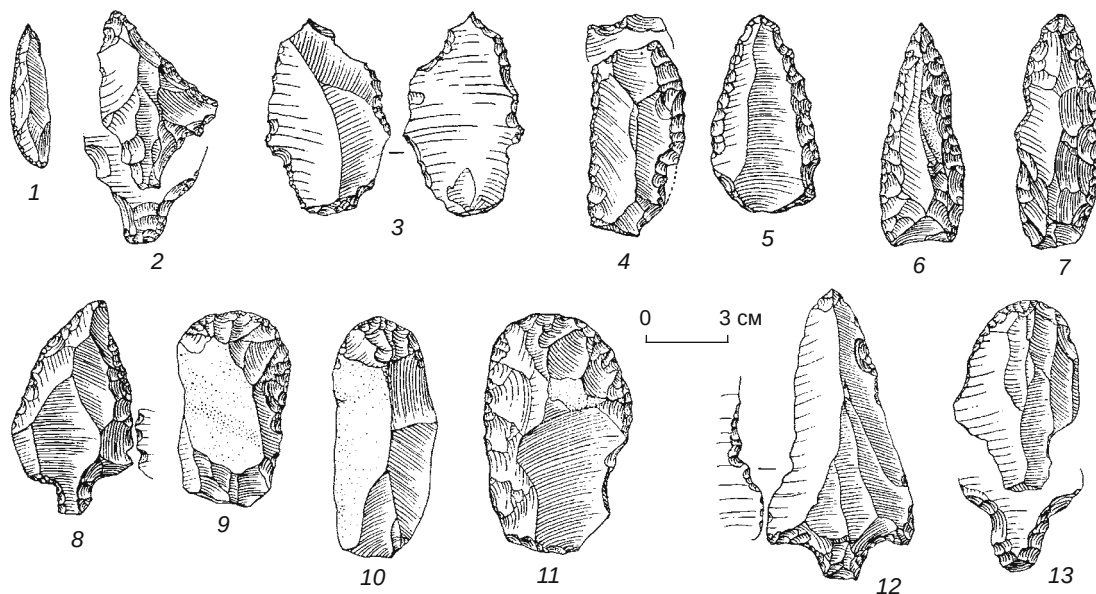

Рис. 6. Атерская индустрия с местонахождения Айн-Метерхем (по: [Григорьев, 1977]).

1 – пластина с притупленным краем; 2 – скребло с черешком; 3 – зубчатое орудие; 4, 5 – двойные скребла; 6, 7 – остроконечники; 8, 12 – остря с черешком; 9–11 – скребки; 13 – скребок с черешком.

и асимметричным основанием, бифасиально обработанные листовидные. Верхнепалеолитических орудий – скребков, резцов, пластин с притупленным краем и др., – по сравнению со среднепалеолитическими, немного.

Сложной проблемой является датирование атера. В прошлом веке радиоуглеродным методом эта индустрия датировалась 40–20 тыс. л.н., что не привлекало к ней особого внимания исследователей. Применение других методов кардинально изменило взгляд на проблему. Для местонахождения Дар-эс-Солтан в окрестностях г. Рабата получена определенная OSL-дата – 110 тыс. л.н. [Barton et al., 2009]. Возраст памятников с аналогичной индустрией в районе г. Темара близок к этому значению. Образец из нижних атерских слоев в пещере Мугарет-эль-Алия датирован в пределах от 81 ± 9 до 62 ± 5 тыс. л.н. [Wrin, Rink, 2003]. Видимо, формирование индустрии атер происходило ок. 112–110 тыс. л.н., и существовала она длительное время.

С хронологическими параметрами атера связано решение проблемы его истоков. Возраст местонахождений с атерской индустрией на северо-западе Африки более 100 тыс. лет, т.е. они старше, чем подобные технокомплексы в других районах. Следовательно, истоки этой культуры нужно искать в местном среднем палеолите, который многие авторы некорректно называют мустье [Bordes, 1976–1977; Debenath, Dibble, 1994; Debenath et al., 1986; Straus, 2001; и др.]. Некоторые исследователи связывают происхождение атера с индустрией люпембан Восточной и Центральной Африки.

На севере африканского континента в Киренаике, расположенной между Магрибом и Египтом, наиболее полно динамику индустрии среднего и раннего верхнего палеолита отражают находки из пещеры Хауа-Фтеа. Мощность рыхлых отложений в ней достигает 14 м. Ч. Мак-Берни по технико-типологическим характеристикам материалов выделил отложения трех периодов – преориньяка, леваллуа-мустье и верхнего палеолита [McBurney, 1967]. Самому раннему, по его определению, преориньяку соответствует нижняя толща (ок. 50 см). Среди каменного инвентаря Ч. Мак-Берни выделяет плоские призматические нуклеусы с одним фронтом снятия, одно- и двухплощадочные (рис. 7). Орудийный набор (ок. 80 экз.) включает бифасиально обработанные и чопперовидные изделия, резцы, скребки, скребла, фрагменты листовидного остря, проколки и др. Г.П. Григорьев [1977] справедливо подверг сомнению многие типологические определения Ч. Мак-Берни. Не со всеми его выводами можно согласиться, но он прав в главном. Индустрию из нижнего культуросодержащего горизонта в пещере Хауа-Фтеа по всем основным показателям нельзя отнести к ближневосточному ориньяку. Она, видимо, имеет отношение к раннему или среднему этапу среднего палеолита Северной Африки, но ввиду малочисленности материалов сделать окончательные выводы невозможно. Тем не менее в индустрии отчетливо проявляется пластинчатое расщепление, так же как и изготовление орудий из пластин. Можно дискутировать об отнесении нуклеусов к леваллуазским для снятия пластинчатых заготовок или к типу плоскостных призматических, но, с нашей точки зрения,

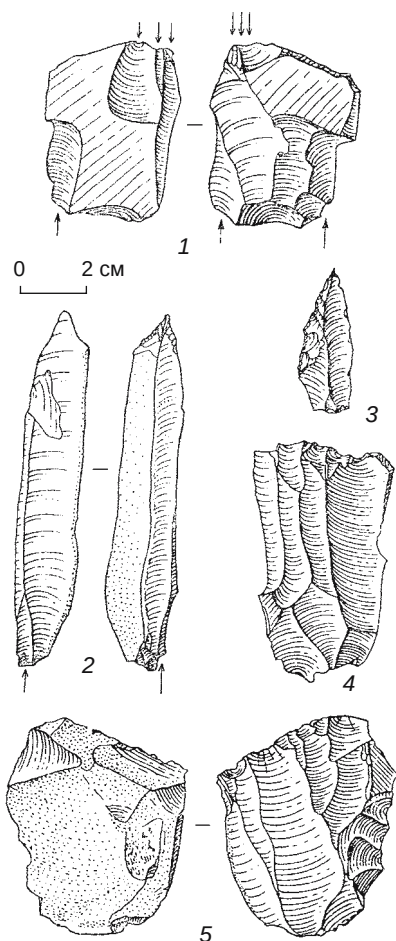

Рис. 7. Индустрия преориньяка из нижнего культуросодержащего горизонта местонахождения Хауа-Фтеа (по: [McBurney, 1967]).

1 – нуклеидное изделие с резцовыми сколами; 2 – комбинированное орудие (проколка-резец); 3 – острие с притупленным краем; 4, 5 – пластинчатые нуклеусы.

важен сам факт наличия пластин и использования их в качестве заготовок для орудий.

Нижний культуросодержащий слой перекрывала рыхлая толща (ок. 4 м), вмещающая, по определению Ч. Мак-Берни, леваллуа-мустьерскую индустрию [McBurney, 1967]. Исследователь разделил толщу на десять культуросодержащих горизонтов, в которых выделил пять технико-типологических групп: гибридное мустье – слой XXXIV, типичное леваллуа-мустье – слои XXXIII и XXXII, атер – XXXI и XXX, позднее мустье – XXIX–XXVII, леваллуа-мустье – слои XXVI и XXV. В действительности во всех горизонтах индустрия представлена не столь многочисленными артефактами, чтобы можно было сделать такое дробное деление. В целом она не выходит за пределы среднего палеолита.

В рамках проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту наибольший интерес представляет

слой XXV и вышележащие культуросодержащие горизонты. Ч. Мак-Берни (и с ним согласны многие исследователи) считает, что с середины слоя XXV появляется верхнепалеолитическая индустрия, которая по происхождению не связана не только с нижележащими мустьерскими, но и в целом со средним палеолитом Африки. В настоящее время ее относят к культуре даббан, названной по местонахождению в пещере Хагфет-эд-Дабба (рис. 8). В этой культуре первичное расщепление связано с одно- и двухплощадочными нуклеусами, которые Ч. Мак-Берни определил как призматические. Для нее диагностирующими являются пластинки с притупленным краем и пластины с поперечной фаской, представленные в материалах местонахождения Хагфет-эд-Дабба и XXV слоя в пещере Хауа-Фтеа. Очень важен вопрос о происхождении культуры даббан. Большая часть исследователей исключает ее преемственную связь с местным средним палеолитом: переход к верхнему палеолиту в Киренаике произошел внезапно и был обусловлен миграционными процессами. В настоящее время, с нашей точ-

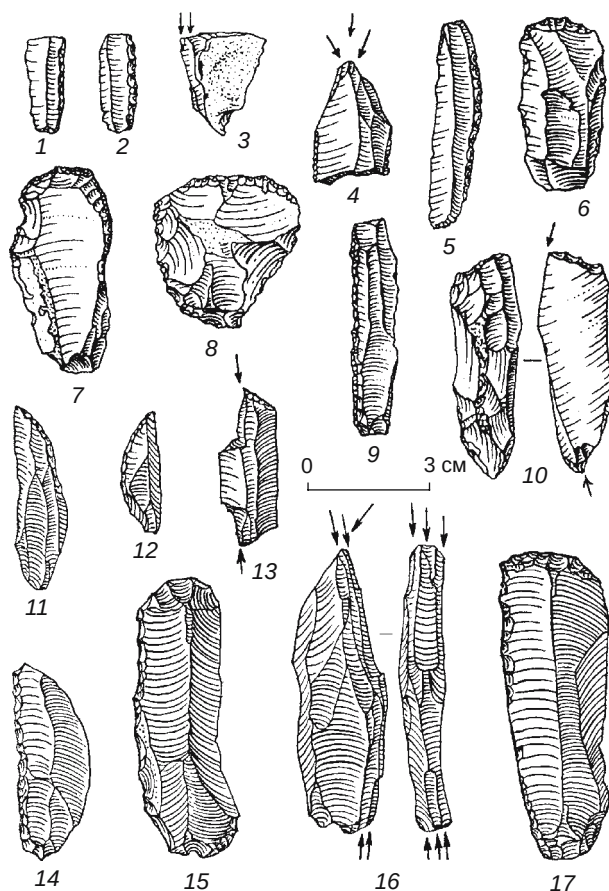

Рис. 8. Каменный инвентарь культуры даббан с памятников Хауа-Фтеа (1–10) и Хагфет-эд-Дабба (11–17) (по: [McBurney, 1967]).

1, 2, 5, 9, 11, 12, 14 – пластины с притупленным краем; 3, 4, 10, 13, 16 – резцы; 6–8, 15, 17 – скребки.

ки зрения, наиболее обоснованна гипотеза об истоках этой культуры в ближневосточном эмиране, местонахождения которого распространены вдоль восточных побережий Средиземного и Красного морей.

Индустрии среднего палеолита на северо-востоке Африки, в Нубии и долине нижнего Нила, чрезвычайно мозаичны. Это можно объяснить объективными и субъективными причинами. Субъективный фактор заключается в том, что изучением палеолита занимались представители разных школ. Это привело к излишней дробности, к тому же далеко не всегда выделение новых культур или индустрий было обоснованным. Одним из объективных факторов является географическое положение региона – на стыке с Евразией. Вследствие близости экологических условий, видимо, часто происходили миграции животных с севера на юг, с запада на восток и в обратных направлениях, а вслед за ними мигрировали люди. Особенно интенсивными эти процессы могли быть во время изменений климата, которые приводили к изменению среды обитания. Археологи в своих построениях, касающихся климатических флуктуаций, часто оперируют понятиями «стадиал», «интерстадиал», «мегаинтерстадиал» и т.д. Для конкретной группы людей, живущих в реальном времени, важны не столько колебания климата, исчисляемые периодами в десятки тысяч лет, когда происходила постепенная коренная перестройка природной среды, сколько изменения в пределах десятков и сотен лет, а то и на протяжении жизни одного поколения.

Для последних 2 000 лет дендрохронологическим методом выявлены региональные сверхвековые (160–170 лет) и внутривековые (45–50, 30–33, 22 и 11 лет) циклы [Ваганов и др., 2008]. Подобные климатические флуктуации происходили не только в голоцене, но и в плейстоцене. Краткосрочные изменения климата не могли не приводить к изменению экосистемы. Менялась тепло- и влагообеспеченность растительности, менялись и ландшафты, особенно степные. Засухи приводили к массовым миграциям копытных животных в более благоприятные районы, а вслед за животными мигрировали и люди. В этом смысле коридор, соединяющий Африку и Евразию, играл большую роль. Не случайно на северо-востоке африканского континента и Ближнем Востоке наблюдается мозаичность индустрий.

В Северо-Восточной Африке можно выделить несколько крупных районов, где прослеживается своеобразное развитие индустрий в середине среднего и первой половине верхнего плейстоцена. На территории древней Нубии исследования в 1960–1970-х гг. велись в связи со строительством Асуанской плотины несколькими интернациональными экспедициями. Средний каменный век здесь разделен Р. Солецки на нубийское мустье А и В, зубчатое мустье (см.: [Григо-

рьев, 1977]). Это деление следует считать условным, т.к. большинство среднепалеолитических памятников – местонахождения с поверхностным залеганием культурного слоя. Нубийское мустье А отличается от типа В отсутствием рубил. Первичное расщепление леваллуазское, в орудийном наборе большое количество зубчато-выемчатых изделий, верхнепалеолитические орудия, скребки и резцы, малочисленные и невыразительные. Отсутствуют костяные орудия. Кроме этого, предложены и другие названия индустрий: мустье, атер, хормусан, тарамсан и др. Ф. Ван Пир и Р.М. Вермеерш [Van Peer, Vermeersch, 2007] разделили средний палеолит в Северо-Восточной Африке на три этапа: начало, середина и конец. К раннему этапу в настоящее время исследователи относят нубийскую индустрию. Для него типично преобладание леваллуазской системы первичного расщепления, причем преимущественно центростремительной для снятия отщепов. Леваллуазские остроконечники довольно редки. Сохраняется присутствие листовидных бифасов.

На северо-востоке Африки в конце среднего – раннем верхнем палеолите выявлен нубийский вариант леваллуазского первичного расщепления, распространенный в основном в долине среднего и нижнего Нила и захватывающий территории Египта, Северного Судана, восточных оазисов Сахары, северных районов Эфиопии и Сомали [Van Peer, 1998; Usik et al., 2013; Rose, Marks, 2014; Rose, 2004; и др.]. Он получил распространение в Аравии и частично в Леванте. Этот афро-аравийский нубийский технокомплекс, по мнению исследователей, состоял из ряда технологически связанных индустрий, которые объединялись наличием признаков, характерных для нубийского варианта леваллуазской техники обработки нуклеуса [Usik et al., 2013, с. 244].

В Северо-Восточной Африке, в долине Нила выделены две разные индустрии: ранненубийская, относящаяся хронологически к МИС 5е (~ 130–115 тыс. л.н.), и поздненубийская, датированная МИС 5а (~ 85–74 тыс. л.н.) [Mercier et al., 1999; Van Peer, Vermeersch, Paulissen, 2010]. Для первой характерны бифасы люпембанского типа. Они имели преимущественно копьевидную и удлиненно-треугольную форму. Для орудийного набора типичны зубчатые и зубчато-выемчатые изделия, которые изготавливались из пластин и отщепов. Среди орудий наибольший процент составляли скребла различной модификации. Главным отличительным признаком ранненубийской индустрии, в сравнении с поздней, кроме бифасов, является особое оформление леваллуазских нуклеусов.

Исследователи, работающие с коллекциями нубийских комплексов, леваллуазскую технику первичного расщепления понимают в узком значении, т.е. к стратегии леваллуа относят ядрища, при ре-

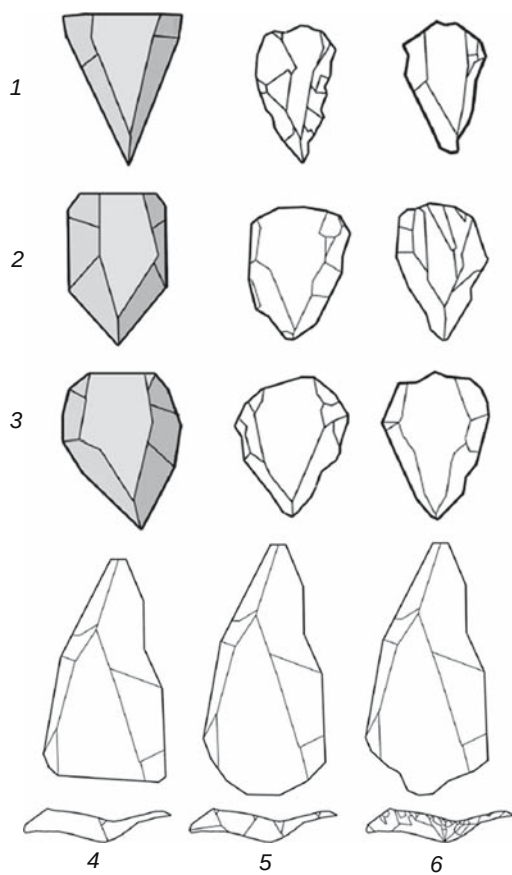

Рис. 9. Форма нубийских нуклеусов (1–3) и их ударных площадок (4–6) в плане (по: [Usik et al., 2013]). 1 – треугольные (субтреугольные); 2 – обтесанные; 3 – сердцевидные (субсердцевидные); 4 – прямая двугранная; 5 – выпуклая (фасетированная крупными сколами); 6 – фасетированная мелкой ретушью (chapeau de Gendarme).

дукции которых происходит подготовка рабочей поверхности и ударной площадки для получения одного конкретного продукта. По их мнению, нуклеусы нубийского типа должны иметь определенную морфологию [Usik et al., 2013]. Она детерминирована прежде всего формой первичной площадки, что определяет форму конечного продукта. Среди нубийских нуклеусов выделены три подтипа: треугольные (рис. 9, 1); обтесанные (рис. 9, 2) и сердцевидные (рис. 9, 3). При отнесении ядрищ к нубийскому типу важное значение имело оформление ударной площадки: она могла быть двугранной (рис. 9, 4); фасетированной крупными сколами (рис. 9, 5) и мелкими (chapeau de Gendarme) (рис. 9, 6).

Среди нубийских нуклеусов леваллуа исследователями выделяются два типа [Usik et al., 2013; Rose, Marks, 2014]. К ранненубийской индустрии отнесены нуклеусы типа 2. Для них характерна обработка мелкими сколами с боковых сторон, направленная на формирование посередине дистальной стороны выпуклой площадки (рис. 10, 1, 4). К поздненубийской индустрии

отнесены нуклеусы типа 1. У них двумя расходящимися от дистального конца удлинёнными сколами оформляли выпуклую срединную часть, а затем с проксимального конца скалывали остроконечную заготовку (рис. 10, 2, 5). Некоторые нуклеусы в нубийских комплексах имели оформление, сочетающее в себе оба эти типа, особенно в случае подживления ядрища. Они получили название «тип 1/2 нубийского леваллуа» (рис. 10, 3). С разделением нубийских нуклеусов на три типа можно согласиться, но необходимо отметить, что наличие промежуточной формы между двумя основными делает такое дробное деление не очень убедительным, и все эти типы иногда встречаются в среднем палеолите на других местонахождениях Африки и Евразии.

Для ранненубийской индустрии наиболее типичны нуклеусы нубийского леваллуазского типа 2 наряду с люпембанскими листовидными бифасами. В Северном Судане на о-ве Саи слой с ранненубийским технокомплексом перекрывал горизонт с индустрией люпембан, такая же ситуация была выявлена на местонахождении Аркин-5 также на севере Судана. Это позволило Ф. Ван Пиру с соавторами предположить, что ранненубийская индустрия развивалась на автохтонной основе [Van Peer et al., 2003]. В поздненубийском технокомплексе преобладают нуклеусы

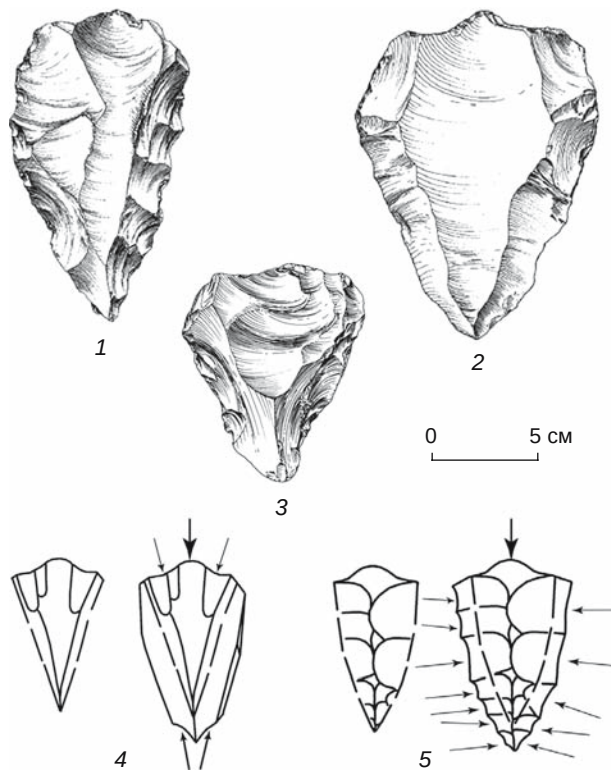

Рис. 10. Нубийские нуклеусы (1–3) и их схемы (4, 5). 1, 4 – тип 2; 2, 5 – тип 1; 3 – тип 1/2 нубийского леваллуа. 1–3, 5 – по: [Usik et al., 2013]; 4 – по: [Rose, Marks, 2014].

типа 1 и нет люпембанских листовидных бифасов. В обеих индустриях леваллуазская система расщепления является основной для получения заготовок, модифицировавшихся в дальнейшем в орудия труда.

Между ранней и поздней нубийскими индустриями существует большой хронологический перерыв. Так, на местонахождении Тарамса-1 в долине нижнего Нила эти два комплекса были изолированы друг от друга слоем песка, относящимся к МИС 5d (117 ± 10 тыс. л.н.) [Van Peer, Vermeersch, Paulissen, 2010]. В пещере Содмейн в Египте также поздненубийский горизонт залегает выше ранненубийского. Исследователи считают, что эти две индустрии разделены интервалом $\sim 115\text{--}85$ тыс. л.н. В данном хронологическом диапазоне в Африке не известны местонахождения с нубийским технокомплексом [Usik et al., 2013; Rose, Marks, 2014; и др.]. В это время поздненубийская индустрия появилась на юге Аравии, на территории Омана и Йемена. Так, возраст поздненубийского комплекса на стоянке Айбут-аль-Ауваль в Дхофаре (Южный Оман) ок. 106 тыс. лет [Usik et al., 2013]. Это, по мнению исследователей, свидетельствует о миграции носителей данной индустрии на Аравийский полуостров. Действительно, в южной и центральной части Аравии прослеживаются следы нубийской леваллуазской технологии на местонахождениях первой половины верхнего плейстоцена. В дальнейшем на этих территориях происходил процесс аккультурации материальной культуры пришлого и автохтонного населения. Значительного влияния нубийской леваллуазской технологии не прослеживается в Леванте [Rose, Marks, 2014]. Но, нам представляется, что ни в коем случае не следует исключать контактов левантийского населения с более южными популяциями и возможного дрейфа генов между ними. Слабое влияние нубийской технологии на индустрию среднего палеолита Леванта, видимо, можно объяснить тем, что миграция из Африки в Аравию проходила по южному маршруту. Эту миграционную волну исследователи связывают с людьми современного анатомического вида [Vermeersch et al., 1998; Armitage et al., 2011; Van Peer, 1998; Rose, 2010; Rose, Marks, 2014; Usik et al., 2013].

На северо-востоке Африки, на территории Египта, нубийская технология вновь появилась не ранее МИС 5а. Очень вероятно, что она вернулась с популяциями людей из Аравии. Об этом свидетельствует «поразительное сходство между классическими дхофарским нубийским и египетским поздненубийским комплексами» [Usik et al., 2013, p. 264].

К финальному этапу среднего палеолита в Северо-Восточной Африке относятся хормусанская и тарамсанская индустрии. Обе, особенно первая, сохраняют основные поздненубийские технологические традиции. Остановимся более подробно на местонахождении Тарамса-1 в связи с тем, что там было обнаруже-

но погребение ребенка современного анатомического вида. Индустрия на этом местонахождении несколько отличалась от хормусанской.

Местонахождение Тарамса-1 расположено в нижнем течении р. Нила на холме, покрытом четырехметровым слоем гальки [Vermeersch et al., 1998]. На этом месте начиная с позднего среднего палеолита производилась добыча кремнистого известняка, о чем свидетельствуют многочисленные ямы и шурфы. На раннем этапе среднего палеолита наряду с нубийским леваллуа еще встречаются листовидные бифасы. В середине эпохи они исчезают, нубийская леваллуазская система первичного расщепления становится основной для получения заготовок при производстве каменных орудий. Как уже упоминалось, данные культуросодержащие горизонты с ранней и поздней нубийскими индустриями разделяет слой песка. Вероятно, это связано с аридизацией климата на северо-востоке Африки в период МИС 5а–5b ($114\text{--}82$ тыс. л.н.), сокращением водотока Нила и уходом людей современного анатомического вида с нубийской индустрией в Аравию. Возможно, они мигрировали не только из-за изменения природных условий в Северо-Восточной Африке, но и под давлением носителей атерской индустрии.

Погребение на местонахождении Тарамса-1 относится к периоду, когда популяции людей с нубийской индустрией возвратились в Африку из Аравии. Скелет погребенного был очень хрупким, вследствие чего многие кости при раскопках не удалось сохранить. Установлено, что тело находилось в сидячем положении в углублении ок. 1 м. Это позволило исследователям предположить, что захоронение преднамеренное [Ibid., p. 478]. Вначале погребение было датировано в диапазоне от 80,4 до 49,8 тыс. л.н., а среднестатистический возраст определен в $55,5 \pm 3,7$ тыс. лет. Позднее он был уточнен и составляет $68,6 \pm 8$ тыс. лет [Usik et al., 2013]. Антропологическими исследованиями установлено, что скелет принадлежал ребенку современного анатомического вида.

При ремонте нуклеусов из культуросодержащего горизонта с погребением в первичном расщеплении был выявлен переход от классического нубийского леваллуа к новой системе подготовки и эксплуатации ядрищ. Суть нового метода заключалась в том, что рабочая плоскость, с которой скалывались пластины, была более выпуклой. Это позволяло без ее обновления получать значительно больше удлиненных заготовок в результате двунаправленного скалывания. Пластины, как правило, удлиненные (рис. 11). Такие нуклеусы, с которых скалывались большие серии пластин, можно считать переходными к верхнепалеолитическим ядрищам.

Подводя краткие итоги изучения технокомплексов на севере и северо-востоке Африки, можно сделать

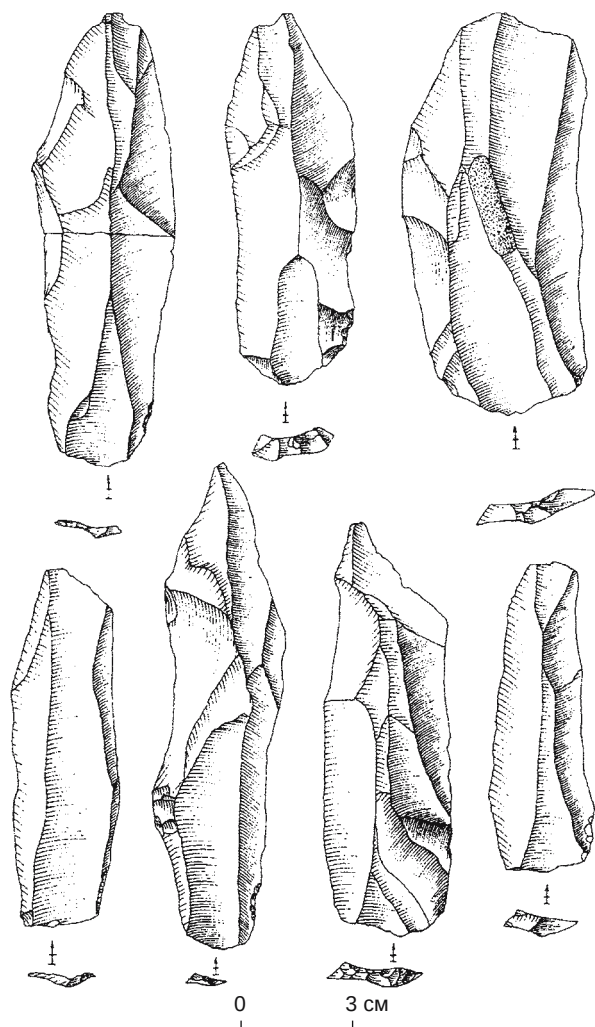

Рис. 11. Пластины из слоя с погребением. Местонахождение Тарамса-1 (по: [Van Peer, 1998]).

вывод о том, что в конце среднего – первой половине верхнего плейстоцена на этой территории доминировали две основные индустрии: атерская и леваллуазская нубийская. Для атера пластинчатое расщепление менее характерно. Орудия изготавливались в основном из пластинчатых отщепов и отщепов. Носители нубийской индустриальной традиции гораздо чаще использовали леваллуазские остроконечники и пластинчатые сколы в качестве орудий, нередко и без дополнительной их модификации ретушью. Особенно экономное использование нуклеуса для получения пластинчатых сколов прослеживается в рамках «системы расщепления для производства пластин типа Тарамса» [Van Peer, Vermeersch, Paulissen, 2010, p. 234]. Местонахождение Махадма-6 и поздний комплекс Тарамса-1, связанный с погребением ребенка, свидетельствуют о том, что нубийская леваллуазская стратегия обработки камня существовала на протяжении МИС 4 и во время МИС 3 претерпела изменения, ве-

дущие к верхнепалеолитическому серийному производству пластин [Rose, Marks, 2014, p. 73].

Выборочное рассмотрение проблемы появления и распространения пластинчатой индустрии в Африке показывает мозаичную картину. Пластинчатое расщепление, появившееся ранее 500 тыс. л.н. на стоянках, которые обнаружены в секции К'З формации Каптурин, не имело технологической преемственности с индустриями на местонахождениях древностью ок. 280 тыс. лет, дислоцировавшихся в отложениях секции К4. Не наблюдается также преемственность пластинчатого расщепления в каптуринских палеолитических комплексах и индустриях среднего каменного века Южной и Восточной Африки.

В среднем палеолите Южной, Восточной и Северной Африки выявлены разные технокомплексы, в которых доля пластинчатого и отщепного расщепления на определенных хронологических этапах, в связи со сменой природной обстановки, была различной. Это свидетельствует о том, что, во-первых, пластинчатые технологии нельзя считать только инновацией человека современного анатомического типа; во-вторых, в одних экологических условиях были более эффективны отщепные технологии обработки камня, в других – пластинчатые [Деревянко, 2011б, в].

Особенностью среднепалеолитических индустрий в Африке является раннее появление изделий геометрической формы и пластин с притупленным краем. На юге континента в индустрии форсмит, переходной от ранне- к среднепалеолитическим, такие артефакты встречаются в небольшом количестве. Их число значительно увеличивается на раннем этапе среднего каменного века Африки (MSA I). На следующей стадии MSA II возрастает численность острий и несколько уменьшается их размер. Широкое распро-

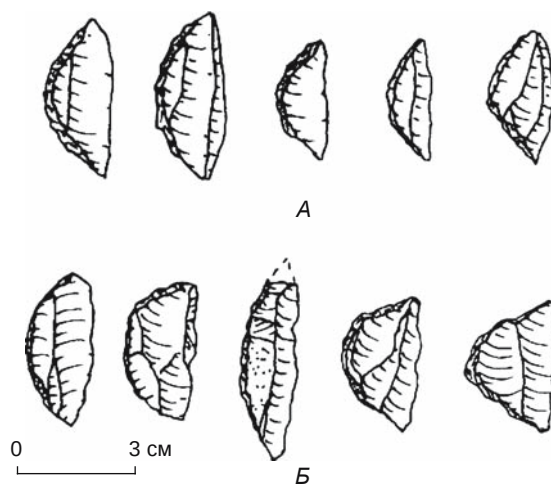

Рис. 12. Геометрические микролиты среднего палеолита Африки (по: [McBrearty, Brooks, 2000]).

А – местонахождение с индустрией ховисонс-порт на р. Класис; Б – Мумба.

странение изделий геометрической формы и пластин с притупленным краем наблюдается в индустрии ховисонс-порт (см. рис. 5). На раннем этапе они имеют значительные размеры – до 60 мм в длину. Затем наблюдается микролитизация этих орудий (рис. 12, А). На стадии MSA III они исчезают и вновь появляются в позднем палеолите Южной Африки. В скальном гроте Мумба (Танзания) в нижней части слоя V мало предметов геометрической формы, и изготовлены они из леваллуазских отщепов или сколов с радиальных нуклеусов (рис. 12, Б). В вышележащих горизонтах количество таких орудий увеличивается, они меньших размеров и изготовлены из пластин. Для средней и верхней части слоя V получена дата ок. 65 тыс. л.н. [McBrearty, Brooks, 2000, p. 500].

В позднем каменном веке происходит дальнейшая микролитизация изделий геометрической формы и пластин, оформленных притупляющей ретушью. Если в индустриях мумба и ховисонс-порт средняя длина изделий геометрической формы 30–45 мм, то в верхнем палеолите она ≤ 25 мм [Ibid., p. 503]. Назначение этих изделий, по мнению исследователей, различно. Они могли использоваться как вкладыши для изготовления различных режущих инструментов, в качестве наконечников стрел, а более массивные – наконечников копий. Изделия геометрической формы и пластины, оформленные притупляющей ретушью, были наиболее характерны для индустрий Южной Африки. На остальной части континента в среднем палеолите и на раннем этапе верхнего они были не столь типичны. Таким образом, появление и распространение в Африке изделий геометрической формы, пластин с притупляющей ретушью и микропластин, так же как леваллуазского и пластинчатого расщепления, не носит всеобъемлющего и поступательного характера, потому что на одной и той же территории, например в южных районах, данные технологии и типы орудий могли в среднем и верхнем палеолите появляться и исчезать. Это можно объяснить миграционными процессами, изменением экологических условий и, как следствие, сменой адаптационных стратегий, передачей инноваций эстафетным путем при кратковременных контактах популяций, проживавших на соседних территориях, и т.д.

Формирование человека современного вида в Африке и выход его в Евразию

К рассмотрению этой проблемы мы обращались многократно [Деревянко, 2011а–г, 2012; Деревянко, Шуньков, Маркин, 2014]. Поэтому остановимся на ней кратко. Мы придерживаемся в основном мультирегиональной гипотезы происхождения челове-

ка современного анатомического вида. В настоящее время нет сомнений в том, что родина человечества – Африка. Об этом свидетельствуют результаты археологических, антропологических и генетических исследований.

В основе всей эволюционной цепочки находился политипический вид *Homo erectus sensu lato*. Эректоидные формы раннего и первой половины среднего плейстоцена заселили всю Африку и значительную часть Евразии. Результаты исследований археологов, антропологов, генетиков, полученные в XX в., позволили нам предложить гипотезу о четырех центрах формирования человека современного вида: *Homo sapiens africanensis* – в Африке, *Homo sapiens neanderthalensis* – в Европе, *Homo sapiens altaiensis* (денисовец) – в Северной и Центральной Азии, *Homo sapiens orientalis* – в Восточной и Юго-Восточной Азии. В каждом из них на основе эректоидных таксонов формировался отдельный подвид *H. sapiens* и генетический дрейф от всех этих таксонов привел к образованию человека современного вида – политипического *H. sapiens* [Деревянко, 2011а–в; 2012]. Главная стволообразующая роль в данном сложном процессе принадлежала африканскому подвиду – *H. sapiens africanensis*.

Установление эволюционной трансформации эректоидных форм в Африке в среднем плейстоцене (особенно во второй его половине) – одна из важнейших проблем эволюции рода *Homo*. Этот период можно считать временем появления и расселения переходных таксонов от *H. erectus* к *H. sapiens*. К сожалению, малочисленность образцов не позволяет проследить всю эволюционную цепочку. На среднем Аваше в местности Бодо (Эфиопия) в 1976 г. был обнаружен череп человека с хорошо сохранившимся лицевым отделом, но без нижней челюсти (т.н. человек Бодо). В 1981 г. в 350 м от него нашли левый теменной фрагмент BOD-VP-1/1, а в 1990 г. – фрагмент плечевой кости BOD-VP-1/2 [Conroy et al., 1978; Asfaw, 1983; Clark et al., 1994]. По дате, установленной методом $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ для вулканического туфа, который коррелирует с горизонтом, содержащим антропологические материалы, определен возраст находок – 640 ± 40 тыс. лет.

Череп Бодо обладает эректоидными (в т.ч. и неандерталоидными) и сапиентными чертами. У него массивный надглазничный валик, черепная крышка приостренной формы, сильный общий лицевой прогнатизм, лицо больших размеров и широкое носовое отверстие. Эти черты сочетаются с близкой к сапиентной формой носовых костей, современным строением скуловой области, перегибом в районе скулочелюстного шва и намечающимися клыковыми ямками [Зубов, 2004]. По мнению Дж. Райтмайра, череп Бодо сходен с черепами *H. erectus* / *H. ergaster* [Rightmire,

1996]. Однако объем мозговой коробки ($1\,300\text{ см}^3$) и другие особенности черепа сближают гоминина из Бодо с европейскими неандертальцами и человеком современного анатомического вида. Это позволило Дж. Райтмайру отнести череп Бодо и палеоантропологические находки с местонахождений Араго, Мауэр, Петралона (Европа), Кабве, Эландсфонтейн, Ндуту (Африка) и, возможно, Дали, Цзиньнюшань, Юньсянь (Китай) к виду *H. heidelbergensis*. С ним согласились далеко не все специалисты. С нашей точки зрения, палеоантропологические находки из Китая не составляют с данным таксоном филогенетической последовательности. В интервале 600–200 тыс. л.н. не прослежено никакой миграционной волны с запада на территорию Китая. Некоторое морфологическое сходство этих находок можно объяснить, вероятно, общими эволюционными принципами развития более древних эректоидных форм в Евразии, а различия – результатом длительной дивергенции.

М.Х. Дэй на основе средне- и позднплейстоценовых африканских палеоантропологических материалов выделил три эволюционных этапа – ранний, промежуточный и современный [Day, 1973]. Для нас наибольший интерес представляет промежуточный этап. Однако по имеющимся данным пока трудно представить в полном объеме эволюционную линию развития. К 400–200 тыс. л.н. относится небольшое количество палеоантропологических находок из Северной Африки: нижняя челюсть из грота Сиди-Абдеррахман (окрестности г. Касабланки), фрагменты черепной крышки, части верхней и нижней челюсти с местонахождения Рабат, череп без нижней челюсти из Сале, фрагмент черепа и зубы из песчаного карьера Томас III, неполный череп с местонахождения Ндуту (Танзания), неполный череп и фрагменты еще двух черепов из Эяси, хорошо сохранившийся череп без нижней челюсти из местности Броккен-Хилл (территория современной Замбии). Палеоантропологический материал переходного периода обнаружен на местонахождениях Хоупфилд и Эландсфонтейн на юге Африки [Зубов, 2004]. Несмотря на фрагментарность черепов, у них прослеживаются эректоидные и сапиентные черты. Объем черепной коробки большой – $1\,300\text{ см}^3$. Сопровождающий археологический материал отнесен к ашельской индустрии. Многие антропологи большую часть этих палеоантропологических находок связывают с *H. rhodesiensis* или *H. heidelbergensis*.

Остановимся на вопросе о развитии популяций людей на африканском континенте 150–30 тыс. л.н. Именно тогда появились анатомически современные люди не только в Африке, но и в Евразии, происходило формирование верхнепалеолитической культуры, решалась судьба неандертальцев. Необходимо отметить отсутствие четкого общепринятого определения чело-

века современного физического типа как вида. Биологические антропологи традиционно делают акцент на том, что разделяет, а не объединяет виды, поэтому нет удовлетворительного морфологического описания человека разумного [Schwartz, Tattersall, 2005]. Г. Бройер и Л. Лики палеоантропологические материалы переходного этапа, обнаруженные в Африке на памятниках Бодо, Салданья, Эландсфонтейн, Ндуту, Кабве и Эяси-1, связали с представителями архаичных *H. sapiens*, а на местонахождениях Элие-Спрингс, Лэтоли-18, Омо-2, Флорисбад, Илерет, Джебель-Ирхуд и Синга – с группой поздних архаичных сапиенсов [Bräuer, Leakey, 1986].

Проблема интерпретации палеоантропологических находок финала среднего – позднего плейстоцена чрезвычайно сложна. В 1957 г. в подразделении 1 формации Кибиш в Омо (Эфиопия) были обнаружены частично сохранившийся скелет (Омо 1), череп (Омо 2) и несколько фрагментов еще одного черепа. Наиболее полный в анатомическом плане Омо 1, как предполагают антропологи, принадлежал *H. sapiens*. Череп Омо 2 обладает большим количеством эректоидных плезиоморфных черт, поэтому его отнесение к *H. sapiens* под большим вопросом [Day, 1969]. Разница в возрасте между этими палеоантропологическими находками небольшая. По крайней мере, она не столь велика, чтобы можно было предполагать появление у Омо 1 приобретенных черт и сохранение плезиоморфных характеристик у Омо 2.

Ко второй половине среднего – началу позднего плейстоцена относятся палеоантропологические находки с местонахождений Флорисбад, Лэтоли, Омо, Херто, Джебель-Ирхуд и др. Антропологи отмечают, что многие особенности их строения характерны для современных людей. Так, череп из Лэтоли менее архаичен, чем более ранние черепа среднего плейстоцена, а некоторые его черты предвосхищают современные. Надбровные дуги выступают умеренно. Теменные кости крупные, сильно изогнутые. Задняя часть свода скорее округлая, чем изогнутая. Однако Дж. Райтмайр пришел к выводу, что отличия этого образца от черепа человека современного типа достаточно очевидны, а свидетельства преемственности не так убедительны [Rightmire, 2001, p. 133].

Для понимания рассматриваемой проблемы очень важны материалы раскопок местонахождений с индустрией ховисонс-порт в устье р. Класиес (Южная Африка). В 1967–1968 гг. здесь были найдены многочисленные каменные артефакты, фаунистические и палеоантропологические остатки, скопления раковин [Singer, Wymer, 1982]. В 1984 г. полевые исследования на местонахождениях продолжил Х. Дикон [Deacon, Geleijnse, 1988; Deacon, 1992, 1995; Rightmire, Deacon, 1991]. Им были обнаружены нижние челюсти и зубы, лобная, фрагмент височной и локтевая кости челове-

ка. В пещере Бордер найдены части скелета ребенка и фрагменты черепа взрослого индивидуума.

Локтевая кость с местонахождения на р. Класиес обнаруживает большое сходство с неандертальскими материалами [Churchill et al., 1996]. Относительные высоты локтевого и клювовидного отростков имеют архаичные значения. Относительная длина локтевого отростка, расположение бугристости плечевой кости и относительная толщина кортикального слоя диафиза не дают однозначных указаний на родственные связи. Как считают С.Е. Черчилль и его соавторы, архаичная морфологическая модель локтевой кости позволяет предположить (если один элемент может рассматриваться как представитель общей посткраниальной анатомии), что эти гоминины не являлись полностью анатомически современными [Ibid., p. 233]. Возможно, они представляли популяцию, которая была архаична по своей посткраниальной морфологии или проходила этап ее модернизации, поэтому обнаруживала мозаичное сочетание архаичных и современных признаков.

Кости ног человека с местонахождения на р. Класиес тоже не позволяют установить однозначные филогенетические связи позднеплейстоценовых популяций [Rightmire et al., 2006]. Фаланги большого пальца стопы по форме и размеру не соответствуют аналогичным находкам из Схула и Кафзеха. Плюсневая кость отличается от левантийских образцов поперечным сечением. По мнению исследователей, это подтверждает гипотезу о том, что в среднем каменном веке гоминины, расселявшиеся в Южной Африке, представляли собой только одну из почти анатомически современных популяций, существовавших ранее 100 тыс. л.н. [Ibid., p. 102]. Сравнение палеоантропологических материалов с местонахождений на р. Класиес с аналогичными находками из Омо-1 и Херто (Эфиопия) позволило ученым сделать вывод о наличии африканской линии (или линий) эволюции гомининов, обладавших морфологией *H. sapiens* или находившихся в процессе развития в этом направлении [Ibid.].

В пещере Бордер фрагменты черепа залегают в культуросодержащем горизонте древностью ок. 100 тыс. лет. Этот гоминин имел многие признаки, характерные для человека современного анатомического типа [Miller et al., 1992]. Некоторые исследователи отмечают, что строение данного черепа сходно с таковым у морфологически современных бушменов [Deacon, 1992]. Это подтверждает возможность ранней дивергенции и не исключает нескольких внутривидовых линий в процессе развития морфологии анатомически современного человека.

Исходя из наличия многих архаичных характеристик у гомининов, расселявшихся в среднем плейстоцене в Восточной и Южной Африке, С. Мак-Бриарти и А. Брукс предложили заменить термин «архаич-

ный *Homo sapiens*» на «таксон *Homo helmei*», включив в него всех африканских гомининов, промежуточных между *H. erectus* / *H. rhodesiensis* и *H. sapiens* [McBrearty, Brooks, 2000, p. 480]. Самые ранние скелетные останки человека современного физического типа обнаружены на местонахождениях второй половины – финала среднего плейстоцена Флорисбад (юг Африки), Лэтоли (Танзания), Омо и Херто (Эфиопия), датированных 200–150 тыс. л.н.

Чрезвычайно важна оценка палеоантропологического материала из Северной Африки. Наиболее раннее здесь местонахождение Айн-эль-Ханех с галечно-отщепной индустрией, видимо, связано с приходом на эту территорию *H. erectus*. На более поздних ашельских памятниках (1,0–0,2 млн л.н.) прослеживается эволюционное развитие индустрий, принципиально отличавшихся от индустрий как Евразии, так и Восточной и Южной Африки. На севере Африканского континента найдено сравнительно немного антропологических находок. На протяжении всего плейстоцена отмечается эволюционное развитие пришедшего на эту территорию *H. erectus*. Одна из ранних его форм обнаружена в Тернифине (Алжир) и обозначена как *Atlanthropus mouritanicus*. В Северной Африке обнаружены переходные к *H. sapiens* эректоидные формы древностью 600–700 тыс. лет: в Гроуте Гомининов, карьерах Томас-Кворри-1 и Улад-Хамида (Томас III). К более позднему времени относятся челюсть из Литториновой пещеры в карьере Сиди-Абдеррахман (ок. 300 тыс. л.н.), фрагмент черепной крышки, части верхней и нижней челюсти с местонахождения Рабат. Другие находки связаны с памятниками среднего палеолита Джебел-Ирхуд и Хауа-Фтеа. К культуре атер отнесены палеоантропологические материалы из Дар-эс-Солтана-2, Мугарет-эль-Алии, Зухры и Темары. По мнению многих исследователей, гоминины среднего палеолита, в т.ч. Джебел-Ирхуда, формировались на местной основе. Дж. Хублин считает, что «обнаруженные в Марокко ископаемые остатки начиная с 400 тыс. л.н. документируют формирование вида *Homo sapiens* из более примитивных форм» [Hublin, 1991]. Проследить эту эволюцию позволяют, например, человеческие останки, обнаруженные в карьере Томас, в Сале и Рабате. Дж. Хублин обратил внимание на то, что люди среднего палеолита восходят к гомининам раннего среднего плейстоцена. Морфологически они могут рассматриваться как самые древние представители вида *H. sapiens* или как развитые представители предшествующего вида *H. erectus*. Два мужских черепа, детские нижняя челюсть и плечевая кость с местонахождения Джебел-Ирхуд достаточно примитивны (выраженный рельеф над орбитами и массивность). Они отличаются от неандертальских, по морфологии близки к костям современного человека. Обитатели Джебел-Ирхуда,

возраст останков которых 125 тыс. лет, могли быть прямыми предками первых современных людей, известных 100 тыс. л.н. на Ближнем Востоке [Hublin, 1992, 2000]. Некоторые архаичные черты в морфологии черепов из Джебел-Ирхуда и Дар-эс-Солтана объясняются генетическим обменом между популяциями Средиземноморского региона [Trinkaus, 2005]. По мнению исследователей, популяции, оставившие индустрию атер, – результат эволюции людей, представленных в палеоантропологических материалах из Джебел-Ирхуда, в таксон современного анатомического вида [Hublin, 1992; Debenath, Dibble, 1994; и др.].

В конце среднего – первой половине позднего плейстоцена на севере и северо-востоке Африки развивались две индустрии: атерская и нубийская. Носителями обеих, как отмечалось ранее, были популяции человека современного физического вида. На юге и юго-востоке также расселялись анатомически современные люди, но с совершенно другой индустрией – ховисонс-порт. Таким образом, в Южной, Восточной и Северной Африке в позднем плейстоцене прослеживаются как минимум три индустрии, носителями которых были люди современного анатомического и генетического типа. В настоящее время невозможно точно установить, в каком филогенетическом родстве они состояли. Наиболее вероятно, что это был один подвид *Homo sapiens africanensis*, а разные индустрии сформировались в результате дивергенции и адаптации к различным условиям окружающей среды.

Все указанные индустрии прослеживаются в разной степени на Ближнем Востоке. Наиболее раннее проникновение популяций людей современного вида из Африки в Евразию произошло, видимо, во время МИС 5е, о чем свидетельствует нижний слой С на местонахождении Джебель-Файя в Объединенных Арабских Эмиратах [Armitage et al., 2011; Bretzke et al., 2013]. Для этого слоя, материалы которого, по мнению исследователей, обнаруживают сходство с индустрией Восточной Африки, получены OSL-даты 127 ± 16 ; 123 ± 10 и 95 ± 13 тыс. л.н. [Armitage et al., 2011].

Следующая миграционная волна связана с переселением людей современного анатомического вида с нубийским технокомплексом ок. 115 тыс. л.н. по южному маршруту через Баб-эль-Мандебский пролив на юг Аравийского полуострова. Это документируется находками в Йемене, Омане и отдельных более северных районах Аравии. Некоторые исследователи в связи с останками анатомически современных людей в пещерах Кавзах и Схул считают, что миграционная волна из Африки в Левант была в интервале от 119 ± 18 тыс. л.н. до 81 ± 13 тыс. л.н. [Shea, 2008]. С нашей точки зрения, для этого пока нет четко обоснованных археологических подтверждений. Многие археологи и антропологи считают, что основная миграция (или миграции) людей современного вида из Афри-

ки в Евразию произошла в интервале 80–60 тыс. л.н. В этот период в Северной, Восточной и Южной Африке были распространены индустрии атер, поздненубийская и ховисонс-порт. На Ближнем Востоке, включая Аравию, местонахождения с индустриями атер и ховисонс-порт единичны и относятся к более позднему времени, чем хронологический интервал, определенный исследователями для «основного исхода» из Африки в Евразию людей современного вида.

Не отрицая стволообразующую роль *Homo sapiens africanensis* в формировании *H. sapiens*, мы считаем, что необходимы новые фундаментальные археологические и антропологические свидетельства для подтверждения моноцентристской гипотезы. Основной транзитный коридор для выхода из Африки в Евразию – Левант и Аравия. Как уже отмечалось, в Аравии четко прослеживается одна миграционная волна, связанная с ранненубийской индустрией. Для того чтобы заселить Евразию и Австралию, необходим был выход из Африки большого количества людей современного вида, они должны были оставить на Ближнем Востоке значительное число палеолитических местонахождений с соответствующей индустрией. Не прослеживается африканская индустрия этого времени и на других транзитных территориях. Археологические и антропологические исследования пока не дают убедительного подтверждения мощной миграционной волны из Африки в Австралию.

Сложная для окончательных выводов ситуация сложилась в Леванте. В настоящее время относительно палеоантропологических находок из Израиля существуют две основные точки зрения. Одни исследователи считают, что все палеоантропологические материалы представляют единую популяцию, близкую к анатомически современным людям [Kramer, Crummett, Wolpoff, 2001; Arensburg, Belfer-Cohen, 1998]; другие – относят скелетные остатки с местонахождений Табун, Амуд и Кебара к неандертальцам, а из пещер Схул и Кафзех – к ранним *H. sapiens* [Vandermeersch, 1992, 1997; Stringer, 1992, 1998; и др.].

С нашей точки зрения, нельзя исключать возможность формирования на территории Леванта популяции, близкой генетически и анатомически к людям современного вида, на основе эволюционного развития *H. erectus*, населявших эту территорию ранее 1 млн л.н. В Леванте не обнаружено местонахождений с нубийским технокомплексом. Но контакты левантийского населения с пришлым африканским с нубийской индустрией, безусловно, должны были быть, и в результате произошел интербридинг между ними, потому что автохтонное и пришлое население имело общие африканские корни. Когда вследствие похолодания в Европе неандертальцы мигрировали на юг, то на территории Леванта встретились три популяции: автохтонная, африканская с нубийской индустрией и

неандертальская. Между ними происходил дрейф генов, шел процесс ассимиляции, и уже с этой территории популяция людей современного анатомического типа с неандертальской примесью могла мигрировать в соседние регионы. Данный сценарий подтверждается, с нашей точки зрения, археологическими материалами. Люди современного вида, обитавшие в пещерах Схул и Кафzeh, не могли прийти из Северо-Восточной Африки, потому что в это время там расселялись популяции с атерской и нубийской индустриями, а в Леванте обитали гоминины с индустрией, истоки которой были в местном среднем палеолите. Свидетельством аккумуляции мигрировавших на территорию Леванта неандертальцев является тот факт, что они восприняли основные технологические приемы местного населения.

Заключение

1. Пластинчатая индустрия в Африке впервые фиксируется в формации Каптурин ок. 500 тыс. л.н. Для нее характерна техника расщепления, близкая к выделенному Э. Боэдой [Boëda, 1995] хуммалийскому объемному методу, имеющему отличия от леваллуазского и верхнепалеолитического вариантов призматического. Среднепалеолитические индустрии на юге и частично на востоке Африки подразделены на несколько стадий: MSA I, II, ховисонс-порт, MSA III и IV. На каждой из них наблюдается различная роль леваллуазского, пластинчатого (объемного) и радиального расщепления. Для ранней стадии MSA I характерно пластинчатое расщепление, в т.ч. использование пирамидальных нуклеусов верхнепалеолитического типа, для MSA II – леваллуазское и радиальное, пирамидальные нуклеусы не обнаружены. На стадии ховисонс-порт вновь широко применяется техника пластинчатого расщепления (объемные ядрища верхнепалеолитического поворотного типа с рабочим фронтом на двух или трех сторонах), появляются орудия геометрической формы, с притупленной спинкой. На следующем этапе MSA III эта техника и такие орудия исчезают, преобладает радиальное и леваллуазское расщепление. Пластинчатое расщепление верхнепалеолитического типа появляется вновь ок. 30 тыс. л.н. Таким образом, в развитии индустрии не прослеживается определенной преемственности: пластинчатая технология появляется на одном этапе и исчезает на следующем.

В среднем палеолите Северной Африки выделено несколько пластинчатых индустрий (атер, нубийская леваллуазская, ховисонс-порт и др.), которые существенно отличаются не только друг от друга, но и от технокомплексов на востоке и юге континента. В связи со средним палеолитом Северной Африки

встает вопрос о правомерности употребления термина «мустье». С нашей точки зрения, нет никаких оснований называть атерскую и нубийскую индустрии мустьерскими. Мустьерская индустрия имеет свои яркие стилистические особенности, и ее носителями были неандертальцы, которые никогда не расселялись в Африке. Технокомплексы с леваллуазским и радиальным расщеплением, если в них наблюдается похожесть остроконечников и ретуши на мустьерские, исследователи часто механически относят к мустье. Мустьерская индустрия в Европе характеризуется несколькими диагностическими критериями: наличием большого количества скребел различной модификации, оформленных на отщепках, и остроконечников, изготовленных из отщепов и специальных заготовок, которые получены леваллуазским и радиальным расщеплением. В связи с этим относить среднепалеолитические индустрии Африки, Ближнего Востока, Юго-Западной, Южной Азии к мустье нет никаких оснований.

2. В Южной, Восточной и Северной Африке происходит формирование человека современного анатомического и генетического типа в интервале 200–100 тыс. л.н. В то же время средний палеолит на Африканском континенте демонстрирует мозаичную картину, и нет последовательности в плане «продвинутых» и «архаичных» индустрий. Данный факт свидетельствует о том, что на обширной территории Африки у эректоидных форм шел эволюционный процесс в сторону сапиентации, но эти популяции имели значительные различия в материальной культуре.

3. В связи с формированием человека современного анатомического вида в Африке встает вопрос: был один центр, где сформировался *H. sapiens* и откуда в дальнейшем шло его распространение на другие территории, или несколько? Исследователи называют разные возможные центры: Субсахару, Эфиопию, Кению и т.д. Если в действительности существовал один локальный центр, то из него должен был распространяться *H. sapiens* со своей индустрией и приход его на новые территории должен был сопровождаться или замещением автохтонного населения, или ассимиляцией и аккумуляцией. Но этого в Южной, Восточной и Северной Африке не прослеживается по археологическим материалам. Следовательно, можно сделать вывод, что на африканском континенте, как и в Евразии, шел процесс сапиентации эректоидных форм и в конце среднего – первой половине верхнего плейстоцена здесь сформировался единый подвид *Homo sapiens africanensis*, популяции которого имели разные индустрии.

4. В Леванте, с нашей точки зрения, также шел эволюционный процесс сапиентации эректоидных форм. Миграция на эту территорию неандертальцев из Европы и людей современного вида с нубийской индус-

трией из Африки привела к аккультурации коренного и пришлого населения. В интервале 100–60 тыс. л.н. здесь произошел интербридинг автохтонных популяций с африканской, а затем и с европейскими неандертальцами. Видимо, в дальнейшем происходило расселение в Евразии людей современного вида, в геноме которых была примесь от неандертальцев.

Список литературы

- Ваганов Е.А., Шиятов С.Г., Агафонов Л.И., Андреев С.Г., Высоцкая Г.С., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Ноженкова Л.Ф., Николаев А.Н., Сурков А.Ю., Сидорова О.В., Шишов В.В., Хантемиров Р.М. Тенденции и периодичность изменений климата Сибири в голоцене и их влияние на динамику экосистем // Глобальные и региональные изменения климата и природной среды позднего кайнозоя в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 325–327.
- Григорьев Г.П. Палеолит Африки // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. – Л.: Наука, 1977. – С. 44–209. – (Палеолит мира: Исследования по археологии древнего каменного века).
- Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011а. – 560 с.
- Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий второй: переход от среднего к верхнему палеолиту в материковой части Восточной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011б. – № 1. – С. 2–27.
- Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий третий: переход от среднего к верхнему палеолиту в Африке и проблема заселения Евразии человеком современного антропологического типа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011в. – № 2. – С. 2–29.
- Деревянко А.П. Формирование человека современного анатомического вида и его поведения в Африке и Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011г. – № 3. – С. 2–31.
- Деревянко А.П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 132 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 236 с.
- Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2004. – 551 с.
- Ambrose S.H. Chronology of the Later Stone Age and food production in East Africa // J. of Archaeol. Sci. – 1998. – Vol. 25, N 4. – P. 377–392.
- Arensburg B., Belfer-Cohen A. Sapiens and Neanderthals: Rethinking the Levantine Middle Paleolithic hominids // Neanderthals and Modern Humans in Western Asia / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 311–322.
- Armitage S.J., Jasim S.A., Marks A.E., Parker A.G., Usik B.I., Uerpmann H.-P. The Southern route “Out of Africa”: Evidence for an Early Expansion of Modern Humans into Arabia // Science. – 2011. – Vol. 331. – P. 453–456.
- Asfaw B. A new hominid parietal from Bodo, Middle Awash Valley, Ethiopia // Am. J. of Phys. Anthropol. – 1983. – Vol. 61. – P. 387.
- Barton R.N.E., Bouzouggar A., Collcutt S.N., Schwenniger J.-L., Clark-Baizan I. OSL dating of the Aterian levels at Dar es-Soltan I (Rabat, Morocco) and implications for the dispersal of Modern *Homo sapiens* // Quaternary Science Reviews. – 2009. – Vol. 28. – P. 1914–1931.
- Bar-Yosef O., Kuhn S.L. The Big Deal about Blades: Laminar Technologies and Human Evolution // Am. Anthropol. – 1999. – Vol. 101. – P. 322–338.
- Boëda É. Levallois: a volumetric construction, methods, a technique // The Definition and Interpretation of Levallois Technology / eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 41–68. – (Monographs in World archaeology; N 23).
- Bordes F. Mousterien et Aterien // Quaternaria. – 1976–1977. – Vol. 19. – P. 19–34.
- Bräuer G., Leakey R.E. The ES-11693 cranium from Eliye Springs, West Turkana, Kenya // J. of Hum. Evol. – 1986. – Vol. 15, iss. 4 – P. 289–312.
- Bretzke K., Armitage S.I., Parker A.G., Walkington H., Uerpmann H.-P. The environmental context of Paleolithic settlement at Jebel Faya, Emirate Sharjah, UAE // Quaternary Intern. – 2013. – Vol. 300. – P. 83–93.
- Churchill S.E., Pearson O.M., Grine F.E., Trinkaus E., Holliday T.W. Morphological affinities of the proximal ulna from Klasies River main site: arhaic or modern? // J. of Hum. Evol. – 1996. – Vol. 31, iss. 3. – P. 213–237.
- Clark J.D., Heinzelin J., de, Schick K.D., Hart W.K., White T.D., WoldeGabriel G., Walter R.C., Suwa G., Asfaw B., Vrba E., Haile-Selassie Y. African *Homo erectus*: old radiometric ages and young Oldowan assemblages in the Middle Awash valley, Ethiopia // Science. – 1994. – Vol. 264. – P. 1907–1920.
- Conroy G.C., Jolly C.I., Cramer D., Kalb J.E. Newly discovered fossil hominid skull from the Afar Depression, Ethiopia // Nature. – 1978. – Vol. 275. – P. 339–406.
- Day M.H. Omo human skeletal remains // Nature. – 1969. – Vol. 222. – P. 1135–1138.
- Day M.H. The development of *Homo sapiens* // Darwin Centenary Symposium on the Origin of Man. – Rome: Accademia Nazionale dei Lincei, 1973. – P. 87–93.
- Deacon H.J. Southern Africa and modern human origins // Philosophical Transactions of the Royal Society. Ser. B. – 1992. – Vol. 337. – P. 177–183.
- Deacon H.J. Two Late Pleistocene-Holocene archaeological deposits from the southern Cape, South Africa // South African Archaeological Bull. – 1995. – Vol. 50. – P. 121–131.
- Deacon H.J., Geleijnse V.B. The stratigraphy and sedimentology of the main site sequence. Klasies River, South Africa // Archaeological Bull. – 1988. – Vol. 43. – P. 5–14.
- Debenath A., Dibble H.L. The Handbook of Paleolithic Typology. – Philadelphia: The University Museum Press, 1994. – Vol. 1: The Lower and Middle Paleolithic of Europe. – 202 p.

Debenath A., Raynal J.-P., Roche J., Texier J.-H., Ferembach C. Stratigraphie, habitat, typologie et devenir de l'Atérien marocain: données // *L'Anthropologie*. – 1986. – Vol. 90. – P. 233–246.

Deino A.L., McBrearty S. ⁴⁰Ar/³⁹Ar dating of the Kapthurin Formation, Baringo, Kenya // *J. of Hum. Evol.* – 2002. – Vol. 42, iss. 1/2. – P. 185–210.

Hublin J.-J. L'Emergence des *Homo sapiens* archaïques: Afrique du Nord-Ouest et Europe occidentale: Thèse de Doctorat d'Etat de l'Université de Bordeaux I. – Bordeaux, 1991. – 427 p.

Hublin J.-J. Recent human evolution in North Western Africa // *Philosophical Transactions of the Royal Society. Ser. B*. – 1992. – Vol. 337. – P. 185–191.

Hublin J.-J. Modern–nonmodern hominid interactions: A Mediterranean perspective // *The Geography of Neanderthals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean*. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 157–182.

Johnson C.R., McBrearty S.C. 500 000 year old blades from the Kapthurin Formation, Kenya // *J. of Hum. Evol.* – 2010. – Vol. 58, iss. 2. – P. 193–200.

Kramer A., Crummett T.L., Wolpoff M.H. Out of Africa and into the Levant: Replacement in Western Asia? // *Quaternary Intern.* – 2001. – Vol. 75, N 1. – P. 51–63.

McBrearty S. The archaeology of the Kapthurin Formation / eds. P. Andrews, P. Barham // *Late Cenozoic Environments and Hominid Evolution: a Tribute to Bill Bishop*. – L.: Geological Society, 1999. – P. 143–156.

McBrearty S., Bishop L.C., Kingston J.D. Variability in traces of Middle Pleistocene hominid behaviour in the Kapthurin Formation, Baringo, Kenya // *J. of Hum. Evol.* – 1996. – Vol. 30, iss. 6. – P. 563–580.

McBrearty S., Brooks A. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behaviour // *J. of Hum. Evol.* – 2000. – Vol. 39, iss. 5. – P. 453–563.

McBurney C.B.M. The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the South-East Mediterranean. – Cambridge: Cambridge University Press, 1967. – 387 p.

Mercier N., Valladas H., Froget L., Joron J.-L., Vermeersch P.M., Van Peer P., Moeyersons J. Thermoluminescence dating of a Middle Palaeolithic occupation at Sodmein Cave, Red Sea Mountains (Egypt) // *J. of Archaeol. Sci.* – 1999. – Vol. 26, N 11. – P. 1339–1345.

Miller G.H., Beaumont P.B., Jull A.J.T., Johnson B. Pleistocene geochronology and palaeothermometry from protein diagenesis in ostrich eggshells: implications for the evolution of modern humans // *Philosophical Transactions of the Royal Society. Ser. B*. – 1992. – Vol. 337. – P. 149–157.

Rightmire G.Ph. The human cranium from Bodo, Ethiopia: Evidence for speciation in the Middle Pleistocene? // *J. of Hum. Evol.* – 1996. – Vol. 31, iss. 1. – P. 21–39.

Rightmire G.Ph. Diversity in the Earliest “modern” populations from South Africa, Northern Africa and South-west Asia // *Humanity from African naissance to coming millennia* / eds. P.V. Tobias, M.A. Raath, J. Moggi-Cechi, G.A. Doyle. – Florence: Firenze University Press, 2001. – P. 231–236.

Rightmire G.Ph., Deacon H.J. Comparative studies of Late Pleistocene human remains from Klasies River, South Africa // *J. of Hum. Evol.* – 1991. – Vol. 20, iss. 2. – P. 131–156.

Rightmire G.P., Deacon H.J., Schwartz J.H., Tattersall I. Human foot bones from Klasies River main Site, South Africa // *J. of Hum. Evol.* – 2006. – Vol. 59, iss. 1. – P. 96–103.

Rose J.I. The Question of Upper Pleistocene Connections between East Africa and South Arabia // *Current Anthropology*. – 2004. – Vol. 45, N 4. – P. 551–555.

Rose J.I. New light on human prehistory in the Arabo-Persian Gulf oasis // *Current Anthropology*. – 2010. – Vol. 51, N 6. – P. 849–883.

Rose J.I., Marks A.E. “Out of Arabia” and the Middle-Upper Palaeolithic transition in the southern Levant // *Quartär*. – 2014. – Vol. 61. – P. 49–85.

Schwartz J.H., Tattersall I. Fossils attributed to genus *Homo*: some general notes // *The Human Fossil Record: Craniodental Morphology of Genus Homo (Africa and Asia)*. – 2005. – Vol. 2. – P. 587–603.

Shea J. Transitions or turnovers? Climatically-forced extinctions of *Homo sapiens* and Neanderthals in the East Mediterranean Levant // *Quaternary Science Reviews*. – 2008. – Vol. 27. – P. 2253–2270.

Singer R., Wymer J. The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa. – Chicago: Chicago University Press, 1982. – P. 194–199.

Soriano S., Villa P., Wadley L. Blade technology and tool forms in the Middle Stone Age of South Africa: the Howieson's Poort and post-Howieson's Poort at Rose Cottage Cave // *J. of Archaeol. Sci.* – 2007. – Vol. 34, N 5. – P. 61–87.

Straus L.G. Africa and Iberia in the Pleistocene // *Quaternary Intern.* – 2001. – Vol. 75. – P. 91–102.

Stringer C.B. Replacement, continuity and the origin of *Homo sapiens* // *Continuity of Replacement: Controversies in Homo sapiens Evolution* / eds. G. Brauer, F.H. Smith. – Rotterdam: A.A. Balkema, 1992. – P. 9–24.

Stringer C.B. Chronological and biogeographic perspectives on later human evolution // *Neanderthals and Modern Humans in Western Asia* / eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 29–37.

Trinkaus E. Early modern human // *Annual Review of Anthropology*. – 2005. – Vol. 34. – P. 207–230.

Usik V.I., Rose J.I., Hilbert Y.H., Van Peer Ph., Marks A.E. Nubian Complex reduction strategies in Dhofar, southern Oman // *Quaternary Intern.* – 2013. – Vol. 300. – P. 244–266.

Vandermeersch B. The Near Eastern hominids and the origins of Modern Humans in Euroasia // *Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusensha, 1992. – P. 29–38.

Vandermeersch B. The Near East and Europe: Continuity or discontinuity? // *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research* / eds. G.A. Clark, C.M. Willermet. – N.Y.: Aldine de Gruyter, 1997. – P. 107–116.

Van Peer Ph. The Nile corridor and the out-of-Africa model: An Examination of the Archaeological Record // *Current Anthropology*. – 1998. – Vol. 39, N S1. – P. 115–140.

Van Peer Ph., Fullagar R., Stokes S., Bailey R.M., Moeyersons J., Steenhoudt F., Geerts A., Vanderbeken T., De Papper M., Geus F. The Early to Middle Stone Age transition and the emergence of modern human behaviour at site 8-B-11, Sai Island, Sudan // *J. of Hum. Evol.* – 2003. – Vol. 45, N 2. – P. 187–193.

Van Peer Ph., Vermeersch P.M. The Place of Northeast Africa in the Early History of Modern Human: New Data and Interpretations on the Middle Stone Age // *Rethinking the Human Revolution*. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2007. – P. 187–198.

Van Peer Ph., Vermeersch P.M., Paulissen E. Chert Quarrying, Lithic Technology and a Modern Human Burial at the Palaeolithic site of Taramsa 1, Upper Egypt. – Leuven: Leuven University Press, 2010. – 312 p.

Vermeersch P.M., Paulissen E., Stokes S., Charlier C., Van Peer Ph., Stringer C.B., Lindsay W. A Middle Palaeolithic burial of a modern human at Taramsa Hill, Egypt // *Antiquity*. – 1998. – Vol. 72. – P. 475–484.

Wrinn P.J., Rink W.J. ESR dating of tooth enamel from Aterian levels at Mugharet el'Aliya (Tangier, Morocco) // *J. of Archaeol. Sci.* – 2003. – Vol. 30, N 1. – P. 127–133.

Wurz S. Exploring and Quantifying technological differences between the MSA I, MSA II and Howiesons Poort at Klasies River // *From Tools to Symbols: From Early Hominids to Modern Humans* / eds. D'Errico F., Backwell L. – Johannesburg: Witwatersrand University Press, 2005. – P. 418–440.

Материал поступил в редколлегию 23.03.15 г.

A.P. Derevianko

*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru*

BLADE AND MICROBLADE INDUSTRIES IN NORTHERN, EASTERN, AND CENTRAL ASIA

1. AFRICAN ORIGIN AND SPREAD TO THE NEAR EAST

Being the first in a series, the study addresses the place of the blade industry among those of Africa and Eurasia, its origin and evolution in southern, eastern and northern Africa. The blade technology first appeared in the Kapturin Formation some 500 ka BP. The Middle Stone Age industries of southern, eastern, and northern Africa were mostly based on the Levallois technique, which included points, blades, and flakes, and on radial flaking. In the late Middle and early Upper Pleistocene, two principal technologies, Aterian and Nubian, emerged in northern and northeastern Africa whereas the principal industries of southern and partly eastern Africa were Howieson's Poort, whose primary reduction technique was basically Upper Paleolithic, and an industry on predominantly geometric tools. Both were associated with anatomically modern humans, who migrated to Eurasia at various stages of the Upper Pleistocene.

Keywords: Kapturin Formation, Middle Stone Age (MSA I, II, III), Howieson's Poort, Aterian industry, Nubian industry.

ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ИРАНСКОГО МАКРАНА: ПЕТРОГЛИФЫ АПСЕ-ГОАЛМ И КУХБОДАНЕ-ДЖОР (РАЙОН КЕСРЕ-КЕНД)

В южной части Иранского Белуджистана недавно обнаружено много скоплений петроглифов. В статье представлены два из них, открытые в ходе полевых исследований в долине р. Каджу в районе Кесре-Кенд. Выбитые или гравированные на камне рисунки включают различные антропо- и зооморфные изображения, объединенные в охотничьи или батальные сцены. Петроглифы разновременные, их относительная хронология может быть прослежена по цвету. Точное время создания наскальных рисунков установить трудно, но на основе их стилистических особенностей сделаны некоторые приблизительные определения возраста петроглифов.

Ключевые слова: петроглифы, р. Каджу, Макран, Иранский Белуджистан.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.023-033

Введение

В 2009 г. авторами проводились рекогносцировочные археологические работы в Южном Макране (Гедросия греческих текстов), на юго-востоке Ирана. В ходе реализации программы, помимо поиска памятников по поручению Иранского центра археологических исследований, открыто несколько скоплений петроглифов, которые расположены в теснине р. Каджу (протяженность ок. 60 км), на севере района Кесре-Кенд в провинции Систан и Белуджистан (рис. 1). Ниже представлены два богатых местонахождения петроглифов – Апсе-Гоалм и Кухбодане-Джор. Памятники находятся на высоте 617–636 м над ур. м. в горных районах Чанф и Кесре-Кенд. Каждое скопление включает большое количество групп или отдельных рисунков, выбитых на темно-коричневой патинированной поверхности отвесных скал и отличающихся значительным разнообразием изображений людей, животных и геометрических фигур. Поскольку петроглифы в долине Каджу создавались на открытых скалах, они

имеют значительные повреждения. Большую роль играла не только эрозия, но и человеческая деятельность, которая может рассматриваться как разрушающий фактор (подновление или создание новых гравюр на древних петроглифах, строительство дорог).

Природные условия

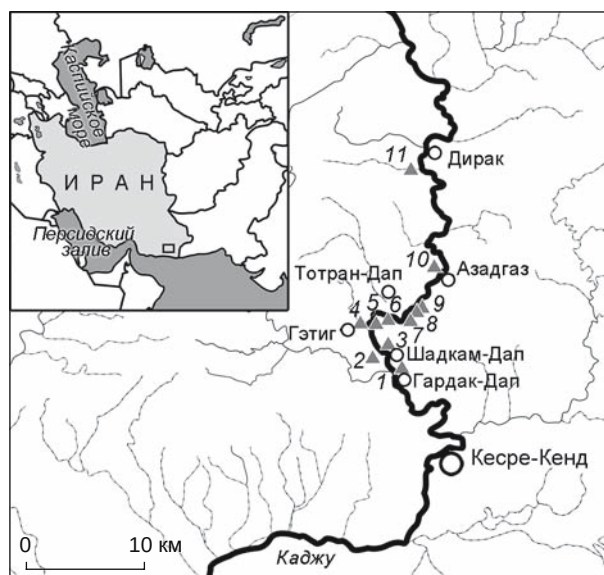
Провинция Систан и Белуджистан находится на юго-востоке Ирана и занимает площадь 181,578 км². Большая ее часть – Белуджистан – представляет собой обширные засушливые земли с очень низкой плотностью населения. Район исследований включает в себя горную долину р. Каджу, расположенную к северу от г. Кесре-Кенд. Рельеф Юго-Восточного Ирана характеризуется тесной складчатостью горных пород различного простирания. В физико-географическом плане регион формируется горной системой Загроса, включая систему хребтов, образующих внутреннюю возвышенность Макран, и прибрежные хребты

Рис. 1. Расположение скоплений петроглифов в долине Каджу, Южный Макран.

1 – Дескиган; 2 – Апсе-Гоалм; 3 – Кухбодане-Джор; 4 – Кошпад; 5 – Гэтиг-1; 6 – Гэтиг-2; 7 – Тотран-Дап-1; 8 – Тотран-Дап-2; 9 – Тотран-Дап-3; 10 – Азадгаз; 11 – Дирак.

[Fisher, 1968, p. 81]. Это наименее изученная в геологическом отношении часть Иранского плато [Falcon, 1974; McCall, 2002]. На юге районов Никшехр и Кесре-Кенд субширотно ориентированные хребты с высотой крутых гребней от 1 000 до 1 300 м сложены осадочными кайнозойскими породами. Вершины отделены друг от друга узкими глубокими долинами согласно юго-западному течению рек и их притоков. В долине Каджу складки образованы гипсами, известняками и песчаниками (разных возрастов), широко распространенными в районе Кесре-Кенд [McCall, Eftekhari-Nezhad, 1993, p. 35]. Они могут относиться к олигоцену-миоценовым свитам [McCall, 1985, p. 131].

Лето в Южном Макране чрезвычайно жаркое и засушливое. Количество осадков редко превышает 100–130 мм в год. Относительно режима осадков в регионе В.Б. Фишер отмечает: «...большая часть их, как правило, выпадает в виде сильных ливней в считанные дни с октября до апреля. Вследствие непроницаемого в целом характера скальных пород... воздействие атмосферных осадков, как правило, скоро утрачивается из-за быстрого стока; и только в сравнительно немногих районах, где рыхлые отложения распространены в более широких масштабах (или там, где накопление воды может происходить в виде линз в детритовых

отложениях), могут развиваться сельское хозяйство и поселения» [Fisher, 1968, p. 84].

В изучаемом регионе основным водным источником является р. Каджу. Она спускается тремя потоками с южных склонов гор Ахуран, Чанф и Лашар, после слияния которых течет на юг ок. 220 км, пересекая плодородные равнины района Кесре-Кенд (рис. 2). Хотя Каджу нельзя сравнить с другими главными реками на востоке Ирана, такими как Хелманде или Бемпур, бесспорно, она является самым устойчивым водотоком южной части Белуджистана. В летнее время вода течет очень слабым ручьем по дну реки,

Рис. 2. Общий вид долины Каджу в районе Кесре-Кенд.

но зимой и ранней весной сезонные дожди становятся причиной сильных наводнений, иногда вызывающих катастрофические явления.

Фауна Южного Белуджистана богата. В настоящее время здесь можно встретить таких животных, как леопард (*Panthera pardus saxicolor*), черный медведь (*Ursus thibetanus gedrosianus*), гиена (*Hyaena hyaena*), лисица (*Vulpes cana*), шакал (*Canis aureus*), дикая коза (*Capra aegagrus*), дикий баран (*Ovis orientalis*), кулан (*Equus hemionus*), болотный крокодил (*Crocodylus palustris*) и различные виды змей. Разнообразные домашние животные (крупный рогатый скот, верблюды, козы и овцы) играют важную роль в хозяйстве региона [Spooner, 1988]. Скудная флора обусловлена жарким климатом Макрана. Скалистые горы лишены растительности. Только некоторые растения нубо-синдийского типа сосредоточены в вади и на аллювиальных равнинах. Наиболее часто встречающиеся виды в долинах Южного Макрана – акация нильская (*Acacia nilotica*), каперс листопадный (*Capparis decidua*), пустынная колючка (*Lycium* sp.), прозопис (*Prosopis cineraria*), зубошечное дерево, или сальвадора персидская (*Salvadora persica*), тамарикс (*Tamarix* spp.), зизифус (*Ziziphus nummularia*), фисташка дикая (*Pistacia khinjuk*), дерево рохида (*Tecommela undulata*), фиговое дерево (*Ficus religiosa*) и пальма Мазари (*Nannorrhops ritchieana*) [Sabeti, 1994]. Регион является благоприятной зоной для выращивания зерновых культур, таких как пшеница, ячмень и рис, а также фруктовых деревьев: манго (*Mangifera indica*), лимона (*Citrus limon*), финиковых пальм (*Phoenix dactylifera*) и зизифуса колючего (*Ziziphus spina-christi*).

История исследований

Археологическое изучение наскального искусства Иранского Белуджистана является новым начинанием. Несколько скоплений петроглифов в северной части региона (округ Хаш), включавших изображения людей и животных, впервые были представлены итальянским геологом Г. Дессау [Dessau, 1960]. В настоящее время нам известны многие другие местонахождения, выявленные по всему Белуджистану (в Кветте-Зиарате, долинах Сербаз, Негаран, Каджу и области Хаш). Что касается соседних регионов, то сегодня имеется большой объем информации о наскальном искусстве северной и восточной части Ирана, Средней Азии и Индийского субконтинента [Vahdati, 2012; Jettmar, 1982; Jettmar, Thewalt, 1987; Francfort, 1991; Francfort et al., 1993; Sher et al., 1994; Sher, Legchilo, 1999; Blednova et al., 1995; Kubarev, Jacobson, 1996; Mar'jashev, Gorjachev, Potapov, 1998; Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001; Jacobson-Tepfer, Kubarev, Tseveendorj, 2006; Hasan, 1989a, b; Bruneau, 2010]. До сих пор серьезных попыток науч-

ного изучения наскальных рисунков Ирана не предпринималось. Единственным исключением являются петроглифы в районе Кесре-Кенд, которые были представлены на I конференции Международной ассоциации азиатского наследия, состоявшейся в 2011 г. в Коломбо, Шри-Ланка [Shirazi, Soltani, 2011].

Система документации

В ходе археологической разведки в долине Каджу местные жители указали нам на скопление петроглифов Апсе-Гоалм вблизи д. Шадкам-Дап. Поскольку велика вероятность нахождения в этом районе большего числа наскальных рисунков, было проведено более детальное его обследование. Двигаясь вдоль долины до селения Дирак, мы зафиксировали несколько местонахождений петроглифов на протяжении ок. 40 км (см. рис. 1). После осмотра наскальных рисунков мы выделяли разные плоскости и обозначали их, используя латинский алфавит, для удобства регистрации и фотографирования. Затем выполнялась зарисовка изображений (это была самая трудная часть работы). Хотя рисунки обычно простые, но их очень много и расположены они в довольно труднодоступных местах, что вызвало некоторые сложности. Впрочем, большинство петроглифов удалось скопировать с помощью маркера на листы прозрачного нейлона, зафиксированные на поверхности скалы. Затем изображения были отсканированы, оцифрованы и обработаны с использованием приложений CorelDraw и Adobe Photoshop. Для фиксации разнообразия цветовых оттенков, которое является результатом изменений, вызванных временем и процессами эрозии, применялось несколько методов, позволяющих представить подробности петроглифов и определить относительную хронологию изображений.

Техника исполнения наскальных рисунков

Техника резьбы является наиболее распространенным способом. Рисунки создавались, вероятно, с помощью металлического или каменного инструмента. В некоторых случаях контуры изображений проработаны узкими углублениями, созданными ударами острого инструмента, следы которого видны на петроглифах. Этот метод кажется очень древним, поскольку патина на созданных таким способом рисунках наиболее темная.

Описание скоплений

Скопление Апсе-Гоалм. Оно находится на западном берегу р. Каджу, прямо напротив д. Шадкам-Дап

(26°19,5'56" с.ш., 60°42'97" в.д.). Петроглифы высечены на коричневых отвесных скалах (рис. 3). На разных плоскостях зафиксировано ок. 80 рисунков, таких как изображения лучника, охотящегося на газель, кошачьих хищников, нападающих на газелей, сцены сражений и т.д. Животные представлены изображениями горного козла (*Capra aegagrus*), тура (*Bos primigenius*), газели (*Gazella subgutturosa*), двугорбого верблюда (*Camelus bactrianus*), зебу (*Bos indicus*), змей, собак (*Canis lupus familiaris*) и кошачьих хищников. Они показаны в покое и в движении. Люди изображены в фас, а животные – в профиль. На этом местонахождении выделены восемь плоскостей с петроглифами.

Рис. 3. Общий вид скопления петроглифов Апсе-Гоалм.

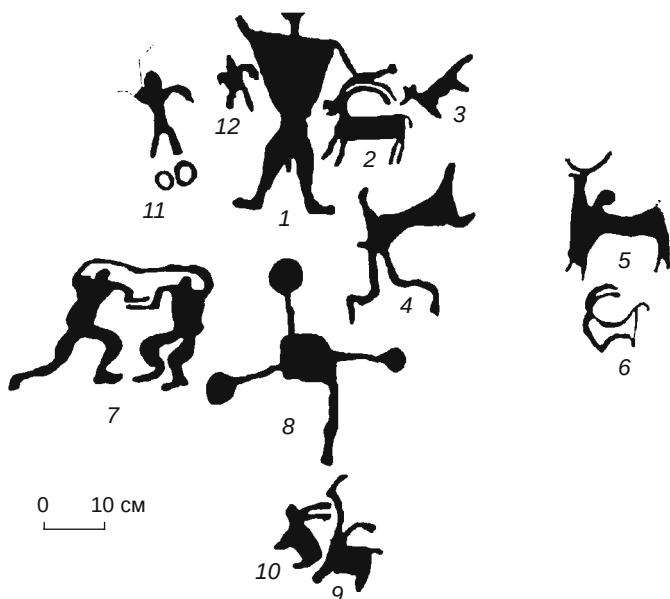

Рис. 4. Изображения людей и животных. Апсе-Гоалм, плоскость 1.

Плоскость 1. Здесь распознаются несколько изображений (рис. 4). Люди показаны обнаженными, в различных позах, в борьбе или танце. Эта сцена передает, вероятнее всего, ритуальное сражение до или после каких-то церемоний. Говоря об иконографии, можно отметить, что подобные рисунки известны в наскальном искусстве Таджикистана и Кыргызстана, например, на Саймалы-Таше, расположенном на восточном склоне Ферганского хребта [Samashev, 2001]. На плоскости выделяется одна непропорционально большая фигура человека. Следует отметить, что антропоморфные изображения в натуральную величину или более (некоторые исследователи называют их гигантами) обнаружены среди петроглифов в долине верхнего Инда в Пакистане [Francfort, 1991, p. 126–127]. Однако там фигуры «гигантов» одиночные или парные, но ни разу не встречены в сценах. Рядом с антропоморфными фигурами различаются изображения животных – зебу, собаки, горного козла и, возможно, газели.

Плоскость 2. Здесь имеется несколько антропо- и зооморфных изображений, в т.ч. змей и горных козлов. У антропоморфных фигур рогатые козлиные головы и биконические туловища, одетые в длинные тунки. Пол персонажей не ясен из-за отсутствия каких-либо признаков. Один из них держит змею в правой руке и палку в левой (рис. 5). Огромная извивающаяся змея выгравирована вверху плоскости. Похожие антропоморфные изображения зафиксированы в иранской глиптике. Человеческие фигуры с рогатой козлиной головой на печатях Западного Ирана изучались Р.-Д. Барнеттом [Barnett, 1966]. Без всякого сомнения, наиболее сопоставимые с нашими рисунками изображения можно найти на выпуклой круглой каменной печати, хранящейся в отделе древностей Западной Азии Британского музея. На ней в центре расположена козлоголовая фигура идущего человека с телом, покрытым пучками волос, обутого в тяжелые сапоги, со змеей, которая свисает с его левой руки. Вокруг нее изображены три огромные змеи с плоскими головами, а по обе стороны – два горных козла. К сожалению, точная дата печати не установлена, но по иконографическим особенностям Р.-Д. Барнетт предложил датировать ее концом IV тыс. до н.э. В.И. Сарияниди опубликовал цилиндрические печати Маргианы (Южная Туркмения) с изображением антропоморфного козлоголового «гиганта», относящиеся к бронзовому веку [Sarianidi, 1998, p. 173]. Рогатые персонажи в сочетании со змеями, которые, вероятно, указывают на их божествен-

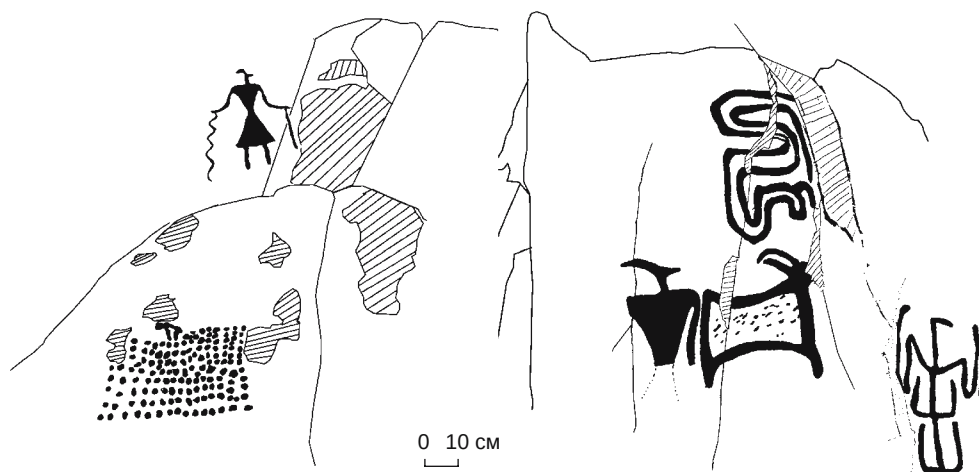

Рис. 5. Антропоморфные рогатые фигуры и изображения животных (змея и козел). Апсе-Гоалм, плоскость 2.

ные аспекты, также очень распространены в глиптике Элама III тыс. до н.э. [Amiet, 1986, fig. 113.5].

Плоскость 3. В правой части плоскости изображены два кошачьих хищника, нападающих на двух животных, вероятно, газелей. Фигуры хищников передают ощущение динамики. Их добыча также показана в прыжке или, может быть, просто убегающей. В левой части плоскости изображены зебу и козел (рис. 6).

Плоскость 4. Здесь запечатлен персонаж с предметом в руке, напоминающим флаг. На его голове, возможно, показан парик, который очень популярен в древней наскальной живописи. Рядом изображен лежащий баран или козел; верхняя часть фигуры повреждена эрозией и неразличима (рис. 7). Антропоморфное изображение очень похоже на фигуры людей на плоскости 2. Вся сцена напоминает концепцию женского божества в искусстве Центральной Азии бронзового века. В глиптике цивилизации Окса конца III – начала II тыс. до н.э. отмечается сосуществование изображений богини, козлов и змей [Benoit, 2003, fig. 262].

Плоскость 5. Представлена сцена охоты (рис. 8). Лучник показан в фас, а козел с длинными витыми рогами – в профиль. У основания плоскости запечатлен двугорбый верблюд (*Camelus bactrianus*). Изображения верблюда были найдены на огромной территории от Алтая [Мухарева, 2007] до Макрана, который может рассматриваться как южная граница ареала бактриана в древности. Письменными и изобразительными источниками Ближнего Востока конца II – I тыс. до н.э. подтверждается domestикация верблюда, широко использовавшегося рядом восточных народов [Кузьмина, 1963, с. 39]. Но в Восточном Иране, в Шахри-Сухте, кости, остатки шерсти и помета бактриана были найдены в хорошо известном археологическом контексте, датированном первой четвертью III тыс. до н.э. [Caloi et al., 1977, p. 210–211]. Два быка-тура изображены в беге. Эти рисунки очень важны, поскольку

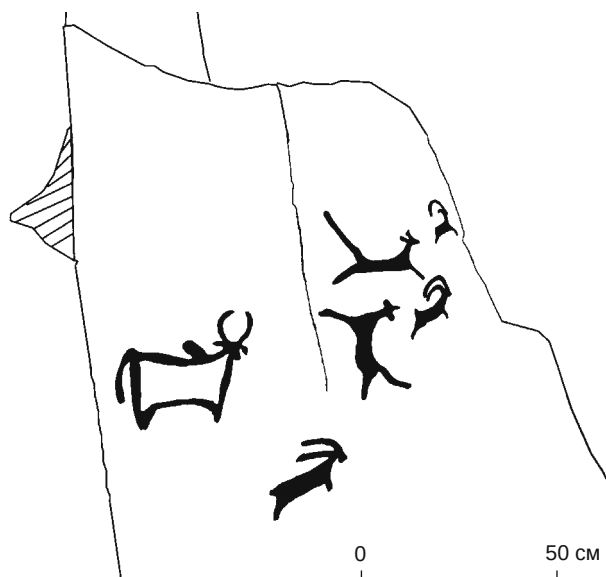

Рис. 6. Изображения животных, сцена охоты кошачьего хищника на антилоп. Апсе-Гоалм, плоскость 3.

Рис. 7. Фигуры человека и лежащего рядом козла или барана. Апсе-Гоалм, плоскость 4.

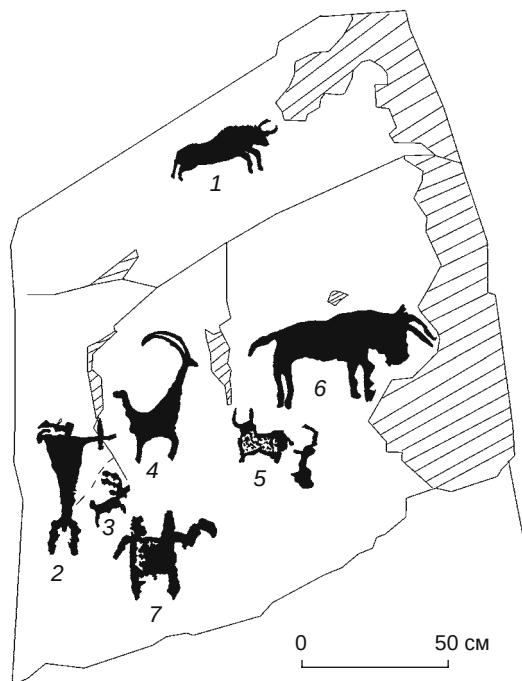

Рис. 8. Сцена охоты человека на животных (буйволы, горные козлы и верблюды). Апсе-Гоалм, плоскость 5.

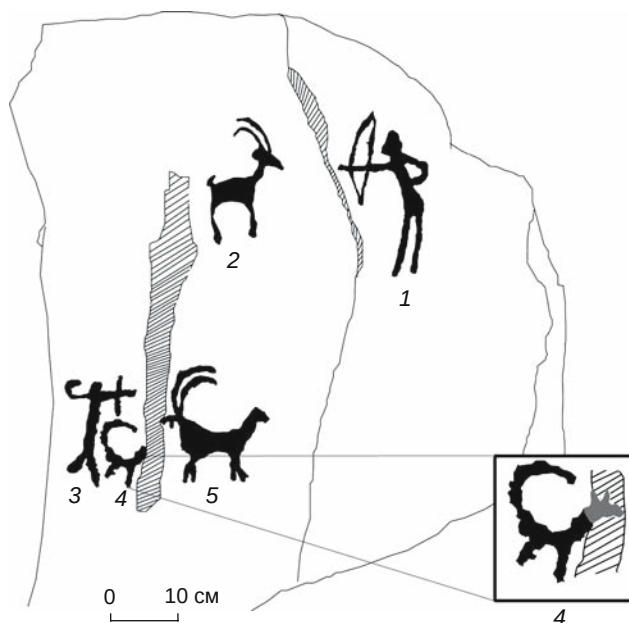

Рис. 9. Сцена охоты лучников на козлов и антилопу. Апсе-Гоалм, плоскость 6.

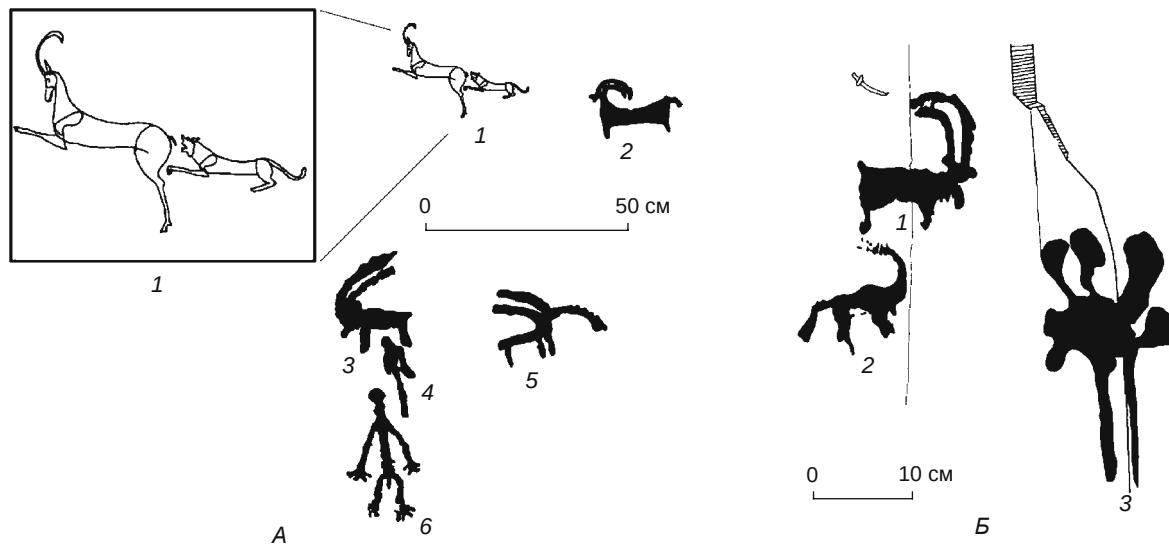

Рис. 10. Изображения человека и животных. Апсе-Гоалм, плоскости 7 (А) и 8 (Б).

средой обитания туров являлись травянистые степи, которые сегодня занимают умеренные широты.

Плоскость 6. Представлена сцена охоты двух лучников на газелей и диких коз (рис. 9).

Плоскость 7. Изображены обнаженный человек с опущенными вниз руками, два горных козла, коза и кошачий хищник, нападающий на газель (рис. 10, А).

Плоскость 8. Здесь выгравированы два горных козла с длинными изогнутыми рогами и лучистый круг (рис. 10, Б). Следует отметить три оригиналь-

ных рисунка, включая найденные на этой плоскости: изображения человека, зебу и неопределенных животных (рис. 11).

У большинства антропоморфных фигур туловище показано в виде двух треугольников. Судя по иконографии, вероятно, большая часть относится к IV тыс. до н.э. Изображение треугольного торса человека и животных весьма распространено в керамике Белуджистана и Центральной Азии этого времени [Mehrgarh fields reports..., 1995, p. 149, 393]. Аналогичные рисунки были обнару-

жены на керамике из Арисмана на Центральном Иранском плато [Vatandoust, Parzinger, Helwing, 2011], Тогау в округе Калат в Западном Пакистане (рис. 12, 2) [De Cardi, 1959, 1965] и Мергарха в долине Кветта в Северном Белуджистане (с изображением танцующих фигур; рис. 12, 3) [Mehrgarh fields reports..., 1995, р. 149, 393]. Подобные антропоморфные фигуры в акробатической позе (рис. 12, 4) представлены на фрагменте керамики из Мергарха (MR2), относящемся к периоду III (ок. 4000–3500 гг. до н.э.). Традиция изображения человеческого туловища в форме треугольника не ограничивается керамикой. В той же манере выполнены многие миниатюрные терракотовые или каменные антропоморфные фигурки этого периода. В Улуг-депе в Туркмении найдена гипсовая фигурка человека с почти треугольным корпусом [Lecomte et al., 2002].

Скопление Кухбодане-Джор. На восточном берегу р. Каджу, в самой узкой части долины, между селениями Шадкам-Дап и Гардак-Дап (26°20,4'38" с.ш., 60°41,4'51" в.д.) находится скала пирамидальной формы, покрытая петроглифами (рис. 13). В общей сложности здесь насчитывается 70 рисунков, разделенных на группы, с такими сценами, как человек, управляющий лошастью, человек верхом на верблюде, стада диких коз, а также множеством отдельных изображений козлов, верблюдов, лошадей и геометрических фигур. Техника выбивки не отличается качеством в сравнении с петроглифами скопления Апсе-Гоалм. Животные изображены в статичных позах. Они показаны в профиль, а люди – анфас.

Плоскость 1. В эту группу входят изображения людей и животных (рис. 14). Один рисунок очень ценен для датировки петроглифов: человек управляет животным (вероятно, лошастью), удерживая его за морду. В левой части сцены представлены фигуры неопределенных животных и горных козлов. Ранние изображения лошади зафиксированы в мобильном искусстве и петроглифах Внутренней Азии и Иранского плато, от Алтая до Белуджистана. Как отметил А.-П. Франкфор, «являясь долгое время объектом охоты, лошадь стала основным ездовым и домашним животным, хорошо знакомым кочевым народам с I тыс. до н.э. и до наших дней... В железном веке, именуемом также эпохой ранних кочевников, конные всадники часто присутствуют в сценах загонной охоты на огромном количестве скальных поверхностей. Почти всегда охотник, всадник, целится из лука в дичь, которую он преследует со своими собаками» [Francfort, 2011, с. 54].

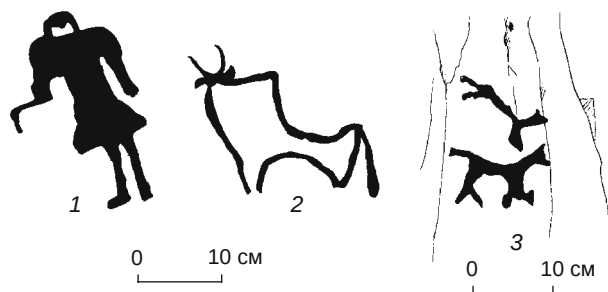

Рис. 11. Одиночные фигуры человека и животных. Апсе-Гоалм, плоскость 8.

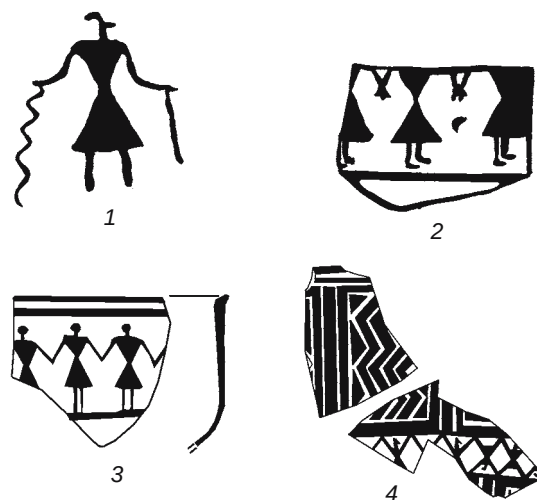

Рис. 12. Изображения людей.

1 – петроглифы Апсе-Гоалм, плоскость 1; 2 – фрагмент керамики из Тогау, округ Калат, Западный Пакистан (по: [De Cardi, 1959, fig. 3]); 3, 4 – фрагменты керамики из Мергарха, долина Кветта (по: [Mehrgarh fields reports..., 1995]).

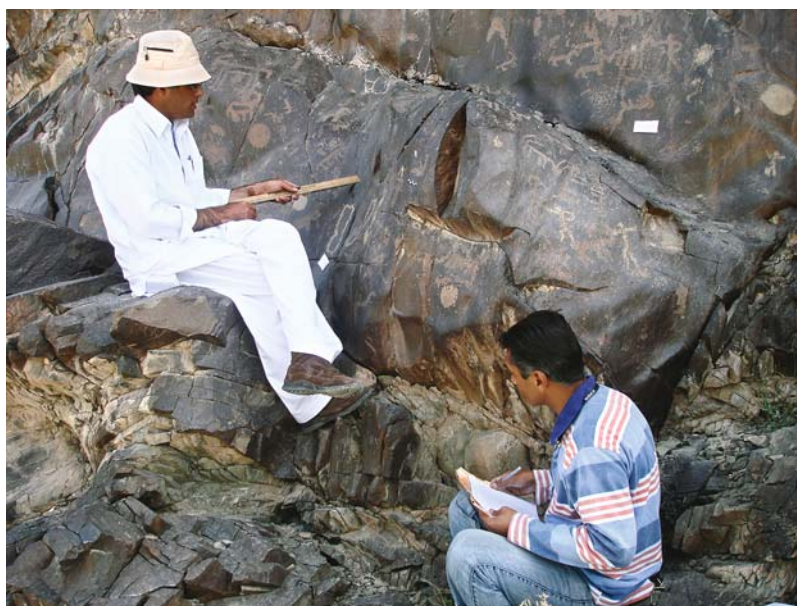

Рис. 13. Общий вид скопления Кухбодане-Джор.

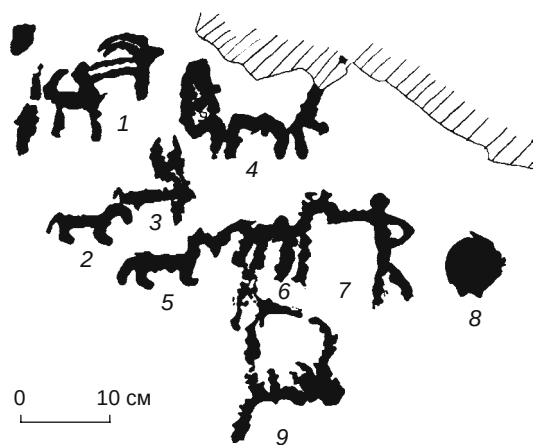

Рис. 14. Изображения человека и животных. Кухбодане-Джор, плоскость 1.

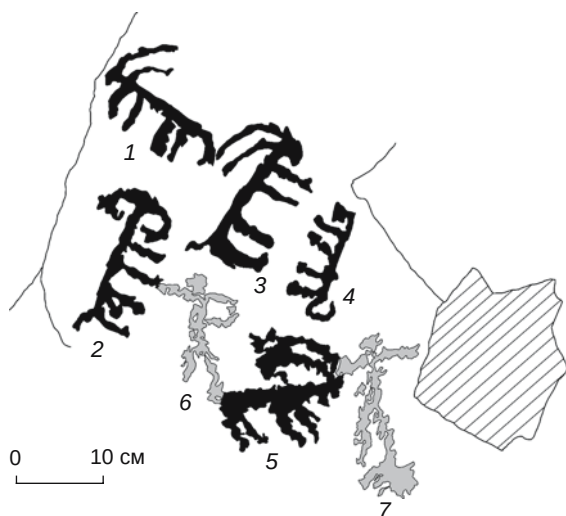

Рис. 15. Изображения людей и козлов. Кухбодане-Джор, плоскость 2.

Рис. 16. Изображения людей и разнообразных животных. Кухбодане-Джор, плоскость 3.

Распространение одомашненной лошади в Иране соотносится с индоарийскими народами железного века. Археологические находки подтверждают ее присутствие на севере Ирана в конце II тыс. до н.э. Е. Негахбаном в Марлике обнаружены три захоронения лошадей (погребения 49, 51 и 53) с большим количеством предметов конской упряжи [Negahban, 1996, p. 305]. Самые ранние изображения лошадей зафиксированы на керамических сосудах из некрополя железного века Тепе-Сиалк (Сиалк VI) возле Кашана в центре Иранского плато, датируемых I тыс. до н.э. [Ghirshman, 1938]. В Белуджистане они известны на керамике из Лондо и Гушанак в округе Калат [De Cardi, 1951, fig. 1, 2, 8]. На этих рисунках представлены укрощенные одомашненные лошади с всадниками. Сходные изображения были ранее обнаружены в пещере Мир-Малас в Луристане и относятся к железному веку [McBurney, 1969]. Такая же датировка может быть предложена для рассматриваемых петроглифов.

Плоскость 2. Здесь находятся изображения людей и горных козлов. Но они неодновременные, т.к. патина имеет различные оттенки. Думается, что антропоморфные изображения моложе, поскольку они светлее (рис. 15). Техника выбивки грубее по сравнению с рисунками скопления Апсе-Гоалм.

Плоскость 3. Это самая насыщенная изображениями различных животных плоскость. Среди них различаются лошади, верблюды-бактрианы, горные козлы, козы, зебу и собаки. Представлены два антропоморфных изображения: один человек стоит перед зебу, другой едет верхом на верблюде (рис. 16). Зебу показаны с прямоугольными туловищами, как и другие животные в обоих скоплениях петроглифов. В средней части плоскости выбиты два круга, а в левом нижнем углу – контурное изображение отпечатков подошв.

Обсуждение

Петроглифы в районе Кесре-Кенд благодаря их большому разнообразию имеют немалую ценность и важны для дополнения общего представления о древних культурах Юго-Восточного Ирана. Наскальные рисунки стилистически неоднородны, что обусловлено их разновременностью, и отражают культурные особенности разных эпох. Влияние окружающей среды на возникновение и эволюционное развитие мотивов петроглифов вполне очевидно. Изображения животных сопоставимы с местными видами фауны Белуджистана. Стилистически петроглифы Южного Макрана представляют широкий круг различных изображений, включая почти условные фигуры. Как правило, рисунки с темной патиной натуралистичны, в то время как более поздние (патина светлее) весьма абстрактны и обычно выполнены в технике выбивки и процарапывания.

Датировка петроглифов является наиболее трудной задачей. Общепринятые в археологии методы датирования (например, стратиграфический, физический, химический и др.) либо совершенно неприменимы, либо могут быть использованы в ограниченных случаях. Трудности также связаны с недостаточностью археологических раскопок и отсутствием целостной публикации петроглифов Белуджистана. Тем не менее точная идентификация и классификация изображений, а также строгий анализ их стиля смогут помочь разработать полную типологию рисунков и, в конечном счете, облегчить их датировку.

Судя по наличию изображений вымерших видов фауны, таких как зубр, создание петроглифов в этом горном районе началось очень рано. Однако следует отметить, что датировка одного изображения не может распространяться на все рисунки на плоскости, поскольку скалы на протяжении веков играли роль художественного полотна, рождающего образы, идеи и концепции.

Традиционный подход к датированию петроглифов предполагает сравнение с изобразительными материалами других, более или менее хорошо датированных памятников наскального искусства либо иных археологических объектов [Sher et al., 1994]. Сопоставление наших данных с теми, что были собраны в Южной Сибири, Центральной Азии, Северном Хорасане и Пакистане, демонстрирует определенную степень сходства [Vahdati, 2012; Jettmar, Thewalt, 1987]. Сравнение идентифицированных изображений нашего собрания с аналогичными рисунками на керамических сосудах III тыс. до н.э. также показывает их единообразие (рис. 17). На многих исследованных памятниках Иранского и Пакистанского Макрана зафиксировано обилие изображений быков и козлов на керамике. В некоторых случаях они имеют те же стилистические особенности, что и на петроглифах. Сле-

Рис. 17. Сравнение изображений зебу с подобными рисунками на керамических сосудах и индских печатях III тыс. до н.э.

1 – петроглифы Кесре-Кенд; 2 – хлоритовый сосуд, Шахдад (по: [Nakemi, 1997, P. 230]); 3 – кувшин, долина Дашт, Пакистанский Макран, Мири-Калат (по: [Didier, 2013, fig. 86]); 4, 6 – хлоритовые сосуд и кувшин, Джирофт (по: [Majidzadeh, 2003]); 5 – кувшин типа Кулли, Пакистанский Белуджистан (по: [Sajjadi, 2008]); 7 – печать, долина Инда, Мохенджо-Даро (по: [Les cités oubliées..., 1989, fig. 215]); 8 – фрагменты керамики, долина Кветта (по: [Fairservis, 1956, p. 308]).

довательно, это можно принять за основу для относительной датировки наскальных рисунков Южного Макрана. Общий анализ изображений обнаруживает различные стили и техники, которые могут быть отнесены к разным хронологическим периодам. Основываясь на технике исполнения, стиле и сопоставлении оттенков патины петроглифов, мы можем предполо-

жить, что древнейшие изображения нашего корпуса относятся к бронзовому веку. Однако создание наскальных рисунков не прекратилось в древности, а продолжалось вплоть до недавнего времени.

Выводы

В ходе археологических изысканий в Макране были выявлены скопления петроглифов Апсе-Гоалм и Кухбодане-Джор. Анализ рисунков показывает, что памятники такого рода относятся к числу наиболее ценных в Белуджистане и что район Кесре-Кенд перспективен для изучения различных аспектов наскального искусства региона. Ранние изображения выполнены в более реалистичном стиле по сравнению с поздними. Сопоставляя петроглифы Апсе-Гоалм и Кухбодане-Джор, мы можем заключить, что первые более древние. Сравнение с рисунками на керамике и другими археологическими находками дает основание отнести скопление Апсе-Гоалм к раннему периоду эпохи бронзы (начало III тыс. до н.э.), а Кухбодане-Джор – к позднему или к железному веку. Завершение исследования всего региона позволит получить полное представление о наскальном искусстве Белуджистана и его хронологии.

Благодарности

Выражаем благодарность А.-П. Франкфору, Л. Бруно и Д. Черемисину за их полезные советы. Мы также признательны Д.А. Уобертону за замечания по английскому тексту статьи.

Список литературы

- Кузьмина Е.Е.** Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. – 1963. – № 2. – С. 38–46.
- Мухарева А.Н.** Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 102–109.
- Amiet P.** L'âge des échanges inter-iraniens, 3500–1700 avant J.-C. – P.: Éditions de la Réunion des Musées Nationaux, 1986. – 332 p. – (Notes et Documents des Musées de France; N 11).
- Barnett R.-D.** Homme masqué ou dieu-ibex? // Syria. – 1966. – Vol. 43. – P. 259–276.
- Benoit A.** Compartmented Stamp Seal with a Goddess Seated on a Dragon // Art of the First Cities : the Third Millennium from the Mediterranean to the Indus. – N. Y.: Metropolitan Museum of Art Publication, 2003. – P. 370–371.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J.A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P.** Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–IV (Russie, Khakassie). – P.: De Boccard, 1995. – 154 p. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie centrale; fasc. 2). – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale; vol. 2).
- Bruneau L.** Le Ladakh (état de Jammu et Cachemire, Inde) de l'âge du Bronze à l'introduction du Bouddhisme: une étude de l'art rupestre: thèse de Doctorat de l'Université Paris 1, Panthéon-Sorbonne. – P., 2010. – 987 p.
- Caloi L., Cassoli P., Compagnoni B., Costantini L., Durante S., Tortonese S.** Le piante e gli animali nella vita della città // La città bruciata del deserto salato. – Venezia: Erizzio, 1977. – P. 159–224.
- De Cardi B.** A new prehistoric ware from Baluchistan // Iraq. – 1951. – Vol. 13. – P. 63–75.
- De Cardi B.** New wares and fresh problems from Baluchistan // Antiquity. – 1959. – Vol. 33. – P. 15–24.
- De Cardi B.** Excavations and reconnaissance in Kalat, West Pakistan: The prehistoric sequence in the Surab region // Pakistan Archaeology. – 1965. – Vol. 2. – P. 86–182.
- Dessau G.** Rock engravings (graffiti) from Iranian Baluchistan // East and West. – 1960. – Vol. 11, N 4. – P. 258–266.
- Didier A.** La production ceramique du Makran (Pakistan) à l'âge du Bronze ancien: Contribution à l'étude des peuplements des régions indo-iraniennes. – P.: De Boccard, 2013. – 376 p. – (Mémoires des Missions Archéologiques Françaises en Asie Centrale et en Asie Moyenne; t. XIV).
- Fairservis W.A.** Excavation in the Quetta Valley, West Pakistan. – N. Y.: Am. Museum of Natural History, 1956. – 232 p. – (Anthropol. Papers of the Am. Museum of Natural History; vol. 45, pt. 2).
- Falcon N.L.** An Outline of the Geology of the Iranian Makran // Geogr. J. – 1974. – Vol. 140, N 2. – P. 284–291.
- Fisher W.B.** The Cambridge History of Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. – Vol. 1: The Land of Iran. – 800 p.
- Francfort H.-P.** Note on some Bronze Age petroglyphs of upper Indus and Central Asia // Pakistan Archaeology. – 1991. – Vol. 26. – P. 125–135.
- Francfort H.-P.** Some aspects of horse representation in the petroglyphs of Inner Asia from the earliest periods to the 1st millennium BCE // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2011. – Вып. 25: Сб. науч. тр., посвящ. 80-летию со дня рождения Якова Абрамовича Шера. – С. 54–64.
- Francfort H.-P., Sacchi D., Sher J.A., Soleilhavoup F., Vidal P.** Art rupestre du bassin de Minusinsk: nouvelles recherches françaises // Arts Asiatiques. – 1993. – Vol. 48. – P. 5–52.
- Ghirshman R.** Fouilles de Sialk pres de Kashan. – P.: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1938. – 152 p.
- Hakemi A.** Shahdad: Archaeological excavations of a Bronze Age center in Iran. – Roma: IsIAO, 1997. – 723 p.
- Hasan M.U.** Rock Carvings of Northern Baluchistan: An Introduction // Newsletter of Baluchistan Studies. – 1989a. – Vol. 6. – P. 37–78.
- Hasan M.U.** Ras-Koh: a crossroad of ancient civilizations // South Asian Archaeology 1985. – L.: Curzon Press, 1989b. – P. 189–195.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D.** Mongolie du nord-ouest, Tsagaan Salaa / Baga Oigor. – P.: De Boccard, 2001. – 132 p., 346 taf., 399 pt. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie centrale; fasc. 6). – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale; vol. 5).
- Jacobson-Tepfer E., Kubarev V., Tseveendorj D.** Mongolie du nord-ouest: Haut Tsagaan Gol. – P.: De Boccard,

2006. – 444 p., 380 pl. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie centrale; fasc. 7). – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale; vol. 7).

Jettmar K. Petroglyphs and early history of the upper Indus Valley: the 1981 expedition, a preliminary report // Zentralasiatische Studien. – 1982. – Vol. 16. – P. 293–308.

Jettmar K., Thewalt V. Between Gandhara and the Silk roads: Rock-carvings along the Karakorum Highway. – Mainz: Verl. Philipp von Zabern, 1987. – 60 p.

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altaï). – P.: De Boccard, 1996. – 256 p. – (Repertoire des pétroglyphes d'Asie centrale; fasc. 3). – (Memoires de la Mission Archeologique Francaise en Asie centrale; vol. 3).

Lecomte O., Francfort H.-P., Boucharlat R., Mamedow M. Recherches archeologiques recentes a Ulug Depe (Turkmenistan) // Paleorient. – 2002. – Vol. 28, N 2. – P. 123–132.

Les cités oubliées de l'Indus (Archéologie du Pakistan) / ed. by J.-F. Jarrige. – P.: Musée National des Arts Asiatiques, Guimet, 1989. – 208 p.

Majidzadeh Y. Jiroft: the Earliest Oriental Civilization. – Teheran: Cultural Heritage Organization Research Center, 2003. – 218 p.

Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A., Potapov S.A. Kazakhstan 1: Choix de pétroglyphes du Semirech'e. – P.: De Boccard, 1998. – 380 p. – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 5). – (Memoires de la Mission Archeologique Francaise en Asie centrale, vol. 5).

McBurney C. Gozaresh-e Moghadamati Barresi va Haffari dar Gharhay Kuhdasht-e Lorestan Baray Tae'in Tarikhe Naghashihay Pishaztarikhi Lorestan (in Persian) // Bastanshenasi va Honar-e Iran. – 1969. – Vol. 3. – P. 14–16.

McCall G.J.H. A summary of the geology of the Iranian Makran // Geological Society of London: Special publications. – 2002. – Vol. 195. – P. 147–204.

McCall G.J.H. Area Report: East Iran project: area no. 1 (North Makran and south Baluchistan). – Teheran: Geological Survey of Iran, 1985. – 634 p.

McCall G.J.H., Eftekhari-Nezhad J. Explanatory text of the Nikshahr: Quadrangle map 1 : 250 000, east Iran project. – Teheran: Geological Survey of Iran, 1993. – 301 p.

Mehrgarh field reports 1974–1985: From Neolithic times to the Indus civilization / eds. C. Jarrige, J.-F. Jarrige, R. Meadow, G. Quivron. – Karachi: Department of Culture and Tourism, Government of Sindh, 1995. – XIII, 688 p.

Negahban E. Marlik: The complete excavation report. – Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology, 1996. – 408 p.

Sabeti H. Forests, trees and shrubs of Iran. – Yazd: Yazd University Press, 1994. – 874 p.

Sajjadi S.M.S. Indian sub-continental civilization. – Tehran: SAMT, 2008. – 361 p.

Samashev Z. S. Petroglyphs of Kazakhstan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: Int. Institute for Central Asian Studies Samarkand, 2001. – P. 151–219.

Sarianidi V.I. Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. – M.: Pentaglyphic, 1998. – 335 p.: ill.

Sher J., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Sibérie du Sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). – P.: De Boccard, 1994. – 59 p. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 1). – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale; vol. 1).

Sher J., Legchilo N. Sibérie du sud 4: Cheremushny Log, Ust'-Kulog. – P.: De Boccard, 1999. – 103 p. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 4). – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; vol. 4).

Shirazi R., Soltani M. Qasr-e Qand Petroglyphs: New Finds of Rock Arts in Iranian Baluchistan // First Conference of the International Association for Asian Heritage (IAAH) held on 7th–8th April 2011, Colombo, Sri Lanka: abstract volume. – Colombo, 2011. – P. 150.

Spooner B. Baluchistan // Encyclopedia Iranica. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1988. – Vol. 3, fasc. 6. – P. 598–632.

Vahdati A. A Preliminary Report on a newly discovered Petroglyphic Complex near Jorbat, the Plain of Jajarm, North-eastern Iran // Paleorient. – 2012. – Vol. 37, N 2. – P. 177–187.

Vatandoust A., Parzinger H., Helwing B. Early mining and metallurgy on the western central Iranian Plateau. – Mainz: Verl. Philipp von Zabern, 2011. – 728 p.

*Материал поступил в редколлегию 24.01.14 г.
в окончательном варианте – 30.01.14 г.*

R. Shirazi, M. Soltani

University of Sistan and Baluchestan,

Daneshgah Blvd., 98135-655, Zahedan, Islamic Republic of Iran

E-mail: rouhollah.shirazi@lihu.usb.ac.ir; mj.soltani63@gmail.com

THE EVIDENCE OF ROCK ART IN IRANIAN MAKRAN: APS-E GOALM AND KOUHBODAN-E JOR PETROGLYPHS, QASR-E QAND

Numerous petroglyphic assemblages have been recently discovered in the southern part of Iranian Baluchistan. This article introduces two petroglyphic assemblages discovered during a field survey in the Kajou Valley, Qasr-e Qand District. Petroglyphs were made by incision or abrasion. Various human, animal, and geometric motifs are grouped in hunting or combat scenes. Chronologically, they are not contemporaneous and a stratigraphy of motifs can be traced according to color of the petroglyphs. It is extremely difficult to specify any exact date, but some estimates have been made based on their stylistic features.

Keywords: Petroglyphs, Kajou River, Makran, Iranian Baluchistan.

УДК 903.59

С.Н. Корневский¹, М.Б. Медникова¹, В.В. Бочковой²¹Институт археологии РАН

ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия

E-mail: skorenevskiy@yandex.ru; medma_pa@mail.ru

²Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350058, Россия

E-mail: meot@mail.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАЗНООБРАЗИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ*

Статья посвящена описанию двух захоронений человеческих останков на поселении Чекон-2 майкопско-новосвободненской общности. С помощью рентгенофлуоресцентного анализа установлено, что внутренняя поверхность свода черепа одного скелета была окрашена киноварью. Погребения на поселении Чекон-2, скорее всего, связаны с жертвенными захоронениями на специально отведенном для этого месте.

Ключевые слова: погребальный обряд, биоархеология, палеопатология, обращение с телом умершего, рентгенофлуоресцентный анализ, применение киновари.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.034-042

Введение

Погребальные обряды майкопско-новосвободненской общности (МНО), как известно, отличались разнообразием [Мунчаев, 1975; Корневский, 2004]. Для них особенно показательна традиция захоронения в курганах, однако не исключена возможность бескурганного погребения [Корневский, 2004], но доказательств этого до сих пор не было. Сейчас ситуация изменилась в связи с последними археологическими исследованиями. Междисциплинарный подход и применение современных высокотехнологических методов открывают новые перспективы в изучении скелетных останков человека, даже фрагментарных.

В настоящей публикации приводятся данные о двух грунтовых захоронениях в слое поселения Чекон-2, относящегося к кругу памятников МНО. Было проведено комплексное исследование фрагментарных челове-

ских останков, в т.ч. с применением цифровой микрофокусной рентгенографии и рентгенофлуоресцентного анализа. При контекстуальном рассмотрении этих находок мы опирались на архивные материалы.

Данные археологического источника

Поселение Чекон-2 было раскопано В.В. Бочковым в 2011 г. [2013]. Расположенное к северо-западу от ст. Чекон Анапского р-на Краснодарского края, оно попало в зону строительства железной дороги. В итоге узкой полосой вдоль современного железнодорожного полотна была вскрыта площадь 1 050 м² до материка. Толщина культурного слоя колеблется от 20 (на периферии) до 80 см (в центральной части). Обнаружено 69 хозяйственных ям, три полуземлянки-жилища, 24 комплекса с остатками каменных выкладок, развалами сосудов, скоплениями глиняной обмазки и керамики.

Раскоп длиной 150 м и шириной 5 м, заложенный вдоль железнодорожного полотна, был разделен на 30 квадратов 5 × 5 м, между которыми оставлены бровки

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 13-06-00792А и 15-06-02098) и РГНФ (проект № 14-01-00005).

толщиной 20 см. Дно квадратов зачищалось на каждом 20-сантиметровом уровне. Однако пятна ям стали заметны только после выхода на материк (глина). Ямы получили порядковые номера. Находки фиксировались по каждому объекту отдельно, а также по уровням (20 см). Все промеры велись от принятого репер-центра – основания опоры ЛЭП.

Стратиграфия дана по разрезу траншеи длиной 143 м. В центре глубина раскопа 130–135 см, на концах – 70–100 см. Пахотный слой имеет мощность 15–45 см. Культурный слой серо-коричневого цвета прослежен по всей длине раскопа. Его толщина в центральной части 55–80 см, на концах траншеи – 20–40 см. Светло-коричневый предматериковый суглинок мощностью 10–30 см залегал под культурным слоем по всей длине разреза. Материк – глина-белоглазка желто-коричневого цвета, фиксировался на глубине 100–130 см в центре, 67 – на северо-северо-восточном конце траншеи, 90 см – на юго-юго-западном. Перепад глубин залегания материка зависит от наклона древней поверхности.

На поселении найдено более 13 тыс. фрагментов керамики, каменные зернотерки (растиральники), кремневые отщепы, пластины, нуклеусы, вкладыши серпов, флажковидный наконечник стрелы псекупского типа, каменные топоры, тесла, терочки, проколки, ложила, костяная булавка, подвеска из клыка животного, пряслица и керамическая печать. Особо показательны глиняные конусы со шляпкой [Бочковой и др., 2013, с. 7, рис. 3]. Набор находок в целом обычен для памятников МНО, но имеет свою специфику. Так, здесь есть обломки каменных топоров со втулкой и плоских тесел, а также костяные ударные орудия со втулкой. Ранее на поселениях МНО такие вещи не встречались.

Керамическая коллекция с поселения включает сосуды, изготовленные из теста охристого цвета без минеральных примесей и с минеральными искусственными добавками (много включений черного цвета и часто заметны фрагменты ракушек). Специально под микроскопом по методу А.А. Бобринского керамика еще не изучалась. Предварительная информация о ней дана А.Д. Резепкиным в публикации об этом памятнике коллектива авторов [Там же, с. 5–18]. Среди керамики без минеральных примесей в тесте очевидны типы посуды высокого класса майкопско-новосвободненской общности. Представлены сосуды с круглым дном. Не исключена возможность наличия и плоскодонной посуды, в т.ч. т.н. лепных тюльпановидных сосудов с искусственными минеральными примесями в тесте. Полые глиняные конусы с грибовидной шляпкой позволяют отнести поселение Чекон-2 к памятникам псекупского варианта МНО [Корневский, 2004, с. 53–54], которые в последние годы стали в большом количестве открываться в причерноморской зоне Западного Предкавказья.

Далее перейдем непосредственно к описанию места обнаружения человеческих останков на поселении, которые В.В. Бочковой, согласно археологической традиции, назвал погребениями, но их статус может быть определен только в процессе последующего изучения.

Погребение 1 обнаружено в кв. 29. Оно парное. Скелет 1 зафиксирован на глубине –57 (кости ног)... –66 (череп) см, скелет 2 – соответственно –63... –56 см. Костные останки залежали в гумусированном суглинке серо-коричневого цвета (выше материка), т.е. в культурном слое. Судя по полевой документации и фотофиксации [Бочковой, 2013], скелет 1 взрослого человека сохранился в разрозненном состоянии и фрагментарно. Череп находился в положении на левом виске. Судя по всему, его лицевая часть могла быть обращена на восток. Рядом лежали плечевая и локтевая кости левой руки в сочленении, причем плечевая частично располагалась поверх черепа. Такая позиция отражает положение отдельно помещенной руки, согнутой в локте под острым углом, и позволяет полагать, что анатомический порядок скелета был нарушен. Из-под локтевой кости выступал череп человека из погр. 2, находясь

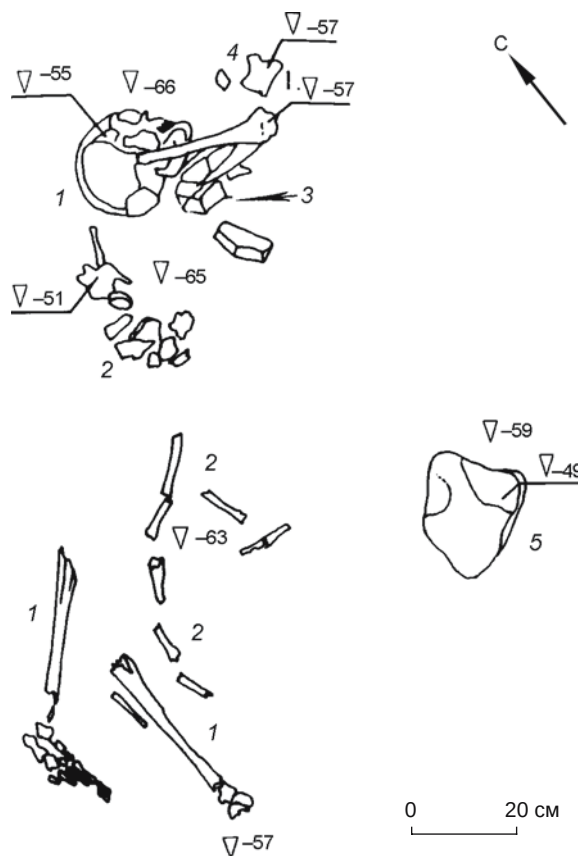

Рис. 1. План погребения 1 на поселении Чекон-2.
1 – кости скелета 1; 2 – кости скелета 2; 3 – череп захороненного ниже ребенка из погр. 2; 4 – щиток осетра; 5 – камень.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты поселения Чекон-2*

Описание образцов	Шифр	¹⁴ С-дата, л.н.	Калиброванные значения, гг. до н.э.	
			Разные показатели вероятности	Вероятность 68 %
Кости КРС** из ямы 55, кв. 23, раскоп 1, II уровень расчистки	ИГАН-4242	4 420 ± 70	3348–3264 3244–3102	3311–2918
Крупные кости лошади из ямы 55, кв. 23, раскоп 1, I уровень расчистки	ИГАН-4243	4 510 ± 60	3500–3431 3380–3327	3355–3095
Кости КРС из ямы 2, полуземлянка 54, раскоп 1, II уровень расчистки	ИГАН-4256	4 810 ± 90	3695–3516 3398–3384	3660–3469

*Составлено по: [Гей, Зазовская, 2013].

**Крупный рогатый скот.

Для поселения Чекон-2 получено несколько радиоуглеродных дат [Гей, Зазовская, 2013] (табл. 1). А.Н. Гей и Э.П. Зазовская предлагают датировать памятник 37–32 вв. до н.э. Однако с учетом крайнего значения нижней границы интервала 2918 г. до н.э. диапазон немного шире – 37–30 вв. до н.э.

Даты рассматриваемых погребений, полученные по костям захороненных людей, таковы:

погр. 1 (скелет 1) – 4 410 ± 90 л.н. (Ki-18074), калиброванные значения: 3398–2911 гг. до н.э., или 34–30 вв. до н.э.

погр. 2 – 4 690 ± 110 л.н. (Ki-18075), калиброванные значения: 3637–3357 гг. до н.э., или 37–34 вв. до н.э.

Скелетные останки по данным палеопатологии

Палеоантропологические находки с поселения Чекон-2 были обследованы в лаборатории группы физической антропологии Института археологии РАН. К сожалению, хотя при раскопках обнаружены останки трех человек, для последующего изучения были отобраны два скелета – взрослого из погр. 1 и ребенка из погр. 2.

Останки индивидуума 1 (погр. 1) представлены фрагментами свода черепа (лобной, теменных, височных, затылочной костей), центральной частью тела нижней челюсти, первым шейным позвонком, разрушенным зубовидным отростком второго шейного позвонка, коренными зубами, единственным фрагментом лицевого скелета, окаймлявшим нижний внешний квадрант правой глазницы, лопаткой, разрушенными плечевыми, лучевыми, локтевыми, большеберцовыми костями и костями стопы (парные таранные, пяточные, плюсневые).

Пол погребенного мужской, возраст *adultus* 2 (30–39 лет). Характерной особенностью свода че-

репа является массивность за счет расширения губчатого слоя.

Можно констатировать отсутствие патологических проявлений на своде. Например, кривозубные изменения, сопряженные с развитием анемии (*cribra orbitalia*), на внутренней поверхности глазниц не выражены. Имеются лишь неглубокие пальцевидные вдавления на эндокраниальной поверхности теменной кости, которые можно соотнести с последствиями повышенного внутричерепного давления (рис. 3). На двух молярах верхней челюсти хорошо заметен пришеечный зубной камень. На трех изолированных зубах нижней челюсти выявлен кариес в нижней части коронки. На самой мандибуле наблюдаются следы прижизненной утраты первого правого моляра, не сопровождающиеся признаками далеко зашедшей облитерации, т.е. это случилось незадолго до смерти (рис. 4).

В нижней части лицевой поверхности правой скуловой кости наблюдаются кривозубные изменения, которые местами носят звездчатый характер (рис. 5).

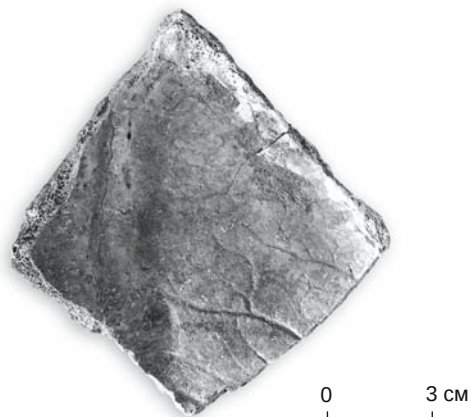

Рис. 3. Эндокраниальная поверхность фрагмента свода черепа индивидуума 1 с пальцевидными вдавлениями в центральной части.

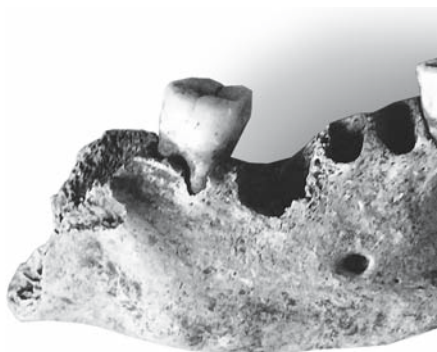

Рис. 4. Нижняя челюсть индивидуума 1 с признаками прижизненной утраты зуба.

Рис. 5. Правая скуловая кость индивидуума 1 с криброзными изменениями на лицевой поверхности.

Рис. 6. Фрагменты нижней челюсти ребенка (индивидуум 2) со сформированными закладками зубов второй смены. Микрофокусная рентгенограмма.

Дифференциальная диагностика патологического проявления включает следствие воспалительного процесса или оссифицированную гематому.

Останки индивидуума 2 (погр. 2) представлены фрагментами свода черепа, нижней челюсти, разрушенными диафизами трубчатых костей (бедренные, большеберцовые, плечевые, лучевые). Они принадлежали ребенку возрастной категории *infantis 1* (5–6 лет). На микрофокусных рентгенограммах фрагментов нижней челюсти хорошо видны сформированные коронки зубов второй генерации, которые подтверждают это возрастное определение (рис. 6).

На костях ребенка наблюдается комплекс патологических проявлений. На диафизе плечевой кости, в нижнем метафизе бедренной, на передней поверхности верхнего эпифиза большеберцовой кости выражена периостальная реакция костной ткани (рис. 7, 8). Морфологическая картина характерна не только для периостита, но и для локальных оссифицированных гемаррагий, т.е. продолжавшихся некоторое время кровоизлияний. Вместе с тем на внешней и внутренней поверхности свода черепа патологических изменений не обнаружено. Дифференциальная диагностика палеопатологии включает инфекционное заболевание или витаминную недостаточность. Хотя на поверхности свода черепа не выявлены следы ло-

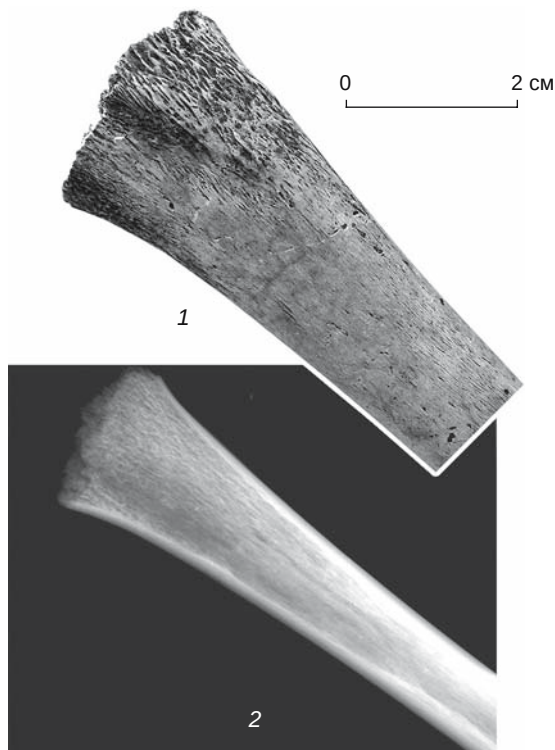

Рис. 7. Верхняя часть большеберцовой кости ребенка с выраженной периостальной реакцией на передней поверхности (1) и ее микрофокусная рентгенограмма (2).

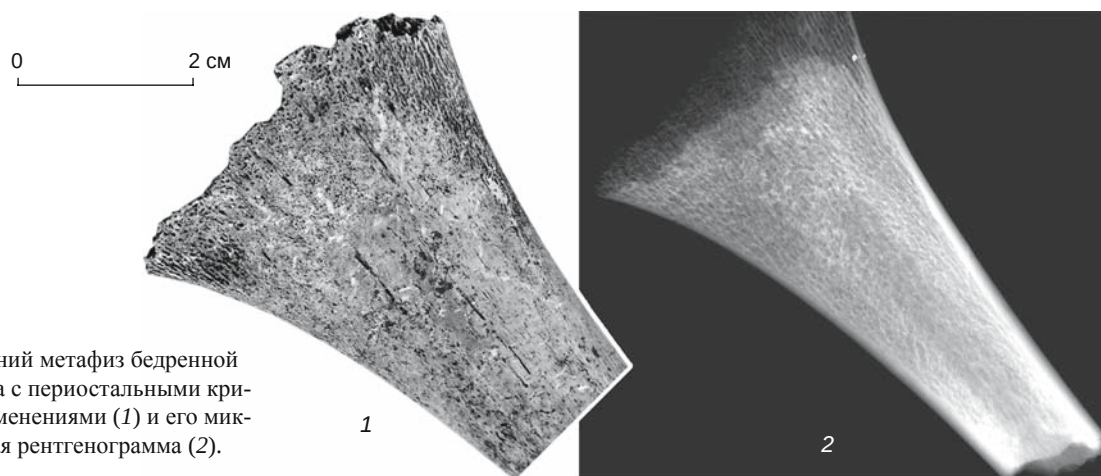

Рис. 8. Нижний метафиз бедренной кости ребенка с периостальными криброзными изменениями (1) и его микрофокусная рентгенограмма (2).

кальных кровоизлияний, не исключено, что симптомы изменений поверхности трубчатых костей указывают на недостаток в пище витамина С, т.е. на детскую цингу.

Данные биоархеологии о практике манипуляций с телом умершего

На поверхности костных останков не выявлены следы дополнительного инструментального воздействия (насечки, надрезы, разрубы и т.п.). Целостность двух осмотренных костяков сильно нарушена из-за естественных тафономических процессов, и это влияет на достоверность наших выводов. Тем не менее есть обстоятельства, позволяющие предполагать, что захоронение человеческих останков в слое поселения Чекон-2 не было обычной ингумацией.

Мужской череп (индивидуум 1) представлен частично – двумя комплементарными частями лобной кости, четырьмя фрагментами теменных (три из них

комплементарны), двумя парными височными и двумя фрагментами затылочной кости. Особый интерес вызывает один из последних – нижний, с анатомической точки зрения: на нем сохранился небольшой по протяженности край большого затылочного отверстия. Но в целом можно констатировать, что основание черепа и область *foramen magnum* отсутствуют.

При визуальном осмотре фрагментов свода черепа мы обратили внимание на необычный кирпично-красноватый цвет внутренней поверхности лобной и всех найденных элементов теменных костей (см. рис. 3). На височных, а также на фрагментах затылочной кости красный оттенок не выявляется. Это послужило поводом для проведения дальнейшей экспертизы. Рентгенофлуоресцентный анализ был выполнен на оборудовании фирмы Bruker AXS на базе Института проблем экологии и эволюции РАН. Помимо ожидаемых сигналов от элементов, базовых для строения костной ткани человека, на поверхности образца зафиксирован отчетливый сигнал, свидетельствующий о наличии ртути (табл. 2, рис. 9). Относительно повышенная концентрация серы подтверждает,

Таблица 2. Результаты элементного анализа внутренней поверхности свода черепа скелета 1.
Значения массовой доли, %

Спектры	Al	Si	P	S	Cl	K	Ca	Cr	Mn	Fe	Cu	Zn	Sr	Ba	Hg
4.1	–	1,82	7,21	0,15	0,15	0,30	87,70	0,04	0,14	1,81	0,02	0,19	0,20	0,08	0,20
4.2	3,39	0,00	7,73	0,00	–	0,28	86,21	0,07	0,16	1,29	0,06	0,24	0,10	0,27	0,20
4.3	–	1,10	7,20	0,11	0,23	0,25	88,24	0,05	0,30	1,75	0,04	0,21	0,17	0,21	0,16
4.4	–	–	6,98	0,06	0,09	0,34	89,71	0,05	0,15	1,71	0,03	0,25	0,21	0,24	0,19
4.5	–	–	6,82	0,00	0,11	0,22	90,26	0,04	0,14	1,56	0,05	0,24	0,09	0,22	0,25
Среднее значение	3,39	0,97	7,19	0,06	0,14	0,28	88,42	0,05	0,18	1,62	0,04	0,22	0,15	0,20	0,20
Сигма	0,00	0,92	0,34	0,07	0,06	0,05	1,62	0,01	0,07	0,21	0,01	0,03	0,06	0,07	0,03
Средняя сигма	0,00	0,41	0,15	0,03	0,03	0,02	0,72	0,01	0,03	0,09	0,01	0,01	0,03	0,03	0,02

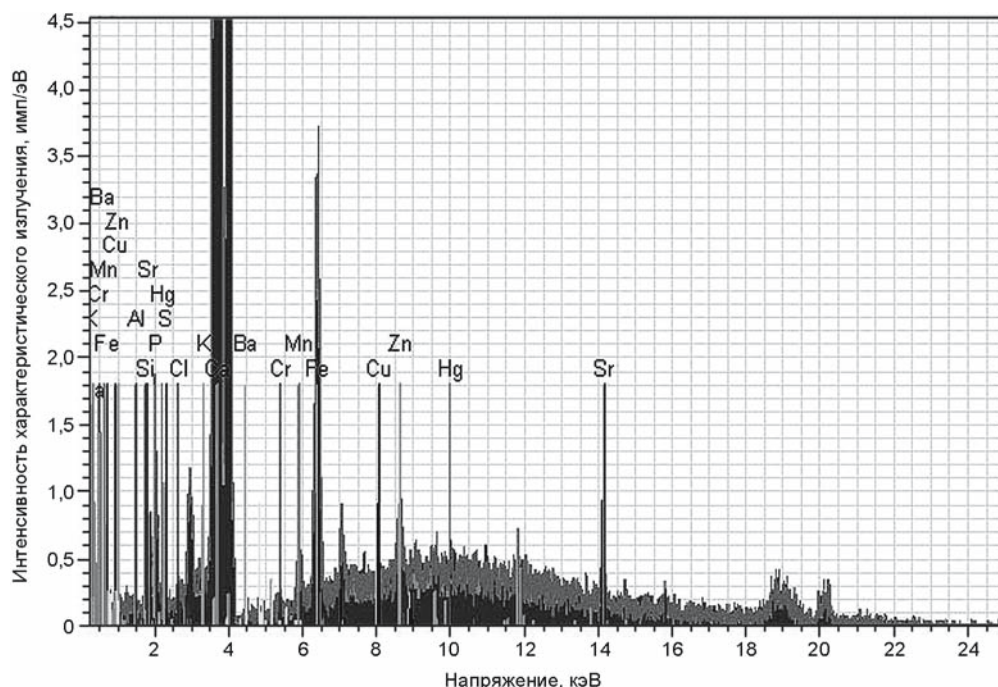

Рис. 9. Результаты элементного анализа внутренней поверхности свода черепа индивидуума 1.

что фрагменты верхней части свода черепа индивидуума 1 из погр. 1 с внутренней стороны были окрашены соединением ртути (HgS) – киноварью.

Обсуждение

Датировка погребений на поселении Чекон-2 позволяет уверенно относить их ко времени существования МНО. По результатам датирования, погр. 2 несколько древнее погр. 1, что совпадает со стратиграфией этих захоронений. Диапазоны дат в обоих случаях достаточно широки, ок. 300 лет. Область их совпадения приходится на 34 в. до н.э. Скорее всего, это были два последовательных захоронения людей в одном и том же месте, что само по себе требует объяснений, т.к. других погребений в культурном слое памятника не обнаружено. Поэтому мы не можем сказать, что здесь отражена ситуация с ординарным грунтовым могильником майкопских племен.

В рамках хронологии МНО захоронения на поселении Чекон-2 относятся, видимо, к концу среднего и началу позднего периода ее существования [Корневский, 2011, с. 21–40], к новосвободненскому этапу в развитии бронзолитейного и кузнечного дела.

Кости человека в слоях поселений МНО редки, но подобные случаи известны. На Галюгаевском-2 в разведочной траншее было зафиксировано погребение подростка в скорченном положении на правом боку [Корневский, 1988]. Захоронение взрослого челове-

ка обнаружено в слое поселения Катусвина Кривица [Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2013]. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку головой на юго-восток, лицом на юг. Судя по расположению костей правой руки, она была предельно согнута в локте, кисть находилась у правого виска. Такая позиция руки необычна для майкопского обряда захоронения, подразумевающего позу погребенного в скорченном положении на боку с кистями у лица или колен.

Рассматриваемые останки трех людей на поселении Чекон-2 не дают четкого представления о позах умерших, кроме того, что черепа двух из них находились в положении на боку. По сути дела, мы сталкиваемся здесь с помещением в землю фрагментов тел. Сначала были закопаны части тела ребенка (погр. 2), затем на этом же месте – взрослого человека и подростка (?).

Череп ребенка в погр. 2 (см. рис. 2) находился на одном уровне с развалом миски, которая при помещении в землю уже была разбита, а ее черепки разбросаны на определенном пространстве, возможно, на поверхности грунта, покрывавшего погр. 2. Все это наводит на мысли об особых причинах появления таких захоронений в культурном слое майкопского поселения. Обращает на себя внимание сходная ориентировка погребенных головой на северо-восток, одинаково неглубокое их закапывание в грунт, видимо едва скрывавший трупы, а также ярусное расположение одного над другим.

Результаты антропологической экспертизы свидетельствуют о том, что останки человека из верхнего яруса (погр. 1, скелет 1) принадлежали взрослому мужчине, из нижнего (погр. 2) – ребенку периода первого детства. Степень сохранности этого второго скелета (особенно черепа и нижней челюсти, поскольку позволяет увидеть на рентгенограммах закладки постоянных зубов) не оставляет сомнений в том, что ребенку было не более 6 лет. На его костях обнаружены оссифицированные гематомы, более всего характерные для цинги. Это заболевание было достаточно типично для земледельческих популяций; в частности, в эпохи энеолита и ранней бронзы оно встречалось на Балканах преимущественно у грудных младенцев в виде т.н. болезни Моллера–Барлоу (см., напр.: [Бужилова, 2005, с. 116–117]). На взрослых скелетах признаки дефицита витамина С обычно не наблюдаются. Но следует отметить, что на нижней челюсти мужчины из погр. 1 обнаружена утрата зуба незадолго до смерти, а эта особенность характерна для картины цинги. К тому же на его правой скуловой кости наблюдаются возможные последствия локальных кровоизлияний, типичных для скорбута. Впрочем, сохранность черепа не позволяет сделать достоверные выводы на этот счет.

Цинга развивается при отсутствии в питании свежих овощей и фруктов, например, при длительном вываривании, вымораживании продуктов, а также при долгом хранении запасов продовольствия (недавние обзоры см.: [Медникова и др., 2013а, б; Crist, Sorg, 2014; и др.]). Есть мнение, что авитаминозу может способствовать стресс [Жуков, 2014]. Вплоть до XIX в. господствовало представление о скорбутах как о заразной болезни. Характерно высказывание Н.М. Карамзина о цинге XVII в.: «...ею заразились беднейшие и заразили других» [1831, с. 130]. Надо думать, что подобные представления бытовали и раньше и могли способствовать обособленному захоронению умерших от этой болезни людей.

Особого рассмотрения требует присутствие соединения ртути (HgS) на костях мужчины из погр. 1. Использование киновари для окрашивания лица покойного было недавно обнаружено в ходе изучения останков представителя майкопской элиты, погребенного в кург. 1 могильника Марьинская-3 [Медникова, 2013]. Сходное применение соединений ртути в погребальной практике было известно на территории Южной Сибири и Китая, причем значительно позднее – в эпоху раннего железа [Полосьмак, 2001, с. 250–251]. Радиоуглеродные даты для погр. 18 кург. 1 могильника Марьинская-3 варьируют в промежутке 3405–3360 гг. до н.э.; по данным дендрохронологии, похороны состоялись примерно в 3350 г. до н.э. [Канторович, Маслов, 2009, с. 115]. До настоящего момента нам представлялось, что это

самое раннее использование ртути в погребальном обряде на территории Евразии. Впрочем, более детальное рассмотрение позволило обнаружить очень древние аналогии на Ближнем Востоке, в кругу памятников докерамического неолита стадии В [Медникова, 2015, с. 51].

Случай применения киновари в погребальном обряде, встреченный на поселении Чекон-2, необычен. Если в погребении на могильнике Марьинская-3 интенсивное окрашивание зафиксировано на наружной поверхности черепа [Медникова, 2013, рис. VII, цв. вкл.], то здесь – на внутренней (эндокраниальной). Доступ к ней возможен только после извлечения мозга, что нельзя сделать без предварительной декапитации. Среди изученных нами останков этого человека присутствуют первый шейный позвонок и центральный фрагмент нижней челюсти, оба без следов отсечения головы. Впрочем, ветви нижней челюсти и основание черепа с большим затылочным отверстием не представлены, и можно предположить, что они были затронуты посмертными манипуляциями. Наши наблюдения служат основанием для вывода о культовом или жертвенном захоронении на поселении Чекон-2. Вместе с тем нельзя игнорировать следы патологии на костях ребенка из погр. 2 и мужчины из погр. 1, которая могла восприниматься как опасная для других болезней. Возможно, согласно представлениям майкопцев, ряд умерших требовал особого захоронения на поселении.

Заключение

Комплексное междисциплинарное исследование археологических и антропологических материалов из раскопок поселения Чекон-2 подтверждает ранее высказывавшиеся суждения о разнообразии форм погребальной обрядности у майкопцев. Изученные нами останки, по-видимому, представляют собой необычное двухъярусное захоронение. Нижнее погребение принадлежало ребенку 5–6 лет с признаками хронического заболевания. Не исключено, что он страдал от цинги. Захоронение из верхнего яруса принадлежало мужчине 30–39 лет, также с отдельными патологическими проявлениями. Рентгенофлуоресцентный анализ свода черепа позволил установить, что на его эндокраниальной поверхности имеются следы окрашивания киноварью. В отличие от ранее описанного элитарного погребения долинского варианта майкопско-новосвободненской общности (Марьинская-3), где зафиксировано нанесение красителя на лицо покойного, в данном случае речь идет о сложном посмертном обращении с человеческим черепом: из него могли сделать подобие чаши, наполненной сакральной субстанцией.

Список литературы

- Бочковой В.В.** Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках поселения Чекон и кургана у с. Юровка в 2011 г.: в 6 т. Краснодар, 2013 // Архив ИА РАН. Р-1.
- Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д.** Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография Понтийско-кавказского региона. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2013. – Вып. 1. – С. 5–18.
- Бужилова А.П.** Номо sapiens: История болезни. – М.: Языки славян. культуры, 2005. – 320 с.
- Гей А.Н., Зазовская Э.П.** Новые радиоуглеродные даты поселения Мысхако и майкопского поселения Чекон // Шестая кубан. археол. конф.: мат-лы. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 81–84.
- Жуков Д.А.** Стой, кто ведет?: Биология поведения человека и других зверей. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – Т. 2. – 374 с.
- Канторович А.Р., Маслов В.Е.** Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Ставрополь: Наследие, 2009. – Вып. IX. – С. 83–116.
- Карамзин Н.М.** История государства Российского. – СПб.: [Тип. А. Смирдина], 1831. – Т. 12. – 164 с.
- Корневский С.Н.** Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН. З-1. № 00103.
- Корневский С.Н.** Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 246 с.
- Корневский С.Н.** Древнейший металл Предкавказья: Типология. Историко-культурный аспект. – М.: Таус, 2011. – 385 с.
- Медникова М.Б.** Новые данные к дифференциальной диагностике системного заболевания у представителя майкопской элиты из курганного могильника Марьинская 3 // КСИА. – 2013. – № 230. – С. 100–109.
- Медникова М.Б.** Об использовании соединений ртути в погребальном обряде племен эпохи бронзы Восточной Европы // РА. – № 2. – 2015. – С. 51–59.
- Медникова М.Б., Энговатова А.В., Шведчикова Т.Ю., Решетова И.К., Васильева Е.Е.** «Дети Смутного времени»: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII вв. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений // КСИА. – 2013а. – № 228. – С. 115–126.
- Медникова М.Б., Энговатова А.В., Решетова И.К., Шведчикова Т.Ю., Васильева Е.Е.** Эпидемиология войны и смуты: антропологические и письменные источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля) // КСИА. – 2013б. – № 231. – С. 154–171.
- Мунчаев Р.М.** Кавказ на заре бронзового века. – М.: Наука, 1975. – 416 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 335 с.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.** Исследование поселения майкопской культуры у ст. Натухаевской // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: мат-лы Третьей Абхаз. междунар. археол. конф. – Сухум, 2013. – С. 89–98.
- Crist T.A., Sorg M.H.** Adult scurvy in New France: Samuel de Champlain's "Mal de la terre" at Saint Croix Island, 1604–1605 // Int. J. Paleopathol. – 2014. – Vol. 5. – P. 95–105. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijpp.2014.04.002>

Материал поступил в редколлегию 27.12.14 г.

S.N. Korenevsky¹, M.B. Mednikova¹, V.V. Bochkovoy²

¹*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia*

E-mail: skorenevskiy@yandex.ru; medma_pa@mail.ru

²*Kuban State University,*

Stavropolskaya 149, Krasnodar, 350058, Russia

E-mail: meot@mail.ru

NEW FINDINGS RELATING TO THE MAIKOP-NOVOSVOBODNAYA BURIAL RITE

Two burials of human remains at the Maikop-Novosvobodnaya settlement of Chekon-2 in the Taman Peninsula, northwestern Caucasus, are described. The X-ray fluorescence analysis has revealed traces of cinnabar on the inside of the vault bones of one cranium. The totality of findings suggests that the Chekon-2 burials were sacrificial and were arranged in a special area within the settlement.

Keywords: Burial rite, bioarchaeology, paleopathology, X-ray fluorescence analysis, manipulations with corpses.

УДК 903

А.В. Поляков¹, Ю.Н. Есин²¹Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: poliakov@yandex.ru²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия
E-mail: esin2006@yandex.ru

МИНИАТЮРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОЗЕРЕ ИТКУЛЬ В ХАКАСИИ*

Статья вводит в научный оборот восемь миниатюрных изделий из рога с изображениями антропоморфных персонажей, голов птиц, лося, кабана, хищника, найденных в мог. 4 кург. 14 могильника Итколь II в северной части Минусинской котловины. Погребение относится к раннему (уйбатскому) этапу окуневской культуры и датируется второй половиной III тыс. до н.э. Форма и композиция некоторых изделий аналогичны каменным стелам окуневской культуры.

Ключевые слова: Центральная Азия, Южная Сибирь, Минусинская котловина, эпоха бронзы, окуневская культура, афанасьевская культура, миниатюрная скульптура, каменные стелы.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.043-057

С 2007 г. Институт истории материальной культуры РАН и Государственный Эрмитаж проводят планомерные исследования поликультурного могильника Итколь II, расположенного на северо-западном берегу оз. Иткуль (Итколь) в Ширинском р-не Республики Хакасии (рис. 1). Особое внимание уделяется изучению курганов, относящихся к афанасьевской [Поляков, Степанова, 2009; Поляков, 2010а] и окуневской культурам. Предметом исследования в данной статье являются восемь миниатюрных изделий из рога с различными изображениями из мог. 4 кург. 14, раскопанного в 2010 г.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 13-01-00322 «Технологические и изобразительные аспекты в исследовании древнего искусства в камне».

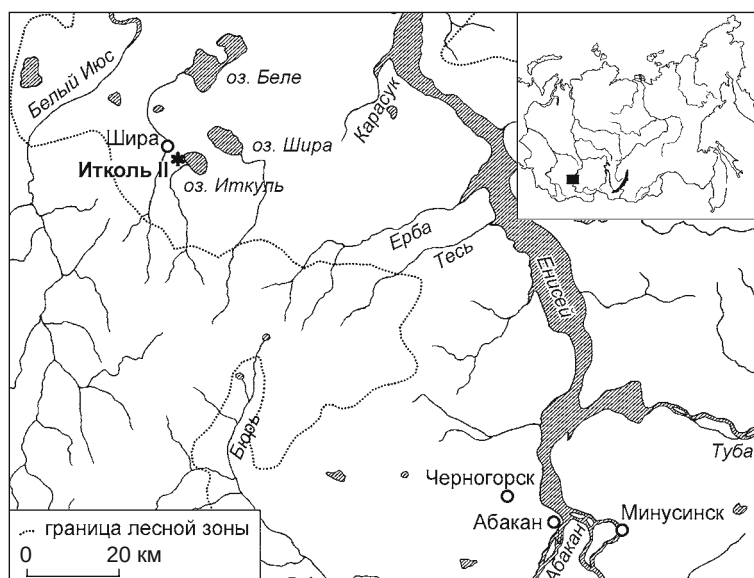

Рис. 1. Расположение могильника Итколь II.

Описание и характеристика кургана и погребения

До начала работ кург. 14 представлял собой земляную насыпь высотой до 0,15 м, в основании которой прослеживалось кольцо из положенных плашмя плит песчаника. В ходе раскопок установлено, что кольцо диаметром ок. 9 м (ширина кладки 0,8 м,

максимальная сохранившаяся высота 0,4 м, до 10 слоев плит) представляет собой ограду кургана афанасьевской культуры. В более позднее время он был перестроен: уже существующее сооружение использовали для возведения здесь же кургана окуневской культуры. Его квадратная ограда 10 × 10 м из вертикально вкопанных плит песчаника расположена с внешней стороны круглой ограды (рис. 2).

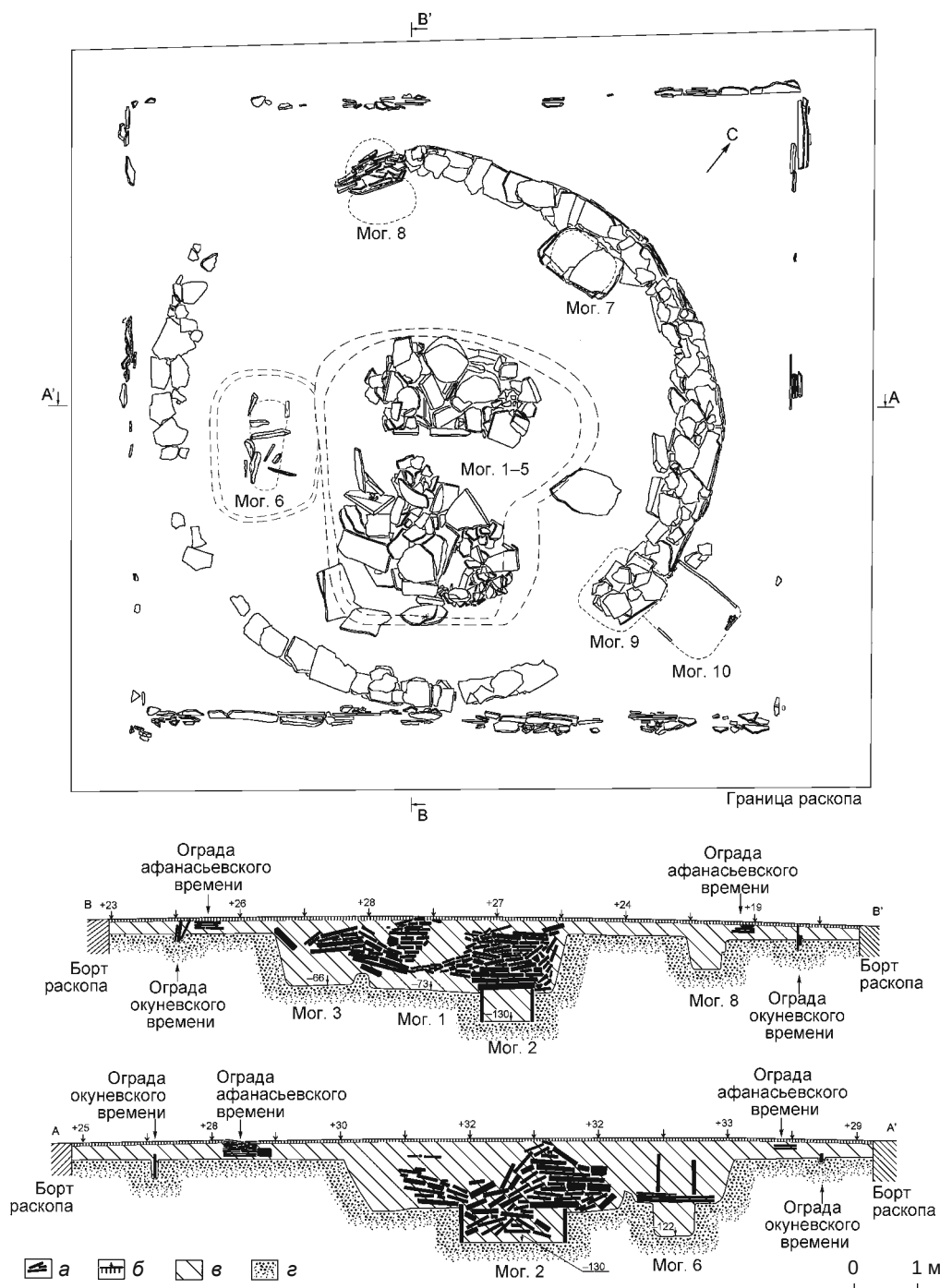

Рис. 2. План и разрезы кург. 14 могильника Итколь II.
а – камень; б – дерн; в – черная гумусированная супесь; г – материк.

К тому времени кольцо афанасьевского кургана было уже сильно разрушено, поэтому квадратную ограду пристроили к границам развала, т.е. хронологический разрыв между двумя этими конструкциями весьма заметный. Афанасьевское погребение, располагавшееся в центре, при сооружении окуневских могил было полностью уничтожено. Свидетельство его наличия – серия крупных фрагментов от одного афанасьевского сосуда, найденных компактно на уровне погребенной почвы внутри кольцевой ограды. Всего в окуневском кургане было устроено 10 погребений. Их конструкции различны: грунтовые ямы, грунтовые ямы с уступом по периметру, ящики и катакомба.

В рамках периодизации окуневской культуры, предложенной И.П. Лазаретовым [1997, с. 36–38], курган относится к раннему (уйбатскому) этапу. На это указывают практически все элементы погребального обряда и инвентаря. Стоит отметить присутствие таких ключевых погребальных конструкций, как ярусное погребение (в центральном сооружении), яма с уступом и катакомба. Форма сосудов и их орнаментация практически идентичны керамике наиболее значительных памятников раннего этапа – Уйбат III, Уйбат V и Уйбат-Чарков.

Для кургана радиоуглеродным методом получены две даты. Первая (JE-9411) определена по фрагменту сохранившегося деревянного перекрытия центрального сооружения. Ее калиброванное значение с вероятностью 95,4 % 2860–2498 гг. до н.э. Очевидно, первоначально это бревно являлось частью надмогильного сооружения афанасьевского кургана, а позднее было использовано строителями окуневского времени. Поэтому полученная дата определяет возраст именно афанасьевского сооружения. Она хорошо согласуется с датами афанасьевских курганов этого могильника и большинства других памятников [Поляков, 2010а, с. 157–158, рис. 11, 12; 2010б]. Вторая дата (JE-9962) получена по образцу кости человека из мог. 1. Ее калиброванное значение с вероятностью 95,4 % 2620–2206 гг. до н.э. Она имеет несколько завышенный доверительный интервал, но в целом соответствует данным о датировке раннего этапа окуневской культуры [Поляков, Свято, 2009, с. 27–29]. Именно на эту дату стоит опираться при определении абсолютной хронологии погребений окуневской культуры в кург. 14.

Находки, которым посвящена данная статья, происходят из мог. 4. Она была устроена внутри круглой ограды с уровня дна большой ямы, выкопанной в центре сооружения (рис. 3). Могила представляла собой овальную в плане грунтовую яму с уступом, ориентированную по оси СВ–ЮЗ. Ее размеры по дну

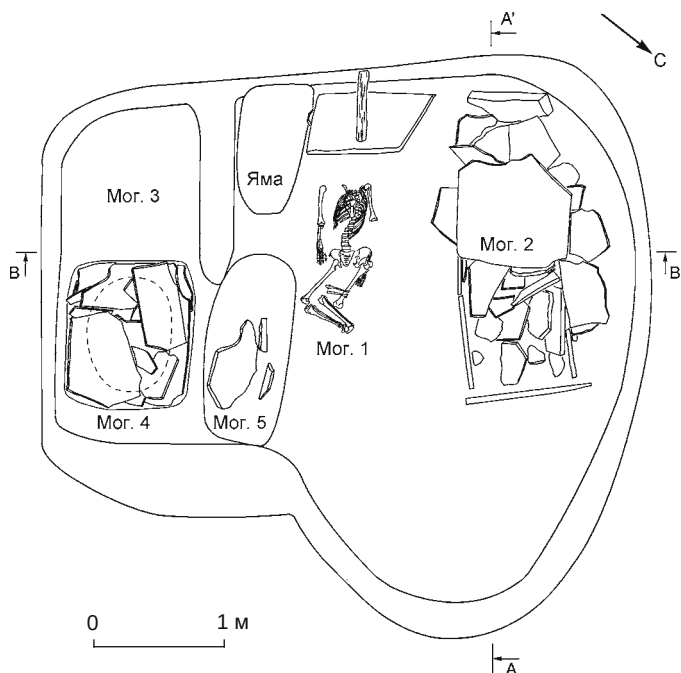

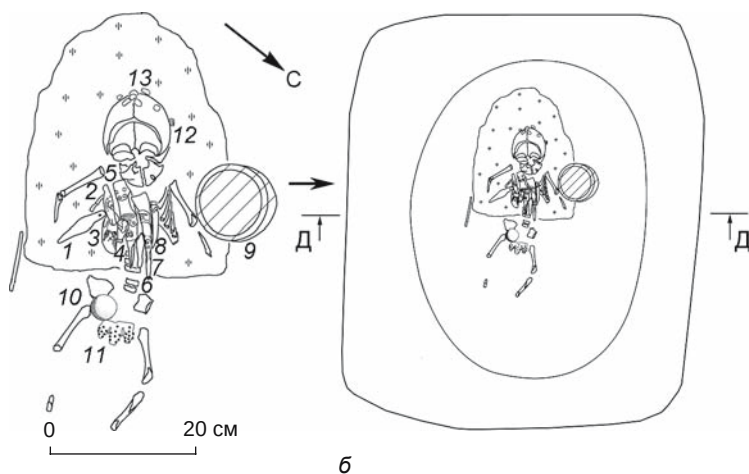
Рис. 3. План ямы с погребениями в центральной части кургана.

0,85 × 0,65 м, глубина от уровня дна большой ямы 0,6 м (1,2 м от уровня погребенной почвы). На 0,25–0,30 м ниже верхнего края могилы по всему ее периметру был сделан уступ, на который уложено перекрытие из крупных плит песчаника размерами 1,1 × 0,9 × 0,3 м (рис. 4). Вероятно, перекрытие было сооружено без использования дерева: оно частично просело, но полностью в могильную яму не обрушилось. На момент вскрытия погребения под нижней плитой перекрытия оставалось незаполненное грунтом пространство высотой ок. 0,1 м.

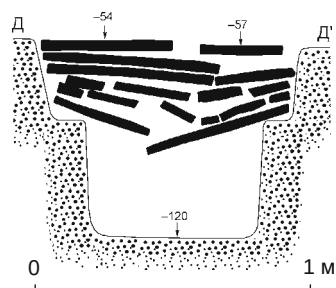
В могиле захоронен младенец до 1 года, вероятно, в берестяной колыбели: на дне местами зафиксирован слой бересты и справа от костяка – следы тонкой деревянной палочки, возможно, элемента каркаса. Погребенный был уложен на спине головой на ЮЗ. Слева от скелета на уровне плеча стоял керамический сосуд, орнаментированный рядами оттисков конца острой палочки. На его дне прочерчена сетка из перпендикулярных пересекающихся линий (рис. 5, 1). На черепе ребенка обнаружено 11 медных бляшек, 10 из которых сделаны из тонкого медного листа овальной формы размером не более 1,5 см. У всех по краям имелось по два отверстия для крепления (рис. 5, 2). В некоторых случаях прослежены остатки кожи, на которой бляшки крепились с помощью тонких кожаных шнурков, пропущенных в отверстия. Еще одна литая бляшка из двух конусов, соединенных перемычкой для пришивания (рис. 5, 3), была найдена на самой макушке. Вероятно, это были украшения шапочки ребенка. Здесь же слева от черепа

а

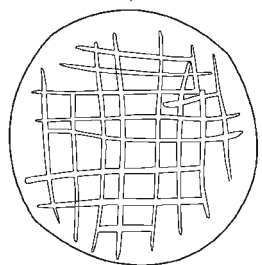
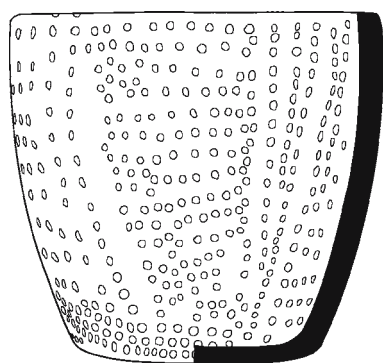
б

в

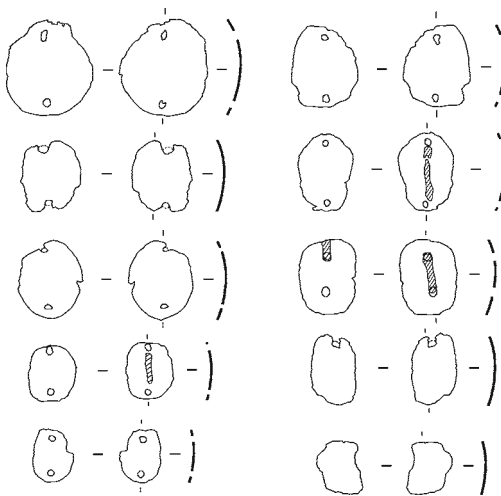
Рис. 4. Могила 4 (а), ее план (б) и разрез (в).

1–8 – изделия из рога; 9 – сосуд; 10 – каменный шар; 11 – деревянная планка; 12 – кольцо из белого металла; 13 – медные бляшки.

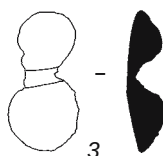

0 5 см

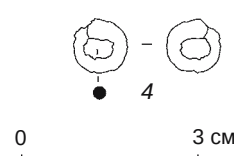
1

2

3

0 3 см

4

Рис. 5. Керамический сосуд (1) и украшения из металла (2–4).

найдена небольшая серьга из проволоки белого металла в один оборот, диаметром ок. 0,9 см (рис. 5, 4). В районе пояса обнаружен шар из белого камня диаметром ок. 4 см со сквозным отверстием диаметром 0,3 см (рис. 6, 1). Рядом лежал деревянный трехчастный предмет (или его фрагмент), украшенный выступающими из него шляпками медных гвоздиков (рис. 6, 2). Под предметом находился слой кожи, на котором он был закреплен.

Поверх грудной клетки младенца компактно лежали восемь фигурных изделий, вырезанных из рога (рис. 7). Для их изготовления, вероятно, были использованы роговые отростки животных семейства оленевых. Некоторые изделия частично сохранили их первоначальную стержневидную форму. При обработке материала применялось сверление. Естественная особенность цельного рога, заключающаяся в губчатой структуре его средней части, использовалась для получения полостей. Изделия были окрашены, о чем свидетельствовали сохранившиеся местами следы бледной красной краски. Сохранность предметов плохая. На публикуемых в статье рисунках (выполнены Ю.Н. Есиным), сделанных сразу после извлечения находок из земли, они зафиксированы полнее, чем на фотографиях после реставрации (проведена в Государственном Эрмитаже), т.к. некоторые фрагменты отреставрировать не удалось. Изделия из рога и кости в окуневских погребениях находили и ранее, однако эти по многим признакам пока уникальны.

Описание резных изделий

1. Изображение головы птицы с длинным широким и плоским клювом (рис. 8, 1). Двумя маленькими ямками по бокам обозначены глаза. Задняя сторона изделия плоская с овальным в плане углублением. Отверстие, с помощью которого изображение могло подвешиваться или пришиваться к ремешку, сделано на шее птицы. Размеры изделия $8,3 \times 1,8 \times 1,3$ см.

2. Изображение головы птицы с длинным плоским клювом, кончик которого загнут вниз (рис. 8, 2). Двумя маленькими ямками по бокам обозначены глаза. Здесь же нанесено несколько параллельных наклонных рядов коротких насечек. Задняя сторона изделия плоская с продолговатым углублением. Та часть предмета, где находилось отверстие для крепления, не сохранилась, реконструирована предположительно. Размеры изделия $4,6 \times 1,1 \times 1,0$ см.

3. Изображение головы лося (рис. 8, 3). Передняя часть слегка загнута вниз. Рот показан желобком. Глаза в виде округлых выступов с ямками внутри расположены по бокам головы. За ними вертикальными продолговатыми выступами с углублениями внутри показаны уши. Вдоль нижнего края головы и на ко-

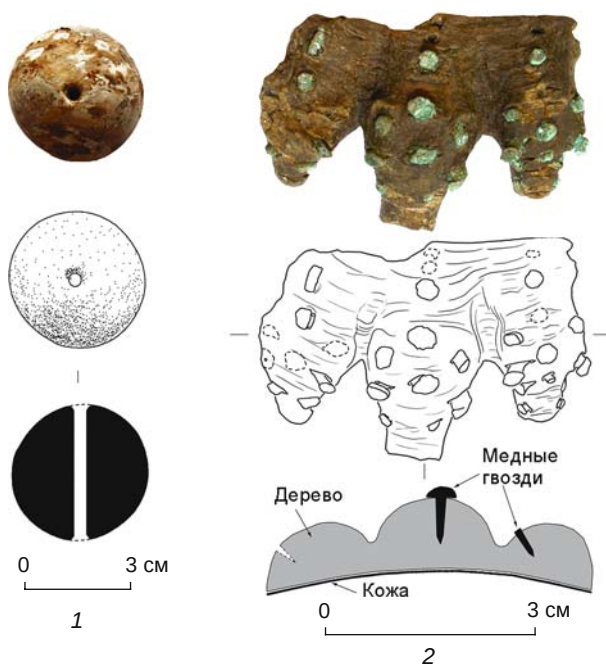

Рис. 6. Каменный шар (1) и деревянный предмет (2).

Рис. 7. Изделия из рога на груди ребенка.

роткой шее нанесены вертикальные резные линии, вероятно передающие шерсть. Сверху головы, над ушами, вырезан косой крест. Между глаз имеется невысокий продольный валик с четырьмя поперечными желобками. На нижней стороне изделия вырезано продолговатое углубление, очерчивающее внутренний контур нижней челюсти животного. Отверстие для крепления находится на шее. Изображение могло подвешиваться или пришиваться к ремешку. Размеры $5,7 \times 1,2 \times 1,2$ см.

4. Изображение морды кабана (рис. 8, 4). Имеет форму усеченного конуса. На узком его конце рельефно выделен характерный для этого животного слегка скошенный и уплощенный нос («пяточок») с небольшой выемкой вверху. В нижней части морды при помощи серии коротких резных линий очерчен

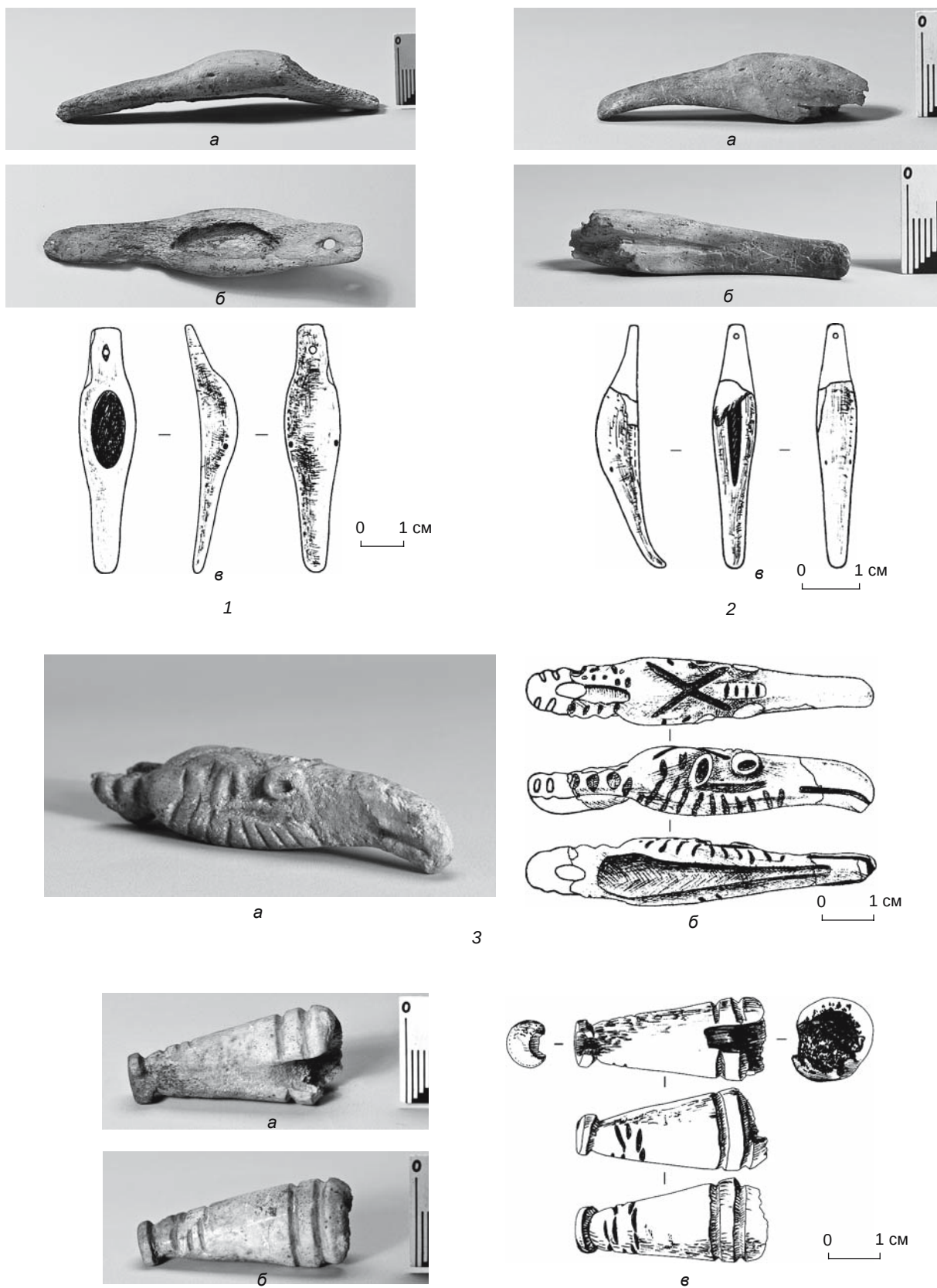

Рис. 8. Изделия в виде голов птиц и животных.

овальный контур открытого рта. Одновременно эти линии, видимо, изображают зубы животного. На широком торце изделия имеется округлая выемка. С этого же края конуса вдоль верхней части морды вырезан широкий паз. Ему перпендикулярны два глубоких резных желобка. Паз, вероятно, предназначался для соединения морды с иным элементом из несохранившегося органического материала (кожа или дерево). В таком случае этот элемент, возможно даже изображавший остальную часть головы животного или являвшийся просто концом кожаного ремешка, вставлялся в углубление на широком торце изделия и в паз, а затем закреплялся при помощи нити, которая наматывалась по желобкам. Размеры $3,5 \times 1,5 \times 1,5$ см.

5. Изделие в виде дугообразно изогнутого и сужающегося к одному концу стержня (рис. 9, 1). В средней части вогнутой стороны вырезан реалистичный антропоморфный лик, поделенный горизонтальной, слегка выгнутой вниз линией на два яруса. В нижнем ярусе желобком показан рот, в верхнем – глаза в виде двух выпуклых овалов и нос. Контур четко определен только у нижней части лица. Под этим ликом изображена голова хищника, возможно змеи, с раскрытой пастью, обращенной в сторону широкого конца предмета. Ее верхняя часть расположена на противоположной лику стороне изделия. Здесь двумя резными кружками показаны глаза. Между ними вырезаны две симметричные вертикальные дуги, выгнутые навстречу друг другу. Весь предмет может восприниматься как тело этой змеи, хотя его верхняя часть одновременно предстает как высокий конусовидный головной убор антропоморфного образа. На узком конце изделия смоделирована голова птицы с длинным клювом. На широкой торцевой части стержня имеется круглая в плане глубокая полость. Вдоль этого края изделия вырезан желобок. В нем просверлено отверстие в полость. Желобок, отверстие и полость можно рассматривать как приспособления для закрепления изделия на конце кожаного ремешка. В этом случае он вставлялся в полость, а затем пришивался при помощи нитки, которая продевалась через отверстие и наматывалась по желобку. Размеры $6,6 \times 1,1 \times 1,0$ см.

6. Изделие в форме сужающегося к одному концу слегка изогнутого стержня (рис. 9, 2). Широкая часть предмета оформлена в виде раскрытой пасти хищника с клыками, которая сохранилась фрагментарно. Выше нее на вогнутой стороне изделия вырезан реалистичный антропоморфный лик с рогами быка. У него большой рот с выпуклыми губами, рельефный нос с ямками ноздрей и показанные углубления каплевидной формы глаза. Ниже лика, на месте груди данного персонажа, первоначально прослеживались небольшие выпуклости (возможно, с углублением в середине), надежно зафиксировать которые ввиду плохой сохран-

ности не удалось. Вероятно, это были глаза хищника. Выше лика расположена человеческая фигура с женской грудью и выпуклым («беременным») животом. Слегка согнутые и отведенные назад руки касаются локтями. Кисти не показаны. Концы рук соприкасаются с кончиками бычьих рогов. У фигуры реалистичное рельефное лицо с широко раскрытым ртом, выпуклыми скулами и показанными углублениями каплевидной формы глазами. По бокам головы вырезаны узкие и длинные, похожие на заячьи уши. Ниже одного уха имеется резная изогнутая линия, направленная вверх. Ее можно трактовать либо как попытку изобразить рог, либо как первоначальную разметку для изображения уха. Верхняя часть предмета воспринимается как высокий конусовидный головной убор этого персонажа. Сзади он опускается на спину в виде треугольника вершиной вниз. Форма узкого конца предмета напоминает условно показанную голову птицы. При помощи горизонтального овального отверстия, расположенного на нижней части пасти хищника, изделие, очевидно, подвешивалось на узком кожаном ремешке. Размеры $12,5 \times 2,0 \times 2,0$ см.

7. Изделие в форме сужающегося к одному концу слегка изогнутого стержня с полостью внутри широкой части (рис. 9, 3). На широком конце предмета реалистично изображена голова хищника с открытой пастью, сохранившаяся фрагментарно. На верхней стороне головы показаны ноздри и глаза. Край пасти выделен рельефным валиком. Два симметричных продольных валика, слегка сходящихся к краю пасти, имеются на нижней стороне головы. Пасть обращена в сторону узкой части предмета. Хищник как бы заглатывает расположенную выше антропоморфную фигуру: за краем пасти вырезана верхняя часть туловища и крупная голова. В области плеч этой фигуры имеются круглые сквозные отверстия, которые могли использоваться для пропускания ремешка (не исключено, что на концах ремешка крепились описанные выше подвески в форме голов птиц, т.к. они найдены по бокам данного стержневидного изделия, причем одна из них была развернута отверстием для крепления прямо в сторону круглого отверстия (см. рис. 7)). Лицо реалистичное. Показаны большой рот с валиком губ по краю, рельефный нос, скулы и глаза в виде двух овальных выпуклостей. Над этим лицом было вырезано еще одно меньшего размера, которое сохранилось фрагментарно. У него рельефный нос, двумя выпуклостями показаны глаза, желобком – рот. Узкий конец предмета, отделенный неглубоким желобком, оформлен в виде головы птицы с длинным клювом, верхняя и нижняя части которого разделены узким отверстием. Двумя выпуклыми овалами показаны глаза, позади них еще двумя выпуклостями меньшего размера – «уши». В очертаниях одного «уха» распознается завиток, закручен-

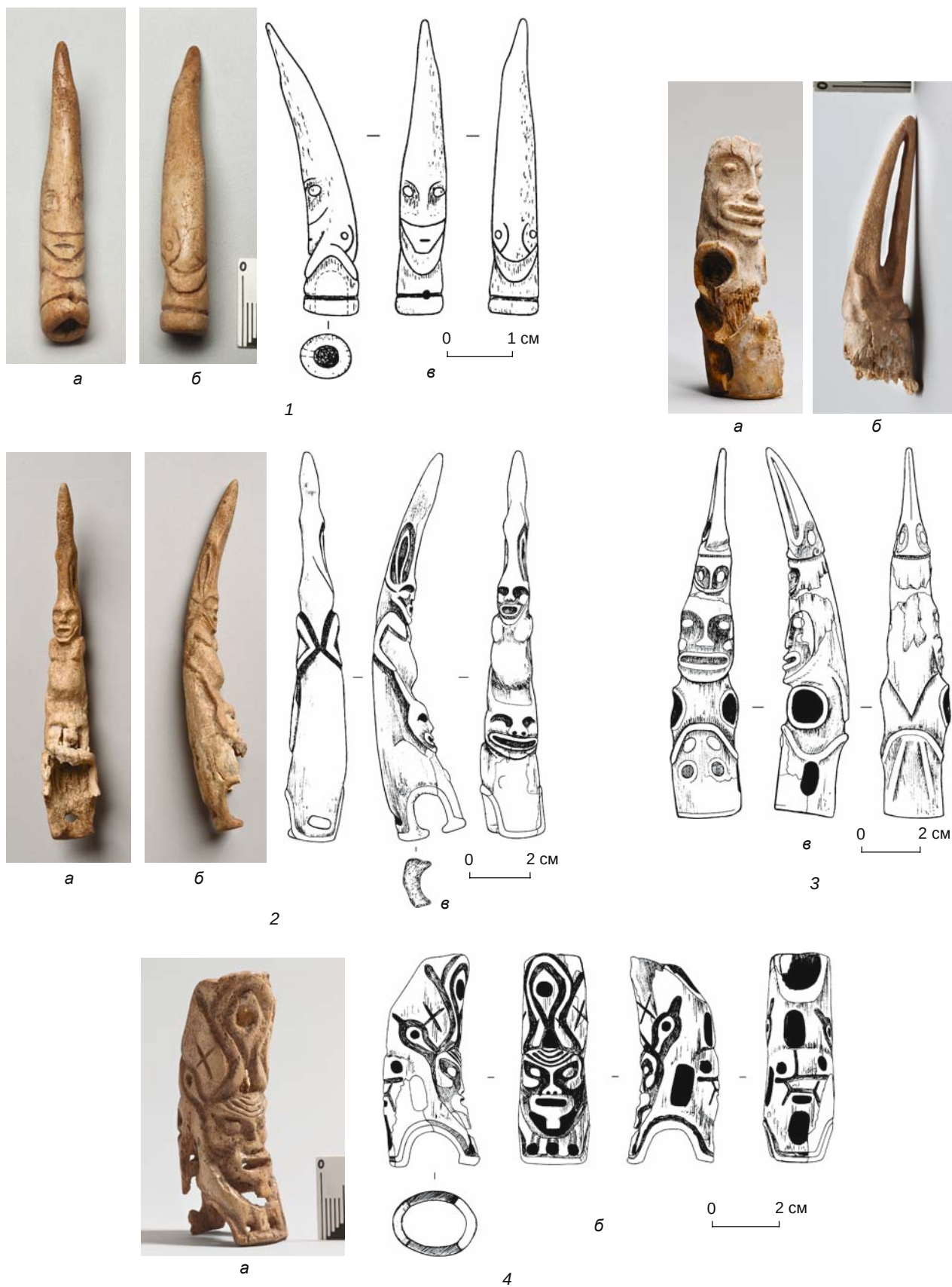

Рис. 9. Изделия стержневидной формы.

ный сверху вниз. В целом верхняя часть предмета напоминает высокий конусовидный головной убор центрального антропоморфного персонажа. Сзади он опускается на спину в виде выделенного рельефом треугольника вершиной вниз. При помощи двух симметричных продольных овальных отверстий, расположенных на боковых сторонах изображения головы хищника, изделие, вероятно, крепилось на узком кожаном ремешке. Размеры $12,7 \times 2,3 \times 2,2$ см.

8. Изделие в форме слегка изогнутой и уплощенной трубки (рис. 9, 4). Один ее конец срезан наклонно. На другом конце изображена голова хищника с открытой пастью, сохранившаяся фрагментарно. Край пасти выделен рельефным валиком. На верхней стороне головы имеются три параллельных продольных желобка. Они завершаются возле края пасти тремя отверстиями. Эти отверстия могли использоваться для привязывания каких-либо ремешков, подобных «отросткам», которые часто показаны на внешней стороне пасти мифических хищников в окуневском наскальном искусстве [Есин, 2010в, с. 130]. На вогнутой, лицевой стороне предмета, над пастью хищника вырезан реалистичный антропоморфный лик. Овальным отверстием изображен рот, рельефом выделены губы, показаны рельефные нос с отверстиями ноздрей и скулы, глаза в виде овальных выступов, короткая прямоугольная борода (?). Контур нижней части лица очерчен сквозным отверстием. На лбу вырезаны четыре параллельные выгнутые вниз дуги. Сразу над головой расположено отверстие в виде треугольника вершиной вверх. Этот треугольник является основанием показанной желобком и вытянутой вертикально петлевидной фигуры. Внутри нее имеется круглое отверстие. Петлевидная фигура вместе с треугольником вписана в высокий вертикальный полуовал, боковые стороны которого симметрично вогнуты в сторону вершины треугольника, а основание находится на лбу лика. По бокам этого изображения, расположенного на месте головного убора, контурно показаны длинные и узкие звериные уши, близкие по форме вертикальному полуовалу и завершающиеся остриями. В верхней части каждого уха просверлено круглое отверстие. Между ушами и центральной фигурой наголовья лика вырезано по косому кресту. На задней стороне предмета имеется рельефный выступ овальной формы с еще одним антропоморфным ликом. Двумя круглыми отверстиями показаны глаза, овальным – рот. По бокам и сверху последний огibaет резная линия, вверх от которой отходят две короткие наклонные линии. Здесь же заметен небольшой полуовал – видимо, сохранившееся изображение ноздри. Снизу глаз вырезана горизонтальная линия, а между ними – вертикальная. Выше и ниже этого лика имеется по большому овальному продольному отверстию. Еще два таких же располо-

жены на боковых сторонах предмета между ликами. Обе пары отверстий предназначены для пропуска ремешков. Размеры $6,0 \times 2,5 \times 1,8$ см.

Функция изделий

Все изделия найдены компактно лежащими на грудной клетке погребенного. Они были направлены концами с отверстиями для крепления в сторону черепа. Поэтому одна из возможных гипотез, появившаяся еще в процессе зачистки погребения, – изделия являются подвесками ожерелья. Однако их взаимное положение, количество и размещение отверстий для крепления с точки зрения данной гипотезы не вполне объяснимо. Система крепления, потребовавшая наличия на некоторых изделиях сразу нескольких отверстий, кажется более сложной, чем это необходимо для ожерелья.

Обращают на себя внимание такие факты, как младенческий возраст ребенка и наличие в погребении бересты, возможно являющейся остатками колыбели. Подобные находки известны еще в некоторых окуневских захоронениях детей. Наиболее интересный случай зафиксирован в погребении полугодового ребенка (мог. 7 кург. 1) на могильнике Уйбат V [Лазаретов, 1997, с. 24]. Помимо бересты там найден дугообразно выгнутый деревянный прут, напоминающий перекладину колыбели у некоторых современных народов Сибири, например селькупов [Хомич, 1988, рис. 1]. По аналогии был реконструирован возможный общий вид окуневской колыбели [Соколова, 1995, рис. 1, 1, 2].

Поскольку в детском погребении на оз. Иткуль тоже можно предполагать наличие колыбели, то набор роговых изделий мог быть частью ее оснащения. Возможно, эти предметы служили наконечниками и распределителями системы ремней, которые располагались на верхней части колыбели, скрепляя ее основные детали и фиксируя ребенка внутри. Кроме того, не исключено выполнение ими роли игрушек. К тому же некоторые из них имеют внутри полости и при соприкосновении друг с другом могли издавать шумящие звуки, подобно современным погремушкам. Использование для оформления этих предметов образов, связанных с ритуально-мифологической сферой окуневской культуры, вполне естественно: в данном случае они выполняли роль оберегов маленького ребенка, когда он особенно нуждался в защите и покровительстве потусторонних сил. Различные обереги – обязательный элемент оформления колыбели в традиционных культурах. Часто для этого используются когти и зубы животных, как, например, в окуневском захоронении с колыбелью на могильнике Уйбат V. Форма трех стержневидных изделий из рассматриваемого

погребения тоже напоминает клыки и когти. Вместе с тем скученно расположенные в могиле предметы больше похожи на некий комплект, возможно связанный с оснащением и использованием колыбели, но в данном случае просто положенный на грудь ребенку. Наконец, не следует исключать того, что этот набор изделий не имеет отношения к колыбели и помещен в погребение с целью обеспечения успешного перехода умершего в иной мир ввиду его особого статуса или особых обстоятельств смерти.

Контекст находки, единые приемы изготовления, характер различий между изображениями позволяют предполагать, что данные художественные изделия – специально сформированный набор персонажей, связанных с ритуально-мифологической сферой. Это значительно повышает научную ценность комплекса и должно быть учтено при проведении дальнейшего анализа.

Краткий анализ изображений в контексте искусства окуневской культуры

Все анализируемые предметы по композиции и форме можно разделить на две группы: 1) объемные изображения голов птиц и животных; 2) стержневидные изделия с несколькими образами. Аналогом первых по композиционному принципу, материалу, способу изготовления и крепления являются роговые подвески в виде голов змей или медведей из ранних окуневских памятников Карасук II [Комарова, 1981, рис. 4, 7, 8] и Уйбат-Чарков. У предметов второй группы аналогов пока нет, правда, сходные размеры и форму имеют обработанные отростки рога косули из кургана Карасук II, использование которых могло быть связано с ремешками на одежде или обуви, однако изображения на них отсутствуют [Там же, рис. 4, 1, 2].

На рассматриваемых изделиях запечатлено несколько образов: птицы (5 экз.), лось, кабан, «хищник» (4 экз.), антропоморфные персонажи (7 экз.).

Птицы. Представлены только изображениями голов: две выполнены в качестве самостоятельных подвесок, три входят в композиции на изделиях стержневидной формы. Изображения различаются по форме клюва, показу оперения, способу передачи глаз и, вероятно, отображают не менее трех видов птиц. Головы-подвески прежде всего характеризует крупный плоский клюв. При этом у одной он широкий и прямой, а у другой немного уже и со слегка загнутым вниз кончиком. Глаза в обоих случаях переданы небольшими ямками. По бокам головы птицы с загнутым клювом рядами коротких насечек показано оперение. Иная форма клюва у изображений птиц на изделиях стержневидной формы. Здесь он прямой, более длин-

ный и узкий относительно пропорций головы. У наиболее детального изображения на клюве выделено продольное ребро. Несколько необычны для птиц глаза вытянутой овальной формы. Позади глаз показаны пучки перьев или «уши».

Точно определить видовую принадлежность изображенных птиц сложно. Широкий клюв – признак семейства утиных: гусей, уток, лебедей и др., при этом наиболее загнутый кончик отличает крохаль. Прием оформления поверхности одного изображения параллельными рядами насечек имеет аналог на роговой подвеске в виде медведя из кургана Карасук II, где с его помощью смоделирована шерсть зверя [Там же, рис. 4, 4]. В окуневском наскальном искусстве рисунки птиц, которые могут относиться к числу водоплавающих, зафиксированы пока только на одной стеле [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 219]. Среди инкультурных изображений можно упомянуть плоские костяные подвески в форме резцов животного из погребения на Гремячем ключе под Красноярском, ранее отнесенного к неолиту. На них рельефно изображены головы водоплавающих, при этом сами предметы воспринимаются как туловища этих птиц [Глусская, 1963, табл. 6, 7, 9]. Изображение длинноклювой птицы на вершине стержневидных изделий более всего напоминает журавля или цаплю, имеющих к тому же пучки перьев позади глаз. В окуневском наскальном искусстве с этим образом пока можно соотнести лишь несколько рисунков на горе Суханиха, вырезанных рядом с раннеокуневскими антропоморфными фигурами. Глаза овальной формы на одном изображении длинноклювой головы отличаются от круглых глаз реальных птиц. Такая форма типична для многих млекопитающих. В контексте данной серии находок она сопоставима с глазами антропоморфных персонажей. Возможно, это следствие мифологического характера образа. Завиток позади глаза имеет аналог на окуневских изображениях хищных птиц [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 140].

Лось. Образ этого животного довольно типичен для окуневского наскального искусства, но обычно представлен профильными изображениями. Для передачи шерсти лося на роговой подвеске использован уже рассмотренный выше прием цепочки резных линий. Показанный на голове косой крест сопоставим с изображением на стеле из пос. Ши́ра, находившейся всего в нескольких километрах от могильника Итколь II (рис. 10). Снизу головы лося вырезан желобок, передающий анатомию нижней челюсти. Аналогичный прием представлен на костяной скульптуре головы змеи из раннеокуневского кург. 1 могильника Уйбат-Чарков и на мордах быков, изображенных на некоторых каменных жезлах из числа случайных находок. Неолитические подвески в виде головы лося известны на территории Прибайкалья [Студзицкая,

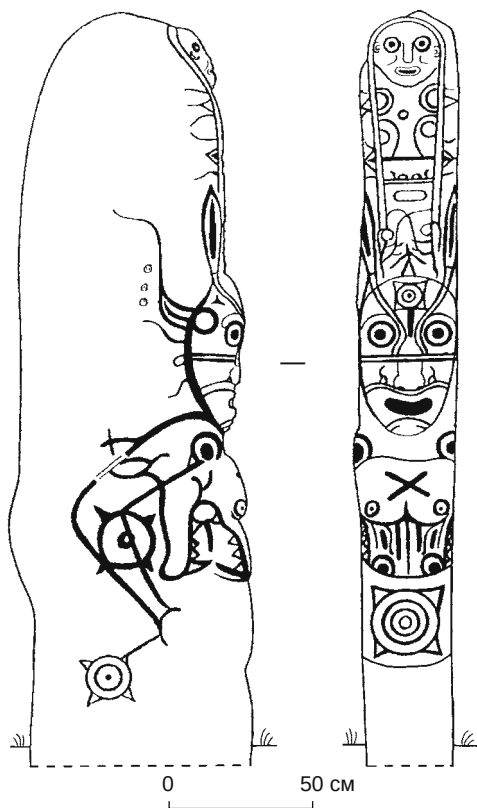

Рис. 10. Стела из пос. Шира (по: [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 103]).

2007] и на Енисее [Глусская, 1963, табл. 6, 2], однако стилистически они отличны от окуневской.

Кабан. Это очень редкий образ в окуневском искусстве. Известно только одно достоверное изображение головы кабана. Оно вырезано на плите из кургана Тас-Хазаа (рис. 11). Как и у скульптуры с оз. Иткуль, на морде выделен пятачок. Показаны клыки. Ранее это изображение ошибочно соотносили с носорогом [Липский, Вадецкая, 2006, с. 23] или хищником [Савинов, 2006, рис. 17]. Для содержательной характеристики образа кабана с оз. Иткуль важно наличие открытой пасти с зубами. На плите из Тас-Хазаа зубы не показаны, но форма пасти та же, что у окуневских изображений хищников. Следовательно, несмотря на разные приемы исполнения, скульптура и наскальный рисунок отражают один круг представлений. Возможно, с окуневским искусством связаны также фигуры кабанов в ангарском стиле на некоторых скалах, например, на Шалаболинской писанице [Петроглифы..., 2010, с. 65].

«Хищник». Образ представлен изображением раскрытой пасти, которая является частью сложных композиций. Трижды она направлена вниз от антропоморфного лица, один раз – вверх, к лицу. В трех случаях верхняя часть пасти изображена на лицевой стороне изделий (там же, где и основной антропо-

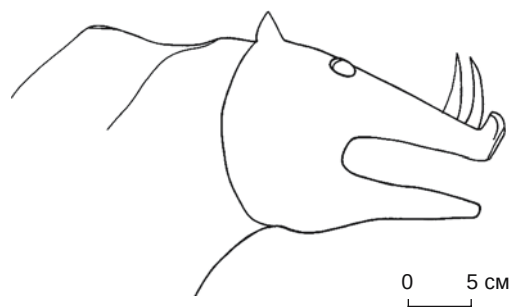

Рис. 11. Рисунок головы кабана на плите из кургана Тас-Хазаа.

морфный лик), в одном – на задней. Край пасти выделялся валиком. Один раз в пасти показаны клыки. Изображались глаза (овальные выпуклости с ямкой в середине, резные окружности) и ноздри (овальные выпуклости). В одном случае между глаз вырезаны две симметричные, выгнутые навстречу друг другу дуги (см. рис. 9, 16), а в другом двумя рельефными валиками обозначен контур нижней челюсти (см. рис. 9, 36). Ближайшие аналоги «хищников» из могильника Иткуль II – изображения головы змеи на подвеске в форме трубочки из раннего окуневского кургана могильника Уйбат-Чарков и голов змей или медведей на роговых подвесках из кургана Карасук II [Комарова, 1981, рис. 4, 7, 8]. Другая серия аналогий обнаруживается на окуневских каменных стелах столбообразной формы (в т.ч. миниатюрных), на которых ниже антропоморфного лица изображена пасть хищника. Обычно она направлена вниз [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 103, 140, 194 и др.], но в одном случае обращена к лицу [Есин, 2009, рис. 6, 3]. На одной каменной стеле между глаз хищника, подобно образу с оз. Иткуль, выбиты две симметричные вертикальные дуги [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 194]. В целом видовую принадлежность хищника, изображенного на роговых изделиях, однозначно определить сложно. Вероятно, как и на каменных стелах, это мифологический персонаж, который может сочетать признаки змеи, медведя и других животных.

Антропоморфные образы. Они входят в состав сложных композиций и представлены в двух вариантах: а) изображение только лица; б) изображение всей головы с верхней частью туловища. Последнее отчетливо показано только у двух антропоморфных образов: в одном случае подчеркнуты выпуклый живот, женская грудь, полусогнутые в локтях и опущенные вниз руки; в другом признаков женского пола нет, а вместо рук на плечах расположены отверстия. Еще у одного изображения детали передней части туловища сохранились плохо. Лица преимущественно реалистичные (6 экз.), но есть и одно нереалистичное. На всех показано только по два глаза, переданных овальными выпуклостями, каплевидными

углублениями или круглыми отверстиями. На трех лицах нанесены резные линии, по-разному структурирующие их внутреннее пространство: а) горизонтальная линия между глазами и ртом; б) огибающая рот сверху дуга, горизонтальная линия ниже глаз и вертикальная между ними; в) четыре параллельные выгнутые вниз дуги на лбу. Помимо этого, имеются другие отличительные признаки: а) рога быка; б) пара симметричных элементов, по форме похожих на длинные, вероятно, заячьи уши; в) удлинённый подпрямоугольный выступ в нижней части лица, напоминающий бороду; г) фигура в виде вытянутого полуовала на месте головного убора; д) объемное изображение высокого конусовидного головного убора, которое может включать голову птицы, а также антропоморфный лик.

Набор признаков женского персонажа имеет аналогии на ряде каменных стел столбообразной формы. Наибольшее сходство демонстрирует стела из пос. Ши́ра, у центрального изображения которой помимо груди и живота есть также согнутые в локтях и опущенные вниз руки, «заячьи» уши, высокий головной убор (см. рис. 10). Аналогии прослеживаются в серии окуневских женских фигур с разведенными в стороны ногами, изображенных на широкой плоскости ряда стел и плит: у некоторых из них тоже показаны грудь, выпуклый живот, согнутые в локтях и опущенные вниз руки [Есин, 2010а, рис. 1, 5, 7, 8]. Порой такие изображения имеют звериные черты, правда, это не уши, а когти. Вместе с тем головные уборы не показаны, а большинство самих рисунков относится к более позднему времени.

Головной убор, переданный полуовалом с вогнутыми сторонами, в рамках серии изделий из кург. 14 могильника Итколь II, возможно, принадлежит мужскому персонажу, судя по форме нижней части лица, напоминающей бороду. Конусовидный головной убор, видимо, был атрибутом антропоморфных образов разного пола. Как минимум один из этих персонажей – женщина, на что указывают большая грудь и выпуклый живот. Вместе с тем у другого изображения с такой шапкой женские признаки на туловище не показаны. Оба типа головных уборов находят соответствие среди рисунков на плитах раннеокуневского кургана Тас-Хазза [Есин, 2009, рис. 3]. Полуовал над головой показан также у нескольких окуневских фигур на скалах и стелах [Есин, 2005, рис. 12, 1–4]. Но конусовидный головной убор и здесь изображался гораздо чаще [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 141, 252, 253; Esin, Gorbатов, 2011, р. 3]. Более того, с ним может отождествляться верхняя часть многих окуневских стел столбообразной формы. Хотя изображение головы длинноклювой птицы в верхней части конусовидного головного убора на наскальных рисунках не известно, стоит отметить, что у некоторых фи-

гур в таких шапках имелись или предполагались крылья, что тоже подчеркивает их связь с образом птицы [Есин, 2009, с. 91]. В верхней части некоторых каменных стел вместо головы птицы изображена голова животного – барана, лося, хищника. Изображение птицы (но, скорее, семейства совиных), возможно, присутствует вверху столпообразной фигуры на стеле из окрестностей ст. Июс [Есин, 2010б, рис. 7, 4]. Еще одна птичья голова показана над антропоморфным ликом на стеле из с. Бельтыры, однако высокий конусовидный убор здесь отсутствует, а птица отличается более коротким клювом [Есин, 2010в, с. 7].

В некоторых окуневских погребениях найдены черепа и клювы журавлей (Черновая VIII, кург. 8, мог. 21 и кург. 4, мог. 1; Черемушный (Третий) Лог I, мог. 7). Высказывались предположения о том, что они являлись частью ритуальных масок [Вадецкая, 1980, с. 69] или головных уборов [Черемисин, 2008, с. 65; 2009]. С учетом изображений на предметах с оз. Иткуль птичьих черепов и клювов скорее могли быть элементами положенных с умершими головных уборов, хотя их место в погребениях (в области пояса, вдоль правой руки) допускает и иное объяснение. Изображения дают дополнительную информацию о форме окуневских конусовидных шапок: подобно колпакам саков, сзади они имели треугольный клапан, закрывавший шею и опускавшийся на спину (см. рис. 9, 2, 3). В одном случае он совмещен с изображением головы змеи и имеет скругленный нижний конец (см. рис. 9, 1).

Два симметричных косых креста по бокам головного убора (см. рис. 9, 4) сопоставимы с парными крестами по бокам других антропоморфных изображений раннеокуневского стиля [Леонтьев, 1976, рис. 2], а также, видимо, с более поздними т.н. солярными знаками на боковых гранях каменных стел столбообразной формы. Обычно такой знак имеет форму круга со специально отмеченным центром и четырьмя треугольными лучами, но иногда показаны четыреходящие от центра линии, образующие косой крест.

Треугольное отверстие сверху одного лика аналогично треугольникам на том же месте большого числа изображений на окуневских стелах. Столь же типичны для ликов на этих памятниках и рога быка. «Борода» находит точные соответствия на небольшой окуневской каменной скульптуре из кург. 26 могильника Итколь II и стеле с оз. Черного [Есин, 2010в, с. 19].

Длинные и узкие «заячьи» уши женской фигуры аналогичны ушам центрального образа ряда каменных стел столбообразной формы [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 36, 54, 58 и др.]. Их наличие свидетельствует об особом качестве слуха и, видимо, плодovitости персонажа (возможный аналог – мифическая родоначальница скифов в облике зайца). Вместе с тем подобные уши, показанные на другом изделии, имеют на концах специально выделенные острия и кружки

внутри (см. рис. 9, 4б). По этим признакам они близки ушам антропоморфной фигуры раннеокуневского стиля на писанице Коровий Лог, изображениям особых копий или стрел на стеле из раннеокуневского кургана в пос. Усть-Бюрь, ушей и копий сверху ликов на двух окуневских стелах из кург. 26 могильника Итколь II и др. [Леонтьев, 1976, рис. 2; Есин, 2010б, рис. 9, 5, 7; 2010в, с. 97]. Причина совмещения признаков и длинных ушей, и наконечников колющего оружия, видимо, кроется в специфике не дошедших до нас устных ритуальных текстов, описывавших и восхвалявших мифологических персонажей. Возможно, такие изображения передают визуальными средствами поэтическую метафору, в которой длинные и острые уши сравнивались с наконечниками копий. Другое непротиворечивое объяснение предложить трудно.

С точки зрения внутренней структуры антропоморфных ликов важно отметить факт одновременного присутствия в серии реалистичных и нереалистичных. Это позволяет окончательно отказаться от попыток выстраивания относительной хронологии окуневских антропоморфных изображений только по критерию реалистичности. Схожие по приемам трактовки реалистичные лики представлены на некоторых стелах и образцах мобильного искусства [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 121, 141; Есин, 2010в, с. 19, 161]. Порой на лбу ликов на стелах тоже имеются дуги [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 36, 140]. Отсутствие «третьего глаза» и только одна горизонтальная линия между глазами и ртом находят ближайшие аналоги среди памятников раннеокуневского искусства. Трехчастная вертикальная структура нереалистичного лика имеет параллели как на изображениях, связанных с кругом памятников типа Черновая VIII, так и на раннеокуневских ликах. Однако одинарная линия между глазами – это признак, присущий ранним изображениям.

Характер соотношения персонажей раскрывается благодаря особенностям их взаимного расположения. На каждом предмете со сложной композицией представлены один или два антропоморфных образа и один или два зооморфных. Используются две основные оси, по которым строятся композиции: 1) вертикальная; 2) горизонтальная по линии передняя сторона – задняя сторона. Расположение образов по вертикали демонстрирует следующие особенности: а) голова хищника вырезана внизу, птицы – вверх; б) голова с рогами быка – внизу, с ушами зайца – наверху. В целом в вертикальной структуре стержневидных изделий можно выделить четыре, три и два яруса. Расположение образов по горизонтальной оси также имеет определенные особенности: а) лицо человека вырезано на передней стороне, морда хищника – на задней; б) реалистичный антропоморфный лик – на передней стороне, нереалистичный – на задней.

Очевидно, что изображения, занимающие противоположные концы осей, – это противопоставленные с точки зрения признаков персонажи, наделенные противоположными качествами.

Композиция стержневидных изделий из рога полностью совпадает с таковой каменных стел столбообразной формы: внизу – пасть хищника, в средней части – антропоморфный образ, наверху – голова еще одного антропоморфного или зооморфного персонажа. Очень показательно также наличие изображений на задней стороне стержневидных изделий: в одном случае – антропоморфного лика, в другом – головы змеи. В том же месте на каменных стелах воспроизведены простой лик [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 195], голова быка анфас [Есин, 2010в, с. 41, рис. 3], иногда фиксируется выступ в форме лица, но без выбитых изображений. Слегка изогнутая форма каменных стел, скошенный верх и большая высота лицевой стороны по сравнению с задней тоже находят соответствие в изделиях из рога. В целом стержневидные предметы имеют все ключевые признаки столбообразных стел и могут рассматриваться как их миниатюрные аналоги. Это отражает важную роль стел в ритуально-мифологической сфере окуневской культуры. В то же время роговые изделия обладают очевидным своеобразием и демонстрируют, что данные композиционные принципы и связанные с ними представления об организации пространства и мифологических персонажах не были исключительной принадлежностью каменных стел – они получали воплощение и на предметах из других материалов и с иными функциями.

Выводы

Подводя итоги сравнительного анализа роговых изделий из детского погребения могильника Итколь II с наскальным искусством эпохи ранней бронзы Минусинской котловины, можно сделать несколько общих выводов.

Во-первых, данные находки – это очередной весомый аргумент в пользу окуневской принадлежности большой серии древних каменных стел, поскольку сходство между ними прослеживается по целому набору признаков и композиции в целом. Следовательно, искать объяснение вторичному использованию стел с рисунками в окуневских курганах нужно не в их инокультурной принадлежности, как ранее предлагалось некоторыми исследователями, а в особенностях окуневской ритуальной практики.

Во-вторых, отличительные черты антропоморфных изображений из могильника Итколь II (отсутствие «третьего глаза» и специально показанной шеи, высокий головной убор; отсутствие линий, разделяю-

щих лик на ряд частей или сегментов, либо наличие относительно простых вариантов такого оформления) соответствуют признакам изобразительного пласта раннеокуневского времени [Леонтьев, 1976; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 16–19; Есин, 2010б, с. 67, 68]. Это согласуется с относительной датировкой кургана в рамках двух этапов окуневской культуры по погребальному обряду и инвентарю, а также с его радиоуглеродной датой. Благодаря скульптурному исполнению изображений они существенно расширяют имевшиеся представления о раннеокуневском искусстве.

В-третьих, рассматриваемые находки указывают на несомненное наличие у окуневцев развитой традиции художественной резьбы. Сфера ее применения с учетом технологической взаимосвязи резьбы по рогу и кости с обработкой дерева [Бородовский, 1997, с. 15, 120] могла быть достаточно широкой. Это заставляет вспомнить давно высказанную гипотезу, что именно с резьбой по дереву связаны истоки традиции создания окуневских каменных стел [Максименков, 1975, с. 37; Наглер, 2001, с. 116; и др.]. Важный аргумент в ее пользу – использование в качестве лицевой стороны многих стел не широкой, а узкой грани плиты. Этот выбор мог быть обусловлен прежней традицией нанесения изображений на деревянные столбы, естественная форма поверхности которых требовала создания композиций, вытянутых по вертикали и сильно ограниченных по ширине. Вместе с тем сформулированная Г.А. Максименковым идея о возникновении данного искусства в богатых лесом таежных районах Сибири представляется спорной. Например, отсутствие обширных лесов в пустыне Такламакан не мешало развитию там во II тыс. до н.э. традиции деревянной скульптуры [Baumer, 2012, p. 124]. Целый ряд особенностей окуневской культуры, в числе которых колесный транспорт [Есин, 2012], тоже предполагавший определенный уровень развития деревообработки, свидетельствует о связях с областями, лежащими к югу и западу.

Список литературы

- Бородовский А.П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37–87.
- Глусская З.К.** Новое в искусстве неолита на Енисее // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 39–48.
- Есин Ю.Н.** О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной

Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 114–128.

Есин Ю.Н. Стела с изображением «солнцеголового» божества на реке Туим в Хакасии (к 120-летию экспедиции на Енисей Общества древностей Финляндии под руководством И.Р. Аспелина) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 85–94.

Есин Ю.Н. Изображения «богини-матери» в окуневском искусстве Минусинской котловины // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2010а. – Т. 9. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 111–122.

Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010б. – С. 53–73.

Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2010в. – 184 с.

Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012. – № 1 (3). – С. 14–47.

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 76–90.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19–64.

Леонтьев Н.В. Наскальные рисунки Коровьего лога (к вопросу о периодизации антропоморфных изображений окуневской культуры) // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1976. – № 11: Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 128–136.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 9–52.

Максименков Г.А. Окуневская культура: автореф. дис... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 39 с.

Наглер А. К проблеме формирования скифо-сибирского звериного стиля // Третья Кубанская археол. конф.: тез. докл. – Краснодар, 2001. – С. 115–121.

Петроглифы древней Сибири: альбом. – М.: Галарт, 2010. – 192 с.

Поляков А.В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010а. – С. 144–158.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010б. – С.158–171.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – Вып. 5. – С. 20–56.

Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Исследования памятников афанасьевской культуры на озере Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 377–381.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 156–190.

Соколова Л.А. Погребение в колыбели окуневского могильника Уйбайт V // Археол. вести. – 1995. – № 4. – С. 44–51.

Студзицкая С.В. Изображение лося в древней пластике Прибайкалья и «ангарский стиль» // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – С. 286–300.

Хомич Л.В. Колыбель у народов Сибири (к вопросу о типологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 24–49. – (Сб. МАЭ; т. XLII).

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 136 с.

Черемисин Д.В. О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 85–94.

Baumer C. The History of Central Asia: The Age of the Steppe Warriors. – L.: I.B.Tauris, 2012. – 372 p.

Esin Y., Gorbatov L. Ulug Khurtuyakh Tas. – Abakan: [s.n.], 2011. – 16 p.

*Материал поступил в редколлегию 27.04.14 г.,
в окончательном варианте – 11.05.14 г.*

A.V. Polyakov¹, Y.N. Esin²

¹*Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaya Nab. 18, Saint-Petersburg, 191186, Russia
E-mail: poliakov@yandex.ru*

²*Khakassian Research Institute of Language, Literature, and History,
Schetinkina 23, Abakan, 655017, Russia
E-mail: esin2006@yandex.ru*

HORN FIGURINES FROM AN OKUNEVO BURIAL ON LAKE ITKUL, KHAKASSIA, SOUTHERN SIBERIA

Eight miniature horn figurines representing human-like characters and heads of birds, elk, boar, and carnivore, were found in grave 4 at Itkul II mound 14, northern Minusinsk Basin. The burial dates to the early (Uybat) stage of the Okunevo Culture (second half of the 3rd millennium BC). The form and composition of certain figurines resembles those of Okunevo steles.

Keywords: Southern Siberia, Minusinsk Basin, Bronze Age, Okunevo culture, Afanasyevo culture, figurines, steles.

УДК 903.083

В.В. Бобров¹, П.В. Герман²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: klac@kemsu.ru²Институт экологии человека СО РАН
пр. Ленинградский, 10, Кемерово, 650065, Россия
E-mail: lithos@mail.ru

РОГОВАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ ФИГУРКА ИЗ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ*

В статье дана характеристика уникальной случайной находки из предгорий Кузнецкого Алатау, хранящейся в Историческом музее г. Тисуль Кемеровской обл. Иконографический и стилистический анализ антропоморфной фигурки из рога позволил предположить ее принадлежность к мелкой пластике носителей окуневской культуры, обитавших на просторах среднего Енисея в первой половине II тыс. до н.э. На общем археологическом фоне северных предгорий Кузнецкого Алатау не исключена возможность проникновения в эти районы групп окуневского населения. Отмечены изобразительные элементы и приемы, не свойственные археологическим культурам Сибири.

Ключевые слова: первобытное искусство, мелкая пластика, антропоморфное изображение, иконография, стиль, эпоха бронзы, окуневская культура.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.058-063

В Историческом музее г. Тисуль хранится уникальное изделие, обнаруженное случайно в р. Дудет*. Его нашел во время рыбалки тисульчанин Н.Н. Тарасов. Изделие находилось в воде приблизительно в 10 м от берега. Местность, где оно было найдено, своеобразная с физико-географической точки зрения. На территории Тисульского р-на в горах Кузнецкого Алатау расположено самое крупное и живописное озеро Кузнецко-Салаирской горной области – Большой Берчикуль. Его южный и западный берега характеризуются горно-таежным рельефом, северный – незначительными возвышенностями, чередующимися с цокольными террасами, которые покрыты смешанным лесом и березовыми колками. Восточный берег низкий, равнинного характера, постепенно переходящий в пойму р. Дудет. Русло реки близко подходит к

озеру. На этом своеобразном перешейке расположен небольшой поселок Городок. В данном месте на реке возведена дамба, которая позволила поднять уровень воды в оз. Большой Берчикуль.

На берегах озера одним из авторов статьи с 1973 по 1978 г. и в 1984 г. проведены археологические разведки и стационарные раскопки памятников. Большая их часть расположена на западном и северном берегах. Установлено, что временные стоянки древних людей относятся к мезолиту, неолиту, эпохе ранней бронзы. Незначительные комплексы можно датировать ранним Средневековьем. Ранний железный век (тагарская культура) представлен курганным захоронением [Бобров, 1975, 1976, 1977, 1978, 1980, 1983, 1986, 1997]. Небезынтересно то, что в 1984 г. в результате разведочных работ в районе пос. Городок В.В. Бобров открыл две стоянки эпохи поздней бронзы, оставленные населением, происхождение которого связано с территорией среднего Енисея. Сравнительно недавно были продолжены полевые работы на западном берегу озера, где открыты еще два археологических памятника.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

**Авторы благодарны директору музея М.В. Банщиковой за возможность ознакомиться с находкой.

ка, содержащие материалы бронзового века [Герман, Савельева, 2010; Марочкин и др., 2011].

Таким образом, представление об исторических этапах освоения берегов оз. Большой Берчикуль древними и средневековыми народами было в основном сформировано. Хотя, несомненно, остались «белые пятна». Как вписывается в эту историко-хронологическую картину случайная находка с р. Дудет? Ответ на вопрос дать сложно, т.к. изделие обнаружено вне археологического контекста. Это ограничивает исследование иконографическим, стилистическим анализом и методом аналогий. Вряд ли уместно использовать в данной ситуации сравнительно-типологический метод.

Дудетская находка (рис. 1, 2) представляет собой антропоморфную фигурку, вырезанную из крупного рогового отростка, конец которого обрезан. Соответственно, форма изделия повторяет форму отростка. Высота фигурки 120 мм. Следует учесть, что нижняя ее часть сломана еще в древности. Кроме того, на некоторых местах имеются повреждения в виде отслоившейся надкостницы. В верхней части фигурки сечение близко к круглому (23×27 мм), а в средней и нижней – овальное (27×18 и 35×16 мм).

Изделие условно можно разделить на четыре плоскости. На верхнем конце узкой дугообразной стороны вырезано рельефное изображение головы человека (высота 31 мм, ширина 23 мм). Теменная часть уплощена, причем преднамеренно, т.к. сверху сделано углубление конической формы (диаметр по краю 11 мм, глубина 16 мм). Несмотря на это уплощение, абрис лица ближе к овалу. Но нельзя не обратить внимание на выступающие, хотя и немного, скулы. Лицо человека передано в технике контррельефа. Лоб, нос и рот находятся в одной плоскости. Большие миндалевидные глаза с крупными круглыми зрачками в виде ямок – наиболее выразительный элемент лица антропоморфного существа. Их рельефная форма передана подрезкой по контуру, но так, чтобы одновременно обозначить прямой короткий нос, а также брови, одна из которых немного приподнята и изогнута под углом, а другая волнообразная и дополнительно подчеркнута слегка углубленной линией на лбу.

Рис. 1. Антропоморфная фигурка из рога с р. Дудет (Тисульский р-н Кемеровской обл.).

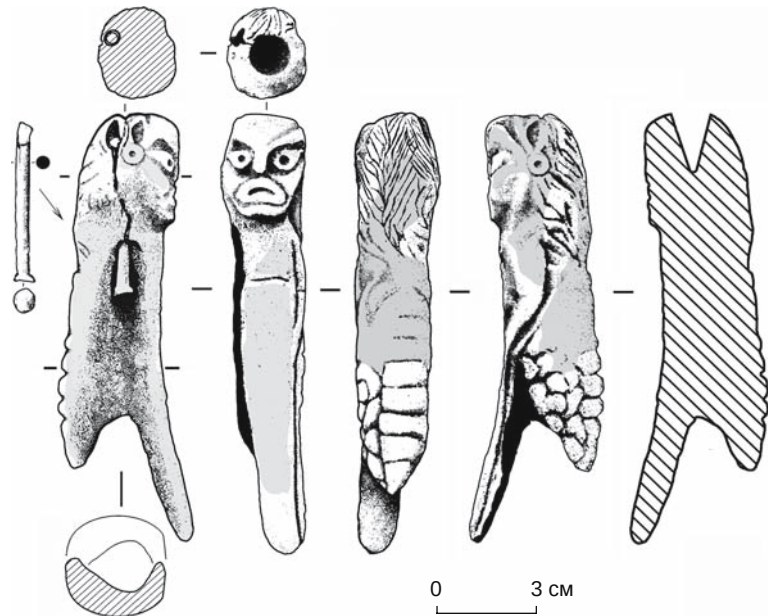

Рис. 2. Прорисовка антропоморфной фигурки (серым цветом выделены места повреждений).

Прорезанной линией, которая образует полукруглую фигуру, выделен рот с достаточно массивными, непропорциональными размерам головы губами. Эта линия одновременно подчеркивает слегка выступающие скулы. Уголки рта опущены вниз, что вместе с выражением глаз придает антропоморфному существу свирепый вид. Линия нижней губы подчеркивает челюсть с прямым широким подбородком. Но в большей степени эта часть лица трактована

рельефным переходом к шее и туловищу. Именно в данной изобразительной манере передана «ямка» на подбородке.

На обеих широких плоскостях посередине на уровне глаз очень тонкой резной линией обозначен круг с ямкой в центре (напоминает циркульный орнамент), а сверху него вертикально расположена рельефная эллипсовидная фигура. Скорее всего, так переданы уши. От них и затылка до уровня лопаток нанесены тонкие волнистые и прямые линии, направленные к центральной оси. В какой-то степени они напоминают слабое плетение волос в косу или зачес назад к середине головы. При этом «прядь» справа направлена вниз.

С правой стороны фигурки, на относительно хорошо сохранившейся плоскости, подрезкой обозначена рука, которая немного согнута в локте так, чтобы кисть находилась в районе живота (к сожалению, плоскость ниже лица повреждена). На спине фигурки ниже прически расположен вертикальный ряд прямоугольников. На боковых плоскостях, слева и справа от этого ряда, вырезаны округлые и аморфные фигуры, сочетание которых напоминает изображение чешуи. Сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН д-р ист. наук А.И. Соловьёв высказал интересное предположение, что таким образом передана змеиная шкура. Возможно, на антропоморфной фигурке была изображена своеобразная накидка.

Правая сторона изделия имеет наиболее значительное повреждение. На участке до изображения головы плотный роговой слой отсутствует, частично выбран и губчатый, особенно в верхней части. В этом углублении вдоль фигурки просверлен сквозной канал диаметром 5 мм, который выходит за правым ухом. В канале находилась деревянная палочка длиной 44 мм, диаметром 4 мм. Один ее конец имеет «шляпку», но она естественного происхождения. Подобная форма образуется при отрыве веточки от основного стержня. К сожалению, мы можем только выстраивать различные версии о назначении палочки и о том, какой у нее был вид над головой антропоморфной фигурки. Аутентичность палочки подтверждается тем, что она минерализованная (т.е. мореная) в результате длительного нахождения в воде.

Рассматривая дудетскую антропоморфную фигурку в целом, можно сделать вывод об ее исключительности, т.к. пока аналогичных изделий ни в древней, ни в средневековой мелкой пластике или монументальной скульптуре неизвестно. Особенно обратим внимание на изобразительную передачу состояния антропоморфного существа. Приподнятая и изогнутая под углом бровь, широко раскрытые глаза, опущенные уголки рта – все это невозможно трактовать иначе, как выражение свирепости, уст-

рашения, ярости. Из всех известных в настоящее время образцов антропоморфной скульптуры на территории Евразии состояние ярости, по мнению Л.Н. Ермоленко, передано на некоторых каменных изваяниях раннего Средневековья в казахстанских степях [2005]. Но свойственные им изобразительные приемы отличаются от представленных на дудетской фигурке.

Независимо от своего размера антропоморфная скульптура неолита и эпохи ранней бронзы статична и относительно условна, за единичными исключениями [Чаиркина, 2005, рис. 67, 3; 68; 2014; Окладников, 1950, рис. 122; Археологические памятники..., 2000, рис. 60; Горюнова, Смотров, 1981; Дроздов, 1974; Студзицкая, 1970; 1981]. Следует отметить, что таких находок на территории азиатской части России очень мало. Основными районами их локализации являются Зауралье и Прибайкалье [Морозов, 2010]. Значительно больше антропоморфной мелкой пластики представлено в культурах сейминско-турбинской эпохи. Но изменилась география центров. Наибольшее количество образцов этого искусства приходится на лесостепное Приобье (самусьская и елунинская культуры) и средний Енисей (окуневская культура). В ареале окуневской археологической культуры наряду с антропоморфной мелкой пластикой широкое распространение получила монументальная скульптура. Необходимо подчеркнуть, что стилистически мелкие антропоморфные изображения самусьской и окуневской культур разительно отличаются друг от друга, как и от изобразительных материалов урало-казахстанских степей, степного Алтая, Монголии [Матюшенко, 1973, рис. 23, 66; Есин, 2009; Максименков, 1980; Кирюшин, 2002, рис. 131, 1, 2; Кирюшин, Грушин, 2007; Зданович, Мошинская, 1973; Зданович, Плешаков, 1981; Ковалев, 2012]. Находок из «степного» ареала немного, включая монументальную скульптуру на территории Монголии. Эти антропоморфные изображения чаще выражают философско-созерцательное состояние. О.П. Ченченкова провела исследование каменной скульптуры лесостепной Азии эпохи палеометалла [1996, 2004]. Один из ее выводов сводится к стилистическому единству скульптурных изображений, по крайней мере, западно-сибирского ареала [Ченченкова, 1996]. Однако в самусьской и окуневской мелкой пластике известны единичные экземпляры, которые «выбиваются» из изобразительной традиции. В качестве примера приведем каменную фигурку с поселения Самусь IV, найденную Е.А. Васильевым [2007, рис. 7] (рис. 3, 4). Завершая обзор антропоморфной мелкой пластики эпохи бронзы на территории азиатской части России, отметим, что «недоброе» состояние персонажа отражает только одна каменная скульптурка (с поселения Самусь IV). Его передают

соединенные на переносице брови, расширенные зрачки круглых глаз, открытый рот с отвисшей нижней губой [Косарев, 1981, рис. 37, 7] (рис. 3, 1).

В поздний период бронзового века на территории Северной и Центральной Азии традиция антропоморфных изображений в мелкой пластике прервалась. Очень схематичные, отдаленно напоминающие фигуру человека керамические изделия появились в переходное к эпохе железа время, и все они относятся к позднеирменской культуре [Молодин и др., 2003]. В раннем железном веке образ человека воплощали преимущественно в металле, и связано это было с культурами таежной зоны Западной Сибири. Следует подчеркнуть, что здесь данная традиция сохранялась и в более позднее время, причем иногда в таком материале, как дерево и кость [Молодин, 1992; Федорова, 2011]. В степном поясе Евразии в эпоху железа антропоморфизм нашел выражение в оленных камнях [Савинов, 1994, с. 84–93; Членова, 2004], а в раннем Средневековье – в монументальной скульптуре [Ермоленко, 2004]. Нет необходимости рассматривать изображения человека в других видах древнего искусства. Наиболее широко этот образ представлен на петроглифах и писаницах Евразии, не говоря о других континентах. Особый стилистический колорит имеет антропоморфная мелкая пластика древних земледельческих культур Передней и Средней Азии.

Сравнительный анализ целесообразно провести с материалами Северной и Центральной Азии. Пока установлено, что передача изобразительными средствами «недоброго» состояния образа нетипично для первобытного искусства, но по этому признаку дудетская фигурка обнаруживает близость с одной скульптуркой самусьской культуры (рис. 3, 1). В иконографическом аспекте идентичные форму рта и прием его изображения демонстрируют некоторые каменные изваяния чечурчекской культуры второй половины III – первой трети II тыс. до н.э. в Восточной Монголии (Хух-Удзуурийн-Дугуй I, Ягшийн-Ходоо-3) и Синьцзяне (Супте) [Ковалев, 2012, с. 106, 116, 124] (рис. 3, 2, 3). В творчестве носителей этой культуры можно отметить также изображение рук в положении, как у дудетской фигурки, но только в единичном случае – на каменном «жезле», найденном в уезде Хутуби пров. Синьцзян [Там же, с. 135] (рис. 3, 5). Такое же положение рук зафиксировано на каменном изваянии из средневекового святилища Жинишке в Цент-

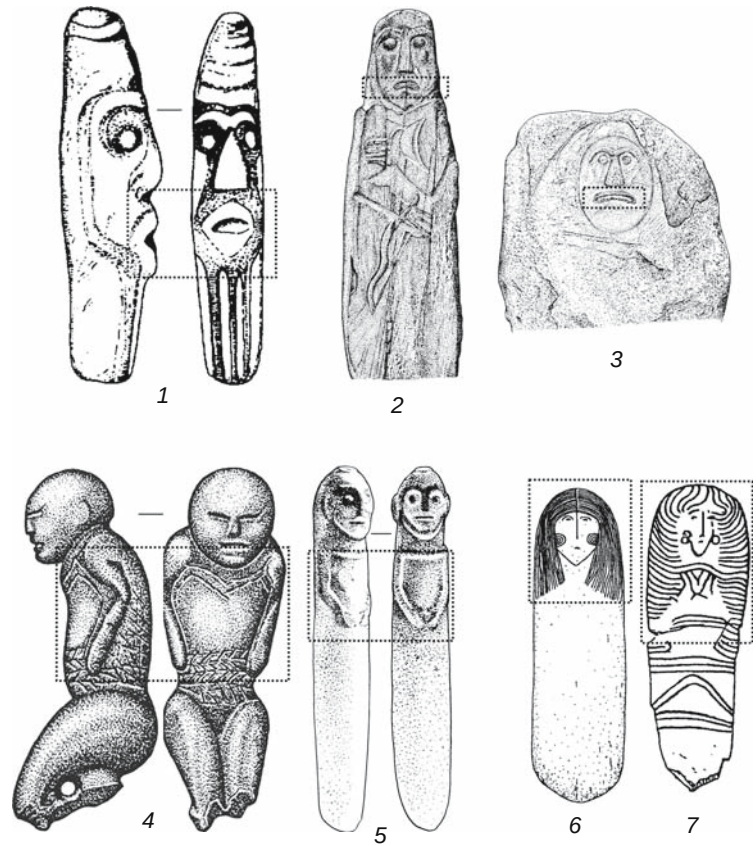

Рис. 3. Антропоморфные изображения, демонстрирующие некоторые изобразительные приемы, представленные на фигурке с р. Дудет. 1, 4 – Самусь IV [Косарев, 1981; Васильев, 2007]; 2, 3, 5 – памятники чечурчекской культуры [Ковалев, 2012]; 6 – Верх-Аскиз; 7 – Черновая VIII [Gass, 2011].

ральном Казахстане [Ермоленко, Курманкулов, 2002, рис. 7, 2]. Оно не типично для средневекового монументального искусства азиатских степей. На окуневских антропоморфных изваяниях руки не показаны [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 108–227; Вадецкая, 1980]. Исключение составляет статуя из улуса Чарков, на которой рука изображена в манере, типичной для чечурчекской скульптуры [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 116, № 27]. Наконец, абсолютное совпадение по этому признаку с дудетской фигуркой демонстрирует статуэтка с поселения Самусь IV [Васильев, 2007, рис. 7] (рис. 3, 4).

Манера изображения уха на рассматриваемом издании достаточно оригинальная. Оно состоит из двух элементов: круга с «точкой» в центре и эллипсовидной фигуры. В отдельности эти элементы очень широко представлены в окуневском изобразительном творчестве, в частности на монументальной скульптуре и плоскостных изображениях личин. Не исключено, что иконография уха на дудетской фигурке связана с окуневской традицией. Уверенность в этом придает отсутствие подобных элементов в искусстве других археологических культур Сибири и Цент-

ральной Азии. Изображение волос, а конкретнее прически, тонкими резными линиями также свойственно окуневской изобразительной традиции [Gass, 2011, Taf. 50, 3, 5; 158, 3–5, 8–10] (рис. 3, 6, 7). Наконец, если версия об изображении змеиной шкуры верна, то образ змея в пределах лесостепной и степной зоны Азии также представлен преимущественно в искусстве окуневской культуры [Савинов, 2007]. Об этом образе в изобразительном творчестве сейминско-турбинской эпохи и его семантическом содержании достаточно подробно изложено в исследовании И.В. Ковтуна [2013, с. 75–127].

Проведенный иконографический и стилистический анализ (возможно, неполный) позволяет предположить, что найденная в предгорьях Кузнецкого Алатау роговая антропоморфная фигурка относится к одной из культур сейминско-турбинской эпохи (конец III – начало II тыс. до н.э.). Предпочтительнее связывать ее с окуневской изобразительной традицией, несмотря на яркое своеобразие произведения. Косвенно этот вывод подтверждают окуневские материалы с поселения на берегу Тамбарского водохранилища, расположенного в 10 км от местонахождения фигурки. Вместе с тем следует иметь в виду, что Ачинско-Мариинская лесостепь, включая северные предгорья Кузнецкого Алатау, являлась зоной контакта самусьской и окуневской культур.

Список литературы

- Археологические памятники** Тогучинского района Новосибирской области / В.И. Молодин, В.В. Бобров, Т.А. Журба, С.В. Колонцов, В.М. Кравцов, Ю.В. Кравцов, В.И. Соболев. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 2000. – 101 с. – (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 5).
- Бобров В.В.** Археологические исследования на северо-востоке Кузбасса // АО 1974 года. – М.: Наука, 1975. – С. 191–192.
- Бобров В.В.** Археологические исследования в Кемеровской области // АО 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 218–219.
- Бобров В.В.** Исследования Берчикульского отряда Кузбасской экспедиции // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 190–191.
- Бобров В.В.** Раскопки поселений на оз. Большой Берчикуль и на р. Томи // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 209.
- Бобров В.В.** Курганы на оз. Большой Берчикуль // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1980. – Вып. XI. – С. 86–94.
- Бобров В.В.** Стоянка каменного века на оз. Большой Берчикуль // Историческая этнография: традиции и современность. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1983. – С. 170–176. – (Проблемы археологии и этнографии; вып. II).
- Бобров В.В.** Некоторые аспекты корреляции археологических материалов Западной Сибири // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири: итоги и перспективы. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. – С. 40–43.
- Бобров В.В.** Исследования поселения Танай 4А и некоторые проблемы западносибирской археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 138–143.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры / Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков. – Л.: Наука, 1980. – С. 37–87.
- Васильев Е.А.** Самусь IV: старые проблемы на фоне новых исследований // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – С. 114–127.
- Герман П.В., Савельева А.С.** Новые материалы эпохи бронзы северных предгорий Кузнецкого Алатау // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат-лы XV Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 132–135.
- Горюнова О.И., Смотров В.И.** Погребальные комплексы могильника Шумилиха (анализ материалов и датировка памятника) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 17–28.
- Дроздов Н.И.** Котинское погребение с антропоморфными фигурами из бивня мамонта // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1974. – С. 229–236.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.
- Ермоленко Л.Н.** Эпический мотив «радостной» ярости и его изобразительные соответствия // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 62–67.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К.** Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 78–87.
- Есин Ю.Н.** Древнее искусство Сибири: самусьская культура. – Томск: Том. гос. ун-т, 2009. – 526 с. – (Тр. Музея археологии и этнографии Сибири; т. II).
- Зданович Г.Б., Мошинская В.И.** Об антропоморфном изображении из Прииртышья // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 199–202.
- Зданович Г.Б., Плешаков А.А.** Каменная скульптура эпохи бронзы из Притоболья // СА. – 1981. – № 3. – С. 258–261.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Киришин Ю.Ф., Грушин С.П.** Предметы мобильного искусства раннего бронзового века Приобья // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 22–25.
- Ковалев А.А.** Древнейшие статуи Чемурачка и прилегающих территорий. – СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2012. – 160 с.
- Ковтун И.В.** Предыстория индоарийской мифологии. – Кемерово: Asia-Print, 2013. – 702 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 282 с.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 3–26.

Марочкин А.Г., Баштанник С.В., Жаронкин В.Н., Фрибус А.В., Коночук К.В., Соколов П.Г., Ковтун И.В. Полевые исследования Северо-Восточного и Нижнетомского отрядов Кузбасской археологической экспедиции ИЭЧ СО РАН // Материалы научной сессии Института экологии человека СО РАН, 2011 год. – Кемерово, 2011. – С. 132–135.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: Самусьская культура. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – 208 с. – (Из истории Сибири; вып. 10).

Молодин В.И. Деревянные антропоморфные изваяния из культовых комплексов эпохи средневековья (Западная Сибирь) // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб.: ИИМК, 1992. – С. 227–229.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Глиняные скульптурки городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 333–340.

Морозов А.В. Мелкая пластика эпохи неолита–энеолита на территории Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2010. – 24 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I–II. – 208 с. – (МИА; № 18).

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – Л.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1994. – 208 с.

Савинов Д.Г. Образ змея на каменных изваяниях окуневской культуры // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – С. 257–263.

Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА. – 1970. – № 1. – С. 19–33.

Студзицкая С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на верхней Ангаре // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 38–45.

Федорова Н.В. Костяная антропоморфная скульптура со святилища Усть-Полуй // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 77–81.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 312 с.

Чаиркина Н.М. Древняя антропоморфная скульптура Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1. – С. 81–89.

Ченченкова О.П. О стилистическом единстве древней каменной скульптуры Западно-Сибирской лесостепи и сопредельных территорий // Археология Сибири: историография и источники. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1996. – С. 150–180.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 336 с.

Членова Н.Л. Северный Кавказ – Синьзянь – Монголия: («Общевразийские» оленные камни) // Археологические памятники раннего железного века России. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 220–244.

Gass A. Frühbronzezeit am mittleren Enisej: Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. – Bonn: Verl. Dr. Rudolf Habelt, 2011. – 412 S.

*Материал поступил в редколлегию 01.02.15 г.,
в окончательном варианте – 22.02.15 г.*

V.V. Bobrov¹, P.V. German²

¹*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 10, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: klav@kemsu.ru*

²*Institute of Human Ecology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Leningradsky 10, Kemerovo, 650065, Russia
E-mail: lithos@mail.ru*

AN ANTHROPOMORPHIC HORN FIGURINE FROM THE NORTHERN FOOTHILLS OF THE KUZNETSKY ALATAU, SOUTHERN SIBERIA

The article introduces an unusual anthropomorphic horn figurine found out of context in the foothills of the Kuznetsky Alatau and owned by the Tisul local museum, Kemerovo Province. The iconographic and stylistic analysis of the figurine suggests an Okunevo attribution (early 2nd millennium BC). Given the archaeological situation in the Kuznetsky Alatau at that time, an Okunevo migration is possible. Certain artistic devices have not hitherto been described in the prehistoric art of Siberia.

Keywords: Prehistoric art, portable art, anthropomorphic representations, iconography, Bronze Age, Okunevo Culture.

УДК 903.5

Н.Л. Моргунова, А.А. Евгеньев, Л.В. Купцова*Оренбургский государственный педагогический университет**ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия**E-mail: nina-morgunova@yandex.ru**oren-arch@mail.ru**orelin.84@mail.ru*

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СИНТАШТИНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПОСЕЛЕНИИ МАЛОЮЛДАШЕВО I В ЗАПАДНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ*

В статье впервые публикуются материалы погребального комплекса синташтинского времени на поселении у с. Малоюлдашево в западной части Оренбургской обл. Погребение представляло собой коллективное захоронение трех человек. И погребальный обряд, и инвентарь демонстрируют признаки разных культурных традиций этого времени (синташтинских, потаповских, абашевских), а также волго-уральских культур предшествующего периода.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Южное Приуралье, погребальный комплекс, синташтинское время.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.064-071

Введение

Поселение Малоюлдашево I исследовано в Красногвардейском р-не Оренбургской обл. (рис. 1, А) [Евгеньев, 2014]. Работы носили охранно-спасательный характер и были проведены в связи с опасностью разрушения памятника при строительстве автодороги. Площадка поселения представляла собой пологий склон первой надпойменной террасы правого берега р. Ток (бассейн р. Самары) и располагалась у подножия сыртов (рис. 1, Б). Раскоп, заложенный в южной части поселения, состоял из 15 участков (760 м²). Выявлены три хронологические группы материалов: 1) нижний культурный слой – эпохи неолита; 2) погребение синташтинского времени; 3) верхний культурный слой – срубной культуры. Задача настоящей публикации – введение в научный оборот и интерпретация материалов погребального комплекса, достаточного редкого для территории Южного Приуралья.

*Исследование осуществлено в рамках проектной части государственного задания № 33.1471.2014К на выполнение научно-исследовательской работы.

Описание погребального обряда

Погребение было обнаружено на участке VI на глубине 360–379 см от 0. Контуры могильной ямы не прослеживались. Захоронение коллективное – трех взрослых людей (рис. 2). Костяк 1 принадлежал мужчине пожилого возраста*. Он был захоронен в скорченном положении на правом боку, головой на север. Руки погребенного были согнуты в локтях так, что кисти располагались на уровне плеч, ноги слабо согнуты в коленях и перекрещены (левое бедро лежало поперек правого). Слева от черепа (вплотную к лицевым костям) стоял глиняный горшок (№ 1), справа находилась пяточная кость животного (представителя крупного рогатого скота**), в области локтей обнаружено бронзовое шило (№ 1). В ногах этого погребенного компактно были уложены скелетные остатки мужчины 30–40 лет (костяк 3). Южнее вы-

*Антропологические определения сделаны д-ром ист. наук А.А. Хохловым (г. Самара).

**Археозоологические определения сделаны канд. ист. наук Н.В. Росляковой (г. Самара).

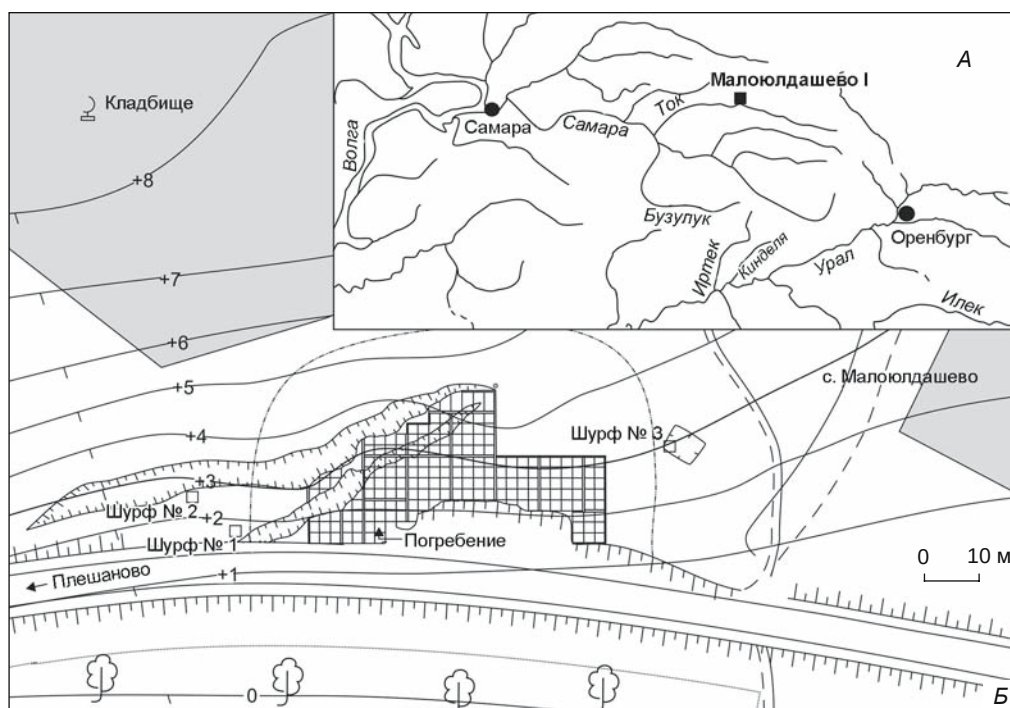

Рис. 1. Расположение на карте Южного Приуралья (А) и план (Б) поселения Малоюлдашево I.

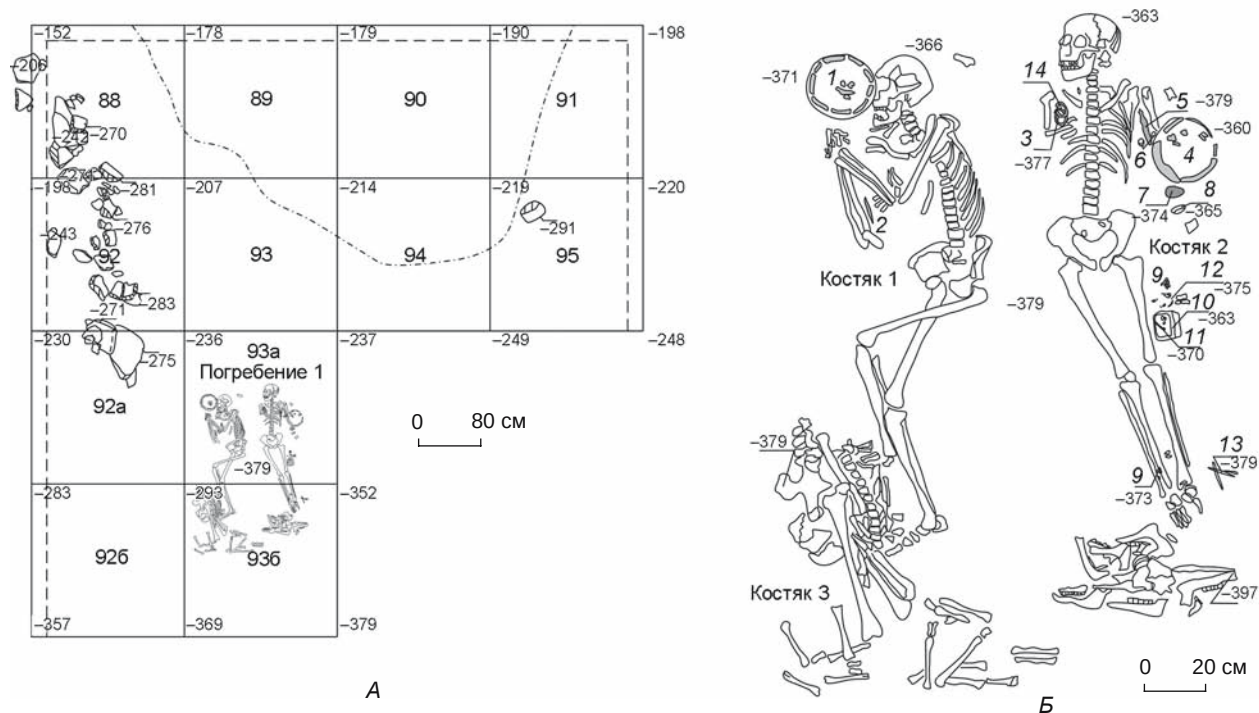

Рис. 2. Расположение в раскопе (А) и план (Б) погребения.

1 – сосуд 1; 2 – бронзовое шило 1; 3 – бронзовые браслеты; 4 – сосуд 2; 5 – бронзовый нож; 6 – бронзовые перстни; 7 – кусок смолы; 8 – костяной диск; 9, 11 – бронзовые украшения; 10 – сосуд 3; 11 – бронзовое шило 2; 12 – изделие из бересты и бронзовые оклады; 13 – костяные орудия; 14 – клык кабана.

явлено скопление костей четырех передних и семи задних конечностей, принадлежавших пяти особям овцы. Справа от костяка 1 располагался скелет молодой женщины (костяк 2), погребенной лежа на спине, головой на север. Кости нижней части рук (ниже локтей) отсутствовали. На черепе отмечены следы травм от проникающего орудия – три сквозных округлых отверстия.

Женскому погребению сопутствовал разнообразный набор артефактов. Рядом с правой плечевой костью на ребрах найдены два бронзовых браслета и клык кабана, возле левой – бронзовые нож и два перстня, а также сосуд (№ 2), в заполнении которого обнаружены астрагалы свиньи. Южнее горшка находились кусок смолы и костяной дисковидный плоский предмет. Возле левой бедренной кости найден керамический сосуд (№ 3), внутри и выше которого находились бронзовые пронизы. Аналогичные украшения вместе с нашивками из тонкой бронзовой пластины лежали между берцовыми костями. В сосуде 3 обнаружено также бронзовое шило (№ 2), а под ним – остатки берестяного предмета. Около костей левой ступни найдены четыре костяных острия. Южнее костяка 2 находились остатки жертвенного комплекса – пять черепов овцы с нижними челюстями, первыми и вторыми шейными позвонками.

Описание погребального инвентаря

Сосуд 1 (рис. 3, 1) – горшок с перегибом в середине профиля, резко отогнутым наружу венчиком и выраженным внутренним ребром при переходе от шейки к тулову. Вся его поверхность украшена широкими горизонтальными желобками. Высота сосуда 13,5 см, диаметр горла 17,5, дна – 9,3, максимальный тулова – 17, толщина стенок 0,5 см. В верхней части под венчиком сосуд был чинен двумя бронзовыми скобами, укрепленными в сквозных отверстиях овальной формы.

Сосуд 2 (рис. 3, 2) – горшок усеченно-конической формы с перегибом в верхней трети профиля, слегка отогнутым венчиком и внутренним ребром при переходе от шейки к тулову. Вся поверхность сосуда украшена. По венчику проходят три горизонтальных желобка. Ниже расположена орнаментальная зона, сверху ограниченная рядом овальных вдавлений, снизу – зигзагом из аналогичных вдавлений. Заполнена многорядными зигзагами, выполненными при помощи мелкозубчатого штампа. Посередине зоны проходит горизонтальный ряд овальных вдавлений. Ниже расположен пояс хаотичных штрихов, выполненных оттисками мелкозуб-

чатого штампа. Придонная часть горшка украшена горизонтальными желобками. Высота сосуда 20 см, диаметр горла 18, дна – 8, максимальный тулова – 20, толщина стенок 0,5 см.

Сосуд 3 (рис. 3, 3) – керамическая чаша прямоугольной формы со слегка скошенными стенками, без орнамента. Размеры по верхнему краю 10,1 × 7,2 см, по дну – 9,8 × 6,8, глубина сосуда 4,8, толщина стенок 1 см.

Шило 1 (рис. 3, 4) сделано из бронзового прута квадратного сечения (3,0 × 3,0 мм) длиной 7,9 см. Окончания заострены. Сохранились остатки деревянной рукоятки.

Шило 2 (рис. 3, 6) аналогично первому, отличается размерами: сечение 2,0 × 2,0 мм, длина 7,2 см.

Бронзовые браслеты (рис. 3, 9, 10) округлой формы относятся к типу широкожелобчатых без ребра, с несомкнутыми, слегка заостренными концами. На внешней поверхности сохранились следы орнамента в виде выпуклых «шишечек».

Бронзовый нож (рис. 3, 5) – двулезвийный, листовидной формы, с приостренным окончанием. Он имеет едва намеченное ромбовидное перекрестье, удлиненный черенок и ромбическое окончание пятки. В основании клинка по бокам небольшие выемки, на лезвии с одной стороны слабовыраженное ребро жесткости. Общая длина изделия 13 см.

Перстни изготовлены из бронзовой проволоки, относятся к типу многоспиральных со спиральными щитками. Перстень 1 (рис. 3, 7) имеет три полных и два неполных витка, окончание одного из которых закручено в спиралевидный щиток в 1,5 оборота. Диаметр изделия 2,2 см. Перстень 2 (рис. 3, 8) имеет один полный и два неполных витка. Оба конца закручены в спиралевидные щитки в 2,5 оборота. Диаметр перстня 1,9 см.

Костяное дисковидное изделие (рис. 3, 13) – «колесико» диаметром 5,1 см, толщиной 0,6 см со сквозным отверстием в центре. В сечении диск имеет форму усеченного овала, отверстие – форму песочных часов. По краю изделия с обеих сторон точечный орнамент.

Бронзовые украшения представлены пронизями нескольких типов (всего 35 экз.) и нашивками из тонкой бронзовой пластины с пробитыми отверстиями (4 экз.). Типы пронизей (рис. 3, 12): 1 – бисер (10 экз.); 2 – крупные бусины бочонковидной формы (2 экз.); 3 – короткие гладкие пронизы, изготовленные из свернутой тонкой пластины (2 экз.); 4 – длинные с рифленной поверхностью (4 экз.); 5 – длинные витые пронизы, изготовленные из круглой в сечении проволоки, спирально закрученной вокруг сердечника (16 экз.); 6 – крупная бусина шаровидной формы, полая внутри, с двумя сквозными отверстиями.

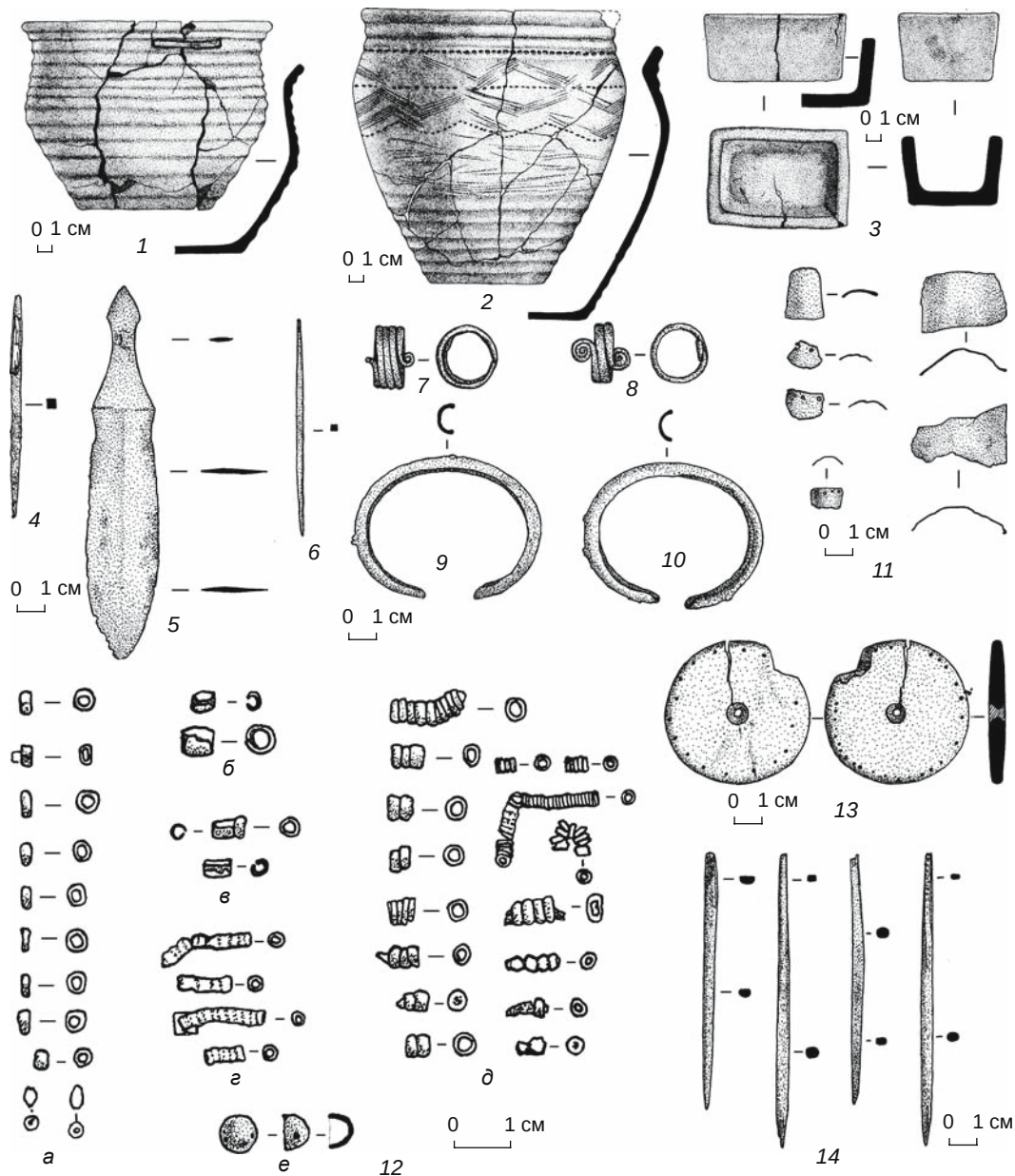

Рис. 3. Инвентарь погребения.

1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 3; 4 – шило 1; 5 – нож; 6 – шило 2; 7 – перстень 1; 8 – перстень 2; 9, 10 – браслеты; 11 – нашивки; 12 – пронизи: а – тип 1, б – тип 2, в – тип 3, г – тип 4, д – тип 5, е – тип 6; 13 – дисковидное изделие; 14 – остря.

1–3 – глина; 4–12 – бронза; 13, 14 – кость.

Костяные остря (рис. 3, 14) – овальные в сечении, длиной 9,0–10,5 см. Один конец затупленный, другой – заостренный.

Культурная интерпретация погребального комплекса

Описанное захоронение по большинству признаков обряда и артефактов можно отнести к кругу культур синташтинского времени. В его материалах отраже-

ны разные культурные традиции этого времени. Синкретизм комплекса проявляется по всем его характеристикам, начиная с погребального обряда. В целом данное погребение характеризуется следующими особенностями. Во-первых, оно является коллективным (тройным). Во-вторых, в могиле были захоронены индивиды разного пола и возраста, не связанные друг с другом прямым родством, т.к. их черепа, по заключению А.А. Хохлова, демонстрируют краниологический полиморфизм. В-третьих, двое из них (молодая женщина и мужчина 30–40 лет) явно были

умерщвлены насильственно, причем оба находились в подчиненном положении относительно пожилого мужчины, поскольку их останки покоились в одном случае в ногах, а в другом – за спиной последнего. В-четвертых, ни один из погребенных не был уложен в могилу согласно наиболее распространенному в среде степных культур конца среднего – позднего бронзового века Волго-Уралья канону (в скорченном положении на левом боку): здесь фиксируются положение на правом боку и на спине, компактно уложенные расчлененные останки.

В погребальных памятниках синташтинской культуры, как правило, количественно преобладают индивидуальные могилы. Однако и практика создания неодинокных (в т.ч. и тройных) погребений применялась довольно часто. Тройные захоронения обнаружены на большом грунтовом Синташтинском могильнике, некрополях Танаберген II, Каменный Амбар-5, Бестамак [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 113, 114; Епимахов, 2005, с. 20, 47; Ткачев, 2007, с. 30, 40; Калиева, Логвин, 2009, с. 49]. Однако отметим, что в синташтинских коллективных могилах погребенные чаще были уложены в одинаковой позе, значительно реже положение одного из них (как правило, женщины или ребенка) выбивалось из общей канвы обряда. В малоюлдашевском же погребении все индивиды захоронены в разных позах.

Скорченное положение на правом боку с определенной периодичностью фиксируется в могильниках синташтинской культуры [Епимахов, 2002, с. 109–117; Ткачев, 2007, с. 103]. Однако, согласно имеющимся антропологическим определениям, на правый бок укладывались только женщины и дети [Епимахов, Берсенева, 2012, с. 159]. В данном комплексе так был уложен мужчина, являвшийся основным погребенным. На территории Приуралья поза на правом боку, причем в основных мужских погребениях, типична для комплексов ямной культуры, в т.ч. и поздних (полтавкинских) [Моргунова, 2014, с. 207–212]. Она широко распространена в катакомбных захоронениях от Нижнего Поволжья до Подонья [Синюк, 1996, с. 147–164; Братченко, 1976, с. 20–21] и нередко фиксируется на памятниках раннего этапа срубной культуры [Моргунова, 1999, с. 43–44].

Вытянутое положение на спине также иногда встречается в погребениях синташтинской культуры, например, на могильниках Жаман-Каргала, Танаберген II, Кривое Озеро [Виноградов, 2003, с. 225; Ткачев, 2007, с. 104]. Характерно оно и для катакомбных памятников Калмыкии [Шишлина, 2007, с. 149–146]. Компактно уложенные расчлененные останки зафиксированы в грунтовом Синташтинском могильнике и в курганном Ишкиновка II [Генинг В.Ф., Зда-

нович, Генинг В.В., 1992, с. 209, 210; Ткачев, 2007, с. 72, 107]. Пример погребения с расчленением известен в некрополе Танаберген II [Ткачев, 2007, с. 104]. Захоронения компактно уложенных расчлененных останков отмечаются в погребальных памятниках катакомбной культурно-исторической общности на территории Калмыкии, нижнего Дона, Приазовья [Мельник, 1990, с. 14–44]. Человеческие жертвы достаточно широко представлены в коллективных погребениях ямной культуры Приуралья [Моргунова, 2014, с. 60–70].

Малоюлдашевский комплекс близок синташтинской культуре и по антропологическим характеристикам погребенных: зачастую женские выборки ее носителей демонстрируют иные в сравнении с мужскими морфологические признаки [Хохлов, Китов, 2014, с. 132–133].

Яркой отличительной чертой малоюлдашевского погребения является присутствие многочисленных костных остатков животных. В погребении найдены кость особи крупного рогатого скота, черепа и кости конечностей овцы, альчики свиньи. Помещение в одно захоронение частей животных различных видов является одной из наиболее примечательных особенностей синташтинского погребального ритуала [Зданович, 2005; Косинцев, 2010, с. 53–54], а также характерной чертой памятников потаповского типа в Среднем Поволжье [Рослякова, Косинцев, 2012, с. 364–370].

Таким образом, погребальный обряд малоюлдашевского захоронения отражает взаимодействие разных традиций как предшествующего периода (ямной и катакомбной культур), так и синташтинского времени и прежде всего самой синташтинской культуры, а также характерных для памятников потаповского типа. Данный вывод подтверждается и особенностями инвентаря.

Форма, способы декорирования (в т.ч. применение рельефных элементов), орнаментальные композиции сосудов 1 и 2 имеют многочисленные аналогии в синташтинской керамике [Ткачев, Хаванский, 2006, с. 26–66]. Стилистика украшения сосуда 2 подчеркивает трехчастное строение горшка: различное орнаментальное оформление имеют венчик, тулово и придонная часть. Сосуд 1 был отремонтирован бронзовыми скобами, что также является специфической особенностью синташтинской культуры [Ткачев, 2007, с. 186]. В то же время, безусловно, данные горшки в сравнении с синташтинской керамикой обладают рядом своеобразных черт (замена многорядных зигзагов рифленой поверхностью за счет горизонтальных желобков, недостаточная четкость геометрической композиции на плечиках сосуда). Разнообразие гончарных традиций, характерных для памятников потаповского типа Волго-Уралья, отме-

чено по данным технико-технологического анализа. Причем сделан вывод о формировании потаповского типа эволюционно на местной основе, преимущественно на базе полтавкинской культуры, в меньшей степени абашевской [Салугина, 2014, с. 99].

Оригинален сосуд 3 прямоугольной формы, не имеющий прямых аналогов. Подборка всех известных прямоугольных чаш, весьма малочисленных, была сделана Г.Н. Тощевым, который пришел к выводу, что их основная масса происходит с памятников катакомбного круга [Тощев, 2012, с. 174–175]. Исследователями неоднократно указывалось на участие носителей катакомбной культуры в сложении синташтинской [Епимахов, 2002, с. 72; Ткачев, 2010, с. 93, 94]. Однако проявление этой составляющей фиксировалось, как правило, в погребальной обрядности и в исключительно редких случаях – в гончарстве [Мочалов, 2008, с. 247–248].

В рассматриваемом захоронении было много изделий из металла, что еще раз подчеркивает его связь с синташтинской культурой. Аналоги ножа, браслетов, перстней, шильев, бисера широко представлены практически на всех изученных памятниках этой культуры [Епимахов, 2002, с. 140, рис. 96; Виноградов, 2011, с. 62, рис. 19, 27–35, 37, 38; с. 66, рис. 22; Малютина, Зданович, 2012, рис. 8].

Интерес представляют найденные в захоронении костяные изделия – «колесико» и четыре проколки. Прямой аналог малоюлдашевского костяного дисковидного предмета в синташтинских материалах не найден, однако костяные диски с отверстием встречаются в них довольно часто, и вариации их различны [Виноградов, 2003, с. 339]. Наиболее приближенное к малоюлдашевскому по форме и размерам, но не идентичное изделие обнаружено в яме 2 могильника Бестамак [Калиева, Логвин, 2009, с. 35, рис. 4]. Интересно, что там, как и в малоюлдашевском погребении, костяной диск найден вместе с куском окаменевшей смолы [Там же, с. 35–37].

Костяные проколки не являются предметами, отражающими культурные традиции какого-либо населения. Они имеют широкое географическое распространение в разных культурах позднего бронзового века. В основном костяные проколки встречаются на поселениях [Морозов, 1983, с. 34, рис. 12; Килейников, 1989, с. 121, рис. 1; Березанская, 1990, табл. XVI; Купцова, Файзуллин, 2012, с. 97, рис. 23].

Заключение

И погребальный обряд, и инвентарь малоюлдашевского захоронения демонстрируют безусловные признаки синташтинского времени. Тем не менее

в данном комплексе следует отметить как сочетание разных культурных традиций, так и преимущественный компонент синташтинской культуры, что особенно проявляется в типологии бронзовых украшений.

Вероятно, своеобразие обнаруженного в Западном Оренбуржье погребения, в сравнении с синташтинскими материалами, вызвано прежде всего тем, что этот регион весьма удален от основного ареала достаточно представительных по численности и разнообразных памятников синташтинской культуры. На территории всего Волго-Уралья комплексы подобного типа немногочисленны. Однако редкие погребальные памятники синташтинского времени известны как в Западном Оренбуржье (II Герасимовский курганный могильник, грунтовый у горы Березовой) [Порохова, 1992, с. 100–103; Халяпин, 2001, с. 421, 425], так и в Среднем Поволжье (Потаповский курганный могильник и др.). Они также обладают рядом своеобразных черт.

Комплексы потаповского типа, выявленные в Поволжье, по мнению ряда авторов, составляют с синташтинской культурой единое потаповско-синташтинское культурно-историческое образование [Кузнецов, 2001, с. 181]. Коллективы, оставившие синташтинские и потаповские памятники, были генетически связаны, в формировании этих популяций принимали участие общие компоненты, что подтверждается близостью их погребального обряда и инвентаря, в особенности керамического [Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 90–95; Кузнецов, Мочалов, 2001, с. 269–273]. Между тем каждый отдельно взятый синташтинский или потаповский памятник отличается рядом присущих только ему черт и совокупностей признаков. Данная ситуация возникла, видимо, потому, что финал среднего этапа бронзового века в Волго-Уралье являлся периодом активного культурогенеза, во время которого существование стабильных погребальных канонных было в значительной степени затруднено.

Таким образом, своеобразие малоюлдашевского погребального комплекса, вероятно, связано с его расположением на территории между ареалами синташтинских и потаповских памятников, ближе к последним. Малочисленность археологических объектов синташтинского времени в Оренбургском Приуралье пока не позволяет говорить о существовании здесь самостоятельной культуры этого времени. Однако малоюлдашевское погребение показывает, что по мере накопления данных она будет характеризоваться значительным своеобразием в силу преобладающего участия в ее формировании местных более древних компонентов и в то же время родством с синташтинской культурой.

Список литературы

- Березанская С.С.** Усово Озеро: Поселение срубной культуры на Северском Донце. – Киев: Наук. думка, 1990. – 151 с.
- Братченко С.Н.** Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 251 с.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.** Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара: Самар. гос. ун-т, 1994. – 208 с.
- Виноградов Н.Б.** Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. – 362 с.
- Виноградов Н.Б.** Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск: Абрис, 2011. – 175 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – 408 с.
- Евгеньев А.А.** Отчет о раскопках поселения Малоюлдашево I в Красногвардейском районе Оренбургской области в 2012 году. Оренбург, 2014 // Архив ИА РАН.
- Епимахов А.А.** Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2002. – 170 с.
- Епимахов А.А.** Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. – Кн. 1. – 192 с.
- Епимахов А.А., Берсенева Н.А.** Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – Т. 11. – Вып. 3: Археология и этнография. – 2012. – С. 148–170.
- Зданович Д.Г.** Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения Степного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** Могильник поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 9. – С. 32–58.
- Килейников В.В.** Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 119–126.
- Косинцев П.А.** Проблемы изучения хозяйства синташтинской культуры // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: К 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 52–58.
- Кузнецов П.Ф.** Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: мат-лы Междунар. науч. конф. – Самара, 2001. – С. 178–182.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.** Вопрос о культурном единстве потаповских и синташтинских керамических комплексов // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: мат-лы Междунар. науч. конф. – Самара, 2001. – С. 266–273.
- Купцова Л.В., Файзуллин И.А.** Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 70–100.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.** Поселение «Каменный Брод» – спутник укрепленного центра Аркаим: стратиграфические горизонты и ритмы поворотов жизненных циклов в «Стране городов» // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 50–62.
- Мельник В.И.** Особые виды погребений катакомбной общности. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
- Моргунова Н.Л.** Могильник у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Димур, 1999. – Вып. 3. – С. 40–64.
- Моргунова Н.Л.** Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической общности. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2014. – 348 с.
- Морозов Ю.А.** Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа: Изд-во Башкир. фил. АН СССР, 1983. – С. 19–40.
- Мочалов О.Д.** Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников: современное состояние проблемы // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2008. – Т. 10, № 1. – С. 244–250.
- Порохова О.И.** II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ин-та, 1992. – С. 92–107.
- Рослякова Н.В., Косинцев П.А.** Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век: Эпоха героев (по материалам погребальных памятников). – Самара: Изд-во Самар. археол. об-ва, 2012. – С. 348–378.
- Салугина Н.П.** Керамическое производство в процессе культурогенеза позднего бронзового века Волго-Уралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): мат-лы Междунар. науч. конф. – Самара, 2014. – С. 93–106.
- Синюк А.Т.** Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1996. – 350 с.
- Ткачев В.В., Хаванский А.И.** Керамика синташтинской культуры. – Орск; Самара: Изд-во Орск. гуманит.-техн. ин-та, 2006. – 180 с.
- Ткачев В.В.** Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актобин. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.
- Ткачев В.В.** К проблеме синташтинского культурогенеза // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: К 70-летию Г.Б. Здановича. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. – Ч. 2. – С. 91–104.
- Тоцев Г.Н.** Об одном виде керамической посуды в эпоху энеолита – бронзы // Проблемы изучения памятников археологии Восточной Украины: мат-лы III Луган. ист.-археол. конф., посвящ. памяти С.Н. Братченко. – Луганск, 2012. – С. 174–176.

Халяпин М.В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: мат-лы Междунар. науч. конф. – Самара, 2001. – С. 417–425.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) //

Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): мат-лы Междунар. науч. конф. – Самара, 2014. – С. 131–142.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). – М.: Изд-во ГИМ, 2007. – 400 с.

Материал поступил в редколлегию 14.01.15 г.

N.L. Morgunova, A.A. Evgenyev, L.V. Kuptsova

Orenburg State Pedagogic University,

Sovetskaya 19, Orenburg, 460014, Russia

E-mail: nina-morgunova@yandex.ru; oren-arch@mail.ru; orelin.84@mail.ru

A FUNERARY COMPLEX OF THE SINTASHTA AGE AT MALOYULDASHEVO I, WESTERN ORENBURG PROVINCE

A collective burial of three persons excavated at Maloyuldashevo I, southern Urals, and dating to the Sintashta period, is described. Both the funerary rite and burial goods evidence an admixture of various contemporaneous traditions such as Sintashta, Potapovka, and Abashevo, as well as earlier traditions of the Volga-Ural region.

Keywords: *Late Bronze Age, southern Urals, Sintashta, burials.*

УДК 903.4

В.П. Мыльников, Л.Н. Мыльникова*Новосибирский государственный университет**ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru**l.mylnikova@yandex.ru*

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ЛИНЁВО-1 (Присалаирье, Западная Сибирь)*

В статье представлена модель поселка, созданная на основе графических, теоретических и этноархеологических реконструкций жилищ, хозяйственных и производственных построек населения переходного периода от эпохи бронзы к железному веку лесостепной полосы Западной Сибири. Описаны конструктивные особенности жилищ, предложены их типология и классификация, на основе анализа этнографических данных разработана графическая реконструкция поселка.

Ключевые слова: эпоха бронзы, переходное время от бронзового века к железному, реконструкция жилищ и хозяйственных построек.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.072-086

Введение

Поселения и жилища, как составляющие жизнеобеспечивающей системы, отражают различные аспекты социальной и духовной культуры населения. В.А. Гордцов писал, что без сведений о них невозможно нарисовать сколько-нибудь удовлетворительной картины быта [1935].

Изучение объектов материальной культуры предполагает проведение многопланового анализа. Например, жилые и хозяйственные постройки рассматриваются с точки зрения материала, технологии сооружения, назначения, формы и хронологической принадлежности. Несмотря на тесную взаимосвязь этих характеристик, изменения каждой происходят по разным законам. Так, экологические факторы, уровень развития технических знаний и строительной техники

обуславливают выбор материала и технологию возведения построек. Потребности населения и свойства строительного материала определяют форму жилищ [Захожая, 1998, с. 99; Черных, 2008, с. 23].

Материалы раскопанного в 1984 и 2003–2005 гг. сплошной площадью поселения переходного времени от бронзового к железному веку Линёво-1 позволяют разработать реконструкцию как внешнего вида жилых и хозяйственных построек, так и поселка в целом. Памятник Линёво-1 находится в 2 км к северо-востоку от с. Заречное Тогучинского р-на Новосибирской обл. [Зах, 1997] (рис. 1), на останце древней террасы левого берега р. Иня (правый приток Оби), который возвышается над прилегающей поймой на 1,5–3,0 м.

Памятник открыт В.А. Захом; в 1984 г. им же было вскрыто 500 м² площади поселения, раскопано два строения. В соответствии с господствовавшей в то время в науке теорией эволюционного развития общества в истории Линёво-1 были выделены два периода:

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

конец XI – конец IX в. до н.э. (ирменская культура) – жилище № 2 [Зах, 1997, с. 86] и конец IX – начало VIII в. до н.э. (переход от бронзового к железному веку) – жилище № 1 [Там же, с. 92–93]. Поселение было включено в список памятников завьяловской культуры, ее раннего линёвского этапа [Там же, с. 93; Троицкая, Зах, Сидоров, 1989, с. 104].

Завьяловская культура была выделена Т.Н. Троицкой [1968, 1970, 1973, 1985]. Полная характеристика завьяловского керамического комплекса дана Т.В. Мжельской [Мжельская, Матвеева, 1992] и Т.Н. Троицкой [Троицкая, Мжельская, 1995; 2004]. В.В. Бобров подверг сомнению правомерность выделения завьяловской культуры как таковой [1995, 1999]. Некоторые исследователи считали возможным относить т.н. завьяловские памятники к одному из вариантов большереченской культуры переходного периода от эпохи бронзы к раннему этапу железного века Верхнего Приобья [Косарев, 1981, с. 202; 1987, с. 4; Членова, 1994, с. 84; Могильников, 1986]. В 2008 г. Т.Н. Троицкая и Т.В. Мжельская признали, что идея о существовании завьяловской культуры не получила должного подтверждения, и предложили говорить «о керамике завьяловского типа, которая... появляется (в Приобье) в результате проникновения на базу позднеирменского населения группы северных племен Сургутского Приобья» и сочетает «местные позднеирменские традиции с пришлыми, северными» [2008, с. 115, 117].

По вопросу о культурной принадлежности памятника Линёво-1 у специалистов сегодня нет единого мнения. В.А. Зах относит поселение к завьяловской культуре, Т.Н. Троицкая и Т.В. Мжельская – к памятникам завьяловского типа, В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева – к позднеирменской культуре.

Материалы исследований, проводившихся в 2003–2005 гг. на поселении Линёво-1 Тогучинским археологическим отрядом Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирской археологической экспедицией Новосибирского государственного педагогического университета [Мыльникова и др., 2003, 2004, 2005], позволили увидеть до этого неизвестные стороны памятника. За три полевых сезона на объекте были вскрыты отложения на площади 2 454 м², на которой находились котлованы трех жилищ, остатки хозяйственных строений и производственные зоны. Общая площадь раскопа поселения 2 954 м² (рис. 2). Исследованиями установлено, что жилищные комплексы 1, 2, 15, 16, 17 одновременны, относятся к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему же-

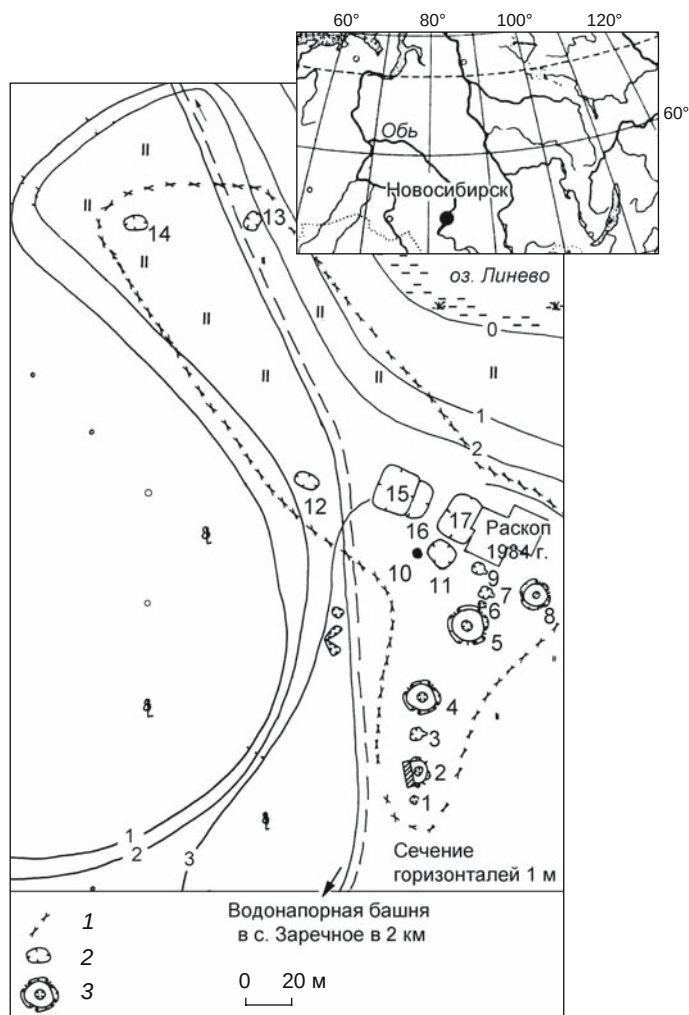

Рис. 1. Расположение поселения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Линёво-1.
1 – граница памятника; 2 – объект эпохи бронзы; 3 – объект эпохи Средневековья.

лезному веку, датируются IX–VIII (VII) вв. до н.э. и принадлежат позднеирменской культуре [Молодин и др., 2012; Мыльникова, 2014].

Характеристика жилищных и хозяйственно-бытовых построек

Жилища. Расположены на северном склоне мыса, тяготеют к центральной его части (см. рис. 1, 2). Строения получили номера, которые соответствуют последовательности инструментальной съемки памятника, проведенной Научно-производственным центром историко-культурного наследия при администрации Новосибирской обл. В ходе раскопок изучены пять жилых, семь хозяйственно-бытовых построек и две производственные площадки [Мыльникова, Дураков, 2004; Овчаренко, Мыльникова, Дураков, 2005].

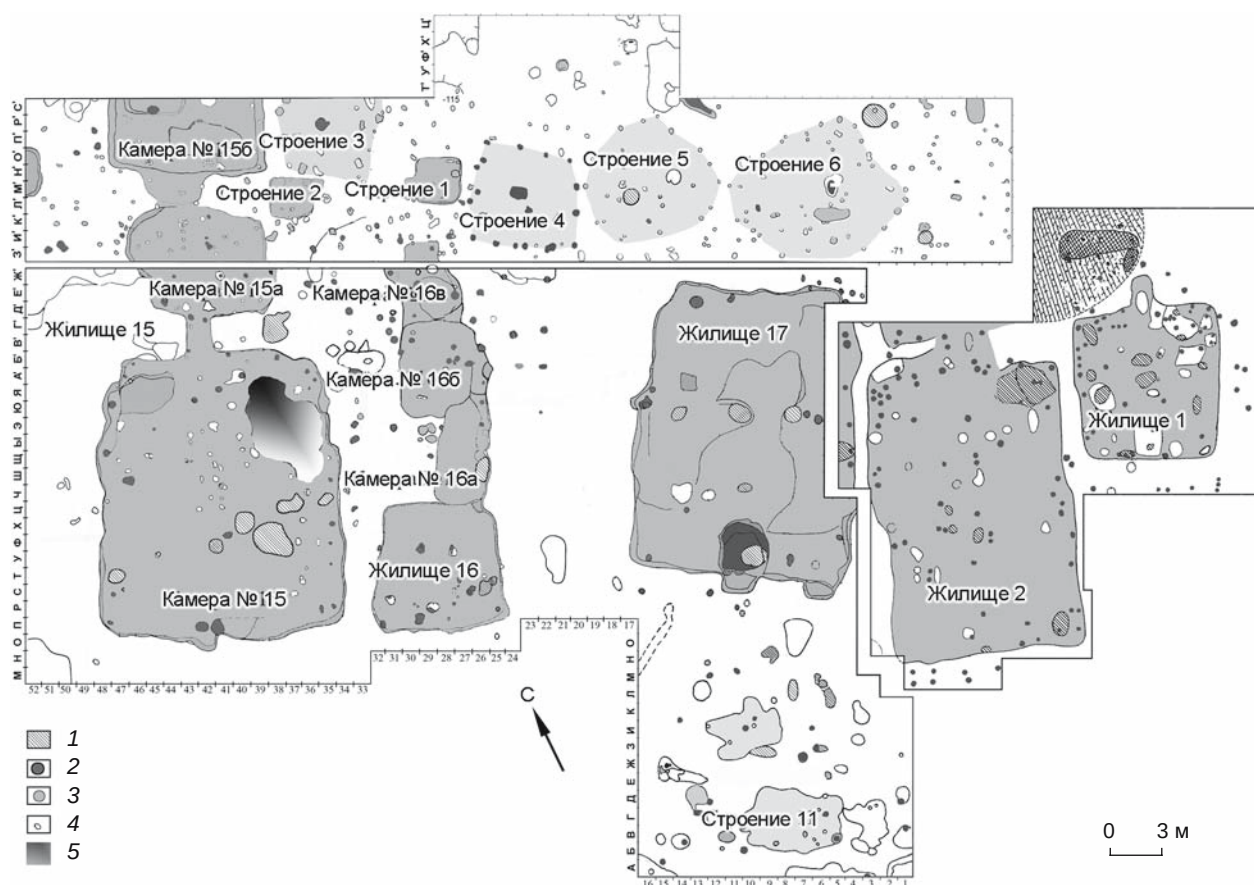

Рис. 2. План расположения жилых и хозяйственных построек на поселении переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Линёво-1.

1 – очаги и зольники; 2 – яма глубиной более 20 см; 3 – яма глубиной 10–20 см; 4 – яма глубиной до 10 см; 5 – котлован «ранней» постройки.

Углубленные в грунт жилища выделены по четко зафиксированным котлованам разных размеров, глубине, конфигурации и системе столбовых ям. Наземные хозяйственные постройки определены по конфигурации столбовых ям глубиной более 0,2 м, различающихся по диаметру и углу наклона их стенок, а также по местам скопления костного материала, каменных артефактов, керамики, продуктов металлообработки и металлических орудий. Углубленные в грунт хозяйственные постройки установлены по форме подпрямоугольных, округлых и овальных котлованов с выровненным полом, на котором находились отходы определенного производства.

Жилище 1. Котлован подквадратной формы размерами 9,2 × 8,6 м. Стенки отвесные высотой 0,1–0,4 м понижаются в северо-восточной части. Пол ровный. Площадь котлована 80 м². Вход в виде коридора длиной 1,5 и шириной 1,2 м расположен в центре северо-восточной стены. Вдоль западной, южной и части северной стен прослежены два ряда столбовых ям. Более десяти ям находились за пределами жилища вдоль всех стен, на разном расстоянии друг от друга. На

полу в центральной части котлована выявлены прямоугольно-овальные очаги и кладки из камней.

Жилище 2. Находилось в 1,5 м к северо-западу от жилища 1. Котлован подпрямоугольной формы размерами 18,0 × 11,5 м. Стенки отвесные высотой 0,2–0,4 м понижаются в северо-западной части. Площадь котлована 207 м². Три линии столбовых ям, тянущиеся от северо-восточной стены котлована за его пределы, возможно, указывают на наличие перехода в еще одно жилище, у которого исследована только часть стены, примыкавшей к котловану рассматриваемого жилища. Столбовые ямы внутри котлована располагались в основном вдоль стен. В центре и вдоль стен котлована прослежено несколько прокалов, самый большой из них (очаг) зафиксирован в северо-западном углу.

Жилище 17. Находилось в 1,5 м к западу от жилища 2. Котлован жилища подпрямоугольной формы размерами 17,5 × 12,0 м, углами ориентирован по сторонам света. Углы округлые, стенки почти отвесные или с небольшим наклоном на внешнюю сторону. Западная и восточная стенки практически прямые, длиной 16 м, северная – немного вогнута вовнутрь жи-

лища, длиной ок. 10 м, около южной, длиной 13 м, выявлены два выступа – ступеньки. Котлован имел глубину относительно уровня материка 0,04–0,60 м. Пол неровный, повышение наблюдается в центральной и южной частях котлована. Жилище устроено на пологом склоне, поэтому стенки котлована различаются по высоте: южная (самая высокая) достигала 0,35–0,62 м, северная (очень низкая) – 0,04–0,12 м. На полу жилища зафиксированы четыре очага, три из них находились посередине на одной линии, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, и делили котлован на две части.

Жилище 16. Находилось в 6,5 м к западу от жилища 17. Котлован подквадратной формы: длина северной стенки 7 м, остальных – по 8 м. Южная стенка неровная: дугообразная, отвесная. В восточном углу жилища ее наклон составляет 65–85°. На полу в этом закругленном углу находилась столбовая ямка. На стратиграфическом разрезе (кв. Ф-Ю/28) четко читалось плечо жилища, перерезавшее зольник, который распространялся в южном направлении за пределы раскопа. Восточная стенка ровная, отвесная, угол относительно пола 115–120°. Стенка понижалась в северном направлении и выполаживалась до 125°. Ее высота в северной части составляла 0,08 м, а в западном углу – 0,41 м. Северная стенка относительно ровная, очень низкая в северо-западной части, плохо читалась в северо-восточной зоне. Она достаточно четко фиксировалась в стратиграфическом разрезе. В северо-западном углу жилища расположена ступенька высотой 0,12 м (выход), размерами 0,25–0,40 м. Установлено, что котлованом данного жилища перерезается зольник. Пол жилища повышается к центру и понижается к стенкам. В центре и у южной стенки котлована отмечено шесть столбовых ям. Здесь же обнаружены фрагменты обожженных плах, которые исследователями идентифицированы как остатки обшивки стен и настила пола. Небольшой очаг диаметром 0,8 × 0,5 м находился в южном углу котлована, в 1 м от северо-восточной стенки. В пределах котлована в полу и стенках зафиксированы 16 ям. Большая их часть связана с конструкцией жилища, некоторые ямы очень мелкие и малого диаметра, их назначение не выяснено. Заслуживает внимания присутствие в двух ямах известкового слоя. Известью были покрыты также пол и стены в западном углу котлована. Эта редкая особенность позволяет предположить, что внутри жилища производились побелка стен и санитарная обработка пола. Подчеркнем, что спецификой котлованов жилищ 16 и 17 является малочисленность ям внутри и вокруг них.

Камера № 16а. Слегка углубленный в грунт котлован подпрямоугольной формы размерами 2,7 × 5,4 м примыкал южной стенкой к северной стенке жили-

ща 16. Его контуры проявились после выборки золистого слоя; мощность заполнения 0,36 м. Обнаружены две столбовые ямы. Стратиграфический разрез сооружений показывает, что котлован камеры № 16а был сооружен раньше, чем котлован жилища 16.

Камеры № 16б и 16в. Камера № 16б представлена неглубоким котлованом подквадратной формы с закругленными углами размерами 5,5 × 6,0 м. Он примыкал южной стенкой к северной стенке камеры № 16а.

Камера № 16в представлена котлованом размерами 3,5 × 4,0 м. Западная стенка отвесная, с некоторым наклоном наружу. У восточной стенки, неровной, перерезанной ямами, имеется двойная ступенька размерами 1,8 × 0,8–1,0 м и 0,48 × 0,80 м. Северная стенка углублена в материк на 0,10–0,04 м. Пол ровный. В камере № 16в перед северной стенкой камеры № 16б имелось углубление подтреугольной формы размерами 2,40 × 2,45 м, глубиной 0,08–0,17 м. Внутри обеих камер и вокруг них находились многочисленные ямы, в т.ч. парные. Возможно, это следы перестройки котлованов. Поскольку котлованы 16а, 16б, 16в располагались друг за другом и лишь слегка перекрывали соседние стенки, можно предположить, что это был единый комплекс жилых (?) и хозяйственных построек, связанных между собой переходами; скорее всего, он функционировал до строительства жилища 16.

Жилище 15 (камеры № 15, 15а, 15б). Представляло собой большое и длинное трехкамерное сооружение, камеры которого соединялись небольшими узкими коридорами-переходами. Основная камера большая, размерами 16,5 × 13 м, прямоугольная, вторая – 7,5 × 7,5 м, подквадратная, третья – 8,5 × 5,0 м, исследована частично.

Стенки камеры № 15 прямые. Их высота понижалась в направлении к склону от 0,74 до 0,32 м. Основную и промежуточную камеры соединял коридорообразный переход длиной 2,0 м, шириной 1,2 м. Пол котлована выровнен относительно уровня горизонта. Столбовые ямы были сосредоточены в центре и вдоль восточной стенки. Два больших очага находились ближе к восточной стенке. Еще один – диаметром 0,8 м – располагался в западном углу, близ северо-западной стены. Котлован, вероятно, был собственно жилищем. На земляном полу зафиксированы остатки деревянного покрытия в виде углей и горелого горбыля, лежавшего выпуклой стороной на материке (настил деревянного пола?).

Камера № 15 «накрывала» более раннее сооружение – котлован (размеры 7,5 × 4,5 м) плохо сохранившегося небольшого жилища (см. рис. 2).

Камера № 15а определена по четко читаемым западной и восточной стенкам и их углам. Северная стенка просматривалась слабо и частично, ее высота 0,06–0,12 м; высота западной стенки 0,18 м, восточ-

ной – 0,13 м. Протяженность отвесной восточной стенки 1,8 м. Восточный угол котлована округлый. Западная стенка протяженностью 1,9 м пологая, неровная. Западный угол камеры нечеткий, дугообразный. Внутри камеры № 15а имеются ямы, различные по форме и размерам. В восточном углу обнаружена яма глубиной 0,16 м, диаметром 0,29 × 0,25 м. Ее стенки наклонены к углу жилища. Четко фиксировались три ряда ям, маркирующих выход из камеры. Общая площадь котлована № 15а примерно 49,3 м².

Камера № 15б находилась ниже котлована № 15а по склону гряды, исследована частично. Длина западной стенки 5,3 м, восточной – 5,0, южной – 6,0 м. Стенки очень низкие (высота 0,02–0,06 м) и пологие. Углы округлые. В них находились столбовые ямы.

Котлованы камер № 15а и 15б соединялись между собой подпрямоугольным переходом. Ширина перехода-коридора 2,0 × 3,6 м (сужение на участке между указанными камерами), длина 1,8 м. Три ряда ям, прослеженных в камере № 15а, имели продолжение в предвходовой части камеры № 15б. Вдоль западных стен камер № 15а и 15б находился ряд ям, которые могли относиться к конструкции жилища.

Производственные площадки. На поселении прослежены две такие площадки с остатками сооружений.

Первая производственная площадка

Строение 1. Находилось в кв. Л'-О'/27-30. Котлован подквадратной формы размерами 2,77 × 2,74 м. Стенки немного сужены к входу. Углы округлые. Стенки очень низкие, пологие. Высота северной стенки 5,0–6,0 см, южной – 2,0–8,0, восточной – до 8,0, западной – до 3,0 см. Высота стенок в зоне выхода до 3,0 см. Хотя дно котлована ровное и понижается в сторону естественного склона, создается впечатление, что пол вокруг ям немного выше, чем в остальной части. Предвходовая площадка подквадратной формы шириной 0,7 и длиной 0,7 м немного удалена от середины западной стенки к юго-западному углу жилища. За пределами котлована у северо-восточного и юго-восточного углов обнаружены ямы глубиной более 20 см, которые можно связывать со строением 1.

Строение 2. Находилось в 6 м к северо-востоку от строения 1. Слегка заглубленный в землю котлован подквадратной формы. Длина северной стенки 2,3 м, западной – 2,16, южной – 2,2, восточной – 2,0 м. Вход расположен в восточной стенке, ближе к северо-восточному углу строения. Его длина 0,4, ширина 0,59 м. Северная и восточная стенки отвесные, западная и южная – пологие, низкие (от 0,07 до 0,09 м). Уровень пола повышается к центру. В северном углу он ниже, чем в остальной части. Почти в центре котлована зафиксирована яма овальной формы размерами 0,30 × 0,24 м, глубиной 0,16 м. Стенки ямы пологие, дно ровное, с наклоном к западу. Около центра

южной стенки расположена еще одна яма размерами 0,45 × 0,30 × 0,09 м. Ее стенки пологие, дно ровное, с перемычкой.

Строение 3. Наземное. Исследовано частично. В плане трапецевидное, размерами 7,0 × 5,8 × 5,4 × 3,8 м. Ямы разной глубины равномерно распределены вдоль всех стен.

Строение 4. Наземное. Выделено на основе анализа равномерно обрамляющих его 17 ям глубиной более 20 см, а также 6 ям небольшой глубины. С учетом расположения ям можно сделать вывод, что строение было подпрямоугольным размерами 7,2 × 6,4 м. Выход находился, вероятно, в юго-восточном углу. По центру сооружения располагались две ямы. Одна (кв. Л'-М'/23-24) прямоугольной формы размерами 1,10 × 0,70 × 0,15 м. Ее дно волнообразное, с наклоном в центр. Восточная стенка наклонная, западная – отвесная. Яма заполнена золой красного цвета. Другая яма (кв. Л'/22-23) неправильной формы (деформирована ходом грызуна?) размерами 0,40 × 0,44 × 0,44–0,09 м. Дно со ступенькой. Восточная стенка дуговидная, западная – отвесная. Заполнение – зола красного цвета.

Строение 5. Наземное. Округло-вытянутой формы, размерами 8,2 × 7,4 м. Выделено по расположению столбовых ям.

Строение 6. Наземное. Подквадратной формы, размерами 8,6 × 8,2 × 8,0 × 7,4 м. Выделено по расположению столбовых ям.

Вторая производственная площадка

Строение 11. Находилось в 3 м к югу от жилища 17. Котлован размерами 3,68 × 5,82 м и глубиной 0,09–0,40 м представлял собой углубленную площадку подпрямоугольной формы с неровными стенками. На дне котлована зафиксированы десять ям: три в стенках, остальные ямы, размещаясь парами друг против друга, образовывали небольшую дугу. Пол котлована неровный, плечики неровные, покатые.

В ходе исследования установлено, что западина № 11 была, вероятнее всего, частью производственной площадки, включавшей не только котлован 11, но и небольшое сооружение подовальной формы (размеры 6,0 × 3,8 м, глубина до 0,26 м), четыре очага, три очажных выброса золы и хозяйственные ямы. Возможно, на этом месте были кузница или бронзолитейная мастерская [Мыльникова, Дураков, 2004]. На полу котлована строения 11 найдены обломки глиняных форм и керамики со следами интенсивного использования в бронзолитейном производстве, фрагменты бронзового литья, шлаки. Выявлены шлаковые кучи и ямы незначительной глубины, в заполнении которых обнаружены бронзовые изделия и керамика ирменской культуры. В 3 м к югу от котлована прослежен очаг-прокал округлой формы диаметром 3,0 м и мощностью 0,7 м. С учетом расположения очага и артефактов вокруг

него можно предположить, что в этой части площадки долгое время производилась выплавка бронзы.

Реконструкции жилищ и хозяйственных построек

Анализ археологических материалов, полевых планов и стратиграфических разрезов жилищных и хозяйственных строений, а также межжилищного пространства позволил составить представление о планировке строений и этапах их возведения, а также функционировании поселения. Поселок переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку Линёво-1 имел архитектурно упорядоченную планировку (рис. 3). Для возведения строений был выбран самый высокий выступ мыса – гребень, видимо, остававшийся сухим даже во время разлива реки. Все жилища двумя компактными группами располагались по линии северо-запад – юго-восток параллельно друг другу. Расстояние между стенами составляло от 1–2 до 8–9 м. Практически все строения углами ориентированы по сторонам света. У жилищ 1 и 2 вход оформлен в северо-восточной части. Стенки котлованов относительно ровные, полы в жилищах выровнены по уровню горизонта. Выравнивание площадки под строительство производилось, вероятно, на глазок, хотя для этого древние строители могли использовать простейшие приспособления, например, широкогорлый сосуд (или деревянное корыто), напол-

ненный до краев водой, при перемещении которого отклонение уровня воды от верха емкости свидетельствовало о наклоне пола. Южные стенки жилищ из-за неровностей рельефа мыса были углублены в древний горизонт на 0,15–0,74 м, северные, расположенные ближе к воде, практически сходили на нет. К северу от жилищ, совсем близко от берега озера, были возведены хозяйственные строения 1–6, которые образовывали ряд, – первая производственная площадка. Выходы из строений 1 и 2 (предположительно склады) находились в восточной и западной частях друг против друга. У остальных сооружений выходы четко не фиксируются. К югу от ряда жилищ находилась вторая производственная площадка (строение 11, шлаковые кучи и яма с мощным прокалом). Возможно, здесь была бронзолитейная мастерская (древняя кузница с горном).

По количеству помещений строения делятся на одно- и многокамерные (двух- и трехкамерные). Рельеф материка, расположение ям и очагов позволяет представить организацию внутреннего пространства помещений. В каждом большом жилище, вероятно, были жилая и рабочая зоны, а также складские уголки – хранилища. Поскольку котлованы жилищ практически одинаковые по размерам и форме, можно предположить, что при создании построек древние обитатели поселка придерживались «строительных стандартов» [Овчаренко, Мыльникова, Дураков, 2005]. Ближайшими аналогами больших котлованов одно- и многокамерных жилищ на памятнике Линё-

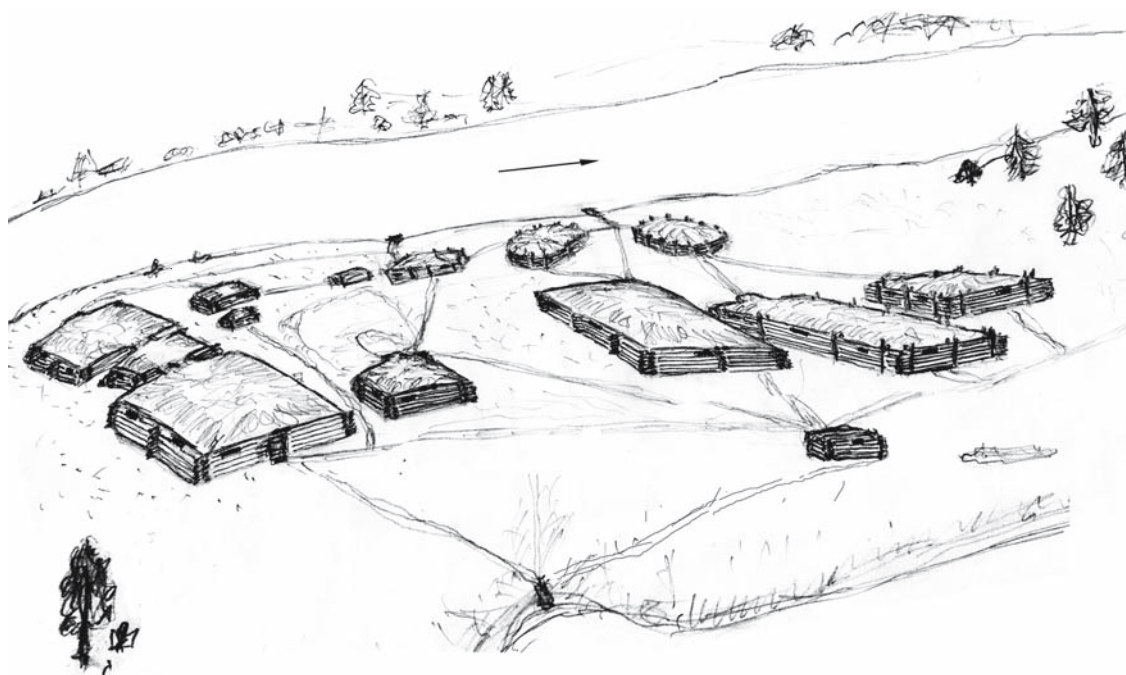
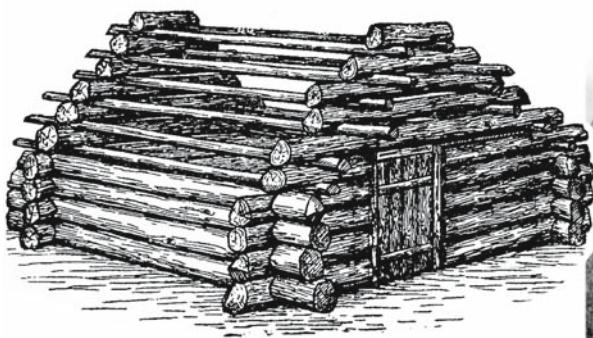

Рис. 3. Графическая реконструкция внешнего вида поселения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку Линёво-1 В.П. Мыльникова.

1

2

Рис. 4. Этнографические срубные однокамерные жилища, рубленные в обло, современных кочевников.

1 – бревенчатое жилище с двухскатной крышей (загон для скота) [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 164]; 2 – жилище с плоской крышей (зимник) на плато Укок, Алтай, фото В.П. Мыльникова, 1991 г.

во-1 являются котлованы жилищ носителей ирменской культуры на поселении Быстровка-4 в лесостепном Приобье (Искитимский р-н Новосибирской обл.) [Матвеев, 1993, с. 43–67; Матвеев, Сидоров, 1985]. Сходство с постройками на Линёво-1 проявляют и строения синхронного городища Чича-1 в Здвинском р-не Новосибирской обл. [Чича..., 2004, с. 171–188]. На Чиче-1 найдены остатки сооружений, очень похожих на однокамерные линёвские жилища среднего размера [Там же, с. 20–26].

По столбовым ямам (их расположению, глубине, углу наклона стенок) в котлованах жилищ, а также по аналогии с целыми деревянными конструкциями из мерзлотных курганов скифского времени [Руденко, 1953, 1960] и этнографическими постройками [Историко-этнографический атлас..., 1961] можно реконструировать с достаточной степенью точности способы и особенности возведения стен, углового сопряжения

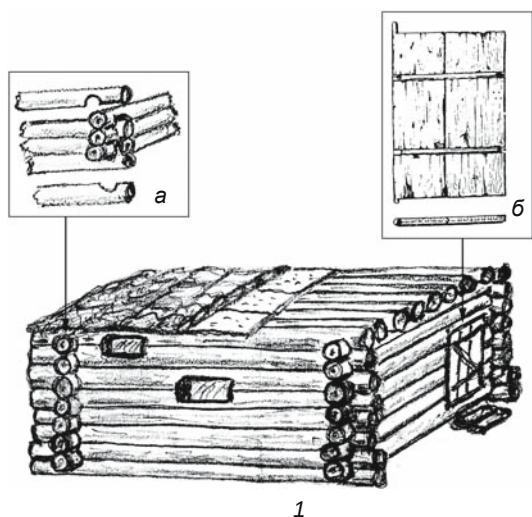
бревен жилищ и хозяйственных строений. Котлованы, в которых отсутствовали столбовые ямы, были определены нами как остатки срубных жилищ, их стены могли быть сложены из бревен с угловой вязкой в обло или в охлуп с двухсторонним остатком* (рис. 4–7). Котлованы со столбовыми ямами, по нашему мнению, являются остатками каркасно-столбовых (рис. 8, 3) и срубно-столбовых (рис. 8, 1, 2; 9) беззамковых (заплот – закладная техника**) каркасных строений (рис. 10).

Самый древний вид вязки бревен в углах срубов, который представляют деревянные конструкции, – с помощью пар прямоугольных выемок снизу и сверху бревен на расстоянии 20–30 см от торца. В болотистой местности в Германии (Северный Рейн-Вестфалия) на глубине 13 м был обнаружен абсолютно целый сруб колодца

в форме многоступенчатой усеченной пирамиды, собранный при помощи такого сопряжения бревен в углах. Его возраст, по определению исследователей, более 7 тыс. лет [Stauble, 2003, S. 139–141]. Стены

**Рубить в обло* – рубить угол – способ рубки углов: бревна связываются посредством полукруглых или прямоугольных выемок в простой угол с четким чередованием комля и вершины [Словарь русских народных говоров, 1987, т. 3, с. 103–104]. *Рубить в охлуп* – способ рубки бревен верхнего венца сруба: полукруглые или прямоугольные выемки (чашки) вырубают на нижней грани бревна. *Рубить в обло с остатком* – соединять так, что часть бревна выступала за пределы сруба [Фасмер, 1987, с. 103].

***Заплот (закладная техника – заклад)* – деревянная постройка из бревен, горизонтально вставленных при помощи вырубленных шипов на торцах в продольно вырубленные пазы в вертикально вкопанных столбах (стойках) [Словарь русских народных говоров, 1974, с. 329].

2

Рис. 5. Однокамерные срубные постройки с плоской крышей.
1 – однокамерная срубная постройка с плоской крышей на поселении Линёво-1: а – способ угловой вязки бревен, б – устройство входной двери (реконструкция авторов); 2 – однокамерное жилище-зимник с плоской крышей на плато Укок, Алтай, фото В.П. Мыльникова, 1991 г.

1

2

Рис. 6. Небольшие однокамерные срубные жилища (зимовья) с двухскатной крышей.

1 – крыша покрыта полотнами бересты и жердями [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 192]; 2 – крыша покрыта берестой и дерном [Там же, с. 169].

1

2

Рис. 7. Однокамерные срубные жилища с крышей в форме усеченной пирамиды.

1 – бревенчатая крыша покрыта полосками бересты и дерном [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 174]; 2 – план и фото жилища с крышей, покрытой корой лиственницы и каркасом из бревен [Там же, с. 196].

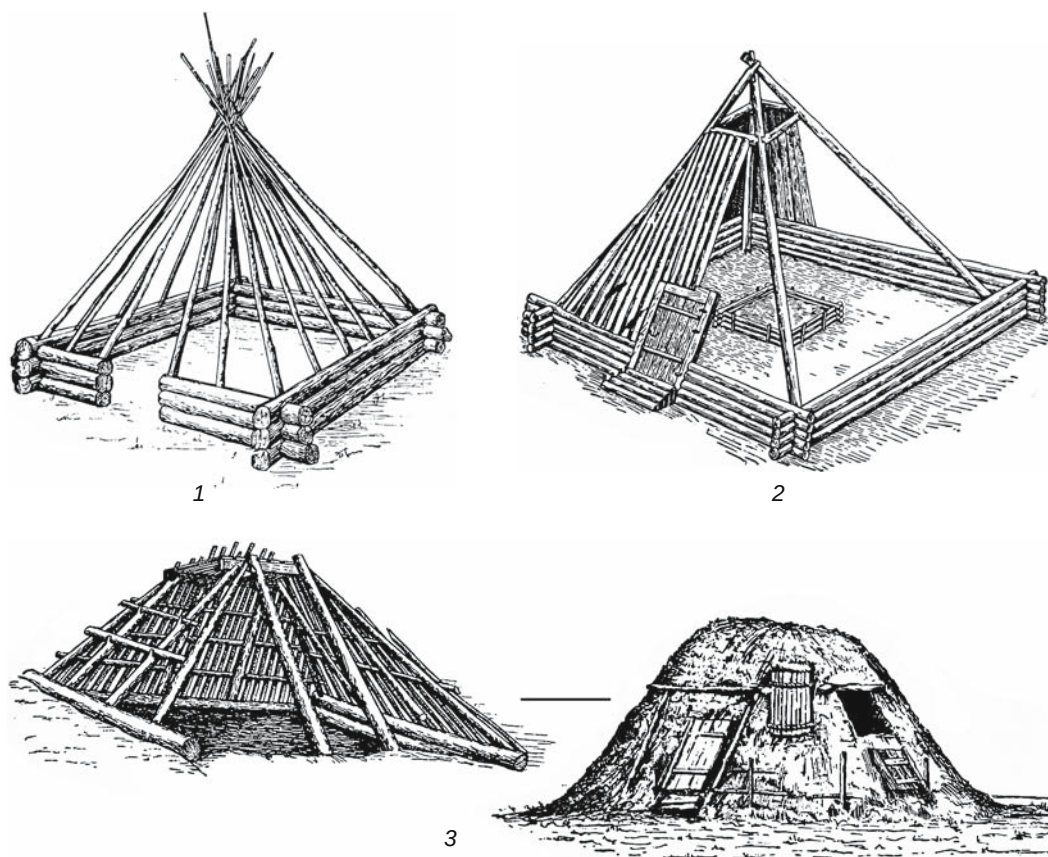

Рис. 8. Срубно-каркасные (1, 2) и каркасно-столбовое (3) жилища.

1 – с пирамидальной крышей (стены – трехвенцовый сруб, крыша – каркас из жердей, перекрытых полотнами бересты и дерном [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 207]; 2 – из бревен с четырехскатной пирамидальной дощатой крышей на стропилах, вверху с обвязкой-рамой из жердей для выхода дыма из очага [Там же, с. 208]; 3 – в форме усеченной пирамиды с бревенчатым каркасом и рамой из толстых бревен, покрыто дерном, с дверным проемом [Там же, с. 209].

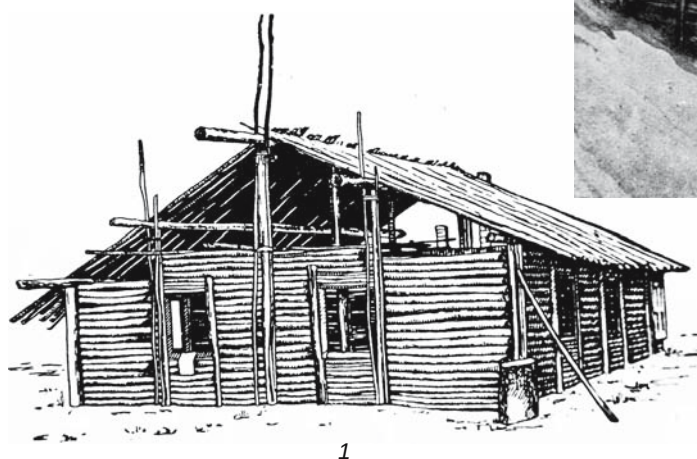

Рис. 9. Этнографические срубно-столбовое (1) и каркасно-столбовое (2) жилища.

1 – с пазово-шиповым соединением бревен [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 202]; 2 – с беззамковым соединением бревен (внакладку между парами вертикально вкопанных столбов) [Там же, с. 162].

1

2

Рис. 10. Малые каркасные жилища, круглые в основании.

1 – конический чум из жердей, покрытых шкурами животных [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 172]; 2 – конический чум из жердей, досок и плах [Там же]; 3 – каркасно-столбовая постройка с вертикальными стенами из тонких жердей (плетень) и с конусообразной крышей [Там же, с. 176].

3

срубных жилищ на поселении Линёво-1 были срублены, вероятнее всего, с применением более простого и самого распространенного до настоящего времени углового сопряжения бревен в обло с остатком.

Стены жилищ 15–17, в котлованах которых столбовые ямы либо концентрировались в определенных местах, например у одной стены, либо полностью отсутствовали, скорее всего, были срубные, с угловой вязкой в обло с остатком (рис. 11, 1, 2; 12). Стены жилищных построек 1 и 2 (в их котлованах вдоль стенок выявлены ряды столбовых ям) могли быть каркасными или каркасно-столбовыми, собранными в технике заклада (заплота) с пазово-шиповым угловым или комбинированным сопряжением в сочетании со срубными в обло (см. рис. 9, 1; 11, 3).

Строения 1, 2, 11 (бронзолитейная мастерская), котлованы которых были лишь слегка углублены в грунт и не имели столбовых ям, вероятно, являлись срубными или срубно-каркасными (см. рис. 4–7; 8, 1, 2; 13). Строения 3 и 4 с одинаковым количеством равномерно распределенных ям в стенах относились к срубно-столбовым; они были сооружены предположительно в технике заклада (заплота) (см. рис. 8, 3; 9). Наземные постройки 5 и 6, в плане округлые или овальные, были каркасными (см. рис. 10). Строение 5

могло быть покрыто невысокой куполообразной или высокой островерхой крышей в форме чума (чадыра); строение 6 имело, возможно, плоскую крышу и плетеные стены.

Характеристика пола в жилищах составлена с учетом особенностей рельефа, плотности материка и наличия следов дополнительного покрытия или утрамбовки грунта. В жилище 15 отмечены участки пола с берестяным покрытием. Пол в срубных постройках был, очевидно, из полубревен, плах, досок или жердей, уложенных на лаги и матицы.

Внешний вид крыш может быть реконструирован по характеристикам котлованов, форме и расположению столбовых ям. У срубных жилищ, стены которых должны обладать повышенной жесткостью и способностью выдерживать максимальные нагрузки, крыша была, вероятно, бревенчатой плоской (см. рис. 4, 2; 5) или двух- или четырехскатной в форме усеченной пирамиды (см. рис. 6; 7; 8, 3). Каркасно-столбовые сооружения с опорными столбами в центре котлована и с квадратной или прямоугольной обвязкой перекладинами, возможно, имели четырехскатную крышу. Срубные постройки покрывали плоской бревенчатой крышей, срубно-каркасные – высокой пирамидальной (см. рис. 8, 1, 2) или двухскатной (см. рис. 9, 1; 13).

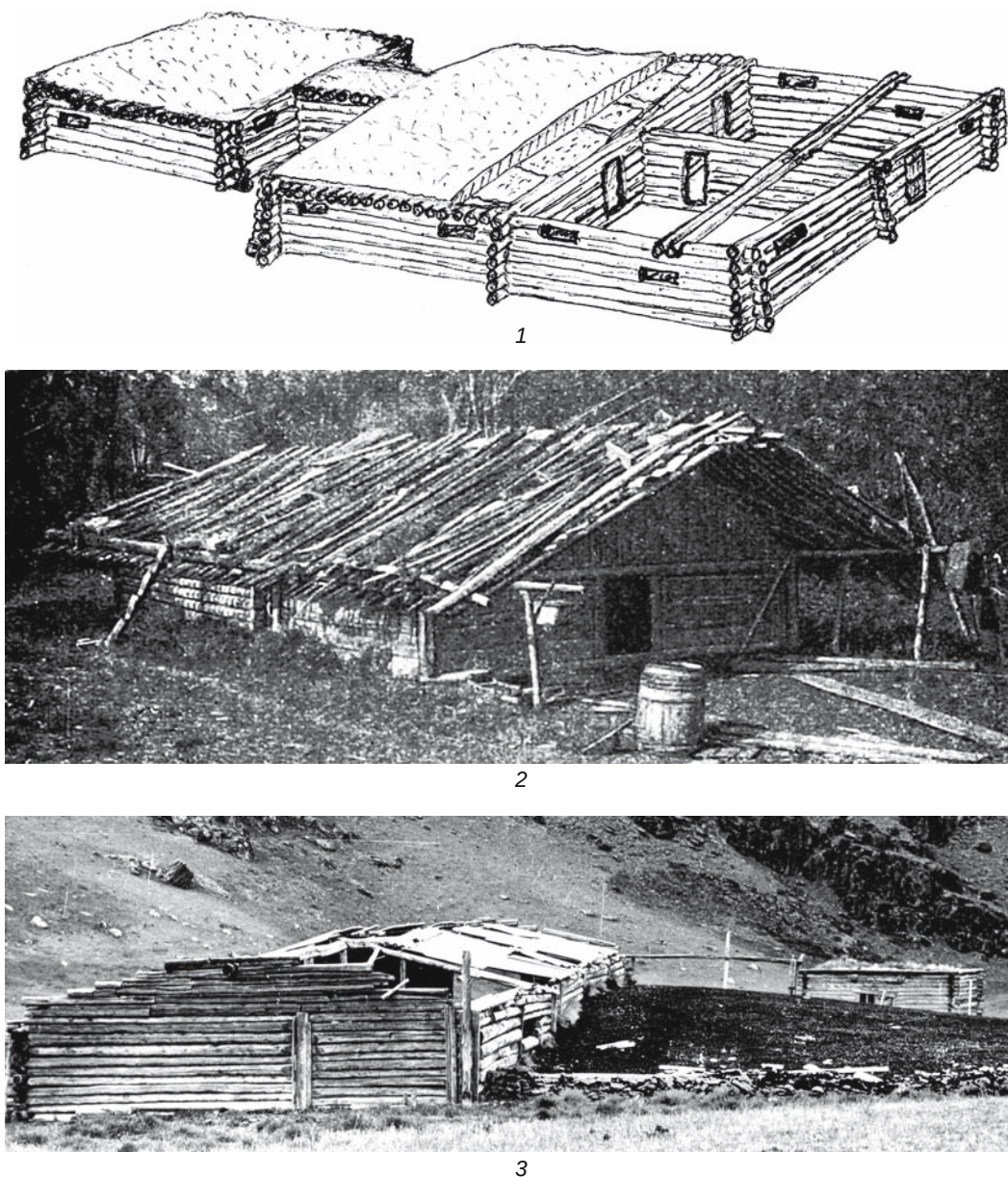

Рис. 11. Длинные бревенчатые строения.

1 – срубное двухкамерное бревенчатое жилище для постоянного проживания из круглых бревен (два отдельных сруба соединены узким коридором), бытовавшее на поселении Линёво-1 (реконструкция авторов); 2 – срубное двухсекционное жилище из полубревен (два сруба соединены друг с другом, коридор отсутствует) [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 194]; 3 – срубно-столбовое двухсекционное жилище, выполненное в комбинированной технике на плато Укок, Алтай, фото В.П. Мыльникова, 1991 г.

У каркасно-столбовых построек округлой или подквадратной в плане формы крыша была двухскатной и конусообразной (см. рис. 9, 2; 10, 3), у каркасных (чумы) – высокие наклонные стены образовывали конус (см. рис. 10, 1, 2).

Наличие верхних дымоходов в крыше предполагало повышенную прочность кровли: для сохранения тепла в доме на ночь или в плохую погоду дымоходы закрывали крышкой. Ввиду малых размеров верхних дымоходов большое жилище освещалось плохо. В срубных

конструкциях дымоходы, по-нашему мнению, вырубали в одном-двух верхних бревнах стен, как в курной избе или бане «по-черному». Простые по исполнению, расположенные в противоположных стенах, они были удобны: закрывать и открывать их плахой или обрубком бревна не составляло труда. Косвенными свидетельствами в пользу предположения о наличии верхних дымоходов могут быть многочисленные очаги и прокалы, зафиксированные на самых разных участках жилищ у стен. Такие волоковые отверстия, возможно,

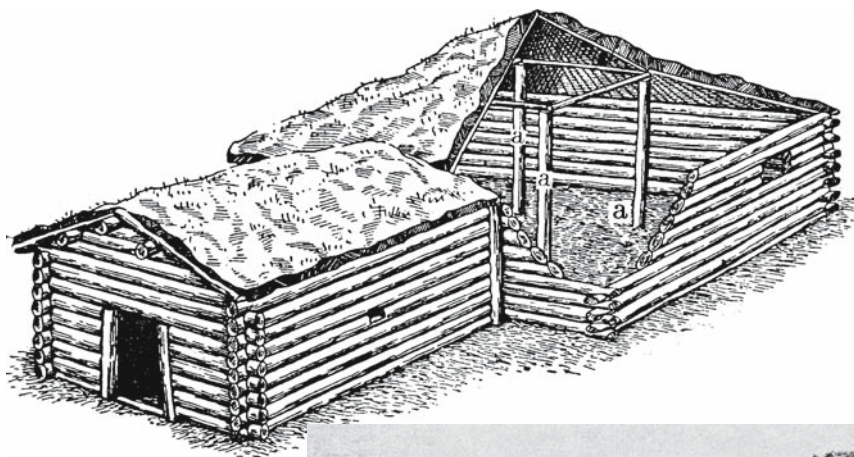
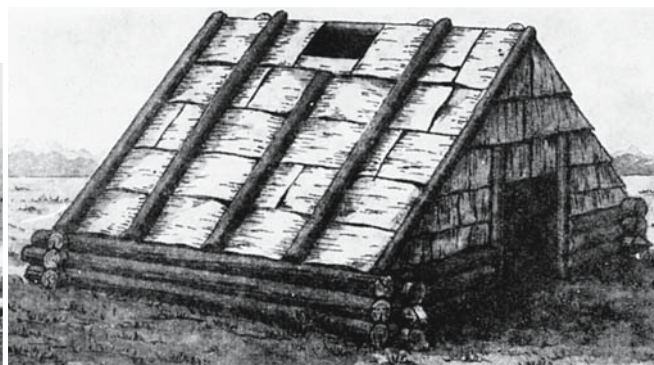

Рис. 12. Двухкамерное срубное жилище бурят без коридора (срубы разных размеров, рубленные в обло и в лапу) [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 180].

1

2

Рис. 13. Этнографические срубно-каркасные жилища с двухскатной крышей, покрытой корой лиственницы [Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 185] (1) и листьями бересты и бревнами [Там же, с. 162] (2).

служили также окнами, если закрывались рамами с натянутыми на них бычьими пузырями.

Все жилищные и хозяйственные постройки имели одну или несколько входных дверей. Вход в долговременное жилище должен был плотно закрываться капитальной дверью без щелей, чтобы сохранять тепло во время холодов. В строениях рассматриваемого периода дверь по конструкции и размерам, вероятно, мало чем отличалась от дверей древнерусских срубных жилищ, деревянных храмов, хозяйственно-бытовых постро-

ек [Засурцев, 1960, с. 40–42; Окладников и др., 1977, с. 111]. Все двери небольшие, в пределах 130 × 70 см. Это был прямоугольный щит из двух-трех широких плах, скрепленных между собой пазово-шиповым способом (см. рис. 5, 1, б). На ребре одной крайней плахи вырубались округлые выступы-вертлюки диаметром 4–5 см, с помощью которых дверь вставлялась внизу в отверстие, сделанное в углу порога, а сверху – в отверстие в притолке. Такая конструкция дверей сохранилась до этнографического времени.

Небольшое крыльцо могло быть грунтовым (ступенька), обрамленным досками или в виде настила из плах, уложенных на обрубки бревен.

Функционирование поселка и конструктивные особенности строений

Первый этап функционирования поселка могут представлять остатки построек раннего периода: небольшой котлован, над которым позже возвели камеры № 15, а также № 16а–в. На втором этапе были сооружены жилища 2, 15, 17, постройки 1–6, 11. На третьем этапе появились жилища 1, 16.

Жилища 2 и 15 в ходе эксплуатации ремонтировались (перестраивались): изменялись конструкция их стен, а также планировка внутреннего пространства. Установлено, например, что очаг в жилище 15 был перемещен к северной стенке котлована, он перекрыл старые столбовые ямы.

Особенностью практически всех жилищ и хозяйственных строений на поселении является малочисленность столбовых ям в котлованах. Они расположены чаще всего в северной части жилищ, где высота стен была минимальной. В котловане жилища 16 столбовых ям почти не было. Их отсутствие или бессистемное расположение можно связывать со срубной конструкцией жилищ [Матвеев, Сидоров, 1985, с. 45–46]. Сруб сооружался внутри котлована. Бревна нижнего венца сруба в целях защиты от влаги и сохранения тепла зимой, если учитывать этнографические данные, вероятнее всего, обертывали берестой, присыпали золой, а сверху засыпали грунтом. На зиму на высоту двух-трех венцов для утепления делали завалинки, возможно, подобные современным, из золы, перемешанной с грунтом. С наступлением тепла их разгребали, чтобы за лето могли просохнуть бревна. Перед входной дверью в жилище сооружали крыльцо-ступеньку, в привходовой части устраивали коридор (сени-навес). В жилищах на отдельных участках пола сохранились настилы из жердей, горбыля, плах или досок. Вероятно, во всех жилищах вдоль отдельных стен были сооружены нары на столбиках. Эти предположения основаны на анализе данных о расположении и конфигурации большого количества обугленных и истлевших фрагментов деревянных конструкций.

Заключение

Исследование памятника Линёво-1 сплошной площадью позволило получить информацию для создания модели поселка переходного периода от эпохи

бронзы к железному веку в лесостепной полосе Западной Сибири. Установлено, что архитектура жилых и хозяйственных строений, приемы и технологические особенности их возведения, выбор материала и способы его обработки были достаточно консервативны [Засурцев, 1960; Черных, 2008; и др.]. Эти стереотипы, обусловленные географической средой, хозяйственно-бытовым укладом жизни населения, его культурными традициями, при проведении анализа археологического материала поселений позволяют выделить домостроительные традиции, а также определить время их бытования и механизмы их передачи.

Жилые и хозяйственные сооружения на поселении Линёво-1 разнообразны. Это, вероятно, можно объяснить сложностью социальной и экономической жизни обитателей поселка.

По функциональному назначению были выделены жилые и хозяйственные постройки, в т.ч. в составе производственных площадок. По площади и глубине котлована жилища дифференцированы на большие – площадью более 100 м² (2, 15, 17), средние – 65–80 м² (1, 16) и малые – до 60 м² (16а–в). По количеству камер строения разделены на однокамерные (жилые – 1, 16, 17 и производственные – 1–6) и многокамерные (жилые – 2, 15). По отношению к горизонту фиксируются наземные (хозяйственные – 3–6) и углубленные в грунт (хозяйственные – 1, 2, 11 и жилые – 15, 16) постройки.

Разнообразие домостроительных техник выявлено в ходе анализа параметров и особенностей котлованов и столбовых ям, а также многочисленных фрагментов обугленной древесины разных размеров и конфигураций. На основе результатов исследований сделано предположение об использовании следующих видов строительных техник:

срубная – классические срубы, построенные в технике обло с остатком, – жилище 16, камера № 16а, сооружение 11 (кузница или литейная мастерская);

комбинированная каркасно-столбовая – техника заклад – строения из вертикальных столбов с продольными пазами и уложенными между ними бревнами с отесанными концами – шипами (жилища 1 и 2, строения 1, 2, 4);

комбинированная срубно-каркасно-столбовая (жилища 15, 17, камера № 16б);

каркасная – постройки типа чумов из жердей и столбиков (хозяйственные строения 3, 5, 6).

Различия по планировке и строительной технике, очевидно, можно связать со спецификой периода функционирования поселка (переход от эпохи бронзы к раннему железному веку), характерной чертой которого является сосуществование и взаимодействие носителей разных культурных традиций [Молодин, Мыльникова, 2011].

Список литературы

- Бобров В.В.** Переходное время от бронзы к железу в лесостепном Приобье // III Годов. итог. сессия ИАЭТ СО РАН, ноябрь 1995: тез. докл. – Новосибирск, 1995. – С. 24–26.
- Бобров В.В.** Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1999. – С. 32–43.
- Городцов А.В.** Тимоновская палеолитическая стоянка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 36 с. – (Тр. Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР; вып. 3).
- Зах В.А.** Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.
- Засурцев П.И.** Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода / Тр. Новгород. экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 314 с. – (МИА; т. 4, № 123).
- Захожая Т.М.** Сравнительная характеристика жилищных комплексов памятников гребенчато-ямочного культурного типа и атлымской культуры // Система обеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика: мат-лы XI Зап.-сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 1998. – С. 99–102.
- Историко-этнографический атлас** Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 498 с.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.
- Косарев М.Ф.** Миграции и переходные историко-археологические эпохи // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – С. 4–6.
- Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1993. – 181 с.
- Матвеев А.В., Сидоров Е.А.** Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1985. – С. 29–89.
- Мжельская Т.В., Матвеева Г.В.** Новые исследования Завьяловского городища // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск: Том. гос. ун-т, 1992. – С. 44–45.
- Могильников В.А.** К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1986. – С. 29–32.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н.** Северные традиции в керамическом производстве культур переходного от бронзы к железу времени лесостепного пояса Западной Сибири (как показатель миграционных потоков) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 191–200.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Статистико-планиграфическое исследование керамических комплексов базовых памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (юго-восточная зона лесостепной части Западной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3. – С. 38–58.
- Мыльникова Л.Н.** Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А.** Производственная площадка и изделия из металла ирменской культуры поселения Линево-1 // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 217–221.
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Кобелева Л.С.** Археологическое изучение поселения Линево-1 (Новосибирская обл.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годов. сессии ИАЭТ СО РАН, 2004 г. – Новосибирск, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 390–393.
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Мыльников В.П., Невзорова И.В., Савин А.Н., Парин Р.О.** Исследование поселения Линево-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годов. сессии ИАЭТ СО РАН, 2003 г. – Новосибирск, 2003. – Т. IX, ч. 1. – С. 459–463.
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Савин А.Н., Кобелева Л.С., Сяткин В.П., Парин Р.О.** Работы на поселении Линево-1 в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годов. сессии ИАЭТ СО РАН, 2005 г. – Новосибирск, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 431–436.
- Овчаренко А.П., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А.** Планиграфия жилищ и организация жилого пространства на поселении переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1 // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 1. – С. 141–154.
- Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А.** Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. – М.: Наука, 1977. – 211 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Словарь русских народных говоров.** – Л.: Наука, 1974. – Вып. 10. – 388 с.; Вып. 22. – 1987. – 368 с.
- Троицкая Т.Н.** Поселение VII–VI вв. до н.э. у с. Завьялово Новосибирской области // КСИА. – М., 1968. – Вып. 114. – С. 99–104.
- Троицкая Т.Н.** О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII–VI вв. до н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: мат-лы совещ. – Томск, 1970. – С. 150–163.
- Троицкая Т.Н.** Новосибирское Приобье в VII–VI вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1973. – С. 84–101. – (Науч. тр. Новосиб. гос. пед. ин-та; вып. 85).
- Троицкая Т.Н.** Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1985. – С. 54–69.
- Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А.** Новое о завьяловской культуре // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1989. – С. 103–116.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Этнокультурные процессы в Новосибирском Приобье в эпоху раннего железного века // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – Т. II: Археология и этнография. – С. 56–58.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамический комплекс городища Завьялово-5 // *Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы*. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 145–154.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамика завьяловского типа в Новосибирском Приобье // *Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы*. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 115–121.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 831 с.

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2008. – 272 с. – (Мат-лы и исслед. Камчатско-Вятской археол. экспедиции; т. 16).

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пушкин. науч. центр РАН, 1994. – 170 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с.; Т. 3. – 2009. – 248 с.

Stauble H. Brunnen der Linienbandkeramik. Ein unterschöpfliches Wissensreservoir // *Menschen. Zeiten. Räume. Archäologie in Deutschland*. – Berlin: Martin-Gropius-Bau, 2003. – 400 S.

Материал поступил в редколлегию 19.01.15 г.

V.P. Mylnikov, L.N. Mylnikova

Novosibirsk State University

Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru; l.mylnikova@yandex.ru

DWELLINGS AND UTILITARIAN STRUCTURES AT LINEVO-1 – A LATE BRONZE TO EARLY IRON AGE VILLAGE IN THE SALAIR REGION, WESTERN SIBERIA

A transitional Late Bronze to Early Iron Age village in the Salair Region of the Western Siberian forest-steppe is graphically reconstructed on the basis of preserved remains of dwellings and utilitarian structures and using ethnographic evidence. A typology of structures is proposed.

Keywords: Western Siberia, Late Bronze Age, Early Iron Age, settlements, dwellings, utilitarian structures.

А.П. БородовскийНовосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ИХ ХРОНОЛОГИИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИОБЬЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (по материалам датирования Быстровского некрополя)*

Последняя треть I тыс. до н.э. для территории лесостепного Приобья является одним из периодов наиболее интенсивных контактов населения северного и южного происхождения. Это во многом определило своеобразие культурно-исторических процессов, реконструкция которых с привлечением естественно-научных методов (дендрохронологии и радиоуглеродного датирования) ведется на протяжении нескольких последних десятилетий. Основным результатом таких исследований является удревнение ряда опорных погребальных памятников (Каменный Мыс, Быстровка-1–3). На основании этих данных период контактов населения березовского этапа лесостепного Приобья с носителями культур запада (саргатская) и севера (кулайская) был более длительным, чем предполагалось ранее. Начало процессов активного культурного взаимодействия можно относить ко времени не позднее рубежа IV–III вв. до н.э.

Ключевые слова: эпоха раннего железа, лесостепное Приобье, реконструкции культурно-исторических процессов, хронология, естественно-научные методы датирования.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.087-096

Введение

Для исторических реконструкций взаимодействия различных археологических культур хорошо датированные материалы масштабных некрополей Верхнего Приобья, формировавшихся в течение продолжительного периода эпохи раннего железа, имеют особое значение. Одним из таких погребальных комплексов на правом берегу р. Оби является Быстровский некрополь. Он расположен в Искитимском р-не Новосибирской обл. к северу от с. Быстровка (рис. 1). Некрополь раннего железного века объединяет несколько разновременных курганных групп: Быстровку-1 (более 70 захороненных), -2 (более 250) и -3 (ок. 200) (рис. 2). Общее количество погребен-

ных, проживавших здесь на протяжении последней четверти I тыс. до н.э., вполне репрезентативно для объективного отражения истории культурного взаимодействия заключительного периода эпохи раннего железа в лесостепном Приобье.

Следует напомнить, что на основе исключительно традиционного археологического датирования курганная группа Быстровка-1 по предметному комплексу была отнесена к III–II вв. до н.э. [Троицкая, 1983, с. 42]. При этом отдельные предметы могли быть и более древними – VI–IV и IV–III вв. до н.э. Формально-типологический подход позволял датировать предметный комплекс Быстровки-2 (железные кольчатые ножи, кинжал с ложнокольчатым навершием, кольчатые удила со стержневидными псалиями, ложечковидные подвески, поясной крючок и бронзовый втульчатый кулайский наконечник) в интервале от последней трети I тыс. до н.э. до рубежа эр. Однако комплексное

*Исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Рис. 1. Расположение Быстровского некрополя.

Рис. 2. Погребальные комплексы эпохи раннего железа у с. Быстровка. 1–3 – курганные группы: 1 – Быстровка-2, 2 – Быстровка-3, 3 – Быстровка-1; 4 – грунтовые погребения на поселении ирменской культуры Быстровка-4.

датирование естественно-научными методами материалов этой курганный группы и тщательный анализ традиционной хронологии предметов показали, что она относится ко времени не позднее конца IV – III в. до н.э. [Бородовский, 2012, с. 389]. Значительная серия радиоуглеродных и дендрохронологических дат, полученных для Быстровки-2, заложила основу для разработки хронологии эпохи раннего железа Верхнего Приобья на качественно новом уровне. Появилась возможность построить дробную периодизацию как отдельных многомогильных курганов, так и всего Быстровского некрополя. Период его функционирования почти полностью охватывает вторую половину I тыс. до н.э. Все это в целом позволяет рассматривать Быстровку-2 как один из опорных погребальных памятников Евразии эпохи раннего железа [Евразия..., 2005, с. 215]. Корреляция его предметного комплекса с датирующим сопроводительным инвентарем из Быстровки-1 дает основания для пересмотра даты последней (III–II вв. до н.э.) [Троицкая, 1983, с. 42], отнесения ее к более раннему времени. Тем более что в обеих курганных группах в полной мере представ-

лен пазырыкский сбруйный набор (псалии, удила, роговые пряжки, пронизи, чумбурные блоки, роговые застёжки, металлические украшения упряжи и узды), датируемый IV–III вв. до н.э.

На основании сравнительной хронологии предметов из сопроводительного инвентаря отдельные курганы Быстровки-3 предварительно датировались не ранее конца II в. до н.э. [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 22]. Позднее в рамках такого подхода даты других курганов этой курганный группы были необоснованно омоложены вплоть до I в. н.э. [Дураков, Мжельская, 1995, с. 54–55]. Однако результаты радиоуглеродного датирования погребений 4 и 8 кург. 6 Быстровки-3 – соответственно 595–349 гг. до н.э. (СОАН-3972; $2\,345 \pm 65$ л.н.)* и 772–386 гг. до н.э. (СОАН-3963; $2\,410 \pm 75$ л.н.) – позволяют удревнить нижнюю хронологическую границу ее существования до рубежа IV–III вв. до н.э.

*Калибровка всех радиоуглеродных дат осуществлена при помощи программы OxCal. Использована калибровочная кривая JutCal 13.

В целом уточнение хронологии Быстровского некрополя на основе современных естественно-научных данных [Бородовский и др., 2003], которые включают 36 дендрохронологических и 45 радиоуглеродных дат, полученных в рейтинговых лабораториях России (Новосибирск, Санкт-Петербург) и США (Тусон), не может не отразиться на представленных ранее историко-культурных реконструкциях [Троицкая, 1979, 1983; Могильников, 1995].

Датировка и синхронизация некрополей в рамках процессов культурных связей

На основании комплекса данных, в т.ч. корреляции результатов датирования естественно-научными (дендрохронологическим и радиоуглеродным) и традиционными археологическими методами, вполне правомерно говорить о возможности синхронизации отдельных захоронений Быстровки-1–3 в пределах IV–III вв. до н.э. Это, в свою очередь, позволяет поставить вопрос об удревнении таких погребальных комплексов, что необходимо учесть при создании историко-культурных реконструкций. С конца прошлого столетия археологические материалы Быстровского некрополя активно использовались при изучении динамики культурных контактов местного населения с представителями саргатской культуры на западе и кулайской на севере [Троицкая, Бородовский 1994, с. 73]. Длительное сосуществование, кровнородственные связи и чересполосное проживание населения березовского этапа с носителями саргатской культуры в Барабе [Полосьмак, 1987, с. 103] не могли пройти бесследно для лесостепного Приобья. В Барабинской лесостепи соседство разнокультурной керамики на поселениях и в погребениях, включение инокультурных захоронений в могильники и заимствование элементов погребальной обрядности прослеживалось с середины I тыс. до н.э. по III–II вв. до н.э. Ранее предполагалось, что на территории Новосибирского Приобья (Быстровка-1, Милованово-За) данный процесс начался только в последней трети I тыс. до н.э. [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 73]. Тем не менее вряд ли это были самые первые контакты с носителями саргатской культуры, которые «ненадолго» задержались в лесостепном Приобье, уступив затем место кулайцам [Телегин, 1999].

Результаты современного датирования курганных групп Быстровка-2 и -3 позволяют рассматривать динамику указанных процессов несколько иначе. С III–II вв. до н.э. (возможно, и еще ранее – с V–III вв. до н.э.) в материальной культуре и погребальном обряде населения березовского этапа в лесостепном Приобье не только появляются «саргатские элементы», но и их количество начинает существен-

но увеличиваться (рис. 3–5). Ранее это хорошо прослеживалось на левобережье р. Оби (Масляха-1) [Там же]. На правобережье данная тенденция в полной мере представлена в курганный группе Быстровка-2. В керамическом комплексе присутствуют кругло- и остродонные сосуды, орнаментация фестонами и «елочкой», декор дна, а также несомненные образцы саргатской посуды. Одним из ярких свидетельств этого является полное соответствие сосуда с рогообразным орнаментом с вдавлениями из Быстровки-2 (см. рис. 4, 17) таковому из Венгерова-7, а также сходство с керамикой из Коконовских курганов в Прииртышье [Полосьмак, 1987, с. 40, рис. 34, 4].

В быстровском керамическом комплексе следует обратить внимание на сосуды с орнаментом в виде многорядной «елочки», характерной для саргатской посуды III–II вв. до н.э. (см. рис. 4, 14). Они присутствуют в ряде захоронений Быстровки-2 (погр. 27а кург. 4, погр. 5 кург. 7, погр. 1 кург. 10). Считается, что эта керамика может относиться к начальному периоду распространения саргатского влияния на Верхнее Приобье и юг Кулунды в V–IV вв. до н.э. [Могильников, Уманский, 1999, с. 100, 110, рис. 5, 1; Иванов, 1993]. Погребения с сосудами, орнаментированными многорядной «елочкой», в курганный группе Быстровка-2 по данным радиоуглеродного и дендрохронологического датирования относятся к периоду 404–192 гг. до н.э. Не менее показательна керамика с «саргатским» фестончатым орнаментом (см. рис. 4, 15, 16). Погребения с такими сосудами на этом памятнике датируются дендрохронологическим методом (мог. 25 кург. 3, мог. 5б кург. 4) 490 и 289 гг. до н.э.

Кроме посуды, в кург. 4 Быстровки-2 встречается несколько керамических пряслиц, форма и орна-

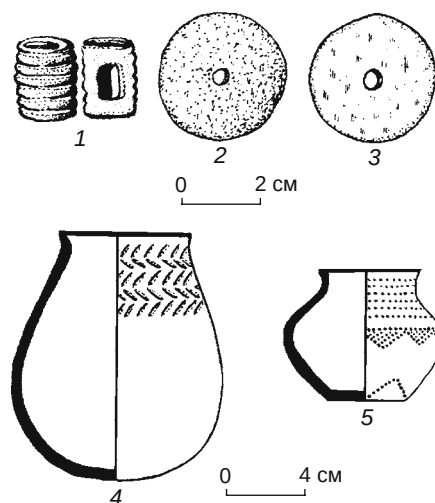

Рис. 3. Предметный комплекс Быстровки-1 с признаками кулайского и саргатского влияния.

1 – бронзовая обойма; 2, 3 – каменные пряслица; 4, 5 – керамические сосуды.

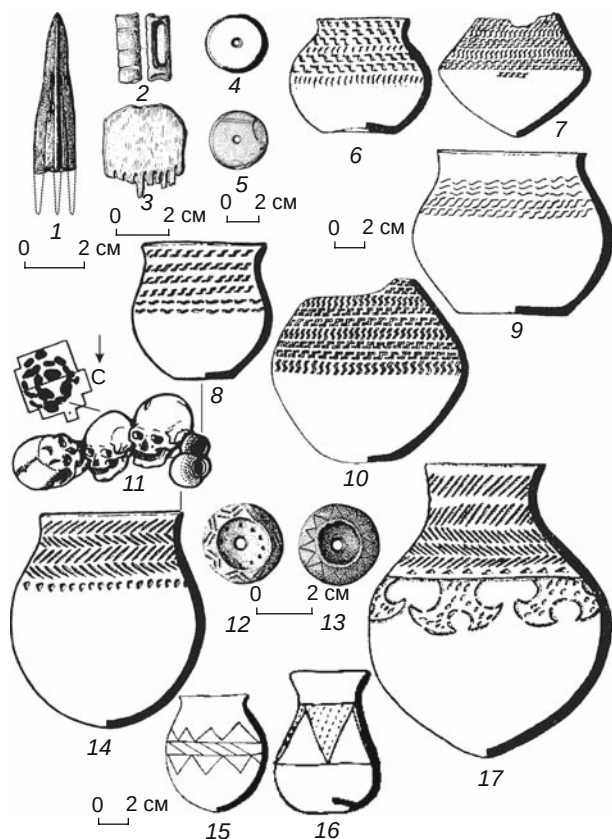
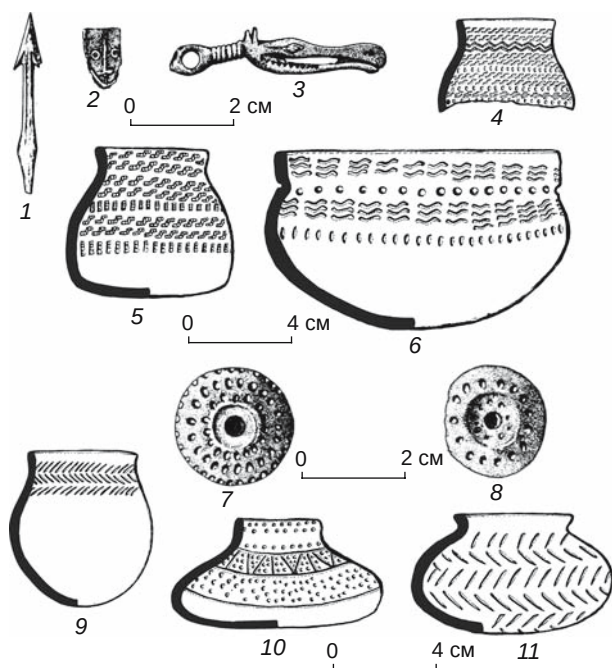

Рис. 4. Предметный комплекс Быстровки-2 с признаками кулайского и саргатского влияния.

1 – бронзовый наконечник стрелы; 2 – бронзовая обойма; 3 – роговой гребень; 4, 5 – каменные пряслица; 6–10 – кулайские керамические сосуды; 11 – планиграфия захоронения голов на краю насыпи кург. 9; 12, 13 – керамические пряслица; 14–17 – керамика с признаками прямого и косвенного саргатского влияния.

ментация которых типичны для саргатской культуры (см. рис. 4, 12, 13). Все это в комплексе, с учетом датировки (радиоуглеродным и дендрохронологическим методами) данного кургана и его отдельных захоронений (погребения 19, 276) серединой I тыс. до н.э., соответствует раннему периоду проникновения саргатского населения на территорию Верхнего Приобья. С указанным временем можно связать и обломок типичного саргатского глиняного жертвенника, найденный в грунтовом могильнике эпохи раннего железа на территории ирменского поселения Быстровка-4 в окрестностях Быстровского некрополя (см. рис. 2, 4).

Динамика культурных взаимодействий

О тесном взаимодействии населения Верхнего Приобья с носителями саргатской культуры также свидетельствует погребальная обрядность. Достаточно показательны ярусно-впускные погребения. Они считаются одной из локальных особенностей поздней саргатской культуры Барабы (Венгерово-1, -7, Абрамово-4; I в. до н.э. – I в. н.э.) [Полосьмак, 1987, с. 95]. Однако на территории Верхнего Приобья, судя по перекрестным данным радиоуглеродного и дендрохронологического датирования, этот элемент погребальной обрядности появляется значительно раньше. Например, ярусные захоронения 5а и 5б кург. 4 Быстровки-2 по дендрошкале датируются от 493 до 490 г. до н.э. По данным радиоуглеродного датирования деревянных конструкций этих же погребений календарные интервалы составляют 509–90 гг. до н.э. (ЛЕ-5432; $2\,250 \pm 80$ л.н.) и 231–97 гг. до н.э. (ЛЕ-5431; $2\,150 \pm 25$ л.н.). Для ярусных захоронений соседнего кург. 5 получены аналогичные результаты. Кости погребенного из мог. 30 датируются радиоуглеродным методом 509–90 гг. до н.э. (СОАН-3962; $2\,250 \pm 80$ л.н.). Внутримогильная конструкция погр. 32 по дендрошкале имеет дату 263 г. до н.э., а кости погребенного по ^{14}C – 366–41 гг. до н.э. (ЛЕ-5433; $2\,140 \pm 60$ л.н.). Следует подчеркнуть, что радиоуглеродное датирование материалов этих погребальных комплексов выполнено в различных лабораториях (Новосибирска и Санкт-Петербурга).

Не менее показателен обряд трупобожжения, зафиксированный в некоторых погребениях Быстровки-2 и -3. Однако увеличение роли огня в погребальной обрядности населения, оставившего Быстровский

Рис. 5. Предметный комплекс Быстровки-3 с признаками кулайского и саргатского влияния.

1 – костяной наконечник стрелы; 2 – металлическая личина; 3 – бронзовая подвеска; 4–6 – кулайская керамика; 7, 8 – керамические пряслица; 9–11 – керамика с признаками прямого и косвенного саргатского влияния.

некрополь, вряд ли следует связывать исключительно с саргатским влиянием, поскольку на территории Барабы этот признак оправданно рассматривался как сарматское заимствование [Там же, с. 103]. В свою очередь, длительное соседство и взаимодействие населения березовского этапа с носителями саргатской культуры в Барабе явилось той основой, благодаря которой «сарматские черты» хорошо адаптировались в Верхнем Приобье.

Отдельно следует остановиться на последовательности распространения саргатских и кулайских элементов в рассматриваемом регионе. По мнению В.А. Могильникова, проникновение саргатского населения в Верхнее Приобье предшествовало появлению на этой территории носителей кулайской культуры. Процесс переселения саргатцев в Приобье мог начаться еще в конце VI – V вв. до н.э., о чем свидетельствует керамика с поселения Островное III в Касмалинском бору [Могильников, 1998, с. 9]. Судя по керамическому комплексу Быстрянского могильника, отдаленные брачные связи саргатского населения простирались вплоть до предгорий Северного Алтая [Завитухина, 1966, с. 66, 67, рис. 5/1; Могильников, 1998, с. 8].

По мнению Т.Н. Троицкой, курганная группа Быстровка-1 является одним из археологических комплексов, отражающих кулайское влияние [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 73]. Однако в предметном комплексе памятника оно представлено лишь косвенными признаками (орнаментацией ряда сосудов и значительными размерами костяных наконечников стрел). Ни одного собственно «кулайского» предмета в Быстровке-1 не найдено. Например, малые рубчатые обоймы (см. рис. 3, 1), связываемые с кулайским влиянием в формате брачных контактов [Могильников, 1995, с. 78], встречаются на сопредельных территориях (Горный Алтай) вместе с изделиями (бронзовыми зеркалами с кнопочной рукоятью), датируемыми не позднее V–IV вв. до н.э. [Бородовская, 2009, с. 164, 165]. Близкие по форме и размерам обоймы (см. рис. 4, 2) были обнаружены в кург. 2 Быстровки-2, материалы которого датированы радиоуглеродным методом от 810–540 гг. до н.э. (СОАН-3925; $2\,560 \pm 40$ л.н.) до 760–390 гг. до н.э. (СОАН-3926; $2\,380 \pm 45$ л.н.). Эти данные позволяют отнести подобные изделия к более раннему времени, что явно противоречит традиционной дате кулайского могильника Каменный Мыс – конец III – II вв. до н.э.

Другими предметами с неоднозначной кулайской атрибуцией являются каменные неорнаментированные пряслица (см. рис. 3, 2, 3). Во-первых, такие изделия появились в лесостепном Верхнем Приобье еще в IV в. до н.э. [Могильников, Уманский, 1999, с. 100; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 4]. При этом погребальный комплекс Быстровки-2 (погр. 25 кург. 3), где присутствует каменное дисковидное пряс-

лице (см. рис. 4, 4), надежно датируется дендрохронологическим методом 289 г. до н.э. Во-вторых, данные изделия, будучи хронологическим и культурным индикатором, могут иметь и функционально-технологическое значение, поскольку материал, масса и диаметр пряслища определяли качество получаемой при помощи него нити.

Наиболее репрезентативной серией изделий (предметы вооружения и керамика) кулайский предметный комплекс представлен в курганной группе Быстровка-2. Один из самых показательных предметов – бронзовый наконечник кулайского типа из погр. 7 кург. 6 (см. рис. 4, 1). Судя по материалам Каменного Мыса (кург. 5, мог. 5), такие наконечники стрел бытовали до III в. до н.э. [Троицкая, 1979, с. 11, 68, 85, табл. IX, 10]. Тем не менее присутствие этого предмета вооружения в Быстровке-2 вряд ли связано с широким распространением кулайцев по лесостепному поясу юга Западной Сибири [Савинов, 2010, с. 167]. Важно отметить, что форма наконечника кулайской стрелы была явно адаптирована к «местной среде» путем удаления (спиливания) длинных шипов, в результате чего стала более близкой к формам стрелкового оружия лучника «скифо-сибирской культурной традиции». Кроме того, эта находка в сопроводительном инвентаре погр. 7 кург. 6 Быстровки-2 не случайно соседствовала с роговым втульчатым наконечником стрелы скифского типа. Не менее любопытно и то, что в последнее время С.Г. Рослякову на культовом месте Березовый Остров (в непосредственной близости от кулайского могильника Каменный Мыс) удалось выявить «сосуществование» металлических наконечников кулайского и большебереченского облика [2013].

Следует подчеркнуть, что предположения о массовом кулайском вторжении на север Верхнего Приобья не подтверждаются данными о военном травматизме. В частности, в настоящее время не известно ни одного достоверного свидетельства поражения представителей местного населения этой территории кулайскими стрелами. Тогда как в курганах Быстровки-2, действительно содержавших кулайские предметы, зафиксированы случаи поражения погребенных (кург. 2, погребения 8, 14) роговыми наконечниками скифского типа и железными наконечниками явно южного происхождения. Радиоуглеродные даты этого погребального комплекса, как уже указывалось выше, соответствуют периоду не позднее начала IV в. до н.э. Не менее важно и то, что преимущества кулайского «военного потенциала» на уровне снаряжения явно преувеличены. После завершения исследований Быстровского некрополя уже нельзя утверждать, что местное население в сравнении с кулайцами было менее обеспечено разнообразным стрелковым оружием, копьями и средствами защиты в виде роговых панцирей [Троицкая, 1979, с. 44].

Показательно также присутствие кулайской керамики в составе всего керамического комплекса Быстровки-2. Например, кулайский сосуд из погр. 2 кург. 9 (см. рис. 4, 8) аналогичен керамике I группы из Каменного Мыса [Там же, с. 93, табл. XVII, 12], традиционно датируемой III–II вв. до н.э. [Там же, с. 122, 123, табл. XVII, 12]. Радиоуглеродная дата (СОАН-3966; $2\,285 \pm 60$ л.н.) костей погребенного из этого захоронения соответствует периоду 509–192 гг. до н.э. К той же группе керамики следует отнести и кулайский сосуд с «шипом» из погр. 4 кург. 2 Быстровки-2 (см. рис. 4, 7).

Погребальные комплексы Быстровки-2 хорошо отражают ситуацию одновременного присутствия погребений как с кулайской керамикой различных типов, так и с саргатскими сосудами в пределах одних и тех же многомогильных курганов, включая ярусные захоронения (кург. 4, погребения 5а, 5б). «Интеграция» инокультурных элементов наблюдается и в ритуальных действиях с «иноплеменниками». Примером этого является помещение на краю насыпи кург. 9 трех человеческих голов, сопровождаемых кулайским и саргатским сосудами (см. рис. 4, 8, 11, 14).

Корреляцию встречаемости отдельных компонентов кулайского (бронзовые наконечники стрел, керамическая посуда) и саргатского (керамика и фестончатый декор) предметных комплексов на памятниках Быстровка-2 и Каменный Мыс можно дополнить материалами городища Дубровинский Борок-3 (рис. 6). Ранее для этого памятника уже отмечалось наличие отчетливых южных влияний [Могильников, 1995, с. 78]. В настоящее время аргументацию можно расширить, если учесть, что аналогии между роговыми

панцирными пластинами из Дубровинского Борка-3 и Усть-Полуя, скорее всего, не так однозначны. Во-первых, еще В.А. Могильников справедливо замечал, что изображенное на гравировке клинковое оружие (рис. 6, 6) имеет явно южное происхождение. Прототипы изображения – кинжалы с брусковидным перекрестием, клиновидным лезвием и дуговидным навершием черена – бытовали на территории юга Западной Сибири с IV по III в. до н.э. [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Лихачева, 2014. с. 130, 131], что соответствует раннему этапу проникновения кулайцев в Верхнее Приобье. Во-вторых, наиболее точный аналог панцирной пластины из Дубровинского Борка-3 происходит из Ивановского городища в Притоболье – более южного памятника, чем Усть-Полуй на нижней Оби. В-третьих, резные костяные изделия из Дубровинского Борка-3 – одни из традиционных предметов – обнаруживают саргатское влияние. Прежде всего, это фестончатая орнаментация роговых гребней (рис. 6, 3, 5) и явное композиционное сходство зооморфного изображения на литейной модели-штампе из рога (рис. 6, 7) с таковым на роговой резной пластине саргатского происхождения с признаками архаизма из Старых Карачей-3. Следует подчеркнуть, что инокультурное влияние прослеживается и на резных костяных предметах кулайского облика из могильника Каменный Мыс. Так, условно-орнаментальное изображение головы кабана на роговой пронизи явно восходит к реалистичным изображениям этого животного в косторезном искусстве «скифо-сибирского круга», широко распространенным на верхней Оби (Рогозиха-1), Северном Алтае (Красный Яр) и в Туве (Аймырлыг) [Бородовский, 2007, с. 101, рис. 83]. Для Каменного Мыса дан-

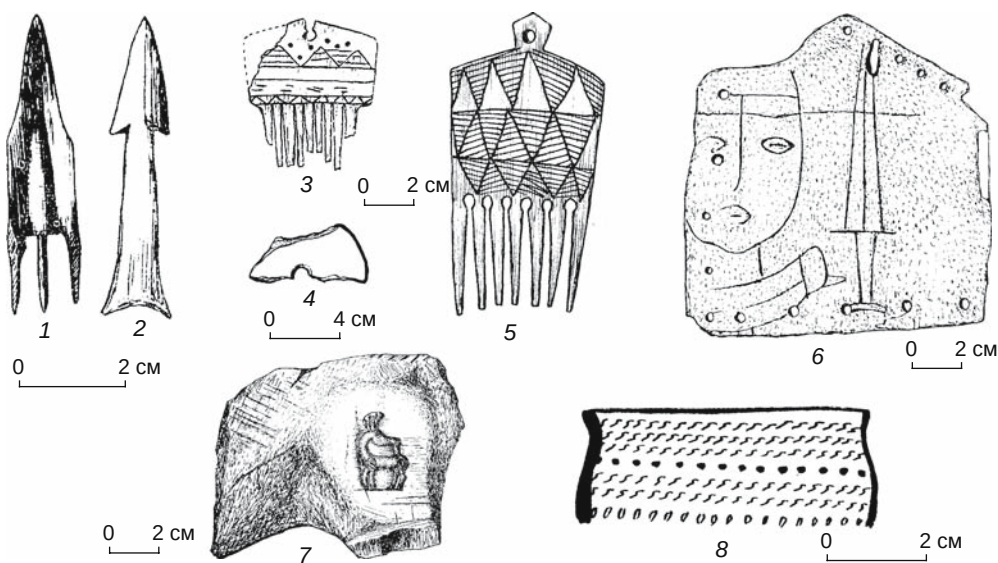

Рис. 6. Образцы кулайского и саргатского предметных комплексов с городища Дубровинский Борок-3.

1 – бронзовый наконечник стрелы; 2 – костяной наконечник стрелы; 3, 5 – роговые гребни; 4 – фрагмент каменного пряслища; 6 – роговая панцирная пластина; 7 – роговой литейный штамп; 8 – керамический сосуд.

ный факт следует рассматривать в рамках активной интеграции южных компонентов в предметную среду носителей кулайской культурной традиции на территории Новосибирского Приобья. В целом заимствования в продукции наиболее традиционных производств (керамическом и косторезном) являются одними из надежных критериев оценки уровня адаптации переселенцев в иную культурную среду.

Заключение

Тенденция к общему удревнению Быстровского некрополя позволяет включить курганные группы Быстровка-1–3 в круг археологических памятников IV–III вв. до н.э. Среди них ранее упоминались Чудацкая Гора, Новообинцевский клад, Новосибирский могильник, относящиеся к периоду раннего проникновения кулайцев на территорию Верхнего Приобья [Троицкая, 1979, с. 48; Могильников, 1995, с. 77]. Новосибирский могильник на левобережье Оби в действительности вполне мог быть культовым комплексом, таким как Новообинцевский клад [Бородаев, 1987, с. 112] и Березовый Остров [Росляков, 2013, с. 152], появившиеся на верхней Оби не позднее последней четверти I тыс. до н.э. Поэтому с ритуальной точки зрения все еще можно говорить об определенных различиях в освоении носителями кулайской культурной традиции правого и левого берегов Оби в ее верхнем течении. Наряду с этим вполне обоснованно утверждение о синхронизации в более ранний период Быстровского некрополя и Каменного Мыса, как отражении начала постепенного перемещения кулайцев на юг [Троицкая, 1979, с. 48; Могильников, 1995, с. 77].

Соседство компонентов кулайского и саргатского предметных комплексов в сопроводительном инвентаре Быстровки-2 и -3 и данные датирования комплексов естественно-научными методами позволяют синхронизировать воздействия северных (кулайских) и западных (саргатских) культурных импульсов на территории правобережья Новосибирского Приобья. Поэтому период контактов населения березовского этапа лесостепного Приобья с представителями культур запада (саргатская) и севера (кулайская) относится к более раннему времени, чем предполагалось прежде. В связи с этим традиционная дата могильника Каменный Мыс (конец III – II в. до н.э. [Троицкая, 1979, с. 52]) должна быть удревнена как минимум до середины III в. до н.э., если не до рубежа IV–III вв. до н.э. Тем более, что ранее уже отмечалось наличие в материалах Каменного Мыса вещей, относящихся ко времени ок. IV в. до н.э. [Там же, с. 18, 19].

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости не только удревнения березовского этапа большереченской культуры [Троицкая, Бородовский,

1994, с. 77], но и корректировки ранее предложенных реконструкций процессов взаимодействия местного населения Новосибирского Приобья с носителями кулайской и саргатской археологических культур. Вряд ли группа кулайцев, проникнувшая на юг в IV–III вв. до н.э., растворилась там «бесследно» [Могильников, 1995, с. 77]. Детальное исследование материалов Быстровки-2, -3 наглядно иллюстрирует иную ситуацию. Для IV–III вв. до н.э. на основании археологических данных из Быстровского некрополя и Каменного Мыса можно говорить о нескольких моделях поведения многокомпонентных по составу групп населения. Они были представлены процессами консолидации и интеграции. В полной мере это нашло отражение в керамическом комплексе: наличии нескольких групп керамики, выделенных Т.Н. Троицкой по материалам Каменного Мыса, и сочетании в погребальном инвентаре сосудов «северного» и «южного» облика [Троицкая, 1979, с. 16–19].

При анализе относительной хронологии Быстровского некрополя в рамках процессов культурной интеграции следует обратить внимание на степень представленности керамической посуды, наиболее характерной для культур южного круга. В частности, в материалах Быстровки-2 глиняные сосуды с имитацией швов кожаных емкостей практически отсутствуют (за исключением одного невыразительного фрагмента из кург. 1), тогда как в керамическом комплексе Быстровки-1 представлена целая серия такой посуды [Бородовский, 1984], наиболее широкое распространение которой приходится на последнюю треть IV в. до н.э. [Могильников, 1997, с. 137]. Исходя из современных данных датирования Быстровки-2, бытование «имитационной» керамики в Новосибирском Приобье в III в. до н.э. нельзя считать установленным фактом. Другой не менее показательной разновидностью керамики являются бочонковидные сосуды. Они присутствуют в материалах как Быстровского некрополя (Быстровка-1, -2), так и Каменного Мыса. С учетом новых дат курганный комплекс Быстровка-2, включая начало последней четверти I тыс. до н.э., отнесение этих сосудов исключительно к III–II вв. до н.э. [Троицкая, 1979, с. 122] также не совсем обоснованно.

Важно подчеркнуть, что начиная с IV–III вв. до н.э. на территории Верхнего Приобья в ряде некрополей (Быстрицкий, Быстровский) отчетливо прослеживается не только влияние саргатской археологической культуры, но и присутствие ее носителей. Материалы погребальных комплексов позволяют говорить о нескольких вариантах взаимоотношений местного населения с пришлым. Одним из них являлась равноправная интеграция, о чем свидетельствуют как захоронения с саргатским сопроводительным инвентарем, так и саргатское, сарматское влияние на погребальную обрядность Верхнего Приобья. Другим вариантом от-

ношения к пришлому населению могла быть агрессия, включая использование представителей саргатцев и кулайцев в погребальных ритуалах с человеческими жертвами (Быстровка-2, кург. 9). При этом уровень ответной воинственности кулайцев в ряде исторических реконструкций Т.Н. Троицкой и Л.А. Чиндиной явно преувеличен [Соловьев, 1996, с. 226]. Следы военного травматизма, широко представленные в материалах погребений Быстровки-2 (вонзившиеся в кости трехперые железные и роговые втульчатые наконечники стрел, отверстия от чеканов, разruby от длинных мечей, следы скальпирования), соответствуют комплексу вооружения и традициям южного происхождения. Практически полное отсутствие укрепленных поселений у населения березовского этапа Новосибирского Приобья при его значительной численности, в отличие от кулайцев, вполне красноречиво показывает, кто для кого представлял угрозу.

Более того, «первую волну расселения» кулайцев на территории Верхнего Приобья [Троицкая, 1979,

с. 46] вряд ли можно считать полноценной миграцией. Скорее всего, это была постепенная инфильтрация ограниченных групп населения с различной степенью взаимодействия с местной экологической и этнической средой. Внушительные внутримогильные деревянные конструкции березовского этапа [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 67–69] и особенно погребальные колоды [Могильников, 1995, с. 76; Бородовский, 2012, с. 364, рис. 13] свидетельствуют о значительной облесенности территории Новосибирского Приобья во второй половине I тыс. до н.э. Это являлось одним из привлекательных факторов, обусловивших проникновение сюда носителей кулайской археологической культуры. Дендрохронологическое датирование колоды из погр. 25 кург. 3 Быстровки-2 в комплексе с радиоуглеродной хронологией последовательности ее древесных колец (2435 ± 41 (AA37808) – 2200 ± 22 (AA37823) л.н.) позволяет достаточно точно определить время произрастания таких лесов – не позднее 289 г. до н.э. Эта дата сов-

Рис. 7. Археологические памятники эпохи раннего железа в Верхнем Приобье.

1 – Ордынское-9; 2 – Ближние Елбаны I; 3 – Ближние Елбаны XII; 4 – Ближние Елбаны XV; 5 – Крохалевка-11а; 6 – Мереть-1; 7 – Кротово-7, -8; 8 – Ирмень-1; 9 – Ирмень-5; 10 – Милованово-3а; 11 – Десятый Кордон-4; 12 – Ордынское-2; 13 – Раздутье-1; 14 – Ирмень-2; 15 – Верх-Тула; 16 – Старый Шарап; 17 – Завьялово-5; 18 – Черное Озеро-1; 19 – Крохалевка-4; 20 – Третий Кордон-1; 21 – Милованово-6; 22 – Шелганушка-1; 23 – Батурино-3; 24 – Боровое-2; 25 – Кротово-2; 26 – Кротово-4; 27 – Каргаполово-2; 28 – Верхний Сузун-7; 29 – Иния II; 30 – Вятский Камушек; 31–40 – Бельмесово, Крутой Лог, «Цветы Алтая», ул. Береговая, Турина Гора, Казенная Займка, Ляпиха, Научный Городок, Галашкин Лог-1; 41 – Ордынское-1; 42 – Усть-Алеус-3; 43 – Курганы «26 июня»; 44 – Старая Аллейка II; 45 – Обские Плесы; 46 – Новый Шарап-1; 47 – Крохалевка-5; 48 – Высокий Борок; 49 – погребение на ул. Станиславского; 50 – Каллистратиха; 51 – Новый Шарап-2; 52 – Милованово-3; 53 – Аткуль; 54 – Быстровка-1; 55 – Камень-2; 56 – Ближние Елбаны III, VII, XII; 57 – Соколово; 58 – Рагозиха-1; 59 – Милованово-8; 60 – Новотроицкое I, II; 61 – Быстровка-2, -3; 62 – Камышенка-1; 63 – Верхний Сузун-5; 64 – Кротово-1; 65 – Морайка; 66 – Быстровка-4; 67 – Новосибирский «могильник»; 68 – Завьялово-19; 69 – Красный Яр; 70 – Родниковское-1; 71 – Старая Аллейка I; 72 – Елунино II; 73 – Раздутье IV; 74 – Гоньба; 75 – Новотроицкое; 76 – Кочки; 77 – Дресвянка; 78 – Нечунаево; 79 – Андроновово; 80 – Зайцево; 81 – Масляха-1, -2; 82 – Болотное (случайная находка бронзового котла); 83 – Кирза (случайная находка бронзового котла); 84 – Березовый Остров; 85 – Каменный Мыс; 86 – Новообинцевский клад; 87 – Камень-1.

а – поселение; б – курган; в – грунтовый могильник; г – культовое место; д – случайные находки.

падает с периодом увлажнения климата как одного из экологических стимулов перемещения носителей кулайской культурной традиции на юг.

Следует также поставить вопрос о более дробной периодизации «первой волны расселения» кулайцев на территории Новосибирского Приобья. Несмотря на то что единичные радиоуглеродные даты Быстровки-1 (кург. 17, погр. 1) и -3 (кург. 6, погребения 4, 8) – соответственно 774–361 гг. до н.э. (СОАН-3956; $2\,390 \pm 75$ л.н.), 592–350 (СОАН-3972; $2\,345 \pm 65$ л.н.), 772–386 гг. до н.э. (СОАН-3963; $2\,410 \pm 75$ л.н.) – находятся в рамках общей хронологии Быстровки-2 (полученной естественно-научными и традиционными археологическими методами), кулайские материалы на этих памятниках представлены в различной степени. С полным основанием можно предполагать, что такая особенность отражает определенные периоды с разной интенсивностью проникновения инокультурных компонентов, обусловленного внешними контактами. Все это в целом позволяет усомниться в прежней периодизации «первой волны расселения» кулайцев на севере Верхнего Приобья, которая подразделялась на два этапа – III–II и II–I вв. до н.э. [Троицкая, 1979, с. 46, 48, 49]. Учитывая последние данные комплексного датирования Быстровского некрополя, содержавшего элементы кулайского предметного комплекса, такую хронологию можно удревнить на 100 лет.

«Миграционные» процессы происходили на территории, достаточно плотно заселенной и хорошо освоенной (рис. 7), что не могло не проявиться в разнообразии форм культурных контактов и социальной адаптации носителей различных традиций в Верхнеобском регионе в формате поликультурности, характерной для всего юга Западной Сибири в эпоху раннего железа [Савинов, 2002, с. 155]. Поэтому необходимо еще раз упомянуть о том, что попытки выстроить непрерывную линию развития кулайской культуры [Троицкая, 1979, с. 43, 44, 62, 63; Могильников, 1995] в Верхнем Приобье не всегда оправданы [Ширин, 2010, с. 193]. В этом регионе целый ряд погребальных комплексов последней четверти I тыс. до н.э. отчетливо демонстрирует многокомпонентность далеко не всегда какой-то одной археологической культуры.

Список литературы

- Бородаев В.Б.** Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 96–114.
- Бородовская Е.Л.** Погребение с полихромными стеклянными бусами эпохи эллинизма на нижней Катунь // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 160–167.

Бородовский А.П. Об имитации швов кожаной посуды на керамике по материалам курганной группы Быстровка-1 // СА. – 1984. – № 2. – С. 232.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 176 с.

Бородовский А.П. Датирование многомогильных курганов эпохи раннего железа Верхнего Приобья естественнонаучными и традиционными методами (по материалам Быстровского некрополя) // Методы наук о земле и человеке в археологических исследованиях. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2012. – С. 344–392.

Бородовский А.П., Спосаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж. С., Джал Э.Дж.Т. Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 79–92.

Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск: Новосиб. обл. краевед. музей, 1995. – С. 47–65.

Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.

Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 64–70.

Иванов Г.Е. Саргатская керамика с поселения Островное-3 (степной Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 118–119.

Киришин Ю.Ф., Киришин К.Ю., Лихачева О.С. Кинжал раннего железного века из Чернопятково // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – Вып. XX. – С. 127–132.

Могильников В.А. О миграциях кулайского населения на юг // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – № 1. – С. 76–86.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М.: Изд-во ИА РАН, 1997. – 195 с.

Могильников В.А. К динамике внешних контактов саргатского этноса // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. – С. 4–10.

Могильников В.А., Уманский А.П. Новотроицкое-I, курган-15 и хронология некоторых категорий вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 91–110.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Росляков С.Г. Новые открытия в урочище Березовый мыс // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX веках: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Чаусского острога. – Новосибирск, 2013. – С. 151–153.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2002. – 202 с.

Савинов Д.Г. Культурные контакты в западносибирской части сферы влияния хунну // Археологические изыскания в

Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 163–173.

Соловьев А.И. К вопросу о характере проникновения кулайского населения в Новосибирское Приобье // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: мат-лы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 224–228.

Телегин А.Н. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего источника (по материалам эпохи раннего железа) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 140–148.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Троицкая Т.Н. Могильный Быстровка как исторический источник // Археологические памятники лесостепной

полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1983. – С. 31–50.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильный скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та 2005. – 204 с.

Ширин Ю.В. Нижняя дата для фоминских памятников и проблемы, с нею связанные // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 190–195.

*Материал поступил в редколлегию 22.01.15 г.,
в окончательном варианте – 06.05.15 г.*

A.P. Borodovsky

Novosibirsk State University

Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: altaicenter2011@gmail.com

THE RECONSTRUCTION OF CULTURAL PROCESSES IN THE FOREST-STEPPE OB BASIN DURING THE EARLY IRON AGE, BASED ON THE CHRONOLOGY OF THE BYSTROVKA CEMETERY

In the last third of the 1st millennium BC, contacts between populations of northern and southern origin in the forest-steppe Ob Basin were quite intense. Over several decades, science-based dating methods such as dendrochronology and radiocarbon analysis have been used to reconstruct these processes. As a result, several key cemeteries (Kamenny Mys, Bystrovka-1 and 3) were shown to be rather early, implying that contacts of native tribes of the forest steppe Ob with populations of western (Sargat) and northern origin (Kulai) during the Berezhovka stage lasted longer than previously believed. They began no later than the early 3rd or even the late 4th century BC.

Keywords: *Early Iron Age, Ob River, forest-steppe, archaeological reconstructions, chronology, science-based dating methods.*

УДК 903.2

Л.Т. Яблонский

Институт археологии РАН

ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия

E-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru

НОВЫЕ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ НАХОДКИ ИЗ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА-1*

При исследовании кургана 1 могильника Филипповка-1 в нераскопанной восточной части насыпи выявлены следы ее реконструкции. Современниками кургана здесь была выкопана большая траншея. Из ее северного окончания в насыпь кургана вел подземный ход в могильную яму центрального погребения. Во входной части был установлен литой бронзовый котел высотой 95 см и диаметром 1 м. В южном конце траншеи обнаружена могильная яма с деревянным перекрытием на уровне дна траншеи. В могиле находился женский скелет в сопровождении исключительно богатого инвентаря. Захоронение датируется в пределах IV в. до н.э. и является, таким образом, синхронным центральному погребению в кургане.

Ключевые слова: Филипповка-1, курган 1, погребение 2, погребальный обряд, находки, датировка.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.097-108

Введение

Курган 1 могильника Филипповка-1, расположенного в Оренбургской обл. РФ, на водоразделе рек Урал и Илек, раскапывался впервые в период с 1986 по 1988 г. уфимской археологической экспедицией (Башкирского НИИЯЛИ) под руководством А.Х. Пшеничного**. Он находился в центральной части могильника. Высота кургана составляла более 7 м, а диаметр превышал 100 м [Пшеничный, 2012, с. 21] (рис. 1). Раскопки центрального захоронения и тайников, расположенных поблизости от него, дали большое количество предметов из драгоценных металлов, включая знаменитых «золотых оленей» (26 экз.). После серии выставок, организованных как в нашей стране,

так и за ее пределами, издания их каталогов на русском и иностранных языках [Золотые олени..., 2001; Pshenichnuk, 2000; и др.] результаты этих раскопок приобрели мировую известность.

Однако в связи с форс-мажорными обстоятельствами восточная половина насыпи кургана, сегментовидная в плане, высотой ок. 5 м и длиной ок. 50 м (рис. 2), осталась неисследованной и подвергалась постоянным попыткам ограбления. Основной задачей экспедиции ИА РАН в сезоне 2013 г. было полное исследование этой части насыпи (останца кургана) с целью завершить изучение уникального памятника, уже вошедшего в анналы мировой культуры, и предотвратить его дальнейшее разграбление современными вандалами [Яблонский, 2014].

Описание раскопок

Жертвенные комплексы. Под восточной половиной останца на уровне древнего горизонта были расчищены многочисленные кости лошадей. Некоторые из

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-01-00053.

**В то время памятник назывался Филипповка или Филипповские курганы. После завершения раскопок могильника Филипповка-2 [Яблонский, 2013а] он стал обозначаться как могильник Филипповка-1 [Яблонский, 2013б].

Рис. 1. Курган 1 могильника Филипповка-1 до раскопок. Вид с востока. Фото А.Х. Пшеничного, 1986 г. (по: [Пшеничный, 2012, с. 9, рис. 2]).

Рис. 2. Останец кургана 1 могильника Филипповка-1. Вид с севера. Фото Л.Т. Яблонского, 2013 г.

Рис. 3. Бронзовый котел.

Рис. 4. Ручка котла.

них находились в анатомическом сочленении, другие были разрознены в результате работы плуга. Здесь же обнаружены жертвенные комплексы (6 шт.), представленные прикопанными в землю наборами деталей конской уздачки (бронзовые и железные удила и пса-лии, налобник, наременные пряжки).

Подземный ход. Судя по публикации А.Х. Пшеничного [2012, рис. 4], под восточную полу насыпи уходил подземный ход. Такие подземные ходы фиксировались в филипповских курганах и ранее [Яблонский, Мещеряков, 2006]. Два были обнаружены и в ходе первого этапа исследования памятника [Пшеничный, 2012, рис. 4]. Как оказалось после раскопок 2013 г., третий (восточный) подземный ход длиной свыше 25 м был направлен к востоку от центральной могильной ямы и в устье имел ширину 0,8 м. В восточном окончании он поднимался на поверхность древнего горизонта пятью ступеньками и здесь достигал в ширину 2,5 м при глубине у нижней ступеньки ок. 2 м. Недалеко от ступенчатого входа был

найден массивный литой бронзовый котел (рис. 3)*. Его масса ок. 500 кг, диаметр венчика 102 см. Ручки котла выполнены в скифо-сибирском зверином стиле и оформлены в виде объемного геральдического изображения голов двух грифонов, соприкасающихся клювами (рис. 4).

Погребение 2. Подземный ход был вырыт после реконструкции уже возведенной насыпи кургана, когда в толще ее восточной половины параллельно подножию была вырыта канава. Подземный коридор начинался в ее северной части в виде штрека в западной стенке. Под восточной полостью кургана вблизи края насыпи была обнаружена нетронутая грабителями могильная яма (погр. 2), которую вырыли с уровня дна канавы (рис. 5). По форме в плане она приближалась к прямоугольнику размерами 3,57 × 2,60 м и длинной осью была ориентирована параллельно подножию кургана на этом участке. Глубина ямы составляла 3,7 м.

*Все фотографии к статье выполнены Л.Т. Яблонским.

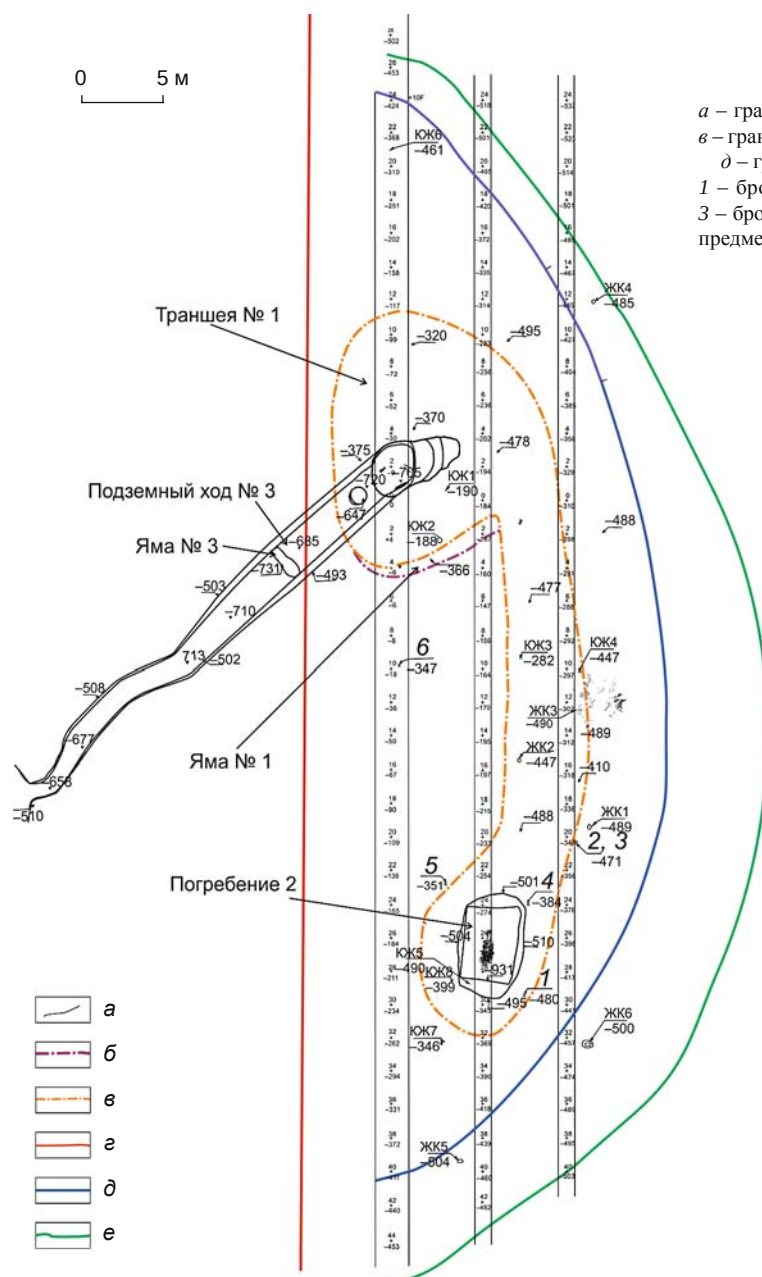

Рис. 5. План-схема раскопа 2013 г.

а – граница погр. 2 и подземного хода; б – граница ямы № 1; в – граница траншеи № 1; г – граница раскопок 1989 г. и 2013 г.; д – граница насыпи кургана; е – видимая граница насыпи.
1 – бронзовая бляшка; 2 – фрагменты железного предмета; 3 – бронзовая пронизь; 4 – наконечник стрелы; 5 – бронзовый предмет (гвоздь?); 6 – железный нож. КЖ – кость животного; ЖК – жертвенный комплекс.

Рис. 6. Могильная яма погр. 2 после расчистки. Вид сверху, с севера.

На уровне погребенной почвы и в профиле бровки насыпи зафиксированы остатки деревянного перекрытия погребальной камеры. Бревна были уложены перпендикулярно к ее длинной оси.

На дне ямы на многослойной подстилке из коры, камыша и травы находился человеческий скелет с исключительно богатым и разнообразным погребальным инвентарем (рис. 6). По данным генетического анализа, скелет принадлежал женщине*. Она была

захоронена в вытянутом положении на спине, головой на юг. Возраст смерти женщины по состоянию зубной системы и степени облитерации швов черепа оценивается примерно в 35 лет.

Вещевой комплекс погребения

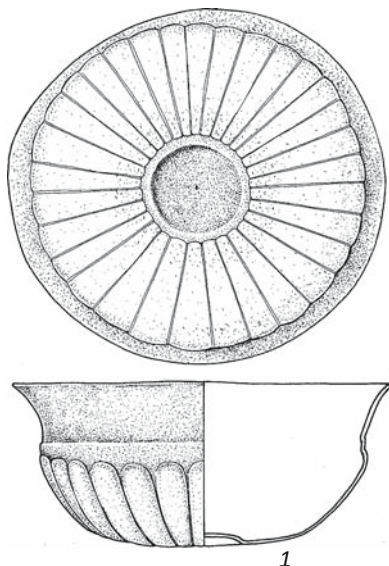
Сопроводительный инвентарь. В юго-восточном углу погребальной камеры находился деревянный сосуд с роговой крышкой. Ее ручка гравирована в

*Выражаю глубокую благодарность А.С. Пилипенко (Межинститутский сектор молекулярной палеогенетики ИЦиГ СО РАН) и О. Кравцовой (Лаборатория молекулярно-генетического анализа Казанского федерального (Приволж-

ского) университета) за предоставленные мне результаты генетических исследований костного материала.

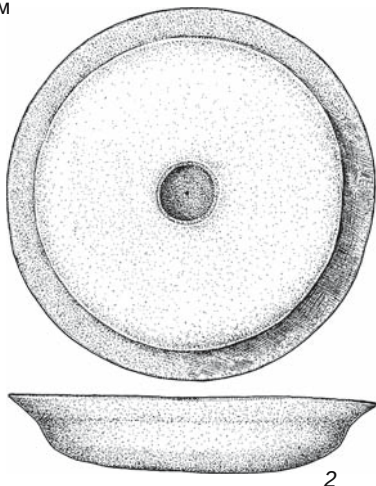

Рис. 7. Золотые ручка и обойма деревянного сосуда с роговой крышкой.

1

0 4 см

2

Рис. 8. Серебряные фиалы.

зверином стиле. Сосуд украшен золотыми накладками-обоймами. Одна из них, служившая ручкой, выполнена в виде объемной фигуры кулана или самки (безрогой) джейрана (рис. 7). Сосуд был помещен в плетеный из прутьев футляр, расшитый бисером.

В изголовье слева находился сделанный из луба ларец, заполненный доверху предметами, включавшими две литые серебряные фиалы, одна из которых использовалась в качестве крышки для другой (рис. 8); стеклянные туалетные сосудики (рис. 9); каменную чашечку с расписным венчиком, содержащую минеральный агрегат ярко-голубого цвета; кожаный ремень с прикрепленными к нему бронзовыми бубенчиками; покрытую кожей плетеную коробочку, доверху наполненную большими жуками (скарабей и носорог); две костяные и одну бронзовую татуировальные иглы; наполненные красящими веществами кожаные мешочки; сосудики из кожиры каштана и грецкого ореха; обработанные и необработанные камни; предметы из янтаря; деревянный сосуд с золотыми накладками-обоймами и ручкой, выполненной в виде полый объемной фигуры медведя (рис. 10).

Между ларцом и черепом, в некотором отдалении от скелета, лежал медальон-талисман с изображением сюжета-композиции из древнеиранской мифологии (рис. 11). От центрального дисковидного звена отходят золотые цепочки с удлинено-капельвидными подвесками. Предмет в целом изображает солнечный диск. Центральная часть округлой формы выполнена из золота в технике перегородчатой мозаики из вклеенного разноцветного стекла. В центре диска изображено Мировое дерево с охраняющей его крону парой мифологических птиц симургов, частично покрытых, как и положено по древнеиранским канонам, рыбьей чешуей. Корни дерева уходят в подземный мир. Венчает композицию распростершая крылья над всей сценой главная птица симург-охранительница.

0 2 см

Рис. 9. Стеклянные туалетные сосудики.

Рис. 10. Золотые обоймы и ручка деревянно-го сосуда.

К северу от ларца лежало большое серебряное зеркало с позолоченной ручкой, украшенной в зверином стиле, и рельефной позолоченной композицией на тыльной стороне диска. Изображение орла в центре окружено двумя фризами: один – с фигурками крылатых быков в полный рост, другой – с растительным орнаментом из чередующихся «пальметт» (рис. 12, 1). Трехчастная композиция в целом отражает мифологическое понимание древними иранцами структуры мира, как и в случае с медальоном. Зеркало помещалось в футляр из коры, который застегивался с помощью гагатовой пронизи-пуговицы (рис. 12, 2).

Под зеркалом были найдены серебряный туалетный сосудик, по форме напоминающий скифскую пиксиду; деревянный предмет; белемнит; кожаный мешочек с черным красящим веществом; бусы из стекла, золота, самоцветов и бирюзовая подвеска, оправленная золотом; подвески из перламутра и резного камня; бронзовая и костяная ложечки; кремневый (неолитический) наконечник

стрелы; оселок, под которым лежала пара железных ножей, инкрустированных золотом; бронзовый наколочник стрелы (рис. 13); шесть золотых татуировальных иголок (рис. 14, 2) и выполненная из стеклянной пасты подвеска с изображением, напоминающим

Рис. 11. Золотой со стеклянной инкрустацией медальон-талисман.

Рис. 12. Серебряное с позолотой зеркало (1) и гагатовая пронизь-пуговица (2).

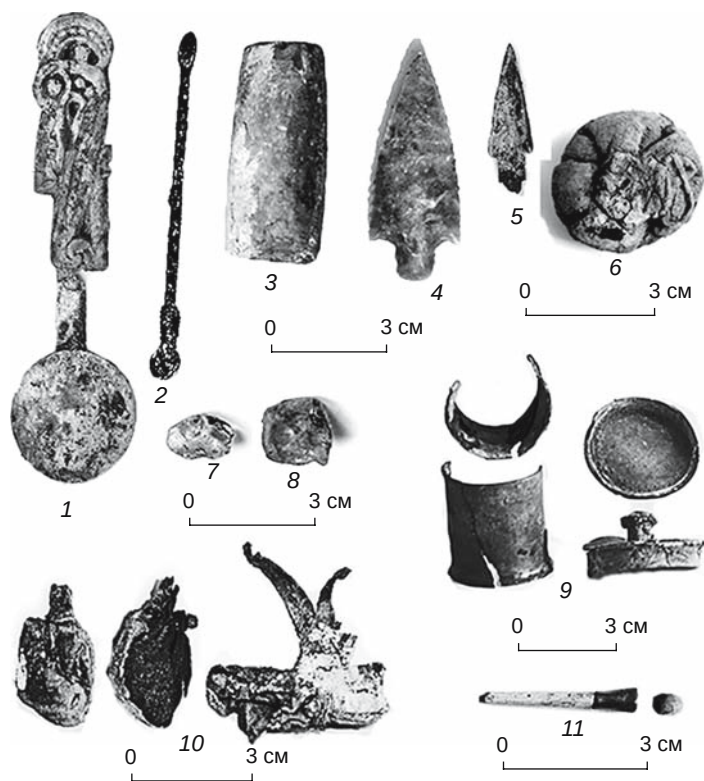

Рис. 13. Комплекс предметов под зеркалом.

1 – костяная ложка; 2 – бронзовая ложка; 3 – полировочный камень; 4 – кремневый наконечник стрелы; 5 – бронзовый наконечник стрелы; 6, 10 – кожаные мешочки с красками-минералами; 7, 8 – камни; 9 – серебряный туалетный сосудик; 11 – предмет из бирюзы с золотым навершием.

«глаз Хора» (рис. 14, 1). Татуировальные иглы делятся на два типа: 1) с витыми рукоятками и плоскими заостренными окончаниями – для выполнения надрезов на коже; 2) остроконечные, с петельчатыми окончаниями – для нанесения краски через уколы и для зашивания надрезов на коже.

Севернее зеркала стоял деревянный сосуд с серебряными накладками и носиком-сливом. Рядом с ним лежали орудия из железа (долота). Под северным бортом

могилы располагалось скопление обработанных (обтесанных) деревянных брусков.

Еще севернее лежали большое (диаметром 33 см) серебряное блюдо с ложковидным орнаментом, горит с деревянным кибитом лука и бронзовыми наконечниками стрел. Колчан многослойный, выполнен из луба, коры и кожи. Рядом с горитом находились его детали: меловая, яшмовая и золотые пронизи, деревянный сложносоставной предмет, украшенный золотыми элементами [Трегубов, Яблонский, 2014].

Возле костей правой стопы располагались сосуд-алабастр в футляре и деревянное блюдо, в пределах которого находились серебряный туалетный сосудик в футляре из коры и крупная золотая бусина в мешочке, расшитом бисером и бусинами. Футляры украшены семью золотыми пронизями.

К северу от алабастра найдены две каменные палитры (рис. 15), пестик для растирания татуировальных минеральных красителей и сопровождающие их многочисленные предметы, в т.ч. кожаный ремешок с бронзовыми колокольчиками; лошадиный клык, наполненный красной охрой; пронизи из полудрагоценных камней и морские раковины; разнообразные камни; скорлупа грецкого ореха; костяная ложка.

За пределами подстилки находились бронзовые предметы: в северо-западном углу могильной ямы – похожий на чайник сосуд на трех ножках (рис. 16) и ковш, у восточной стенки – жаровня. В северо-восточном углу могилы расчищен уздечный набор, который состоял из железных удиц, бронзовых псалиев и уздечных бляшек.

Погребальная одежда. Она реконструируется по взаиморасположению разнотипных золотых нашивок и других деталей, состоит из трех предметов.

Рис. 14. Пастовая подвеска (1) и золотые татуировальные иглы (2).

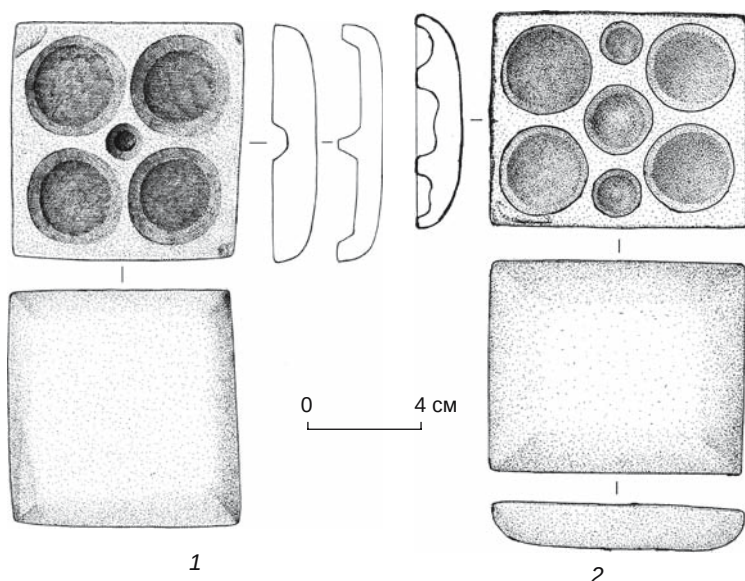

Рис. 15. Каменные палитры (прорисовка).

Рис. 16. Бронзовый сосуд.

Платье. Оно было украшено в основном нашивками в виде штампованных розеток. Каждая представляет собой округлый диск диаметром 25–28 мм. В центре расположен круг диаметром 8 мм, очерченный двумя концентрическими окружностями. От них радиально расходятся удлинненно-каплевидные лепестки, образующие волнистый край диска (рис. 17). С оборотной стороны имеются три или четыре припаянные петельки для нашивания. Всего таких нашивок найдено 395.

Нашивки, образующие дуговидную линию чуть ниже ключиц, обозначают вырез платья. Подол фиксируется на уровне колен и справа продолжается до голеностопных суставов. Таким образом, платье могло иметь шлейф или было подвернуто в процессе захоронения. Оно было расшито и со спины, о чем свидетельствуют обнаруженные под скелетом нашивки, лежавшие лицевой стороной вниз.

Вдоль грудного отдела позвоночника располагались золотые штампованные нашивки (4 шт.) с изображением свернувшегося в кольцо копытного с рельефными рогами (рис. 18, 1). Основную часть композиции занимает голова животного с торчащим длинным приостренным ухом, полуоткрытой пастью и подтреугольным глазом с выпуклым зрачком. Каплевидными выпуклостями подчеркнуты две ягодицы и переднее бедро. Третий голеностоп с копытом изображен под головой. Таким образом, животное как бы слегка вывернуто. Расстояния между нашивками 40 мм, их линия начиналась выше ключиц и продолжалась вниз на 20 см. Возможно, они использовались как пуговицы.

Рукава платья были украшены золотыми нашивками с изображением сцены терзания (рис. 18, 2). Представлено нападение кошачьего хищника (пан-

Рис. 17. Розетковидные нашивки на платье.

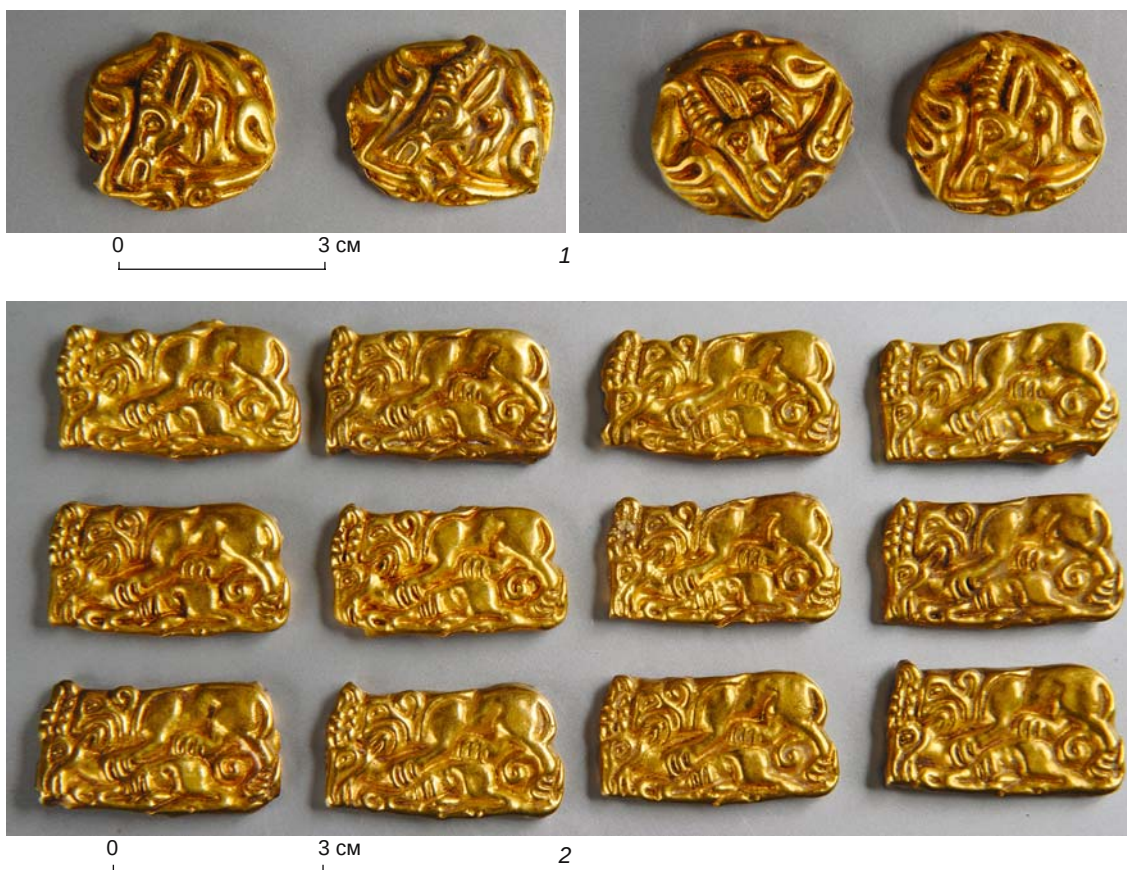

Рис. 18. Золотые пуговицы (1) и нашивки на рукава платья (2).

теры?) на травоядное животное (джейрана?). Джейран находится в лежачем положении с подогнутыми ногами. Пантера расположилась у него на спине и обнимает корпус жертвы всеми когтистыми лапами. Хвост хищника с петлей на конце пропущен вперед между его задними лапами. В пасти у пантеры находится ухо джейрана. Прямоугольные штампованные нашивки шли в одну линию вдоль рукавов (14 на правом, 12 на левом) так, что их длинная ось располагалась перпендикулярно к длинной оси рукава. Размеры нашивок 43 × 19 мм. С оборотной стороны по углам имеются четыре петельки для нашивания.

Рубаха. Фиксируется по наличию расшитых бисером рукавов. Судя по площадям залегания бисера, нижний край рукава находился в районе запястья. Вышивка правого рукава (рис. 19, 1) ограничена золотыми пронизями. Расстояние между ними 75 мм. Рукав расшит бисером, который сделан из золота, бирюзы, красного, голубого и белого стекла. Кроме того, для вышивки использовались бусины из сердолика, бирюзы и пирита (окисленного полностью и представленного кристаллами). Орнамент представлен двумя основными элементами: спиралевидными фигурами диаметром 35 мм, образующими одну линию, и тре-

угольниками размерами 50 × 30 мм, составляющими другую. Вышивка на левом рукаве сохранилась хуже (рис. 19, 2), лишь отдельными участками. На них видно, что основные элементы орнамента идентичны вышеописанным.

Шаль. Реконструируется по бахrome, которая зафиксирована в виде полосы шириной 20–25 мм (рис. 20). Она прослеживалась от правого крыла таза, далее поднималась к груди и слева пересекала плечевую кость, отдаляясь от нее на 120 мм.

Каждая нить бахромы состояла из двух скрепленных деталей. Одна из них представляет собой две спаянные золотые полусферы (диаметр сферы 7 мм) с отверстием в центре каждой, в которое вставлена золотая трубочка. На одном конце расположена петля, а на другом – три или четыре шарика зерни (рис. 21, 2). Другая деталь представляет собой штампованную из золотой фольги бляшку, в плане круглую, диаметром 5 мм, в сечении прямоугольную, высотой 1,5–2,0 мм. В стенках имеются два диаметрально расположенных отверстия. Детали скреплялись через петельку первой и отверстие второй, а нити бахромы – через петельку первой детали.

В нижних концах бахромы были найдены золотые предметы, которые, по-видимому, крепились к тесьме

1

2

Рис. 19. Декор рукавов рубахи.
1 – правого; 2 – левого.

или шнуркам, – ворворки (?). В их основе усеченно-коническая втулка с ажурным навершием ромбовидной в профиль формы. К его граням припаяны мелкие шарики золотой зерни. Такие же шарики расположены по окружности в основании навершия и по поверхности втулки. Венчает навершие пирамидка из более крупных шариков золотой зерни на валике толщиной 1 мм. Общая высота предмета 50 мм, ширина навершия 26, диаметры втулки – 8 и 5 мм (рис. 21, 1).

1

2

Рис. 20. Бахрома шали in situ.
1 – общий вид; 2 – деталь.

Рис. 21. Золотые детали бахромы шали.

Рис. 22. Височные подвески. Золото, стекло.
1 – правая; 2 – левая.

Шаль также была украшена розетковидными золотыми нашивками (см. выше). По взаиморасположению нашивок и бахромы можно предположить, что она прикрывала руки, плечи и голову, углом закрывая лицо погребенной.

Ювелирные украшения. В районе височных костей черепа, с каждой его стороны, находились литые золотые подвески с деталями, выполненными в технике перегородчатой стеклянной мозаики (рис. 22). На каждом пальце рук было по литому золотому перстню (10 шт.) с изображением в зверином стиле на щитке (рис. 23). Это фигура

Рис. 23. Золотые перстни.

Рис. 24. Браслеты. Камень, стекло, золото.

Рис. 25. Браслеты. Золото, сердолик.
1 – с правой руки; 2 – с левой.

0 5 см

1

2

лежащего с подогнутыми ногами оленя, рога которого «превращаются» в протомы грифонов. На запястья были надеты по два браслета: один из каменных, стеклянных и золотых бусин (рис. 24), другой из золотых деталей с элементами, выполненными в технике перегородчатой мозаики из сердолика (рис. 25).

Заключение

Раскопки кургана 1 могильника Филипповка-1 были продолжены и дали замечательный результат. Коллек-

ция, полученная в 2013 г., насчитывает 1 175 предметов различного назначения (все вещи переданы в Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей). Для анализов с помощью естественно-научных методов были отобраны образцы почв, золота, серебра, стекла, эмали, дерева, кожи, каменный материал, минеральные краски, кости животных и человека, скорлупки орехов и каштанов, панцири жуков.

По наконечникам стрел и предметам конской упряжи раскопанное захоронение датируется в пределах IV в. до н.э. и, таким образом, синхронно погр. 1 этого кургана [Пшеничнюк, 2012, с. 88].

Список литературы

- Золотые олени** Евразии. – СПб.: Славия, 2001. – 247 с.
- Пшеничнюк А.Х.** Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале / ред. Н.С. Савельев. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 278 с.
- Трегубов В.Е., Яблонский Л.Т.** Горит из Филипповки // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани 2014 г. – Казань, 2014. – Т. II. – С. 178–183.
- Яблонский Л.Т.** Курган-святилище могильника Филипповка-2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейских степей. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2013а. – Вып. 10. – С. 305–311.
- Яблонский Л.Т.** Золото сарматских вождей: Элитный некрополь Филипповка-1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): каталог коллекции. – М.: ИА РАН, 2013б. – Кн. 1. – 231 с.
- Яблонский Л.Т.** Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка-1 (предварительное сообщение) // КСИА. – 2014. – Вып. 232. – С. 3–7.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В.** Загадка тринадцатого филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 38–47.
- Pshenichnuk A.Kh.** The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // The Golden Deer of Eurasia / eds. J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. – N. Y.: Metropolitan Museum, 2000. – 303 p.

Материал поступил в редколлегию 17.11.14 г.

L.T. Yablonsky

*Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru*

NEW UNUSUAL FINDINGS AT FILIPPOVKA-1 BURIAL MOUND 1, SOUTHERN URALS

New excavations of a burial mound at Filippovka, southern Urals, indicate an ancient reconstruction of its eastern part. A large trench was dug shortly after the mound had been erected, and its northern end was connected with the central grave by an underground passage. At the entrance, a cast bronze cauldron, 95 cm high and 1 m in diameter, was placed. In the southern end of the trench, level with its bottom, a grave overlaid with wooden planks was discovered. The grave revealed an extremely rich female burial dating to the 4th century BC and thus contemporaneous with the central burial in the mound.

Keywords: *Filippovka-1, southern Urals, Early Iron Age, burial mounds, chronology.*

УДК 904

Ю.С. Худяков¹, К.Ш. Табалдиев², А.Ю. Борисенко¹, Ж. Орозбекова¹¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aborisenko2@mail.ru²Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
пр. Мира, 56, Бишкек, 720044, Кыргызстан
E-mail: tabaldievk@yahoo.com

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ИЗ С. ТУУРА-СУУ В КЫРГЫЗСТАНЕ*

В статье рассматриваются частично и полностью сохранившиеся древнетюркские каменные изваяния, обнаруженные кыргызскими археологами в с. Туура-Суу Иссык-Кульской обл. в Республике Кыргызстан. Исследуются особенности поминальной обрядности, характерные для древнетюркской культуры в периоды существования на Тянь-Шане и в Семиречье государств западных тюрков и тюркшей. Анализируются реалии, изображенные на рассматриваемых скульптурах. На основе прослеженных аналогий определены хронология и культурная принадлежность изученных каменных изваяний, выделены их характерные особенности. Рассмотрена версия о том, что в полностью сохранившейся скульптуре с изображением мужской одежды и оружия запечатлена знатная древнетюркская женщина-богатырка.

Ключевые слова: древние тюрки, каменные изваяния, поминальная обрядность, Туура-Суу, Иссык-Кульская котловина, Кыргызстан.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.109-115

Введение

Каменные изваяния древних и средневековых кочевников, известные под названием «каменные бабы» на обширных пространствах евразийских степей, издавна привлекали внимание путешественников, исследователей археологических памятников, ученых. Средневековые каменные скульптуры, передающие внешний облик мужчин-воинов, женщин, а в редких случаях даже детей, достаточно широко распространены в горах и долинах Тянь-Шаня, на территории Кыргызстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, а также в степях Казахстана. Впервые подобные археологические памятники были обнару-

жены на Тянь-Шане в начале XIX в. [Винник, 1995, с. 160]. В 1856 г. каменные изваяния на побережье оз. Иссык-Куль осмотрел и зарисовал казахский исследователь и путешественник Ч.Ч. Валиханов. Согласно его описанию, на изученных им каменных бабах были изображены лица «с огромными усами», которые «напоминают монгольский тип», а в правой руке – «что-то вроде чашки» [Валиханов, 1984, с. 341–342]. В 1857 г. несколько изваяний в долине р. Тюп, к югу от оз. Иссык-Куль, осмотрел российский исследователь П.П. Семенов-Тянь-Шанский [Семенов, 1946, с. 182–183], который отнес их ко времени проживания на Тянь-Шане усуней. В дальнейшем, во второй половине XIX в., отдельные каменные изваяния в южной части Иссык-Кульской котловины осматривали или упоминали о них в своих работах некоторые российские любители старины, работавшие в этом районе [Винник, 1995, с. 162–164]. В 1890-х гг. в изучение различных археологических

*Исследование проведено по проекту (№ 2718) выполнения государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

памятников, в т.ч. относящихся к культуре древних тюрок на территории современного Кыргызстана, существенный вклад внес В.В. Бартольд. Им были обнаружены и каменные изваяния, часть из них – в Иссык-Кульской котловине. Среди этих памятников были скульптуры, стоявшие с западной стороны оградок. В.В. Бартольд достаточно точно определил хронологию и культурную принадлежность каменных изваяний: «...фигуры с мечом и чашею в руках ставились тюрками в VII–VIII вв.». По его мнению, обычай установки таких скульптур сохранялся еще в течение нескольких столетий после этого периода [1966а, с. 38–39]. В дальнейшем В.В. Бартольд обобщил известные к тому времени сведения письменных источников и археологические материалы в специальной статье, в которой высказал предположение о том, что каменные изваяния относятся к погребальным памятникам древнетюркских кочевников [1966б].

В 1930–1950-х гг. на территории Кыргызстана, в т.ч. в Иссык-Кульской котловине, работали археологические экспедиции под руководством А.Н. Бернштама. Было обнаружено несколько неизвестных ранее древнетюркских скульптур. Среди них выделяются статуи, на которых изображены сабли и кинжалы. А.Н. Бернштам определил период функционирования памятников культуры древних тюрок VI–VIII вв. [1952, с. 79–81, 88, рис. 42, 43]. В 1950-х гг. несколько каменных скульптур в Иссык-Кульской котловине обнаружили сотрудники Кыргызской археолого-этнографической экспедиции [Винник, 1995, с. 172–173]. В 1960-х гг. изученные к тому времени каменные изваяния Семиречья и Тянь-Шаня были проанализированы и опубликованы Я.А. Шером в монографическом исследовании. Он предложил свой вариант их классификации и упомянул о нахождении некоторых скульптур у ритуальных оградок [1966, с. 40]. В те же годы исследованием изваяний начал заниматься Д.Ф. Винник. Многие каменные скульптуры были свезены в краеведческие и школьные музеи, при этом, к сожалению, не всегда фиксировалось место их обнаружения. Д.Ф. Винник наиболее подробно проследил историю изучения каменных изваяний на территории Кыргызстана [1995]. В 1970-х гг. эти памятники исследовал В.П. Мокрынин. Он внес некоторые дополнения в предложенные ранее классификации изваяний. Особое внимание исследователь уделил изучению скульптур с изображением трехрогих головных уборов. По его мнению, некоторые из этих скульптур являются памятниками культуры эфталитов [Мокрынин, 1975; Мокрынин, Гаврюшенко, 1975]. В течение последних десятилетий изучением каменных изваяний на Тянь-Шане занимались другие исследователи, в т.ч. К.Ш. Табалдиев и Ю.С. Худяков. В ходе раскопок могильника Ала-Мышык ими были обнаружены поминальные оградки, сооруженные из валунов, и ка-

менные скульптуры [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 66–70]. Результаты исследований последних десятилетий нашли отражение в монографиях, в которых проанализированы материалы о древнетюркских каменных изваяниях и поминальных сооружениях [Табалдиев, 1996, с. 60–82; 2011, с. 130–143; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 68–87]. В 1990–2000-х гг. были опубликованы обобщающие исследования, посвященные этим памятникам на сопредельных территориях Казахстана и Восточного Туркестана [Худяков, 1997; Ермоленко, 2004, с. 22–31; Досымбаева, 2006, с. 25–51, 87–119]. В последние годы были изучены неизвестные ранее древнетюркские поминальные сооружения и каменные изваяния в ряде районов Кыргызстана, в т.ч. в Иссык-Кульской котловине [Сулайманова, 2005, 2007; Москалев, Солтобаев, 2008]. Исследователи продолжают открывать подобные памятники. Несколько интересных находок обнаружено в с. Туура-Суу, к югу от оз. Иссык-Куль.

Обстоятельства обнаружения каменных скульптур в с. Туура-Суу

Во время совершения экспедиционного маршрута вокруг оз. Иссык-Куль в августе 2014 г. авторами настоящей статьи в с. Туура-Суу, расположенном в горной долине южнее озера, были осмотрены три каменных изваяния, которые установлены во дворе местной сельской школы. Особый интерес представляют два из них, обнаруженные в черте этого населенного пункта. Одно хорошо сохранившееся каменное изваяние находилось на южной окраине села на левобережной террасе р. Туура-Суу, на поверхности пологого земляного холма, похожего на курганный насыпь. Оно лежало в земле лицевой стороной вниз. На поверхности были видны только затылочная часть головы и частично спина статуи, которые со временем почернели. Скульптуру раскопали студенты из археологического отряда под руководством К.Ш. Табалдиева, при участии учителя и учеников местной сельской школы. В дальнейшем жители с. Туура-Суу воспротивились продолжению каких-либо раскопок в месте нахождения статуи, поскольку в прошлом поверхность холма в течение некоторого времени использовалась в качестве кладбища и там были могилы, относящиеся к Новому времени.

Голову от второй скульптуры обнаружили несколько лет назад в процессе строительства глинобитного хозяйственного помещения на территории усадьбы, расположенной на расстоянии ок. 30 м к северу от холма, на котором найдено первое изваяние. Раскопки в месте обнаружения данной находки также оказались невозможны, поскольку там находилась современная постройка. К сожалению, большую часть

этой скульптуры найти не удалось. Не были выявлены и какие-либо каменные конструкции, принадлежащие поминальным сооружениям, при которых могли находиться каменные изваяния.

Еще одно изваяние, изготовленное из массивной каменной плиты, было обнаружено в окрестностях с. Туура-Суу. Все три скульптуры местные жители установили на постаментах из камня и бетона во дворе местной школы.

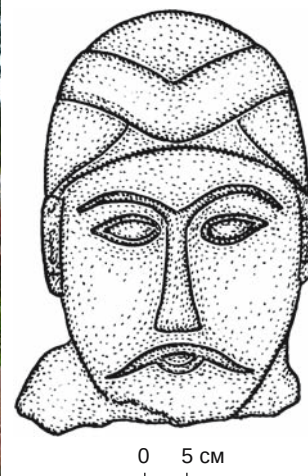
Описание каменных изваяний

От одной скульптуры сохранилась только массивная каменная голова, передающая внушительный облик мужчины (рис. 1). На крупном овальном лице низким барельефом выделены дуговидные брови, показаны узкие раскосые миндалевидные глаза, прямой нос, аккуратно подстриженные усы, плотно сжатые губы и гладко выбритый подбородок. На нижних частях мочек крупных ушей изображены небольшие полукруглые украшения, вероятно, серьги или клипсы. Довольно реалистично воспроизведен головной убор, который, скорее всего, представляет собой кожаную шапку с овальным верхом, декоративной полосой, расположенной углом вниз на ее передней части, и широкими наушами, плотно облегающими виски и затылок. Их концы скреплены ремешками, связанными между собой на затылочной стороне головного убора. Высота сохранившейся части скульптуры 60 см, ширина – 33 см. Все детали изображения переданы очень точно и реалистично. Они свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве скульптора, сделавшего эту статую.

Другое каменное изваяние сохранилось полностью. Оно изображает взрослого человека, сидящего «по-восточному», скрестив ноги (рис. 2). На голове воспроизведена шапка со сферическим верхом, горизонтальной полосой на передней части, загнутыми и соединенными сзади широкими наушами. Изображено довольно молодое миловидное лицо, на котором выделены дуговидные брови, прямой нос, узкие губы, гладкий овальный подбородок. Довольно необычно, что нет усов, являвшихся характерной чертой внешнего облика каждого древнетюркского мужчины-воина. В нижней части ушей изображены небольшие серьги или клипсы. На открытой спереди шее узкой полоской показано ожерелье. На голове воспроизведены длинные, расчесанные по обе стороны волосы, ниспадающие на плечи. На туловище показана наплечная распашная одежда, вероятно, двубортный халат, ши-

1

2

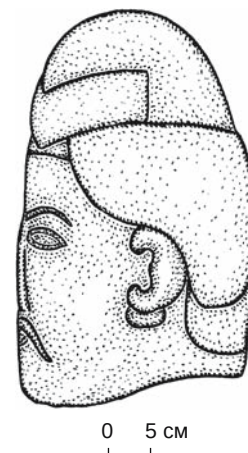

Рис. 1. Голова каменной скульптуры и ее прорисовка анфас (1) и в профиль (2).

рокими полосами переданы отвороты по его бортам на груди. В согнутой в локте правой руке персонаж держит за дуговидную ручку сосуд, который напоминает металлическую кружку с широким поддоном. Левая рука также согнута в локте, ее ладонь расположена на животе, ниже кружки. На обеих руках выделены обшлага. На талии изображен поясной ремень с пряжкой, несколькими бляхами и обоями, к которому спереди подвешена на двух ремешках сабля в ножнах с двумя петлями. У нее плавно изогнутый клинок, прямое перекрестье и рукоять с навершием, отогнутым в сторону лезвия. Показаны также подвешенные к наборному поясу чехлы разной формы. Вероятно, один из них для огнива. Обычно на древнетюркских каменных изваяниях огниво в чехле изображалось подвешенным к поясу с правого бока персонажа. Внизу на скульптуре изображе-

Рис. 2. Каменное изваяние и его прорисовка анфас (1) и в профиль (2).

ны ноги в высоких мягких сапогах до колен, сложенные одна на другую, как при посадке «по-турецки». По бокам фигуры показаны раздвинутые в стороны полы верхней одежды. Высота скульптуры 152,5 см, ширина – 52,5 см.

Изваяние выполнено с большим мастерством. Фигура воспроизведена с соблюдением пропорций, подчеркнуты некоторые индивидуальные особенности персонажа. Можно предположить, что данную статую, как и скульптуру, от которой сохранилась только голова, изготовил талантливый ваятель. Его мастерство заметно превышало обычный уровень древнетюркских камнерезов, делавших изваяния. Обыкновенные скульптуры представляют собой необработанные каменные плиты, на которых изображены лицо, согнутая в локте правая рука с сосудом, левая рука и пояс.

Еще одно изваяние изготовлено из массивной каменной плиты (рис. 3). Его высота 105 см, ширина 45 см. У скульптуры крупная голова, на лице изображены дуговидные брови, миндалевидные глаза, прямой нос и усы. В правой, согнутой в локте руке показана чаша. На изваянии просматривается левая рука и горизонтальная полоса, которая воспроизводит пояс. Все детали на этой скульптуре видны недостаточно отчетливо. Ее можно отнести к числу довольно обычных схематичных древнетюркских изваяний, известных на Тянь-Шане и в Семиречье.

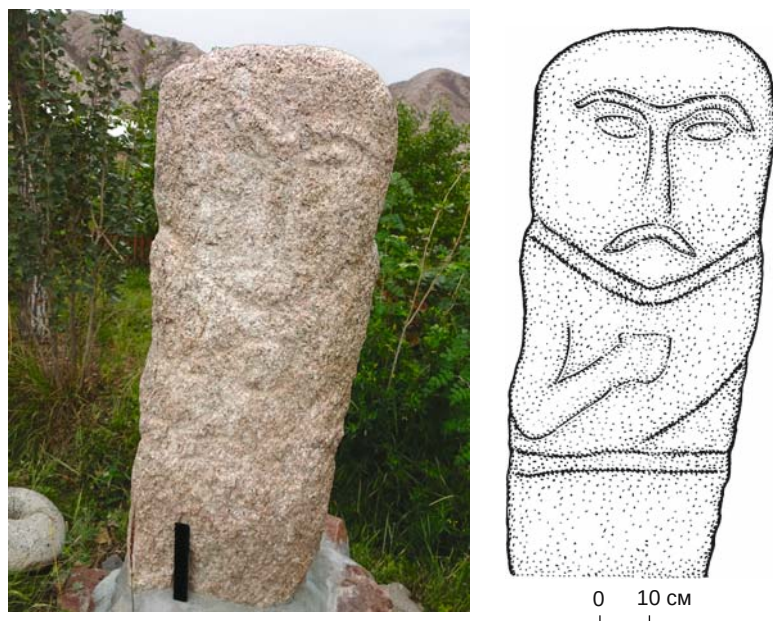

Рис. 3. Схематичное каменное изваяние и его прорисовка.

Хронология, культурная принадлежность и интерпретация изваяний

Вопросы хронологии антропоморфных каменных изваяний на территории Тянь-Шаня и Семиречья неоднократно рассматривались исследователями средневековых археологических памятников на территории Кыргызстана, Казахстана, Средней Азии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая [Бартольд, 1966б; Шер, 1966, с. 22–29, 40; Мокрынин, 1975; Худяков, 1997]. Относительно периода их распространения и культурной принадлежности высказывались разные точки зрения. В прошлом многие исследователи интерпретировали каменные изваяния в качестве «надгробных статуй» на могилах [Радлов, 1899, с. 431–436]. Со временем было определено, что скульптуры устанавливались на древнетюркских поминальных комплексах. В научной и научно-популярной литературе по археологии Кыргызстана древнетюркские каменные изваяния нередко по старинке именуются балбалами [Бернштам, 1952, с. 79]. В 1960-х гг. исследователями средневековых памятников Центральной Азии было установлено, что данный термин относится к каменным столбикам, устанавливавшимся в ряд у поминальной оградки [Кызласов, 1966, с. 207]. Как было выяснено в результате раскопок на Тянь-Шане, некоторые каменные изваяния находились у поминальных оградок квадратной или прямоугольной формы, сооруженных из каменных плит и валунов [Шер, 1966, с. 14; Мокрынин, 1986, с. 109–110; Табалдиев, Худяков, 2000, с. 67–68]. По характерным признакам внешнего облика (включая позу и изображенные реалии) обнаруженные в с. Туура-Суу целое каменное изваяние и отбитая голова второго, несомненно, должны относиться к древнетюркской культуре. Судя по совершенству обработки этих скульптур, они могли быть изготовлены в период достаточно высокого уровня развития техники ваения у западных тюрок и тюркешей, в VII–VIII вв. н.э. [Худяков, Табалдиев, 2009, с. 77]. Схематичное каменное изваяние из с. Туура-Суу может относиться к более широкому диапазону эпохи раннего Средневековья [Табалдиев, 1996, с. 65].

Воспроизведенные на полностью сохранившейся объемной скульптуре из с. Туура-Суу довольно милостивое, «женственное» лицо без усов и длинные волосы до плеч, а также изображение ожерелья побудили некоторых заинтересованных местных жителей, принимавших участие в раскопках изваяний, склониться к предположению, что эта статуя может изображать молодую женщину, несмотря на то, что показаны мужская одежда и клинковое оружие на воинском наборном поясе. Однако длинные, ниспадающие на плечи волосы не могут служить в качестве «женского» отличительного признака, поскольку

у древних тюрок их носили и мужчины, о чем свидетельствуют изображения древнетюркских воинов на некоторых памятниках изобразительного искусства [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997]. Правда, западные тюрки довольно часто заплетали волосы в многочисленные мелкие косички. Кроме того, мужчины изображались с усами.

Среди каменных изваяний западных тюрок и тюркешей представлено значительное количество скульптурных изображений женщин. Их характерной особенностью являются т.н. трехрогие головные уборы, а также серьги, ожерелья, плечевая одежда без пояса. В руках у этих персонажей показаны сосуды [Шер, 1966, с. 22–29]. Значительно реже скульптурные изображения женщины встречаются на поминальных памятниках восточных тюрок в Саяно-Алтае и Монголии. Иногда на каменных изваяниях выделялись женские груди [Худяков, Белинская, 2012, с. 127–128]. По характеру оформления и набору реалий скульптура из с. Туура-Суу существенно отличается от обычных древнетюркских женских изваяний, обнаруженных на Тянь-Шане и в Семиречье. Из реалий на ней к числу женских украшений можно отнести только ожерелье. Если данное изваяние действительно изображает женщину, то это надо признать очень редким, исключительным случаем. Прообразом могла быть знатная тюркская женщина-богатырка [Ермоленко, 2004, с. 64].

Необходимо отметить, что в героическом эпосе и исторических преданиях многих тюркских и монгольских народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона, восходящих к эпохе Средневековья, в качестве самостоятельных литературных и исторических персонажей присутствуют женщины-воительницы. Деяния знатной девушки-богатырки Бану-Чечек, которая устраивала испытания и на равных боролась со своим женихом, описаны в огузском эпическом сказании. По мнению В.П. Даркевича, сцены из него воспроизведены на серебряном ковше, изготовленном в Хазарии в VIII–IX вв. и найденном в Кодском городке в Западной Сибири [1974]. Мотивы борьбы девы-богатырки со своим женихом представлены также в эпических сказаниях некоторых современных тюркских народов, в т.ч. азербайджанцев, турок и туркмен [Короглы, 1975, с. 72]. Подобные воинственные женские персонажи есть в эпосе тюркских народов Саяно-Алтая [Маадай-Кара, 1973, с. 256, 414]. В кыргызском героическом эпосе «Манас» красочно описано участие в поединке перед боем юной калмыцкой богатырки «удалой» Сайкал, вступившей с оружием в руках в единоборство с самим предводителем кыргызов, богатырем и национальным героем Манасом [Манас, 1988, с. 361–371]. В другом эпическом сказании кыргызов «Жаныл Мырза» повествуется о знатной женщине, предводительнице одного

из кыргызских племен, нойгутов, которая в течение своего правления командовала войсками и сражалась с джунгарами. По предположению известного кыргызского ученого А.А. Асанканова, эта женщина управляла нойгутами в XVII в. [2010, с. 34–35].

Заключение

Голова от мужского изваяния из с. Туура-Суу передает типичный облик древнетюркского мужчины с усами, в головном уборе. Судя по ее размерам, это изваяние должно было быть заметно крупнее полностью сохранившегося. Судя по облику анализируемых скульптур и условиям их обнаружения, обе могли относиться к древнетюркским поминальным одного хронологического периода, когда был достигнут высокий уровень техники ваияния. По мастерству исполнения эти скульптуры заметно превосходят обычные для древнетюркской культуры того времени каменные изваяния, одно из которых также найдено в окрестностях с. Туура-Суу.

Проведенный анализ древнетюркских каменных скульптур, обнаруженных в с. Туура-Суу, позволил уточнить их культурную принадлежность и хронологический период, когда они могли быть изготовлены и установлены. Исследование этих памятников может служить важным свидетельством в пользу того, что древнетюркские ваятели смогли достичь весьма высокого уровня мастерства, вплотную приблизившись к созданию объемных скульптур. Высказанное предположение о том, что одно изваяние из с. Туура-Суу может изображать древнетюркскую воительницу, находит соответствие в фольклорных источниках ряда тюркских народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Это позволяет говорить о возможном участии отдельных представительниц древнетюркской правящей элиты в военной сфере жизнедеятельности кочевого общества в государствах западных тюрок и тюркешей.

Список литературы

- Асанканов А.А.** Кыргызы Сынъзьяна (КНР). – Бишкек: Бийитик, 2010. – 492 с.
- Бартольд В.В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Соч. – М.: Вост. лит., 1966а. – Т. IV. – С. 21–91.
- Бартольд В.В.** К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Соч. – М.: Вост. лит., 1966б. – Т. IV. – С. 377–396.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с. – (МИА; № 26).

Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энцикл., 1984. – Т. 1. – С. 306–367.

Винник Д.Ф. История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 160–175.

Даркевич В.П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // КСИА. – 1974. – Вып. 140. – С. 28–32.

Досымбаева А. Западный Тюркский каганат: Культурное наследие казахских степей. – Алматы: Тюрк. наследие, 2006. – 168 с.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.

Короглы Х. Огузский эпос (сравнительный анализ) // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975. – С. 64–91.

Кызласов Л.Р. О значении термина «балбал» древнетюркских надписей // Тюркологический сборник: К шестидесятилетию А.Н. Кононова. – М.: Наука, 1966. – С. 206–208.

Маадай-Кара: Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1973. – 474 с.

Манас: Киргизский героический эпос. – М.: Наука, 1988. – Кн. 2. – 688 с.

Мокрынин В.П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 113–119.

Мокрынин В.П. По следам прошлого. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 128 с.

Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Древнетюркские памятники долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 102–112.

Москалев М.И., Солтобаев О.А. Каменные изваяния Кошой-Коргонского музея // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – 2008. – Вып. 3. – С. 31–33.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань 1856–1857 гг. – М.: Географиз, 1946. – 256 с.

Сулайманова А.Т. Древнетюркские поминальные оградки Сонкульской долины // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – 2005. – Вып. 1. – С. 11–19.

Сулайманова А.Т. Данные о поминальных оградках древних тюрок Кочкорской долины // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – 2007. – Вып. 2. – С. 35–41.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. – С. 65–85.

Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. – Бишкек: V.R.S. Company, 2011. – 320 с.

Худяков Ю.С. Материалы древнетюркской культуры в Восточном Туркестане // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ин-т гуманитар. исследований, 1997. – С. 235–247.

Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Каменное изваяние из урочища Айлян в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 122–130.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 292 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древ-

них тюрков на Тянь-Шане // РА. – 1997. – № 3. – С. 142–147.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.

*Материал поступил в редколлегию 21.01.15 г.,
в окончательном варианте – 19.03.15 г.*

Y.S. Hudiakov¹, K.S. Tabaldiev², A.Y. Borisenko¹, Z. Orozbekova¹

¹Novosibirsk State University,
Pirogova 2, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: aborisenko2@mail.ru

²Kyrgyz-Turkish Manas University,
Pr. Mira 56, Bishkek, 720044, Kyrgyzstan
E-mail: tabaldievk@yahoo.com

ANCIENT TURKIC STONE STATUES AT TUURA-SUU, KYRGYZSTAN

Fully and partly preserved ancient Turkic stone statues discovered by the Kyrgyz archaeologists at Tuura-Suu, Issyk-Kul Province, Kyrgyzstan, are described with reference to the burial practices of the ancient Turks during the time when the Western Turkic and Tyurgesh states existed in the Tien Shan and Dzhetyysay. Based on archaeological parallels to the artifacts shown on statues, their chronology and cultural attribution are assessed, and their diagnostic features are specified. The completely preserved statue showing a figure in man's clothes and with weapons may be that of a high-ranking warrior.

Keywords: Ancient Turks, stone statues, burial rite, Tuura-Suu, Issyk-Kul Basin, Kyrgyzstan.

П.О. Сенотрусова¹, П.В. Мандрыка¹, А.А. Тишкин²

¹Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия
E-mail: Pollina1987@rambler.ru
pmandryka@yandex.ru

²Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: tishkin210@mail.ru

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ГАРНИТУРА ПОЯСНЫХ НАБОРОВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В АНГАРСКОЙ ТАЙГЕ

Поясные наборы с сабельными бляхами-обоймами и другими элементами гарнитуры появились в период господства Монгольской империи и получили широкое распространение на территории Евразии. На могильнике Простихинская Шивера IV в нижнем течении Ангары обнаружены детали шести таких комплектов, изготовленные из цветных металлов. Определение химического состава сплава этих изделий позволило выявить несколько рецептов, использовавшихся при их отливке. Ангарские пояса отражают результаты этнокультурного взаимодействия на территории Северной Евразии в период развитого Средневековья.

Ключевые слова: Приангарье, развитое Средневековье, этнокультурная ситуация, поясные наборы, рентгенофлуоресцентный анализ, состав сплава, культурное влияние.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.116-125

Введение

Нижнее течение Ангары занимает большую часть южно-таежной зоны Средней Сибири и является наиболее изученным в археологическом отношении районом этой обширной территории. Полученный массив принципиально новых материалов позволяет рассматривать Нижнее Приангарье в качестве региона, активно включенного в общеисторические процессы, происходившие в Северной Евразии на протяжении всей эпохи Средневековья. Важным маркером вовлеченности ангарского населения в сложную систему этнокультурных связей, объединявших весьма отдаленные друг от друга области, являются предметы импорта, которые зафиксированы на ряде памятников. Одним из таких объектов является могильник развитого Средневековья Простихинская Шивера IV, где было обнаружено значительное число привозных изделий, отражающих

связи аборигенного населения Приангарья с народами западных, юго-западных и южных территорий [Сенотрусова, 2013, с. 20].

Отдельный блок составляют поясные наборы с бляхами-обоймами, получившие широкое распространение на просторах Евразии в ходе монгольской экспансии [Крамаровский, 2000, 2008; Табалдиев, 2011, с. 176; и др.]. Вместе с плоскими широкими наконечниками стрел, «монгольским» луком, серьгами в виде знака вопроса и другими предметами традиционный пояс «агсарга» является ярким показателем принадлежности археологического комплекса к монгольскому времени. Согласно заключению М.Г. Крамаровского, указанный тип наборного пояса окончательно сложился в чингисидову эпоху. Его основные характерные черты – крупные сабельные бляхи-обоймы с петлей, двухчастные пряжки, близко посаженные друг к другу миниатюрные накладки (лунницы), крупный подпрямоугольный на-

конечник, а также отсутствие подвесных ремешков и накладок с прорезями [Крамаровский, 2002, с. 69]. Пояс занимал важное место в жизни монгольских воинов, являясь маркером доблести и занимаемого социального положения. Нахождение в южно-таежной зоне Сибири поясных наборов, характерных для периода существования Монгольской державы, свидетельствует об участии различных народов этой зоны в жизни огромной империи.

Описание поясных наборов

К настоящему времени в Нижнем Приангарье известны семь поясных наборов монгольского времени. Шесть из них найдены на могильнике Проспихинская Шивера IV, один – в погребении на р. Чадобец*. Детали поясных наборов с указанного могильника изучались с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALHPA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) по уже апробированной методике [Тишкин, Хаврин, 2006, с. 144–146; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 103–106; Тишкин, Серегин, 2011, с. 61–65; и др.]. Работы проводились на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского университета под руководством одного из авторов данной статьи. Результаты исследования позволяют обратиться к проблеме установления места производства поясов, а также получить дополнительные сведения о их распространении в Сибири. Ниже приведены описание и характеристика каждого поясного набора, в т.ч. даны определения металла, из которого были отлиты детали.

Пояс I (из погр. 6). Элементы данного пояса включают в себя 13 металлических предметов. Они залегали в погребении без какой-либо системы. В могильной яме зафиксированы обломки кальцинированных костей человека в возрасте 18–24 лет [Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014, табл. 1]. Среди предметов поясной гарнитуры имеются бляхи-обоймы (3 экз.; две из них с петлями), наконечник ремня, накладки (3 экз.) и пряжка с железным язычком (рис. 1, I).

*Еще два поясных набора с сабельными бляхами-обоймами из Приангарья происходят из грабительских раскопок.

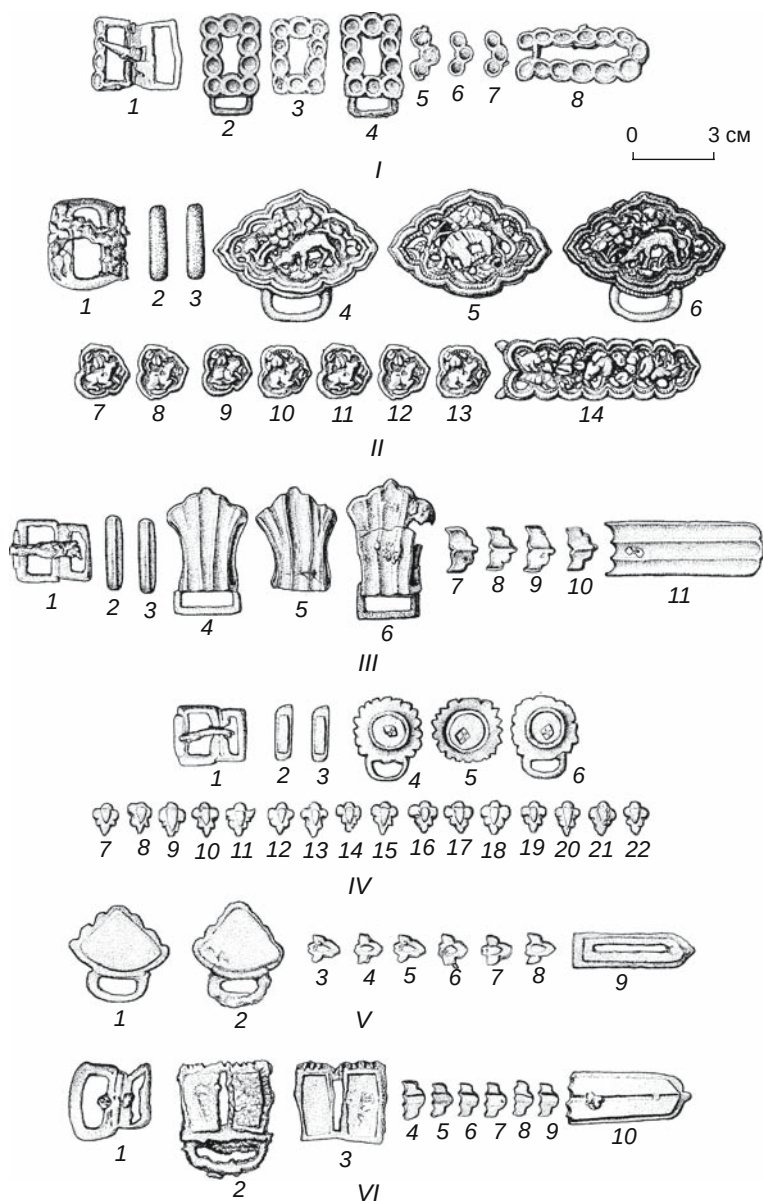

Рис. 1. Поясные наборы монгольского времени, найденные на могильнике Проспихинская Шивера IV.

I – погр. 6; II, III – погр. 7; IV – погр. 8; V – погр. 11; VI – погр. 12.

Все изделия украшены геометрическим орнаментом в виде кругов с углублением в центре. Предполагаемая ширина ремня ок. 2,2 см. На некоторых предметах отмечены следы воздействия огня, который мог серьезно повлиять на поверхностный слой металла, исследовавшийся с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра.

Основа пряжки и наконечник отлиты из многокомпонентной латуни (табл. 1) с повышенным содержанием свинца. Из схожего сплава сделаны все три бляхи-обоймы и миниатюрные накладки. Стоит отметить аномально существенное количество железа в большинстве рассматриваемых предметов. В составе

Таблица 1. Химический состав сплава деталей наборного пояса I, %

Предмет*	Номер теста	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Fe	Mn	Ti	Ni
Пряжка I, 1	230-05-2012	90,21	0,50	4,69	3,87	–	0,73	–	–	–
Ременной наконечник I, 8	630-05-2012	82,31	1,31	7,53	2,54	–	5,75	0,09	0,47	–
Бляха-обойма с петлей I, 2	730-05-2012	83,91	0,60	8,55	4,22	–	2,72	–	–	–
Бляха-обойма с петлей I, 4	830-05-2012	79,69	3,82	2,92	3,23	3,14	7,20	–	–	–
Бляха-обойма без петли I, 3	1030-05-2012	92,79	0,77	1,27	3,06	–	2,06	–	–	0,05
Накладка I, 5	1230-05-2012	85,35	1,34	4,83	3,42	–	4,85	0,14	–	0,07
Накладка I, 6	1330-05-2012	81,55	1,38	5,40	5,15	–	6,36	0,09	–	0,07
Накладка I, 7	1430-05-2012	78,93	0,66	11,68	2,29	–	6,33	0,11	–	–

*Здесь и далее в таблицах указаны позиции на рис. 1

сплава одной бляхи-обоймы с петлей зафиксировано наличие серебра (3,14 %).

Орнамент в виде кругов с углублением в центре известен в чжурчжэньских материалах XII–XIII вв., где он присутствует на декоративных бронзовых кольцах [Шавкунов, 1990, табл. 49, 12, 13]. Подобный декор отмечен на поясе монгольского времени из мог. 2 на Часовенной горе, бляхи-обоймы и накладки которого были выполнены из агальматолита [Гаврилова, 1965, рис. 13, 17].

Пояс II (из погр. 7). В погребении зафиксированы два поясных набора. Это объясняется тем, что в нем были захоронены два человека: обнаружены фрагменты кальцинированных костей взрослого мужчины и индивида юношеского возраста (пол не определен) [Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014, табл. 1].

В состав гарнитуры пояса II входят 14 предметов, в т.ч. бляхи-обоймы (3 экз.), наконечник, небольшие сердцевидные накладки (7 экз.) и пряжка с железным язычком (рис. 1, II). Ширина ремня могла составлять 2,2–2,4 см. Основной изобразительный сюжет «Лань (косуля?) под раскидистым деревом» присутствует на двух бляхах-обоймах с петлей и сердцевидных накладках. На бляхе-обойме без петли просматривается изображение свернувшегося хищника семейства кошачьих (?) в окружении растительного орнамента. В верхней части отчетливо читается четырехлепестковый цветок. На щитке ременного наконечника в окружении характерного орнамента изображены олень (лось?) и крупный хищник (медведь?). Растительный декор украшает и ременную пряжку.

Подробные результаты рентгенофлюоресцентного анализа деталей представленного поясного набора публиковались ранее [Мандрыка, Сенотрусова, Тишкин, 2010]. Поэтому здесь приводится только краткая характеристика элементов пояса. Все они отлиты из бронзы (медно-свинцово-оловянный сплав с небольшим содержанием железа, а также с незначительным присутствием серебра и других отдельных элемен-

тов), покрытие внешней поверхности драгоценными металлами не зафиксировано. Изделия были изготовлены по единой технологии и, по всей видимости, в одной мастерской [Там же, с. 36].

Детали поясов с сюжетом «Лань под раскидистым деревом» на территории Евразии немногочисленны, но они являются важным маркером проникновения отдельных компонентов монгольской культуры в те или иные регионы [Крамаровский, 2000]. Изделия с подобными изображениями известны в северной части Нижнего Поволжья, на Северном Кавказе и в других местах. Наиболее полный набор происходит из могильника Таш-Башат на северо-востоке Средней Азии. Многие комплекты выполнены из золота или серебра и относятся к категории парадных охотничьих поясов [Крамаровский, 2002, с. 56]. Пояса с таким декором бытовали ограниченное время – в пределах 40–70-х гг. XIII – середины XIV в. [Там же, с. 65]. Сам сюжет имеет дальневосточные корни и находит аналогии в торевице чжурчжэней и киданей [Шавкунов, 1990, табл. 41, 3], у которых он и был заимствован монголами.

Пояс III (из погр. 7). В состав рассматриваемого поясного набора входят 11 предметов, в т.ч. биметаллическая пряжка, бляхи-обоймы (3 экз.), миниатюрные накладки (4 экз.) и ременной наконечник (рис. 1, III). Ширина ремня составляла 2,0–2,2 см. Детали поясного набора украшены гладкими валиками-ребрами. На некоторых из них заметны следы воздействия огня.

Практически все основные предметы гарнитуры отлиты из многокомпонентной латуни с существенным содержанием свинца (табл. 2). По всей видимости, они изготавливались для формирования соответствующего комплекта в одной мастерской.

Отдельным вопросом является соотношение поясных наборов с четырьмя тренчиками, найденными в погребении. Два тренчика просто гладкие, два других имеют гладкий острый валик. Предварительно первые были отнесены к поясу II (с изображени-

Таблица 2. Химический состав сплава деталей наборного пояса III, %

Предмет	Номер теста	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Ti	Bi
Пряжка III, 1	9702-06-2012	82,62	7,16	5,57	3,84	0,81	–	–
Ременной наконечник III, 11	9902-06-2012	71,95	0,77	10,73	15,87	0,68	–	–
Бляха-обойма с петлей III, 4	10102-06-2012	85,00	2,64	4,76	5,45	2,15	–	–
Бляха-обойма с петлей III, 6	10302-06-2012	67,81	2,53	19,61	8,04	1,58	–	0,43
Бляха-обойма без петли III, 5	10502-06-2012	82,71	2,95	8,22	4,33	1,52	–	0,27
Тренчик II, 2	10702-06-2012	92,39	1,32	4,69	0,77	0,83	–	–
Тренчик II, 3	10902-06-2012	90,77	2,23	6,66	–	0,34	–	–
Тренчик III, 2	11102-06-2012	95,33	0,92	2,79	0,62	0,34	–	–
Тренчик III, 3	11302-06-2012	88,80	2,02	9,00	–	0,18	–	–
Накладка III, 7	11502-06-2012	76,49	2,65	13,77	5,70	1,07	–	0,32
Накладка III, 8	11702-06-2012	83,79	3,12	7,25	4,21	1,63	–	–
Накладка III, 9	11902-06-2012	80,60	2,44	9,49	6,49	0,98	–	–
Накладка III, 10	12102-06-2012	80,11	3,22	10,67	4,53	1,32	0,15	–

ями лани), а вторые – к поясу III (с валиками). Однако выявленный химический состав металла не дал однозначного подтверждения такого распределения. Все четыре тренчика отлиты из весьма схожего сплава, но отличного от тех, из которых сделаны детали обоих поясов. В составе металла тренчиков отмечено высокое содержание меди (от 88,80 до 95,33 %), а также наличие свинца и олова при небольшом количестве железа и цинка. Возможно, тренчики изготавливались «впрок», а уже затем использовались при сборке поясов.

Стиль украшения изделий продольными ребрами известен в чжурчжэньских материалах XII–XIII вв., в частности Шайгинского городища [Там же, табл. 44, 16, 17]. Поясной набор из горного хрусталя с прямоугольными бляхами-обоймами и аналогичным декором был найден в мог. 11 памятника Таван-Толгой в Восточной Монголии [Улзийбаяр, Наваан, Эрдэнэ, 2010, с. 231].

Пояс IV (из погр. 8). В состав поясного набора входят 23 предмета: биметаллическая пряжка, бляхи-обоймы (3 экз.), миниатюрные накладки (17 экз.) и два тренчика (рис. 1, IV). Ширина ремня составляла 1,5–1,7 см. Основа пояса – бляхи-обоймы округлой формы с ажурными краями. Щитки оформлены круглым кантом, в центр заклепкой подромбической формы прикреплялся отдельно вырезанный круг из бронзовой пластины. Для дополнительного украшения пояса использовались миниатюрные накладки треугольной формы.

Поясная пряжка отлита из многокомпонентного сплава. В его составе отмечены олово, свинец и цинк (ок. 3 %), а также небольшая примесь железа и следы марганца (табл. 3). При изучении первой бляхи-обоймы с петлей (рис. 1, IV, 4) анализировались образцы с

лицевой поверхности изделия, той ее части, которая закреплялась штифтом, и с тыльной стороны, со скобы. В обоих случаях получены схожие результаты. Все элементы обоймы были изготовлены из одного металла, аналогичного тому, из которого отлита пряжка. Составы сплавов двух других блях-обойм и тренчиков также аналогичны (табл. 3).

Наиболее многочисленная часть поясной гарнитуры – миниатюрные накладки (17 экз.). Все они изготовлены из одного металла. Основу сплава составляет медь, в качестве главного легирующего элемента выступало олово (от 2,71 до 17,48 %) при наличии небольшого количества свинца и цинка (табл. 3). В отдельных случаях отмечены следы марганца, мышьяка и никеля. Во всех образцах в разном количестве присутствует железо. Для одной накладки (рис. 1, IV, 21) был проведен сравнительный анализ металла, из которого отлит сам предмет и изготовлены шпеньки. Он показал, что все части изделия выполнены из одного сплава.

Приведенный химический состав металла позволяет заключить, что найденные предметы поясной гарнитуры изготавливались по одной технологии и, возможно, одним мастером из многокомпонентной бронзы (табл. 3). Характерной особенностью данного набора является наличие следов марганца во всех элементах гарнитуры, что, вероятно, связано с изначальным содержанием этого элемента в использовавшейся медной руде. Существенное количество железа в образцах можно объяснить пребыванием вещей в огне.

Пояс с аналогичными бляхами-обоймами, но без дополнительных небольших накладок известен в Верхнем Приобье. Он обнаружен в мог. 2 кург. 9 Кармацкого археологического комплекса. Фрагменты ко-

Таблица 3. Химический состав сплава деталей наборного пояса IV, %

Предмет	Номер теста	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Mn	Ti	Ni	As
Пряжка IV, 1	229-05-2012	89,97	4,27	2,17	2,89	0,58	0,12	–	–	–
Бляха-обойма с петлей IV, 4	329-05-2012	85,17	8,32	3,52	2,03	0,85	0,06	–	0,05	–
То же, центральный диск	429-05-2012	86,00	6,10	4,20	1,42	1,47	0,61	0,20	–	–
Бляха-обойма с петлей IV, 6	529-05-2012	86,07	7,37	3,25	2,56	0,55	0,20	–	–	–
Бляха-обойма без петли IV, 5	629-05-2012	85,74	7,04	4,84	1,83	0,50	0,05	–	–	–
Тренчик IV, 2	829-05-2012	85,20	8,98	2,22	3,07	0,47	0,06	–	–	–
Тренчик IV, 3	929-05-2012	77,44	15,45	3,67	2,76	0,56	0,12	–	–	–
Накладка IV, 7	1129-05-2012	78,91	5,38	14,38	–	1,26	0,07	–	–	–
Накладка IV, 8	1229-05-2012	85,19	8,14	3,11	2,90	0,61	0,05	–	–	–
Накладка IV, 9	1329-05-2012	86,84	7,55	2,57	1,98	1,01	0,05	–	–	–
Накладка IV, 10	1429-05-2012	77,20	2,87	15,56	2,10	1,24	0,33	0,17	–	0,53
Накладка IV, 11	1529-05-2012	66,59	20,42	4,77	1,69	4,81	1,14	0,58	–	–
Накладка IV, 12	1629-05-2012	87,42	8,44	1,85	1,55	0,68	0,06	–	–	–
Накладка IV, 13	1729-05-2012	86,18	4,66	5,68	2,19	1,12	0,17	–	–	–
Накладка IV, 14	1829-05-2012	85,74	10,06	1,29	1,41	1,09	0,26	0,15	–	–
Накладка IV, 15	1929-05-2012	85,15	10,41	0,97	2,36	0,83	0,09	0,19	–	–
Накладка IV, 16	2029-05-2012	91,42	4,09	1,35	1,64	1,35	0,15	–	–	–
Накладка IV, 17	2129-05-2012	91,44	5,61	0,92	1,52	0,51	–	–	–	–
Накладка IV, 18	2229-05-2012	91,88	2,71	1,36	3,05	0,96	0,04	–	–	–
Накладка IV, 19	2329-05-2012	81,71	13,12	2,92	1,38	0,78	0,09	–	–	–
Накладка IV, 20	2429-05-2012	80,78	14,21	1,36	2,26	1,30	0,09	–	–	–
Накладка IV, 21	2629-05-2012	79,36	11,15	5,85	2,68	0,84	0,06	–	0,06	–
То же, шпеньки	2729-05-2012	78,10	11,95	5,58	2,38	1,61	0,12	0,26	–	–
Накладка IV, 22	2829-05-2012	74,96	17,31	3,24	1,46	2,35	0,68	–	–	–
Накладка IV, 23	2929-05-2012	67,55	17,48	8,26	5,49	1,01	0,14	–	0,07	–

жаного изделия с элементами металлической гарнитуры находились в районе тазовых костей погребенного и датированы XIII–XIV вв. [Тишкин, 2009, рис. 50, 52, с. 87]. Похожая бляха указана в материалах мог. 2 кург. 3 памятника Красноярское I (Змеевка), исследованного С.М. Сергеевым в предгорьях Алтая [Гаврилова, 1965, с. 73, табл. XXXI, 87; Неверов, 1982].

Пояс V (из погр. 11). В погр. 11, где был захоронен ребенок 4–5 лет [Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014, табл. 1], обнаружены 10 предметов поясной гарнитуры (рис. 1, V): бляхи-обоймы (3 экз.), наконечник ремня и накладки (6 экз.). Ширина пояса составляла ок. 1,7–1,8 см. Бляхи-обоймы имеют подтреугольную форму и выпуклый гладкий щиток. К дополнительным элементам пояса относятся миниатюрные накладки, аналогичные деталям поясного набора из погр. 8.

Определение состава сплава ременного наконечника проводилось по его слабозачищенной тыльной стороне. Было установлено, что изделие отлито из бронзы с большим содержанием свинца (ок. 30 %).

Из близкого к такому составу металла, но с разным процентным соотношением элементов отлиты обе бляхи-обоймы (рис. 1, V, 1, 2). Доля свинца в первой составляет ок. 43 %, во второй – ок. 29 % (табл. 4). Возможно, разница в количестве легирующих добавок возникла в результате того, что обе бляхи-обоймы были оплавлены на погребальном костре.

Своеобразная «вариабельность» в составе сплава отмечена для миниатюрных фигурных (подтреугольных) накладок. Одна из них (рис. 1, V, 8) отлита из бронзы с большим содержанием олова, по сравнению со свинцом. Остальные пять накладок изготовлены из сплава, аналогичного тому, из которого сделаны другие детали пояса. В нем олова существенно меньше, чем свинца.

Таким образом, значительное число предметов поясной гарнитуры отлито из оловянно-свинцовой бронзы с присутствием железа и некоторых других элементов (табл. 4). Исходя из этого можно заключить, что пояс был изготовлен в одной мастерской и попал на Ангару как целое изделие.

Таблица 4. Химический состав сплава деталей наборного пояса V, %

Предмет	Номер теста	Cu	Sn	Pb	Fe	Mn	Ti	Ni	Bi
Ременной наконечник V, 9	5002-06-2012	66,83	2,72	29,87	0,58	–	–	–	–
Бляха-обойма с петлей V, 1	5202-06-2012	48,06	6,89	43,90	1,15	–	–	–	–
Бляха-обойма с петлей V, 2	5402-06-2012	61,14	10,00	28,64	0,15	–	–	0,07	–
Накладка V, 3	5602-06-2012	57,62	3,15	37,08	2,15	–	–	–	–
Накладка V, 4	5702-06-2012	58,53	2,53	37,59	1,35	–	–	–	–
Накладка V, 5	5802-06-2012	47,81	2,89	45,81	2,43	0,13	0,32	–	0,61
Накладка V, 6	5902-06-2012	61,67	3,85	33,17	1,17	0,14	–	–	–
Накладка V, 7	6002-06-2012	44,18	2,98	50,90	1,94	–	–	–	–
Накладка V, 8	6202-06-2012	93,15	5,44	1,11	0,22	–	–	0,08	–

Бляхи-обоймы, аналогичные рассмотренным, были найдены в погр. 668 могильника Сопка-2 в Барабе [Молодин, Соловьев, 2004, с. 75, табл. XIX, 1]. В обнаруженном там комплекте отмечены только две сабельные бляхи-обоймы. Миниатюрные накладки отличаются более высоким качеством изготовления. Отличен и ременной наконечник. Он без прорези, имеет гладкую выпуклую поверхность. Похожий поясной набор, но с круглыми бляхами-обоймами известен в материалах погр. 2 кург. 42 Басандайского могильника в Томском Приобье [Басандайка..., 1947, табл. 55].

Пояс VI (из погр. 12). К поясной гарнитуре относятся 10 предметов (рис. 1, VI): биметаллическая пряжка, прямоугольные бляхи-обоймы с вертикальной прорезью посередине (2 экз.), наконечник ремня и миниатюрные фигурные (подтреугольные) накладки (6 экз.). Ширина пояса была ок. 2,2 см.

Поясная пряжка отлита из меди с почти равным содержанием олова и свинца. Кроме того, зафиксировано наличие мышьяка, титана и железа (табл. 5). Состав металла наконечника схожий, но в нем больше свинца. Все бляхи-обоймы деформированы и

оплавлены под воздействием погребального огня. Для определения состава сплава у них механически снимались окислы с тыльной стороны. Выяснилось, что все сабельные бляхи-обоймы также отлиты из бронзы (медно-свинцово-оловянный сплав). Составы металла миниатюрных накладок несколько различаются. Можно выделить две группы: первая (рис. 1, VI, 4, 5, 9) отлита из стандартной для этого пояса бронзы; вторая (рис. 1, VI, 6–8) – из многокомпонентного сплава на основе свинца (54–60 %) с добавлением меди, олова и небольшой примесью железа (табл. 5).

Поясной набор с аналогичными бляхами-обоймами известен в погр. 1 кург. 3 могильника Кротово-15 в Новосибирском Приобье [Адамов, 2000, с. 57]. Эти материалы отнесены к каменущинскому этапу сrostкинской культуры Верхнего Приобья и датированы XIII–XIV вв. [Там же, с. 84]. Бляхи-обоймы такой же формы, но с другим декором известны в погребениях монгольского времени памятника Сопка-2 в Барабе [Молодин, Соловьев, 2004, с. 75, табл. XIX, 13–15] и в курганном могильнике в

Таблица 5. Химический состав сплава деталей наборного пояса VI, %

Предмет	Номер теста	Cu	Sn	Pb	Fe	As	Ti
Пряжка VI, 1	402-06-2012	60,12	18,93	19,96	0,26	0,42	0,31
Ременной наконечник VI, 10	602-06-2012	52,81	16,08	30,08	1,03	–	–
Бляха-обойма с петлей VI, 2	802-06-2012	60,41	13,46	24,20	1,93	–	–
Бляха-обойма без петли VI, 3	1002-06-2012	61,45	12,69	25,39	0,47	–	–
Сильно оплавленная бляха-обойма с петлей	1202-06-2012	41,64	15,36	40,77	2,23	–	–
Накладка VI, 4	1402-06-2012	40,41	10,19	48,33	1,07	–	–
Накладка VI, 5	1602-06-2012	50,82	11,61	35,96	1,61	–	–
Накладка VI, 6	1802-06-2012	29,96	15,27	53,92	0,85	–	–
Накладка VI, 7	1902-06-2012	24,29	14,96	60,09	0,66	–	–
Накладка VI, 8	2002-06-2012	24,68	12,90	60,35	2,07	–	–
Накладка VI, 9	2202-06-2012	48,84	11,32	37,08	2,76	–	–

устье Малой Киргизки [Плетнева, 1997, рис. 118, 17]. Схожий декор присутствует в оформлении металлических деталей кожаной сумочки из мог. 7 памятника Ближние Елбаны VI, датированной XIII–XIV вв. [Тишкин, 2009, с. 72].

Пояс из погребения на р. Чадобец. Детали поясной гарнитуры представлены двухчастной пряжкой, двумя бляхами-обоймами (одна из них с петлей), ремненным наконечником и 12 миниатюрными подтреугольными накладками. Бляхи-обоймы ажурные, ромбические, с четырьмя «лепестками», в центре расположены небольшие ромбы с геометрическим декором. Наконечник также ажурный, с волнистым краем и раздвоенным основанием. Все элементы пояса выполнены в одном стиле [Привалихин, Фокин, 2009, рис. 5, 4–6, 10].

Обсуждение

Важно обратить внимание на проблему реконструкции представленных поясных наборов монгольского времени. В погребениях Приангарья вся гарнитура залегала вместе с обломками кальцинированных костей и другими предметами в одном плотном скоплении, что не позволяет установить изначальное положение блях-обойм и накладок. Поэтому для понимания расположения деталей найденных поясов необходимо привлечь материалы из погребальных памятников других регионов.

Основными элементами рассматриваемых комплектов являются пряжки, наконечники, тренчики, бляхи-обоймы, миниатюрные накладки. С положением пряжек и наконечников вопросов не возникает. Они занимали на ремне самые крайние позиции. Места других деталей могли варьироваться. В ряде случаев бляхи-обоймы с петлей располагались рядом друг с другом на одном боку. Подобная ситуация отмечена в материалах Басандайского курганного могильника [Басандайка..., 1947, табл. 55], а также приведена М.Г. Крамаровским [2008, табл. 5] в реконструкции одного сабельного пояса монгольского времени. Значительно чаще указываются случаи, когда между бляхами-обоймами находилась схожая деталь, но без петли [Адамов, 2000, рис. 109; Тишкин, 2009, рис. 52; Крамаровский, 2008, табл. 3, 10; Улзийбаяр, Наваан, Эрдэнэ, 2010, с. 231]. Такое расположение элементов гарнитуры отмечено для поясов, аналогичных ангарским находкам. Для поясов монгольского времени не характерно наличие подвесных ремешков. Все мелкие бляхи-накладки располагались горизонтально на свободном конце пояса [Гаврилова, 1965, рис. 13, 17; Адамов, 2000, рис. 109; Крамаровский, 2008, табл. 5; и др.] или реже на конце со стороны пряжки [Басандайка...,

1947, табл. 55]. На основе представленных выше материалов была предложена реконструкция расположения металлических деталей поясных наборов, найденных в Нижнем Приангарье (рис. 1).

На могильнике Проспихинская Шивера IV поясная гарнитура зафиксирована как во взрослых, так и в детских погребениях. Данный факт отражает либо раннюю социализацию детей, либо особое социальное положение отдельных семей [Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014, с. 109]. В большинстве погребений найдены все основные детали поясных наборов (за исключением пояса IV без наконечника и пояса V без пряжки). По всей видимости, в могилу клали пояс целиком. Отсутствие некоторых элементов может быть связано с тем, что они полностью расплавились при кремации или же были утеряны при переносе праха. Следы намеренной порчи металлических изделий по материалам могильника не зафиксированы.

Исследование химического состава сплавов, из которых изготовлены детали поясных наборов, показало их вариативность. Использовались сложная латунь с существенным содержанием свинца, свинцово-оловянная и оловянно-свинцовая бронза (соответственно два, три и один пояс). Основные детали изготавливались вместе, специально для одного комплекта. Более того, пояса попадали на Ангарау как целые изделия, а не как набор разрозненных предметов. Небольшая разница в содержании легирующих добавок в сплавах блях-обойм, наконечников и пряжек может быть связана с ремесленным характером производства. Наибольшая вариативность в составах металла зафиксирована для миниатюрных накладок. По всей видимости, такие изделия изготавливались из остатков сырья или накопившегося лома. Наиболее устойчивый набор химических элементов сплава имеют детали поясов II и IV. Эти изделия отличаются тщательностью отделки и сложностью исполнения. Наиболее близкими по составу бронзы оказались пояса V и VI. Возможно, они были изготовлены в одной мастерской. Пока сложно сказать, чем обусловлен выбор того или иного набора металлов для сплава. Это может быть связано как с культурно-технологическими традициями, имевшимся сырьем, так и с необходимостью цветового решения.

На сегодняшний день установить точные места изготовления представленных поясных наборов не представляется возможным. Практически отсутствуют данные о бронзолитейных и ювелирных мастерских развитого Средневековья в Сибири или в Центральной Азии. Тем не менее довольно высокое качество представленных наборов и использование технологически сложных сплавов позволяют считать, что эти изделия производились в развитых ремесленных центрах и могли являться для средневековой Сиби-

при предметами импорта. На данной территории подобные комплекты монгольского времени достаточно многочисленны (рис. 2)*. С учетом сходства ряда поясов (например, пояса из погр. 8 могильника Проспихинская Шивера IV и из кург. 9 Кармацкого комплекса), можно предполагать, что готовые изделия поступали на территорию Сибири из одного или нескольких близких друг другу ремесленных центров, работавших на заказ для представителей местных элит.

В ангарских материалах развитого Средневековья представлены семь наборных поясов «монгольского» облика. Наиболее близкими районами, где встречаются их аналоги, можно считать Красноярскую лесостепь и южные районы Западной Сибири (Верхнее Приобье). В то же время отдельные наборы металлических изделий находят аналогии на достаточно отдаленных территориях, что можно объяснить как небольшим количеством найденных поясов данного типа, так и широким географическим распространением этих «престижных» вещей по Евразии в условиях высокой мобильности средневекового населения.

Факт наличия целых наборных поясов в южно-таежной зоне Средней Сибири отражает вхождение этих территорий в орбиту влияния Монгольской империи. Исторические сведения, связанные с Приангарьем того времени, крайне скудны и отрывочны. По данным Рашид-ад-Дина [1952, с. 102], Ангара была северной границей государства енисейских кыргызов, а местные народы являлись кыргызскими кыштымами. При этом неизвестно, действительно ли рассматриваемый регион входил в состав Кыргызского каганата. Присоединение Южной Сибири (в т.ч. территории Кыргызского каганата) к Монгольской империи не могло не сказаться на зависимых от него таежных этносах. Формально это произошло в 1207 г. Но фактически енисейские кыргызы были разбиты в 1218 г. после карательного похода Джучи по замерзшему Енисею. При этом Джучи взял с собой в ставку кыргызских тысячников и темников, а также князьков лесных народов [Бартольд, 1963, с. 507]. В 1227 г. территория Южной Сибири и прилежавшие северные земли отошли к улусу Чингисхана и стали управляться его младшим сыном Тулуем, после смерти которого в 1233 г. отошли к вдове Сурхуктани, правившей до 1252 г. [Там же, с. 508]. После окончания борьбы за власть Хубилая и Ариг-Буги, сыновей Тулуя, Алтае-Саянская горная страна вошла в состав Юаньской империи [Тишкин, 2009, с. 6]. В 1293 г.

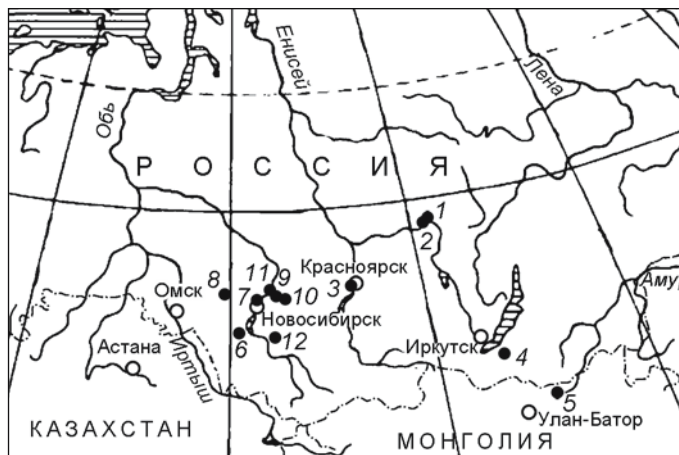

Рис. 2. Карта-схема нахождения поясных наборов с сабельными бляхами-обоймами в Сибири.

1 – могильник Проспихинская Шивера IV; 2 – погребение на р. Чадобец [Привалихин, Фокин, 2009]; 3 – могильник Часовенная Гора [Гаврилова, 1965]; 4 – могильник Ильмовая Падь [Там же]; 5 – могильник Таван-Толгой [Улзийбаяр, Наваан, Эрдэнэ, 2010]; 6 – могильник Кротово-15 [Адамов, 2000]; 7 – могильник Высокий Борок [Там же]; 8 – могильник Сопка-2 [Молодин, Соловьев, 2004]; 9 – Басандайский курганный могильник [Басандайка..., 1947]; 10 – Калмакский курганный могильник [Беликова, 1996]; 11 – могильник в устье Малой Киргизки [Плетнева, 1997]; 12 – Кармацкий археологический комплекс [Тишкин, 2009].

енисейские кыргызы, участвовавшие в междоусобице Хубилая и Хайду, были окончательно побеждены полководцем Тутухой, и на завоеванных землях были размещены 700 семей военных поселенцев [Савинов, 1990, с. 123].

Известия о народах ангарского бассейна еще более скудны. В «Юань-ши» имеются сведения о земле Анкэсинь, названной по Ангаре [Кычанов, 1965, с. 60]. Но упоминания в связи с этими территориями государства Гулигань позволяет исследователям определить ее месторасположение в Прибайкалье [Савинов, 2008, с. 117].

Наибольший интерес вызывает предание о легендарном походе трех беков вниз по Ангаре во время правления Сурхуктани. Они направились в «ту страну, где Ангара после присоединения к ней многих больших рек впадала в море» (очевидно, речь идет об устье Енисея, рассматривавшегося как приток Ангара). В предании упоминается большой город Алакчин, в котором жили кочевники, разводившие пегих лошадей. Главной целью похода был захват Алакчина, славившегося своими серебряными рудниками. Бекам удалось получить много серебра, но обратное плавание вверх по Ангаре было крайне неудачным и назад вернулись всего 300 чел. [Бартольд, 1963, с. 507–508]. Несмотря на легендарный характер описываемых событий, примечателен сам факт упоминания нижнего течения Ангара. Очевидно, что эти земли были знакомы монголам. Опровергнуть или

*На карте не обозначены находки без точной привязки к археологическим объектам.

подтвердить непосредственный поход монгольского военного отряда в Приангарье, опираясь на имеющиеся источники, нереально. Тем не менее присутствие рассмотренных поясных наборов на Ангаре свидетельствует о вхождении этой территории в зону влияния Монгольской державы. Возможно, таежные этносы принимали участие в военных операциях монголов или несли соответствующую службу, за что в награду получали наборные пояса.

Заключение

К настоящему времени в Приангарье известны семь поясных наборов с сабельными бляхами-обоймами, происходящих из закрытых комплексов. Эти материалы датируются XIII–XIV вв. и отражают процессы вхождения Нижнего Приангарья в орбиту влияния Монгольской империи. Лесные народы оказались включены в бурные события, происходившие в то время в Северной и Центральной Азии, что привело к распространению в этих районах новых (ранее неизвестных) предметов импорта. Определение состава металлических изделий наборных поясов показало вариативность использовавшихся бронз и латуней. Находки из Приангарья имеют прямые аналогии в материалах юга Западной Сибири. По всей видимости, поясные наборы попадали на эти территории из одного или нескольких близких друг другу ремесленных центров.

Список литературы

- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – 256 с.
- Бартольд В.В.** Киргизы: Исторический очерк // Соч. – М.: Наука, 1963. – Т. II. – Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – С. 471–543.
- Басандайка:** Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1947. – 308 с.
- Беликова О.Б.** Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1996. – 272 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В.** Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. – Барнаул: Азбука, 2009. – 144 с.
- Крамаровский М.Г.** Золото Чингисидов: Джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды: каталог выставки. – СПб.: Славия, 2000. – С. 132–207.
- Крамаровский М.Г.** Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII в. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи: От Калки до Астрахани. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. – С. 43–75.
- Крамаровский М.Г.** Улус Джучи (1207–1502): Заметки о культуре Дешт-и-Кыпчак в эпоху Чингисидов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Донец. нац. ун-т, 2008. – Т. 6: Золотоордынское время. – С. 9–16.
- Кычанов Е.И.** Сведения в «Юань-ши» о переселениях кыргызов в XIII в. // Изв. АН КиргССР. – 1965. – Т. V, вып. 1. – С. 59–65.
- Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Тишкин А.А.** Поясной набор развитого средневековья с территории Нижнего Приангарья // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 32–36.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. – 184 с.
- Неверов С.В.** Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1982. – С. 100–121.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 350 с.
- Привалихин В.И., Фокин С.М.** Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Краснояр. краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 311–326.
- Рашид-ад-Дин.** Сборник летописей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1. – 370 с.
- Савинов Д.Г.** Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 114–131.
- Савинов Д.Г.** Этническое окружение страны енисейских кыргызов // Малые этнические и этнографические группы. – СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. – С. 110–122. – (Историческая этнография; вып. 3).
- Сенотрусова П.О.** Могильник Проспихинская Шивера IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья развитого средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2013. – 26 с.
- Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Пошехонова О.Е.** Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 1. – С. 103–114.
- Табалдиев К.Ш.** Древние памятники Тянь-Шаня. – Бишкек: V.R.S. Company, 2011. – 320 с.
- Тишкин А.А.** Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н.** Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.: ил.
- Тишкин А.А., Хаврин С.В.** Использование рентгенофлуоресцентного анализа в археологических исследо-

ваниях // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 143–156.

Улзийбаяр С., Наваан Д., Эрдэнэ М. Захоронения та-вантолгойской культуры Восточной Монголии // Изв. лаборатории древних технологий / Иркут. гос. техн. ун-т. – 2010. – Вып. 8. – С. 211–234.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей-удигэ в XII–XIV вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

*Материал поступил в редколлегию 11.11.14 г.,
в окончательном варианте – 12.12.14 г.*

P.O. Senotrusova¹, P.V. Mandryka¹, A.A. Tishkin²

¹*Siberian Federal University,*

Pr. Svobodny 79, Krasnoyarsk, 660041, Russia

E-mail: Polllina1987@rambler.ru; pmandryka@yandex.ru

²*Altai State University,*

Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia

E-mail: tishkin210@mail.ru

METAL DETAILS OF MONGOLIAN AGE BELT SETS FROM THE ANGARA TAIGA

Belt sets with saber clip plates and other metal details had appeared during the time of the Mongolian Empire and eventually spread across Eurasia. Items of six such sets, manufactured of nonferrous metals, were found at Prospikhinskaya Shivera IV on the lower Angara. The chemical composition of the alloys indicates several casting techniques. The Angara belts testify to cultural contacts in high medieval northern Eurasia.

Keywords: Angara, High Middle Ages, cultural contacts, belt sets, X-ray fluorescence analysis, alloy composition.

БОГИ И ЛЮДИ: ЖИЗНЬ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ*

Статья посвящена современному состоянию домашних (семейных) святилищ северных манси, проживающих на территории Березовского р-на ХМАО–Югры. Описаны варианты расположения и состав культовых атрибутов. Отмечены сохраняющиеся в религиозно-обрядовой сфере традиции и произошедшие в последние годы изменения. Вводятся в научный оборот ранее неизвестные варианты жертвенных покрывал, способы формирования фигур божеств, персонажи шаманской практики, уникальные образцы древнего бронзолитейного производства и тобольского серебрodelия конца XVIII в.

Ключевые слова: святилище, обряд, жертвоприношение, шаман, атрибут, традиция, манси.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.126-137

Введение

Северные манси – одна из крупных групп обских угров, представители которой проживают в основном на территории Березовского р-на ХМАО–Югры; их селения расположены в бассейне Северной Сосьвы и ее крупного левого притока – Ляпина. Объектом исследования являются домашние (семейные) святилища северных манси, предметом – их современное состояние.

В литературе отмечалось, что, рассматривая реалии XVII – начала XVIII в., для обских угров необходимо вести речь о «селении из одного дома»: в соответствии с этим культовое место замыкалось на минимальную ячейку социума – семью, обладавшую домашним святилищем, центральной фигурой которого являлось изображение семейного духа-покровителя [Гемуев, 1990]. Описание, варианты и способы функционирования святилищ данного типа у сосвинско-ляпинских манси в 1983–1997 гг.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

опубликованы ранее [Там же; Гемуев, Бауло, 1999]. Настоящая статья основана на экспедиционных материалах 1999, 2006–2014 гг., собранных нами в следующих населенных пунктах Березовского р-на ХМАО–Югры: Турват-пауль, Яны-пауль, Усть-Тапсуй, Хулимсунт, Менкв-я-пауль, Верхнее Нильдино, Кимкъясуи, Посолдино, Патрасуй, Ясунт, Щекурья, Хошлог, Хурумпауль, Ломбовож, Шомы.

В религиозно-мифологических представлениях манси Космос включает три сферы: Верхний (небесный), Средний (земной) и Нижний (подземный) миры. Верхний – место обитания демиурга *Нуми-Торума*, по воле которого была создана Земля и ее население. Первая генерация богатырей-*отыров* была им уничтожена за неподобающее поведение; богатыри второй стали духами-покровителями сообществ людей, объединенных происхождением. *Нуми-Торум* создал лесных великанов *менквов* и, наконец, людей, после чего удалился от дел, передав управление одному из своих семи сыновей. К сфере Верхнего мира относятся также брат *Нуми-Торума* громовец *Сяхыл-Торум*, *Этпос-ойка* (месяц) и *Хотал-эква* (солнце). Отец *Нуми-Торума* и его дед *Коцар-Торум* находятся

соответственно во втором и третьем (верхнем) ярусе Верхнего мира.

В Среднем мире (на земле) обитает *Калтась-эква*, жена *Нуми-Торума*, а также богиня огня *Най-эква* (*Най-сянь*). Жизнью людей управляет младший сын *Нуми-Торума Мир-сусне-хум* – «Мир озирающий мужчина». На земле же пребывают бог-кузнец *Сехрынг-ойка*, духи-покровители территориальных групп и отдельных семей, лесные духи – *менквы* и *мис-хумы*. К существам Нижнего мира относятся *Куль-отыр* и подчиненные ему *кули* – духи болезней [Мифология манси, 2001, с. 16].

Наиболее значимыми фигурами среди домашних духов-покровителей северных манси в начале XXI в. продолжают оставаться *Мир-сусне-хум*, он же *Али-хум* «Верховский мужчина» («держат» Самбиндаловы в Яны-пауле, Таратовы в Верхнем Нильдино), и его сыновья (Анемгуровы в Усть-Тапсуе); *Куль-отыр* – «Князь Нижнего мира» (Гындыбины в Кимкьясуи), он же *Луи-хум* – «Низовой стороны мужчина» (Самбиндаловы в Турват-пауле и Яны-пауле); *Чох-рынь-ойка* – «Стрекоза-старик» (Дунаевы в Няксимволе, Пуксиковы в Хулимсунте). После смерти мужчины его духи-покровители и атрибуты передаются по наследству, при отсутствии наследников их чаще всего относят в лес в укромное («чистое») место либо на одно из ближайших святилищ.

Домашние святилища: расположение, состав атрибутов, обряды

В настоящее время дома манси в небольших селениях представляют собой бревенчатые избы русского типа с чердачным помещением. Семейные фетиши хранятся в двух местах. Первое располагается в жилой комнате: в правом или левом углу на высоте ок. 1,5 м от пола устроена т.н. священная полка, укрытая занавеской (рис. 1)*; к редким вариантам относится прикрепленный к стене небольшой шкаф (рис. 2). На полке (в шкафу) стоят небольшие сундучки, чемоданы, лежат мешки, в которых находится семейная атрибутика и изображения духов-покровителей. В последние годы сакральность угловой полки стала уменьшаться, сюда нередко кладут и обычные хозяйственные вещи: элементы питания, лекарства, мелкий инструмент и пр. Второе место хранения ритуальной атрибутики внутри дома – чердачное помещение, куда вход женщинам запрещен (рис. 3). Здесь собраны «святые» вещи предыдущих поколений обитателей дома. Сундуки, ящики и чемоданы устанавливают на дощатом помосте у задней стены; на продольные перекладины

Рис. 1. Священная полка, укрытая занавеской. Старица Луи-пауль-урай. Фото 2008 г.

Рис. 2. Священная полка в виде шкафа. Поселок Верхнее Нильдино. Фото 2013 г.

вывешивают шкуры принесенных в жертву животных, мешки с поднесенными божествам платками, шкурки петухов; на полу можно увидеть медвежьи и олени череп, принесенные после праздников и жертвоприношений. Стена дома, расположенная напротив входа, у обских угров считается священной.

*Фотографии выполнены А.В. Бауло (рис. 1–6, 8, 10–14, 17–21), Е.С. Листюком (рис. 7, 15, 16, 24), В.Н. Кавелиным (рис. 9, 22, 23).

Рис. 3. Чердачное помещение со священными сундуками.
Поселок Ясунт. Фото 2008 г.

Снаружи в ее левой части на высоте ок. 1,5 м от земли прикреплена еще одна священная полка: во время обрядов на нее ставят вынесенные из дома сундучки или ящики с фигурами духов-покровителей, здесь же помещается жертвенная пища и водка.

В состав домашнего святилища входят: фигуры духов-покровителей и их символика, фигурки *иттарма* – временногоместилища душ умерших родственников, подношения божествам, свинцовые фигурки животных, атрибуты шамана и медвежьего праздника и др. Большая часть описанной атрибутики относится к XVIII–XX вв. Вновь выполненные атрибуты в основном связаны с одеждой для духов-покровителей, поднесенными им платками и берестяными масками медвежьего праздника.

Фигуры духов-покровителей в современных домашних святилищах северных манси представлены в следующих вариантах: в суконной одежде с внутренней основой из дерева; в виде набора одежд без внутренней основы; привозные статуэтки или игрушки (чаще всего это всадник из дерева на лошади из папье-маше). Деревянные основы используются достаточно редко, встречаются две разновидности: бюст (рис. 4) или целая фигура с руками и ногами (рис. 5). Головы круглые или заостренные, вырезаны глаза, нос и рот. Длина подобных фигур варьирует от 10 до 30 см. В деревянной скульптуре встречаются и композиционные изображения, например, фигурка матери с лицом дочери на груди (рис. 6). Фигуры духов-покровителей,

Рис. 4. Изображения домашних духов-покровителей.
а – пос. Ясунт, манси Хозумовы, высота фигуры 22,5 см, в грудь фигуры вставлен серебряный гривенник 1742 г. Фото 2013 г.; б – пос. Хошлог, манси Мерovy, в одеждах фигуры хранились гривенник 1751 г., 25 коп. 1768 г., 1 коп. 1847 г., 1 руб. 1898 г. Фото 1999 г.

б

Рис. 5. Фигура семейного духа-покровителя Ромбандеевых. Высота фигуры 30 см. Глаза были закрыты серебряными пятакми эпохи Екатерины II, зашитыми в темную ткань. Поселок Хошлог. Фото 2008 г.

Рис. 6. Фигура духа-покровителя семьи Пузиных. Высота фигурки 8,2 см, в ней просверлено отверстие, через которое пропущен кожаный ремешок для подвешивания к шесту чума. Предположительно изготовлена в XIX в. Поселок Ясунт. Фото 2008 г.

Рис. 7. Изображение *Али-няхланг-эквы* – духа-покровителя жителей пос. Верхнее Нильдино. Фото 2007 г. В ситец зашита серебряная монета 1780-х гг. Определены два основных периода формирования этого изображения: конец XVIII – конец XIX в. – время создания основы с косами, верхнего халата, украшенного металлическими бляхами, красного халата из парчи и шейно-нагрудного украшения; к концу XIX – XX в. относятся розовая рубашка, суконный халат, обшитый полосами шелка, и другие украшения [Богордаева, 2012].

у которых отсутствует сердцевина, а туловище создано за счет многочисленных рубашек, халатов и платков, надетых друг на друга, являются наиболее распространенными у северной группы манси (рис. 7). В одеянии божеств сохраняется и форменная военная одежда.

Уже обращалось внимание на то, что на протяжении XVI–XX вв. ханты и манси при изготовлении фигур божеств старались наделять их атрибутами и символами власти, характерной в России для того или иного хронологического периода [Бауло, 2007]. Первоначальный этап освоения русскими людьми Сибири был связан с продвижением военных отрядов. В этих условиях власть Российского государства осязками и вогулами в большей степени отождествлялась с военной властью. Соответственно социальный (властный) статус местных божеств олицетворял «богатырский», «военный» облик. В пос. Хурumpaуль у манси Паланзеевых описана фигура семейного божества, верхнее одеяние которой представлено мундиром солдата пехоты образца 1763–1786 гг., перешитым по правилам потемкинской реформы 1786 г. (рис. 8). По ряду косвенных данных, она могла олицетворять *Луссум-ойку* – «Лозьвинского старика» (предки семьи являлись выходцами с р. Лозьвы). Это один из редких случаев обряджения «идола» в военный мундир, другой описан

нами у сынских хантов, где семейный дух-покровитель был облачен в солдатский камзол образца 1763–1786 гг. [Там же]. У ляпинских манси Шешкиных в сундуке хранился поднесенный *Мир-сусне-хуму* кафтан из сукна коричневого цвета (мундир?) [Гемуев, 1990, с. 82]; он датирован 1720–1730-ми гг., пошит на территории Северной Европы.

Из других изображений семейных духов-покровителей интересна описанная в Ясунте у манси Хозумовых большая антропоморфная фигура из множества халатов и рубаш, внутри которой находилась завернутая в сиреневый платок серебряная мужская статуэтка, изготовленная в Тобольске в начале XIX в. (рис. 9). В Хурumpaуле в священный сундук была положена стеклянная новогодняя игрушка в виде девушки в сарафане, ее почитали как женскую богиню [Ба-

Рис. 8. Фигура духа-покровителя в солдатском мундире конца XVIII в. Поселок Хурumpaуль. Фото 2009 г.

Рис. 9. Серебряная статуэтка мужчины – вложение в фигуру духа-покровителя. Высота статуэтки 6,8 см. Мастер П.Т. Брюханов, Тобольск, первая четверть XIX в. Поселок Ясунт. Фото 1999 г.

уло, 2009а, с. 112]. Образ *Мир-сусне-хума* до сих пор передают с помощью конных статуэток, чаще всего это русские игрушки из папье-маше; встречено также медное навершие русского кресала XIX в. в виде всадника [Там же, с. 114].

Собраны новые данные о *Самсай-ойке* («За глазами старик», т.е. невидимый, находящийся в недоступном для зрения месте) – одном из духов, подчинен-

Рис. 10. Изображение *Самсай-ойки* на чердаке дома Хозумовых. Поселок Хурумпауль. Фото 2011 г.

ных *Куль-отыру*. Его изображения обычно находятся в предвходовой части жилища между стеной и печью, реже – на чердаке (рис. 10). Сегодня большинство информантов воспринимают *Самсай-ойку* как позитивно настроенного к людям духа-покровителя и напрямую не соотносят с *Куль-отыром*. Он охраняет дом, защищает семью от болезней. Осенью, при забое скота ему делают жертвоприношение, ставят мясо, дарят куски ткани, шьют новые черные халаты. Изображению *Самсай-ойки* свойственны темный цвет одеяния, конусообразная или трапециевидная шапка, чаще всего пришитая к плечевой одежде. Фиксируется динамика, проявляющаяся в замене традиционных материалов привозными, цветных тканей материей преимущественно темного цвета, в упрощении кроя одежды [Богордаева, 2011].

Описано несколько фигур духов-покровителей, основой которых является шаманский бубен. В пос. Щекурья на чердаке дома манси Сайнаховых хранится бубен, одетый в несколько специально сшитых рубаш (рис. 11). Нижняя выполнена из бежевой ткани. Внутри нее связка из трех *арсынов* (платков) красного и белого цвета. На спине на 20 см ниже воротника пришиты два бежевых платка и монета. Вторая рубашка белая с голубым воротником (в нем зашита монета). Внутри нее красный *арсын* с монетой. Третья рубашка синяя в клетку, внизу стянута красным платком, завязки воротника светло-голубые. К правой стороне выреза привязаны два платка, свисающие внутрь. Четвертая рубашка выполнена из белой бязи. Внизу она стянута белым платком с зашитой в углу монетой. Верхняя рубашка сшита из синей бязи, воротника не имеет. В пос. Ясунт на чердаке дома манси Пузиных также хранится бубен в одежде. На нем две рубахи: нижняя – белая в полоску и красный горошек (оба

Рис. 11. Семейный дух-покровитель в виде бубна в одежде на чердаке дома Сайнаховых (слева – фигура *койтынг-пумыга*, охранника бубна). Поселок Щекурья. Фото 1999 г.

Рис. 12. Шаманский бубен в одежде – изображение духа-покровителя Пузиных. Поселок Ясунт. Фото 2007 г.

рукава завязаны узлом), верхняя – синяя в полоску (рис. 12). Аналогичные случаи зафиксированы нами у хантов в поселках Тутлейм (р. Вогулка) и Тильтим (р. Сыня) [Бауло, 2002, с. 23; Сынские ханты, 2005, фото 28]. Речь идет о том, что бубен после смерти шамана воспринимается семейным духом-покровителем, которому с помощью одежды придали антропоморфные черты.

Помимо фигур божеств и духов-покровителей в домашних святилищах северных манси представлены предметы с их изображениями и символикой. В первую очередь это жертвенные покрывала. С начала XXI в. удалось описать собственно покрывал 36 экз., ритуальных поясов 2 экз., богатырских шлемов 5 экз. В большинстве случаев на них изображен скачущий Небесный всадник *Мир-сусне-хум*. Как известно, покрывала выполнялись в виде полотнища прямоугольной формы с двумя, четырьмя, шестью или семью фигурами всадников, каждая из которых располагалась в отдельном квадрате. Все они символизировали «седло бога». Богатырю также шили пояс, на котором размещали четыре или пять фигур всадников. Завершал одевание шлем, украшенный изображениями четырех или семи всадников [Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 2001].

При всей каноничности данного вида культовой атрибутики у северных манси в последние годы отмечены ранее не встречавшиеся образцы: покрывало с четырьмя фигурами всадников и двумя солярными знаками (пос. Верхнее Нильдино, Пакины) (рис. 13), пояс с изображениями двух всадников, двух оленей, солнца и месяца (пос. Хурumpaуль, Меровы), пояс с двумя фигурами всадников (пос. Хошлог, Ромбандеевы) (рис. 14) и шлем с восемью (пос. Верхнее Нильдино, Пакины), шлем, на котором изображены два всадника и две птицы (пос. Патрасуй) (рис. 15). На Северной Сосьве впервые зафиксировано покрывало с шестью фигурами всадников (пос. Верхнее Нильдино, Вынгелевы) (рис. 16). Следует отметить, что в обрядах используются покрывала, пошитые в основном в 1930–1980-х гг., вновь изготовленных не встречено. Данный факт позволяет с осторожностью (и сожалением) говорить об угасании, если не полном исчезновении уникальной традиции создания атрибутов Небесного всадника у манси. В этом же

Рис. 13. Жертвенное покрывало. Размеры 88 × 75 см. Середина XX в. Поселок Верхнее Нильдино (Пакины). Фото 2008 г.

Рис. 14. Ритуальный пояс с изображением двух всадников. Размеры 126 × 48 см. Первая половина XIX в. Поселок Хошлог (Ромбандеевы). Фото 2008 г.

а – оборотная сторона; б – лицевое покрытие из ткани с ручной вышивкой.

Рис. 15. Богатырский шлем. Размеры 35 × 36 см. Середина XX в. Поселок Патрасуй (Остеровы). Фото 2006 г.

Рис. 16. Жертвенное покрывало с изображением шести всадников. Размеры 100 × 47 см. Середина XX в. Поселок Верхнее Нильдино (Вынгелевы). Материалы экспедиции 2006 г.

контексте стоит упомянуть замену традиционных берестяных выкроек для фигур всадников на бумажные (в частности, в Хурumpaуле для них были использованы страницы журнала «Огонек»).

Значительное место в домашних святилищах северных манси занимают подношения божествам и духам-покровителям. Жертвоприношения осуществляются по праздникам, во время проведения обрядов, сопровождают просьбы членов семьи (об удачном промысле, излечении болезни, нахождении пропажи и пр.). Особое место занимают специально изготовленные предметы одевания и снаряжения, включая покупные большие медные поясные пряжки XIX в. Из новых находок отметим пожертвованный одному из духов-покровителей манси Вынгелевых (пос. Верхнее Нильдино) генеральский китель образца 1946–1956 гг. Интересно, что при этом у него был заменен

подклад на скроенный из платков первой четверти XX в. Вместе с культовой атрибутикой хранится и жертвенная посуда, которая, с одной стороны, является даром духу-покровителю или его собственностью, а с другой – используется хозяином дома и другими присутствующими во время обряда. Для подношения табака божествам продолжают пользоваться круглыми медными табакерками середины–конца XIX в.

Ряд предметов, поднесенных духам-покровителям, выполнял магическую функцию, направленную главным образом на обеспечение удачного охотничьего или рыбного промысла. Для этой цели, в частности, использовали приобретенные у приезжих купцов или в городах на ярмарках медные и посеребренные блюдца, прямоугольные и овальные пластины, изготовленные преимущественно в Тобольске в конце XVIII – первой четверти XIX в. На них с помощью чеканки и гравировки изображена сцена охоты на оленя и птиц [Бауло, 20096]. Из наиболее интересных находок последних лет необходимо упомянуть серебряные блюдца из дома Вынгелевых в старице Луи-пауль-урай (Тобольск, 1795 г.) и из пос. Хошлог (Москва, 1830 г.), овальную пластину – имитацию щитка лучника – из дома Вынгелевых в старице Норколн-урай (Тобольск, 1820-е гг.) (рис. 17).

Жертвенным даром являются и деньги, коих в сундуках накапливается множество, часто разных эпох. В основном встречаются монеты XIX–XX вв., реже – XVIII в. За последние годы найдено ок. 30 монет достоинством 10, 15, 20 коп. времен правления Елизаветы и Екатерины II. К редким находкам относятся полтинник 1724 г. Петра I и рубль 1727 г. Петра II (старица Норколн-урай) (рис. 18).

В священные сундуки кладут также найденные необычные вещи, в т.ч. древние артефакты. В XVIII–

Рис. 17. Серебряная овальная пластина с изображением оленя. Размеры 10,6 × 6,7 см. Мастер П.Т. Брюханов, Тобольск, 1820-е гг. Старица Норколн-урай. Фото 2013 г.

Рис. 18. Рубль Петра II. 1727 г. Старица Норколн-урай. Фото 2014 г.
а – реверс; б – аверс.

Рис. 19. Фигурный бронзовый подвес. Размеры 12 × 9 см. Предположительно X–XII вв. Старица Норколн-урай. Фото 2013 г.

XX вв. северными манси найдено немало образцов древнего бронзолитейного производства. Их воспринимали как материальные свидетельства существования легендарных богатырей-предков, а также как послание свыше, знак удачи и особой благосклонности к человеку со стороны небесных сил. На дне священных сундуков в последние годы удалось обнаружить неолитическое каменное тесло, бронзовые кельт, зеркало, фигурку зайца, подвес (рис. 19), серебряные очелье, наруч, три диска [Бауло, 2013, с. 38–41, 174–177].

У северных манси существует развитый культ предков, связанный с изготовлением изображений умерших людей [Гемуев, 1990; Соколова, 1990]. *Иттерма* – изображение, заместитель покойного, временное вмещалище одной из его душ, возрождающейся в новорожденном. Их изготавливают по-разному: фигурку человека отливают из свинца или вырезают из куска дерева, отколотого от шеста чума либо венца сруба дома, где жил умерший. «Лицо» часто передано серебряной монетой; зафиксированы случаи бытования *иттермы* с фотографией лица покойного. На фигурку надевают халаты (платья) и шубку из оленьего меха. Время хранения *иттермы* в семье покойного варьирует в локальных группах манси. В большинстве случаев изображения умерших переходят в состав духов-предков, охраняющих семью (рис. 20). Следует отметить, что такие фигурки встречаются в бассейне р. Ляпин повсеместно, в то время как в верховье Северной Сосьвы их единицы. Распространенность *иттерма* у ляпинских манси, скорее всего, объясняется их проживанием в XVII–XIX вв. рядом с ненцами, у которых они могли заимствовать данный феномен и обозначающий его термин (ср. ненец. *нгытарма*).

В домашних святилищах северных манси имеется немало атрибутов, связанных с культом божества выс-

Рис. 20. Фигурка *иттерма* (слева) в ящике. Здесь же лежит старый телефонный аппарат. Может быть, он принадлежал умершему и оказался в числе поминального инвентаря; не исключено, что родственниками была осмыслена ситуация возможного общения с покойным. Поселок Ясунт (Хозумовы). Фото 2007 г.

шего ранга – *Ялтус-ойки* (медведя). В наибольшей степени его почитание выражается в медвежьем празднике. Речь прежде всего идет об *имда* – шкуре убитого медведя с головой. В традиционной обрядности после разделки туши шкура складывается вдвое таким образом, что впереди оказывается морда и лапы зверя. Ее нижняя часть привязывается к специальному каркасу, выполненному из черемуховых ветвей. Лыко, служащее для обвязки, также черемуховое. Этот каркас называется *ана* – «колыбель» или «люлька» (рис. 21). Его обычно делает мужчина, убивший медведя. Шкура на каркасе находится в центре медвежьего празд-

Рис. 21. Медвежья шкура (имда) на каркасе. В старину нос медведя закрывали серебряным блюдцем, здесь он закрыт крышкой от баночки из-под вазелина и двумя монетами выпуска 1920-х гг. Поселок Хурумпауль (Хозумовы). Фото 2010 г.

Рис. 22. Суконная игольница – подношение *Калтась-экве*. Размеры 25 × 26 см. Середина XIX в. Поселок Ясунт (Пузины). Фото 2007 г.

ника; вокруг нее происходят все основные обряды. Для драматических сценок изготавливают берестяные маски, деревянные лошадки и головы журавля. Мужчины, выступающие в роли богатырей-предков, надевают серебряные очелья. В ходу халаты, ритуальные рукавицы с изображением медведя или узорами. Музыкальное сопровождение песен и сценок исполняется на струнных инструментах (*санквылтан*).

Северные манси образа божества *Ялнус-ойки* почитали и в предметах древнего бронзолитейного производства, которые они находили в обвалах берегов рек

или на местах старых городищ. В пос. Ясунт в священном сундуке манси Хозумовых хранилась красная лента с завязанными на концах и середине тремя узлами. В первом были завернуты серебряные монеты XIX – начала XX в., во втором – фигурка медведя, медные и серебряные монеты 1870–1932 гг., в третьем – скульптурное изображение двух медведей с привязанной монетой (10 коп.) 1813 г.

Как и в других группах обских угров, у северных манси принято делать специальное подношение по поводу прибавления в семействе. После рождения мальчика духу-охранителю подносят миниатюрные луки с тетивой из веревки и привязанными стрелами с тупыми наконечниками, сопровождая их пожеланием, чтобы ребенок вырос метким и удачливым охотником. Довольно большая группа культовых атрибутов домашних святилищ у северных манси и сегодня связана с почитанием *Калтась-экве* – Верховной богини-матери у обских угров, жены *Нуми-Торума*. Она незримо присутствует при первом вздохе появившегося ребенка, дает новорожденному душу, отмеривает человеку срок его жизни. При появлении на свет девочки изготавливается квадратная суконная игольница (рис. 22), которая подносится богине с просьбой покровительства ребенку. В последующем лучшим подарком *Калтась-экве* считается новый большой платок. В семейных святилищах еще можно изредка встретить платок с традиционной вышивкой, но чаще дарили фабричное изделие, к которому по периметру пришивали дополнительную полоску ткани с нитями бахромы, символизирующими длинные седые волосы богини. Встречаются сюжетные платки конца XIX – начала XX в., например, с изображением памятника «Тысячелетие России» или портретом Иоанна Кронштадтского; лицо последнего на платке обильно кроплено кровью жертвенного животного.

На рубеже XX–XXI вв. в домашних святилищах северных манси зафиксированы статуэтки и фигурки животных, привозные и сделанные на местах. Культа коня в XVII–XX вв. у обских угров, видимо, не существовало: достоверных сведений об этом нет. Конь почитался или выделялся среди других животных как составная часть образа Небесного всадника. Было принято не только приносить его в жертву, но и подносить фигурки лошадок в дар младшему сыну Верховного бога. Лошадка из папье-маше XIX в. на подставке с колесиками описана в домашнем святилище И.В. Албина в Ломбовоже.

Лучшей жертвой божествам считалось животное, при этом *Мир-сусне-хуму* полагалось жертвовать коня, а другим фигурам угорского пантеона – оленя (бычка, овцу, петуха и пр.). Подобная жертва часто была обременительна для семейного бюджета, да и далеко не все манси имели лошадей. Вместо жертвоприношения можно было положить в священный сундук выре-

Рис. 23. «Заместитель» жертвы – свинцовая фигурка лошади. В живот вплавлена серебряная монета 1920-х гг. Фигурка вместе с купоном на 30 коп. была завернута в узкий лоскут ткани. Поселок Яны-пауль (Самбиндаловы). Фото 2007 г.

занную из бересты (картона) фигурку коня; человек, обращаясь к богу с просьбой, давал клятву резать лошадь при первой возможности. Эти фигурки после жертвоприношения полагалось выбрасывать, но на практике чаще всего они продолжают храниться среди культовых атрибутов. В ряде случаев фигурку отливали из свинца (рис. 23) или использовали металлические статуэтки, приобретенные у купцов. Так, к категории «временной жертвы» можно отнести массивное литое медное изображение лошади из Хошлога. Эта скульптура с колокольчиком на шее, вместе с серебряным блюдцем московской работы 1830 г., медными и серебряными монетами 1840–1890-х гг., была завернута в шелковый платок. Таким образом, «временная жертва» семейному духу-покровителю была увеличена за счет дополнительных подношений.

Игрушка и бытовая скульптура (например, солонка фабрики М.С. Кузнецова в виде утки) связаны и с преподнесением их божествам с магическими целями, в основном для обеспечения благоприятного промысла и успешного ведения хозяйства. В Ломбовоже описано подношение в виде игрушки из жести (предположительно рубеж XIX–XX вв.); к подставке припаяны фигуры мула и идущего за ним человека. Фигура животного обмотана шерстяным шнуром и поднесена семейному духу-покровителю с просьбой о сохранности стада, при этом понимались все домашние животные: корова, овцы и лошадь.

Из шаманской атрибутики в домашних святилищах сегодня можно встретить связки стрел для камлания, бубны с крестообразной или вильчатой рукоятью, *койтынг-пупыгов* – духов-охранников бубна. Общее число подобных атрибутов невелико, что, скорее всего, свидетельствует о неразвитости шаманизма у северных групп обских угров вообще, а не его упадке после прихода русских. В повседневной жизни и при проведении обряда посредником между живущими людьми и почитаемыми ими духами являлся хозяин дома, шаману оставался уровень общения с духами в критических (болезнь, пропажа, стихия) или пограничных (гадание у гроба покойного) ситуациях.

За последние годы описано шесть бубнов (по одному в поселках Верхнее Нильдино, Ломбовож, Щекурья, три в пос. Ясунт). Для примера дадим описание бубна, хранящегося на чердаке дома Немдазиных в Ясунте. Он круглой формы, диаметр 50 см, ширина обечайки 9 см, длина рукояти 42, колотушки – 30 см. Рукоять вильчатая, привязана кожаными ремешками к обечайке, обмотана лоскутами разноцветной ткани с завязанными монетами, поверх них красным шерстяным шнуром. Между вилками перемычка из 12 медных и оловянных колец на кожаном шнурке; к концу одной вилки привязан шаркунец. Мембрана бубна из оленьей кожи прикреплена к обечайке кожаным жгутом. На внешней стороне обечайки укреплены 12 деревянных столбиков-резонаторов, на внутренней вбиты четыре железные скобы, на каждую из которых надето по пять медных колец. Колотушка с загнутой ударной частью, обшитой мехом оленя, привязана к рукояти бубна (рис. 24).

Рис. 24. Шаманский бубен. Диаметр 50 см. Середина XX в. Поселок Ясунт (Немдазины). Фото 2007 г.

У ляпинских манси шаманский бубен обычно сопровождает рядом стоящая фигура *койпынг-пупыга* – охранника духа, описано три таких случая. Фигура *койпынг-пупыга* из Щекурьи состоит из семи ритуальных стрел, обернутых тканью, поверх которой надето несколько белых рубаш; верхняя подпоясана. На фигуру накинута белая халат, повязан шарф. Голова оформлена островерхой шапкой из хлопчатобумажной ткани бежевого цвета, султан выполнен из семи кисточек. Высота фигуры 75 см (см. рис. 11). Основу фигуры охранника бубна в Ясунте также составляют семь стрел, они обернуты шинельным сукном, кусками ткани белого и голубого цвета, к верхней части пришиты узкие кисти красного сукна. Фигура обвязана поясом из голубого платка, к которому прикреплены узкие красные ленты. Сверху накинута платок пестрой расцветки. Высота фигуры ок. 50 см.

Для умиловления богов и духов-покровителей в домашних святилищах совершают жертвоприношение, в ходе которого просят о даровании благополучия. Руководит обрядом хозяин дома, он же выступает посредником между членами своей семьи и духами-покровителями. Жертвоприношения подразделяются на кровавые (*йир*) и бескровные (*поры*). Во время *йир* жертвуют домашних животных, при совершении обряда *поры* пользуются заранее приготовленными продуктами, свежей рыбой, дичью. «Угощают» не только духов-покровителей, но и хранящиеся в доме медвежьей шкуры; рюмка водки непременно предназначается огню (очагу) и солнцу. Духам также преподносят дары в виде мехов, тканей, сукна, металлических изделий. Крышки вместилищ семейных святынь приоткрывают, в священный угол, а также у очага и на улице с задней стороны дома ставят угощение духам-покровителям – пищу и спиртное. Церемония происходит и на чердаке, если там хранятся «святыне» вещи.

Заключение

Домашние (семейные) святилища в начале XXI в. продолжают выполнять важную функцию поддержания контактов между миром людей и миром богов в условиях существования локальных, небольших по размеру, поселков северных манси. Подвергшись последовательно натиску насильственной христианизации, атеистической идеологии, вмешательству государственных органов в частный мир мансийской семьи, они остаются островком стабильности, на котором основан традиционный уклад жителей Сибирского Севера.

Обследования домашних святилищ за последние 15 лет принесли новые находки, которые позволили углубить наши знания о религиозно-обрядовой сфе-

ре обских угров. Среди них наиболее яркие следующие: замечательные образцы древнего бронзолитейного и средневекового серебряного производства, рубль Петра II, самое раннее из известных тобольское серебряное блюдо (1795 г.), впервые обнаруженная овальная серебряная пластина (имитация наруча) работы тобольского мастера П.Т. Брюханова и его же мужская статуэтка первой четверти XIX в., военные мундиры конца XVIII в. и советского времени, изображения духов-покровителей с основой в виде шаманского бубна, фигуры охранников бубна, жертвенные покрывала с необычным расположением фигур всадников и др.

При сохранении традиционного состояния большинства домашних святилищ замечен процесс их угасания. Выделим основные изменения, произошедшие за первые годы начавшегося столетия: частичная десакрализация чердачного помещения и священных полок; исчезновение традиции изготовления фигур семейных духов-покровителей из дерева и жертвенных покрывал; применение покупных головных уборов (спортивных шапочек); трансформация образа *Самсай-ойки* и характеристик его одежды; замена светлой монеты на фотографию в оформлении «лица» *иттермы* и берестяных выкроек бумажными. При использовании в обрядовой практике вещей более ранних эпох происходит восполнение культовых атрибутов по следующим видам: одежда духов-покровителей, новые платки, монеты, берестяные маски медвежьего праздника.

Список литературы

- Бауло А.В.** Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.
- Бауло А.В.** «Мундир» остяцкого божества // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3. – С. 119–124.
- Бауло А.В.** «Арлекин» – остяцкий идол // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009а. – № 3. – С. 111–118.
- Бауло А.В.** «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – 176 с.
- Бауло А.В.** Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: этногр. альбом. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. – 208 с.: ил.
- Богордаева А.А.** Особенности изображения Самсай-ойки – домашнего духа-покровителя северных манси // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1. – С. 135–145.
- Богордаева А.А.** Атрибуция изображения духа-покровителя северных манси // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 4. – С. 123–132.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.

Мифология манси / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 196 с.

Соколова З.П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 58–72.

Сынские ханты / Г.А. Аксянова, А.В. Бауло, Е.В. Перевалова, Э. Рутткай, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова, Н.М. Талигина, Е.И. Тыликова, Н.В. Федорова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 352 с.

Материал поступил в редколлегию 12.01.15 г.

A.V. Baulo

*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: bau194@ngs.ru*

GODS AND HUMANS: LIVING UNDER THE SAME ROOF

The article integrates the growing knowledge of domestic (family) sanctuaries of the northern Mansi living in the Berezovo District, Khanty-Mansi-Yugra District. Variants of location and composition of ritual paraphernalia are listed. Religious traditions and recent changes they have undergone are discussed. New types of sacrificial cloths, arrangement of the "Lares", characters of the shaman cult, unusual ancient artifacts cast of bronze and late 18th-century silver items are described.

Keywords: Western Siberia, Mansi, sanctuaries, ritual, religious traditions, shamanism.

А.С. Пилипенко^{1,2}, Р.О. Трапезов², Н.В. Полосьмак¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

²Институт цитологии и генетики СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru
rtrapezov@yandex.ru

МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСТАНКОВ ЛЮДЕЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 1 КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА АК-АЛАХА-3*

В статье приведены результаты молекулярно-генетического исследования останков двух индивидов из погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, включая данные по структуре митохондриальной ДНК, половой принадлежности погребенных и аллелям ряда высоковариабельных аутомных STR-маркеров. Варианты мтДНК, обнаруженные в останках взрослого индивида и ребенка, относятся к гаплогруппам А4 и С восточно-евразийского кластера соответственно. Они типичны для современного коренного и древнего населения Горного Алтая и сопредельных территорий юга Сибири и Центральной Азии. Эти варианты имеют автохтонное происхождение в генофонде населения Алтая раннего железного века и являются общими для отличающихся в других отношениях групп указанного региона в скифское время. Подтвержден мужской пол взрослого индивида и установлен женский пол ребенка. Результаты исследования свидетельствуют об эффективности использования фрагментов губчатого костного вещества высокой степени сохранности в качестве источника получения образцов древней ДНК для последующего анализа структуры митохондриальной ДНК и ядерных локусов.

Ключевые слова: палеогенетика, древняя ДНК, митохондриальная ДНК, маркеры половой принадлежности, Горный Алтай, погребальные комплексы кара-кобинского типа, пазырыкская культура.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.138-145

Введение

Курган 1 могильника Ак-Алаха-3, исследованный на плато Укок под руководством Н.В. Полосьмак в 1993 г. [Полосьмак, 2001, с. 62–67; 2013], содержал два погребения. В нетронутom «замерзшем» погр. 2 (нижнем) обнаружены мумифицированные останки женщины и многочисленный сопроводительный инвентарь, прекрасно сохранившийся в условиях мерзлоты. Захоронение было совершено по канонам пазырыкской

культуры. Погребение 1 (верхнее), расположенное непосредственно на перекрытии пазырыкской погребальной камеры, содержало останки двух индивидов – мужчины 25–30 лет и ребенка 9–10 лет. Захоронение было совершено в т.н. кара-кобинских погребальных традициях. Подробное описание и антропологическая характеристика погребенных опубликованы [Чикишева, Полосьмак, Зубова, 2015]. Данные, полученные в процессе раскопок, свидетельствуют об одновременном сооружении обоих погребений и их взаимосвязанности. Погребение 1 подверглось разграблению в древности, в результате чего останки погребенных были нарушены. В распо-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

ряжении исследователей оказался почти полный скелет взрослого мужчины, хотя его нижняя часть находилась за пределами погребальной камеры. Останки ребенка, по-видимому, были изъяты грабителями из погребения: в процессе раскопок и последующей камеральной ревизии палеоантропологических материалов удалось выявить лишь фрагменты теменных и височных костей черепа, один нижний моляр, а также несколько небольших фрагментов посткраниального скелета (последние были переданы для палеогенетического исследования). С учетом пристального внимания специалистов различных научных направлений к погребальному комплексу кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, сконцентрированного ранее на исследовании материалов «замерзшего» погр. 2 (из последних работ см.: [Летягин, Савелов, Полосьмак, 2014]), представляется актуальным проведение всестороннего анализа останков двух индивидов из погр. 1 этого кургана. В данной работе приведены результаты их молекулярно-генетического исследования.

Материалы и методы

Палеоантропологические образцы. В качестве материала для экстракции ДНК использовали плечевую кость взрослого мужчины (скелет 1) и небольшие фрагменты костей посткраниального скелета ребенка (скелет 2), содержавшие главным образом губчатую костную ткань, частично покрытую тонкими пластинками компактного костного вещества.

Предварительная обработка палеоантропологического материала и экстракция ДНК. Использовались методы, описанные в публикациях [Pilipenko et al., 2010; Пилипенко, Молодин, Ромашенко, 2011а; Молодин и др., 2012]. Поверхность плечевой кости взрослого индивида обрабатывали 5%-м раствором гипохлорита натрия для разрушения возможных загрязнений современной ДНК, затем удаляли механически слой ~1–2 мм и облучали образец ультрафиолетом не менее 1 ч. Из компактного костного вещества высверливали мелкодисперсный порошок.

С фрагментов губчатых костей ребенка удаляли поверхностные слои (тонкую пластинку компактного костного вещества и лежащие под ней слои губчатой костной ткани). Полученные фрагменты, содержащие глубокие слои губчатого костного вещества, выдерживали в 5%-м растворе гипохлорита натрия (ок. 5 мин), затем тщательно промывали большим количеством очищенной воды, помещали в 96%-й этиловый спирт, высушивали и доводили до состояния мелкодисперсного порошка с помощью мельницы.

Для выделения ДНК костный порошок в течение 36–48 ч инкубировали в 5М гуанидинизотионатном буфере при температуре 65 °С и постоянном пе-

ремешивании с помощью термошейкера [Pilipenko et al., 2010]. ДНК выделяли методом фенол-хлороформной экстракции с последующим осаждением изопропанолом.

Анализ последовательности мтДНК. Амплификацию ГВС I мтДНК проводили двумя разными методами: четырех коротких перекрывающихся фрагментов посредством одноразовой ПЦР [Haak et al., 2005] и одного длинного фрагмента с помощью «вложенной» ПЦР (включала два раунда реакции) [Пилипенко и др., 2008]. Последовательности нуклеотидов определяли с использованием набора реактивов ABI Prism BigDye Terminator Cycle Sequencing Ready Reaction Kit (Applied Biosystems, USA). Продукты секвенирующей реакции анализировали на автоматическом капиллярном секвенаторе ABI Prism 3130XL Genetic Analyser (Applied Biosystems, США) в центре коллективного пользования «Геномика» СО РАН.

Полученные последовательности сравнивали с уточненной кембриджской референсной последовательностью мтДНК (rCRS) [Andrews et al., 1999]. Филогенетическую интерпретацию осуществляли на основании существующей классификации структурных вариантов мтДНК [van Oven, Kayser, 2009] (<http://www.phylotree.org>). Полученные результаты дополнительно верифицировали с помощью программного инструмента HaploGrep [Kloss-Brandstatter et al., 2011] (<http://haplogrep.uibk.ac.at/>). Для филогеографического анализа использовались литературные данные по разнообразию структуры ГВС I мтДНК в современных популяциях Евразии численностью более 25 тыс. образцов.

Определение профилей STR-локусов и установление половой принадлежности исследуемых останков проводили с помощью коммерческого набора реактивов AmpFISTR® Profiler® Plus PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США) согласно инструкции производителя.

Меры против контаминации и верификация результатов. Все работы с древним материалом выполнены в лаборатории, специально оборудованной для палеогенетических исследований. Персонал лаборатории использовал комплекты спецодежды для чистых помещений. Все рабочие поверхности и приборы регулярно обрабатывались раствором гипохлорита натрия (5 %) и облучались ультрафиолетом. Через полную процедуру экстракции и амплификации параллельно с древними образцами проходили контрольные пробирки чистоты системы (без добавления палеоматериала) для выявления возможного загрязнения используемых реактивов и оборудования. Для каждого индивида проводили три независимые экстракции ДНК. Амплификацию выполняли несколько раз для каждого экстракта. У всех сотрудников палеогенетической лаборатории, имеющих доступ в чистые

помещения, были определены последовательности ГВС I мтДНК для выявления возможной контаминации материалов.

Результаты и обсуждение

Для обоих исследованных индивидов был выполнен анализ последовательности ГВС I мтДНК, получены данные по их половой принадлежности и частично реконструированы профили аутосомных STR-локусов. Тот факт, что нам удалось амплифицировать как короткие перекрывающиеся фрагменты ГВС I мтДНК, так и длинный (в двухраундовой ПЦР), а также успешный анализ упомянутых выше ядерных маркеров свидетельствуют о высокой сохранности аутентичной ДНК в исследуемом палеоантропологическом материале. Ниже приведены подробное описание полученных результатов и их интерпретация.

Эффективность использования губчатой костной ткани в качестве материала для получения образцов древней ДНК и анализа ее структуры. Помимо того, что нами получены первые генетические данные о представителях скифо-сибирского населения из погребений кара-кобинского типа (данные подробно излагаются и обсуждаются ниже), часть работы, связанная с анализом останков ребенка, имеет методическое значение. Как правило, для выделения древней ДНК, особенно в случае голоценовых палеоантропологических материалов, используются зубы или фрагменты посткраниального скелета, содержащие большой слой компактной костной ткани [Kaestle, Horsburgh, 2002; Paabo et al., 2004; Пилипенко, Молодин, 2010]. Использование фрагментов, представленных губчатой костной тканью, практически не встречается. Это связано с более высокой вероятностью контаминации внутренних областей губчатого костного материала современной ДНК до его попадания в палеогенетическую лабораторию, а также предполагаемой более низкой степенью сохранности древней ДНК в губчатой ткани, по сравнению с зубами и толстым слоем компактного костного вещества (вследствие большего воздействия различных факторов внешней среды, приводящих к деградации ДНК).

Контаминация древнего материала современной ДНК является наиболее серьезной проблемой при проведении палеогенетических исследований останков анатомически современного человека. Зубы и фрагменты диафиза длинных трубчатых костей конечностей содержат слой плотного костного вещества, в значительной степени препятствующий проникновению современной ДНК в их внутренние области, используемые для экстракции ДНК. Тонкая пластинка компактного костного вещества, покрывающая фрагменты костей, преимущественно состоящие из губ-

чатой костной ткани, как правило, не является такой защитой, что делает их намного более подверженными контаминации.

Вместе с тем структура губчатой костной ткани позволяет проводить ее эффективную химическую деконтаминацию. При выполнении палеогенетических исследований останков ребенка мы полностью удаляли пластинку компактного костного вещества и использовали для выделения ДНК небольшие фрагменты губчатой костной ткани. Химическую деконтаминацию проводили, помещая их в 5%-й раствор гипохлорита натрия. Эффективность этого способа была показана в специальной работе [Kemp, Smith, 2005] и признана большинством специалистов. В нашем случае фрагменты губчатой костной ткани полностью смачивались раствором гипохлорита натрия, что приводило к разрушению всей ДНК, контактировавшей с ним, – как современной, потенциально загрязнившейся образцы, так и аутентичной древней, которая могла сохраниться на поверхности элементов губчатой костной ткани (трабекул). Эффективность данного способа деконтаминации подтверждается тем, что мы не обнаружили никаких следов загрязнения в четырех независимых экстрактах ДНК.

Нами была продемонстрирована высокая степень сохранности ДНК в экстрактах, полученных из губчатого костного вещества. В частности, ГВС I мтДНК был успешно амплифицирован в виде как коротких перекрывающихся фрагментов, так и одного длинного – более 300 пар нуклеотидов. Кроме того, для ребенка был установлен полный профиль аутосомных STR-локусов (исключение могут составлять STR-локусы, представленные наиболее длинными фрагментами). Подобный результат свидетельствует о высокой степени сохранности как митохондриальной, так и ядерной ДНК в губчатом костном веществе. Ранее при использовании традиционного материала (зубы, компактное костное вещество) полный профиль исследованного в данной работе набора аутосомных STR-локусов нам удавалось получить лишь для отдельных образцов с наиболее высокой степенью сохранности ДНК. При анализе профиля STR-локусов установлена обратная корреляция эффективности амплификации и длины амплифицируемых фрагментов, характерная для древней ДНК.

Обработка губчатой костной ткани раствором гипохлорита натрия не привела к существенному снижению содержания аутентичной ДНК. Очевидно, что в полученных экстрактах представлена только ДНК, которая сохранилась во внутренней области трабекул, образующих губчатое костное вещество. Это коррелирует с данными, полученными в одной из методических работ [Salamon et al., 2005]. Они свидетельствуют о том, что при кратковременной обработке мелкодисперсного костного порошка (полученного

из компактной костной ткани) гипохлоритом натрия ДНК внутри его частиц сохраняется на уровне, достаточном для проведения анализа как минимум митохондриальной ДНК. Полученные нами результаты позволяют распространить это наблюдение на губчатое костное вещество.

Таким образом, губчатое костное вещество высокой степени сохранности может быть полноценным источником для выделения древней ДНК, позволяющим проводить деконтаминацию материала и анализ структуры локусов митохондриальной и ядерной ДНК. Это расширяет спектр палеоантропологических материалов, пригодных для молекулярно-генетических исследований, что особенно актуально в случае анализа фрагментарных останков. С полученными нами данными согласуется и недавнее сообщение об обнаружении древней ДНК высокой степени сохранности во внутренних областях пирамиды височной кости [Gamba et al., 2014]. Таким образом, в настоящее время являются актуальными работы по оценке относительной степени сохранности ДНК в скелетных материалах различных типов.

Результаты анализа структуры образцов митохондриальной ДНК индивидов из погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3. Структура гаплогрупп ГВС I позволяет однозначно определить филогенетическое положение двух исследованных древних образцов мтДНК. У взрослого мужчины мтДНК характеризуется гаплотипом 16223T-16290T-16319A-16362C и относится к гаплогруппе A4 макрогаплогруппы N; у ребенка – гаплотипом 16129A-16223T-16298C-16327T, принадлежит к гаплогруппе C (наиболее вероятно, к подгруппе C4a1) макрогаплогруппы M. Таким образом, варианты мтДНК индивидов, совместно захороненных в погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, относятся к восточно-евразийскому кластеру гаплогрупп мтДНК, но принадлежат к филогенетически удаленным друг от друга гаплогруппам. Следует отметить, что одновременное присутствие в генофонде филогенетически удаленных групп является характерной чертой большинства исследованных к настоящему моменту древних и современных коренных популяций Алтае-Саянской горной страны и прилегающих районов Центральной Азии и отражает сложность процессов формирования генетического состава населения региона, в основе которых лежало взаимодействие разнообразных в отношении структуры генофонда и географического происхождения популяций человека.

Анализ литературных данных о распространенности выявленных нами структурных вариантов мтДНК в генофондах современного коренного населения Евразии позволил охарактеризовать исследованные линии с точки зрения филогеографии. Вариант мтДНК, обнаруженный в останках взрослого мужчины, по структуре гаплотипа ГВС I совпадает с корневым ва-

риантом гаплогруппы A4, основной ареал которой (без учета подгруппы A2, специфичной для коренных популяций Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока [Volodko et al., 2008]) охватывает Центральную Азию (в т.ч. Горный Алтай), территорию Китая, Восточной и части Юго-Восточной Азии, Среднеазиатский регион. Горный Алтай расположен в северной или северо-западной части этого ареала. Гаплогруппа A4 включает несколько подгрупп, маркируемых нуклеотидными заменами как в ГВС I, так и в кодирующей части мтДНК. Нами проводился филогеографический анализ только вариантов ГВС I мтДНК, относящихся к гаплогруппе A4 [Пилипенко, Молодин, Ромашенко, 2011a]. Он показал, что ряд субкластеров, отличающихся последовательностью ГВС I мтДНК, являются филогеографически контрастными и маркируют относительно независимую эволюцию линий кластера A4 в разных частях общего ареала данной гаплогруппы (более детальную информацию см.: [Там же]). Однако вариант с корневым гаплотипом A4 распространен по всему ареалу. В частности, он выявлен в генофонде большинства современных коренных популяций Горного Алтая и сопредельных районов юга Сибири и Центральной Азии. Таким образом, обнаруженный вариант является типичным для исследуемого нами региона. Его присутствие отражает общие этапы становления генофондов населения Центральной Азии и сопредельных территорий.

Выявленный в останках ребенка вариант мтДНК, относящийся к гаплогруппе C (C4a1), обнаруживает как сходство, так и некоторые отличия в распространенности в современных популяциях Евразии по сравнению с рассмотренной выше линией гаплогруппы A4. Линии гаплогруппы C с общим гаплотипом 16129A-16223T-16298C-16327T широко представлены в генофондах современного населения различных районов Центральной Азии (включая Горный Алтай) и Северного Китая (как и A4), однако в большей степени характерны для популяций Северной Азии [Derenko, Grzybowski, Malyarchuk et al., 2003; Derenko, Malyarchuk, Grzybowski et al., 2007; Starikovskaya et al., 2005; Metspalu et al., 2004]. Таким образом, ареал гаплогруппы C4, по сравнению с A4, распространяется дальше на север. Более того, именно южные и центральные районы Сибири (как Западной, так и Восточной) можно считать основной областью распространения ее вариантов.

Таким образом, по результатам филогеографического анализа оба обнаруженных нами варианта мтДНК можно назвать типичными для генофондов современного коренного населения Южной Сибири и сопредельных территорий. Характер распространения и уровень разнообразия вариантов гаплогрупп A4 и C4 свидетельствуют о том, что эти гаплогруппы присутствуют в регионе длительное время.

С полученными нами результатами хорошо коррелирует и картина распространения рассматриваемых вариантов мтДНК в древних популяциях Евразии, реконструированная как по доступным литературным материалам, так и по неопубликованным данным нашей лаборатории. Эти варианты были характерны для представителей ранних кочевых племен Центральной Азии и юга Сибири (включая Горный Алтай) конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Так, рассматриваемые линии гаплогрупп A4 и C4 (и их производные) присутствовали в генофондах хунну Северо-Восточной Монголии [Keyser-Tracqui, Grubezy, Ludes, 2003] и Забайкалья [Пилипенко и др., 2011б] (а также неопубликованные данные авторов). Линии первой обнаружены в популяции раннего железного века в Центральном Казахстане [Lalueza-Fox et al., 2004]. Непосредственно на территории Горного Алтая варианты гаплогрупп A4 и C4 (идентичные и близкие по структуре) выявлены в генофонде носителей пазырыкской культуры, в т.ч. с плоскогорья Укок, откуда происходят исследованные в данной работе образцы (например, идентичный вариант гаплогруппы C4 обнаружен у индивида из кург. 1 могильника Ак-Алаха-5 – неопубликованные данные авторов). Таким образом, можно констатировать, что варианты мтДНК, выявленные в останках индивидов из погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3, были широко представлены в древних популяциях как Горного Алтая, так и сопредельных территорий Южной Сибири и Центральной Азии.

По-видимому, гаплогруппы A4 и C4 присутствовали в генофонде обитателей Горного Алтая и в периоды, предшествовавшие раннему железному веку, и имеют автохтонное происхождение. Наиболее ярким свидетельством в пользу такого предположения является обнаружение корневого варианта гаплогруппы A4 в останках наиболее раннего представителя анатомически современного населения региона – у женщины из погребения в пещере Каминной [Пилипенко, Молодин, Ромашенко, 2011а], которое датируется серединой IV тыс. до н.э. и относится к позднему неолиту [Маркин, 2000].

Проведенный ранее анализ палеоантропологических останков из погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 методами физической антропологии позволил констатировать сходство взрослого мужчины по ряду краниометрических параметров с представителями некоторых групп населения Средней Азии и его тяготение к европеоидному антропологическому типу в целом [Чикишева, Зубова, 2013; Чикишева, Полосьмак, Зубова, 2015]. Полученные нами данные по структуре мтДНК не подтверждают это направление генетических связей. Они свидетельствуют о связи индивида с автохтонным населением Южной Сибири и Центральной Азии. Этот результат не следует рассматривать как противоречие между данными фи-

зической антропологии и палеогенетики. Сходство с представителями населения южных областей Средней Азии и европеоидный в целом антропологический тип могли быть обусловлены генетическими связями исследованного индивида по отцовской линии, что не противоречит наличию восточных связей по материнской линии, которые маркируются мтДНК. Кроме того, необходимо учитывать неполноту краниометрической характеристики мужчины из-за плохой сохранности черепа (особенно его лицевой части). При этом комплекс одонтологических признаков индивида является нейтральным и не позволяет однозначно отнести его к какому-либо из известных типов [Чикишева, Полосьмак, Зубова, 2015].

Данные, полученные методами палеогенетики и физической антропологии по останкам ребенка, хорошо коррелируются. В частности, особенности первого нижнего моляра позволяют отнести его к восточному одонтологическому стволу, что характерно для других представителей кара-кобинской группы населения [Чикишева, Зубова, 2013].

Таким образом, данные палеогенетики и физической антропологии об индивидах из погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 верифицируют и существенно дополняют друг друга.

Отдельный блок полученных нами результатов связан с анализом ядерных локусов – маркеров половой принадлежности и статуса высоковарибельных аутосомных STR-локусов, используемых для получения индивидуальной генетической характеристики и определения возможного близкого родства индивидов. Анализ генетических маркеров половой принадлежности подтвердил мужской пол взрослого индивида, ранее определенный по данным физической антропологии. В останках ребенка не выявлено следов присутствия ДНК Y-хромосомы, что свидетельствует о его женском поле.

Высокая сохранность ядерной ДНК в останках девочки позволила установить полный профиль девяти аутосомных STR-локусов:

Локус	Генотип
D3S1358	15/16
vWA	17/18
FGA	21/22
D8S1179	10/13
D21S11	29/32.2
D18S51	16/16*
D5S818	11/12
D13S317	11/13
D7S820	11/11*

*Существует очень низкая вероятность отсутствия сигнала от второго аллеля (с большим числом повторов), который не был амплифицирован из-за деградированного состояния ДНК.

Сохранность ядерной ДНК в плечевой кости взрослого мужчины оказалась существенно ниже, чем в останках девочки. Помимо маркеров половой принадлежности удалось получить лишь обрывочные данные об отдельных STR-локусах, что не позволяет судить о возможном родстве индивидов как мотиве их совместного погребения. Для решения этого вопроса реконструкция STR-профиля мужчины в настоящее время продолжена с использованием зубов в качестве материала для выделения ДНК.

Заключение

Результаты молекулярно-генетического исследования останков из погр. 1 кург. 1 могильника Ак-Алаха-3 представляют собой первую информацию о генофонде населения Горного Алтая, оставившего погребальные комплексы кара-кобинского типа. Данные, полученные по двум образцам, безусловно, не позволяют нам сколько-нибудь полно охарактеризовать его. Необходимо также принимать во внимание отличие краниометрического типа взрослого мужчины из этого погребения от кара-кобинской серии в целом, изученной методами физической антропологии [Чикишева, Полосьмак, Зубова, 2015]. Тем не менее полученные результаты позволяют коснуться вопроса о характере связей кара-кобинцев с пазырыкским населением региона. Данные физической антропологии и палеогенетики, полученные ранее для носителей пазырыкской культуры Горного Алтая, свидетельствуют о многокомпонентном составе популяции. Формирование ее генофонда, по-видимому, происходило при взаимодействии коренного населения Горного Алтая и сопредельных районов Южной Сибири и Центральной Азии с группами, мигрировавшими с территории современной Средней и Передней Азии. При этом доминирующими компонентами генофонда мтДНК являются автохтонные центрально-азиатские кластеры. Специфика погребальной практики кара-кобинцев (использование каменных ящиков), уходящая корнями в традиции местного населения эпохи бронзы, и особенности их антропологического типа позволили предположить, что носители кара-кобинской культуры могут в наиболее чистом виде представлять автохтонный субстрат в составе населения Алтая скифского времени.

Существовал ряд точек зрения на взаимоотношения носителей пазырыкской и кара-кобинской культур: от признания их, хотя и с оговорками, разными этнокультурными группами [Суразаков, 1983; Могильников, 1988] до объединения в одну [Шульга, 1986; Полосьмак, 1994, 2000; Molodin, 2011]. Как показывают последние междисциплинарные исследования, это несколько упрощенные схемы. В действитель-

ности, происходившие на территории Горного Алтая процессы были сложнее. Полученные к настоящему моменту палеогенетические данные свидетельствуют об общности как минимум отдельных компонентов генофонда мтДНК пазырыкского и кара-кобинского населения. Общие компоненты относятся к филогенетическим кластерам мтДНК, типичным для ранних кочевников юга Сибири и Центральной Азии, ведущих происхождение от предшествующих групп населения региона. Их присутствие может объясняться интенсивными генетическими контактами между этими группами (вплоть до их объединения в одну популяцию), о чем свидетельствуют данные археологии и физической антропологии [Чикишева, 2012; Чикишева, Полосьмак, Зубова, 2015]. Изучение серийного кара-кобинского материала с привлечением, помимо мтДНК, других филогенетически информативных маркеров (в частности, Y-хромосомы) позволит пролить свет на возможные популяционно-генетические аспекты дуальности погребального обряда, наблюдаемой в среде скифского населения Горного Алтая. Благодаря последним антропологическим и генетическим исследованиям можно говорить о том, что носители пазырыкской культуры Горного и Монгольского Алтая – новая популяция, сформировавшаяся в результате тесных контактов между пришлым и автохтонным населением. В ней лишь эпизодически встречаются отдельные представители этих двух составляющих в «чистом» исходном варианте.

Список литературы

- Летягин А.Ю., Савелов А.А., Полосьмак Н.В. Высокопольная магнитно-резонансная томография антропоархеологического объекта из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (Укок): результаты и интерпретация // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 83–91.
- Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 53–64.
- Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу: (К вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С. 10–60.
- Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г. Генофонд мтДНК населения восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 62–69.
- Пилипенко А.С., Молодин В.И. Палеогенетический анализ в археологических исследованиях // Информ. вестн. ВОГиС. – 2010. – Т. 14, № 2. – С. 280–311.
- Пилипенко А.С., Молодин В.И., Ромащенко А.Г. Митохондриальная ДНК женщины из пещеры Каминная (Гор-

ный Алтай) эпохи позднего неолита // Вавиловский журнал генетики и селекции. – 2011а. – № 4. – С. 633–643.

Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., П.Б. Коновалов П.Б., Журавлев А.А. Генофонд митохондриальной ДНК хунну Забайкалья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011б. – Т. XVII. – С. 222–225.

Пилипенко А.С., Ромашенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 57–67.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертековской долины / отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 137–144.

Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3: Историко-культурный анализ // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 57–85.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В. Двадцать лет спустя // Наука из первых рук. – 2013. – № 3. – С. 7–22.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 46–48.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чикишева Т.А., Зубова А.В. Палеоантропологические материалы из впускного погребения кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 564–570.

Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Зубова А.В. Новые данные о погребальном комплексе кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 1. – С. 144–154.

Шульга П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая: тез. докл. конф. – Барнаул, 1986. – С. 20–23.

Andrews R.M., Kubacka I., Chinnery P.F., Lightowers R.N., Turnbull D.M., Howell N. Reanalysis and revision of the Cambridge reference sequence for human mitochondrial DNA // Nature Genetics. – 1999. – Vol. 23. – P. 147.

Derenko M.V., Grzybowski T., Malyarchuk B.A., Dambueva I.K., Denisova G.A., Czarny J., Dorzhu C.M., Kakpakov V.T., Miscicka-Sliwka D., Wozniak M., Zakharov I.A. Diversity of mitochondrial DNA lineages in South Siberia // Ann. Hum. Genet. – 2003. – Vol. 67. – P. 391–411.

Derenko M., Malyarchuk B., Grzybowski T., Denisova G., Dambueva I., Perkova M., Dorzhu C., Luzina F., Lee H.K., Vanecsek T., Vilems R., Zakharov I. Phylogeographic analysis of mitochondrial DNA in Northern Asian populations // Am. J. Hum. Genet. – 2007. – Vol. 81. – P. 1025–1041.

Gamba C., Jones E.R., Teasdale M.D., McLaughlin R.L., Gonzalez-Fortes G., Mattiangeli V., Domboroczki L., Kovari I., Pap I., Anders A., Whittle A., Dani J., Raczký P., Higham T.F., Hofreiter M., Bradley D.G., Pinhasi R. Genome flux and stasis in a five millennium transect of European prehistory // Nat. Commun. – 2014. – Vol. 5. – P. 5257.

Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., Vilems R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A.K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites // Science. – 2005. – Vol. 305. – P. 1016–1018.

Kaestle F.A., Horsburgh K.A. Ancient DNA in anthropology: methods, applications, and ethics // Am. J. Phys. Anthropol. – 2002. – Vol. 119, N S35. – P. 92–130.

Kemp B.M., Smith D.G. Use bleach to eliminate contaminating DNA from the surface of bones and teeth // Forensic Sci. Intern. – 2005. – Vol. 154. – P. 53–61.

Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B. Nuclear and mitochondrial DNA analysis of a 2000 year-old necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia // Am. J. Hum. Genet. – 2003. – Vol. 73. – P. 247–260.

Kloss-Brandstatter A., Pacher D., Schonherr S., Weissensteiner H., Binna R., Specht G., Kronenberg F. HaploGrep: a fast and reliable algorithm for automatic classification of mitochondrial DNA haplogroups // Hum. Mutat. – 2011. – Vol. 32. – P. 25–32.

Lalueza-Fox C., Sampietro M.L., Gilbert M.T.P., Castri L., Facchini F., Pettener D., Bertranpetit J. Unravelling migrations in the steppe: mitochondrial DNA sequences from ancient Central Asians // Proc. Biol. Sci. – 2004. – Vol. 271. – P. 941–947.

Metspalu M., Kivisild T., Metspalu E., Parik J., Hudjashov G., Kaldma K., Serk P., Karmin M., Behar D.M., Gilbert M.T.P., Endicott P., Mastana S., Papiha S.S., Skorecki K., Torroni A., Vilems R. Most of the extant mtDNA boundaries in South and Southwest Asia were likely shaped during the initial settlement of Eurasia by anatomically modern humans // BMC Genet. – 2004. – Vol. 5. – P. 26.

Molodin V.I. Ethnogenesis of the Pazyryk people // «Terra Scythica»: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 155–171.

Paabo S., Poinar H., Serre D., Jaenicke-Despres V., Hebler J., Rohland N., Kuch M., Krause J., Vigilant L., Hofreiter M. Genetic Analyses from Ancient DNA // Ann. Rev. Genet. – 2004. – Vol. 38. – P. 645–679.

Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I., Parzinger H., Kobzev V.F. Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2010. – Vol. 2, N 4. – P. 231–236.

Salamon M., Tuross N., Arensburg B., Weiner S. Relatively well preserved DNA is present in the crystal aggregates of fossil bones // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. – 2005. – Vol. 102. – P. 13783–13788.

Starikovskaya E.B., Sukernik R.I., Derbeneva O.A., Volodko N.V., Ruiz-Persini E., Torroni A., Brown M.D., Lott M.T., Hosseini S.H., Huoponen K., Wallace D.C. Mitochondrial DNA diversity in indigenous populations of the southern extent of Siberia, and the origins of Native American haplogroups // Ann. Hum. Genet. – 2005. – Vol. 69. – P. 67–89.

Van Oven M., Kayser M. Updated comprehensive tree of global human mitochondrial DNA variation // *Hum. Mutat.* – 2009. – Vol. 30. – P. 386–394.

Volodko N.V., Starikovskaya E.B., Mazunin I.O., Eltsov N.P., Naidenko P.V., Wallace D.C., Sukernik R.I. Mitochondrial genome diversity in Arctic Siberians, with

particular reference to the evolutionary history of Beringia and pleistocenic peopling of the Americas // *Am. J. Hum. Genet.* – 2008. – Vol. 82. – P. 1–17.

Материал поступил в редколлегию 12.03.15 г.

A.S. Pilipenko^{1,2}, R.O. Trapezov², N.V. Polosmak¹

¹*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com*

²*Institute of Cytology and Genetics, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 10, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru; rtrapezov@yandex.ru*

A GENETIC ANALYSIS OF HUMAN REMAINS FROM AK-ALAKHA-3 BURIAL MOUND 1, GORNÝ ALTAI

A genetic analysis of human remains from burial 1 in mound 1 at Ak-Alakha-3, Gorný Altai, focused on mitochondrial DNA, sex markers, and autosomal hypervariable STR markers. Variants of mtDNA extracted from the remains of an adult individual and a child fall into Eastern Eurasian haplogroups A4 and C, respectively, which are common in modern and prehistoric populations of Gorný Altai and the adjacent regions of southern Siberia and Central Asia. These variants must be considered autochthonous in the gene pool of the Early Iron Age Altai and were shared by otherwise dissimilar populations of that region in the Scythian Age. The adult individual is shown to be male, and the child was a girl. The results corroborate the efficiency of aDNA testing using the well preserved cancellous bone samples.

Keywords: *Paleogenetics, ancient DNA, mitochondrial DNA, sex markers, Gorný Altai, Pazyryk culture, Kara-Koba burials.*

УДК 575.17

Ю.В. Богунов¹, О.В. Мальцева², А.А. Богунова³, Е.В. Балановская⁴¹Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН
ул. Губкина, 3, Москва, 119991, Россия
E-mail: forbogunov@inbox.ru²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: olymals@gmail.com³Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
ул. Кирова, 17, Комсомольск-на-Амуре, 681000, Россия
E-mail: annasyachina@mail.ru⁴Медико-генетический научный центр
ул. Москворечье, 1, Москва, 115478, Россия
E-mail: balanovska@mail.ru

НАНАЙСКИЙ РОД САМАР: СТРУКТУРА ГЕНОФОНДА ПО ДАННЫМ МАРКЕРОВ Y-ХРОМОСОМЫ*

Показано современное расселение нанайского рода Самар (горинская группа нанайцев, Хабаровский край). Изучен генофонд популяции по SNP-маркерам Y-хромосомы. Его основу составляет североазиатская гаплогруппа N1c1-M178 (более 83 %), представлены также еще четыре: C*-M130, I*-M170, J2a1a-M47, O2-P31. Мажорная гаплогруппа N1c1-M178 маркирует преимущественное тунгусское происхождение рода, тогда как полное секвенирование Y-хромосомы образца с минорной гаплогруппой C3*-M130 выявило и связи с коренными популяциями Амура. Рассчитанные генетические расстояния и график многомерного шкалирования демонстрируют значительную генетическую близость нанайского рода Самар с якутами, хакасами и отдельными группами бурят. Это позволяет сделать вывод об их общем происхождении. Нанайцы других регионов находятся на значительном генетическом расстоянии от горинских самагиров.

Ключевые слова: нанайцы, родовая структура, род Самар, генофонд, Y-хромосома, гаплогруппа.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.146-152

Введение

Положение Нижнего Приамурья на периферии Восточной Сибири и Тихоокеанского побережья стало решающим фактором в формировании генофонда населения, включившего в себя популяции и таежной, и приморской зоны. По крайней мере с неолита этот регион был

зоной миграций народов Сибири и Восточной Азии – небольшие группы тунгусов, тюрков, монголов, маньчжуров смешивались с предшествующим населением. Изучение генофонда нанайцев – самого многочисленного этноса Нижнего Приамурья (ок. 10 тыс. чел.) – с опорой на знание родовой структуры и методы этнической геномики позволяет не только уточнить этногенез, но и выявить различные пласты в генофонде амурского населения, реконструировать исторические процессы на территории Дальнего Востока.

В трудах многих исследователей конца XIX – XX в. нанайская общность предстает как конгломерат разнородных групп с присваивающим типом хозяйства

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 13-04-10102, 13-06-90705, 14-06-00384, 14-06-10026, 14-14-00827); анализ полной последовательности Y-хромосомы – за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-14-00827).

без четкой социальной структуры и явных границ, отделяющих его от других сообществ долины Амура [Шренк, 1883; Лопатин, 1922; Смоляк, 1975]. До XIX в. – периода консолидации местных племен и родов в нанайский этнос – все амурское население подразделялось на несколько больших групп по территории проживания и культурно-языковому влиянию: маньчжурскому (*натки, дючеры*), монгольскому (*солонь, дауры*), тунгусскому (*манегиры, бирары, кили*) [Шренк, 1883, с. 11–93; Долгих, 1960]. В XIX в. вышеперечисленные родоплеменные образования исчезли с этнографической карты Приамурья, положив начало родовой организации нанайцев. В XX в. родовые названия закрепились в фамилиях, сохранив прежнюю территориальную привязку. Однако В.А. Туголуков, изучив общую картину этнических взаимоотношений в Приамурье за последние три столетия, заключил, что термин «род» применительно к местному сообществу не совсем правильный. На фоне тунгусской экспансии в регионе в XVII в., приведшей к ассимиляции коренного амурского населения и видоизменениям родовых названий, остается подходящим термин «фамилия» [Туголуков, 1972, с. 105]. Но большинство ученых при рассмотрении социальной организации нижнеамурских этносов, в т.ч. нанайцев, все же оперируют понятием «род», что находим и в источниках более раннего времени.

Вливание в инокультурную среду совершалось через институт *доха*, когда мелкие роды с целью выживания заключали союз между собой. Отношения в образованной патронимии базировались на трудовом и правовом партнерстве между ее членами, предполагали совместные действия в религиозных церемониях [Каргер, 1929, с. 4–8; Смоляк, 1970, с. 266, 288–289; 2001, с. 14]. В.А. Туголуков, изучая удэгейские и ороческие роды, предположил, что институт *доха* в нижнеамурской среде выполнял функцию связи дочерних родов, имевших общего предка. Его возникновение связано с тунгусской экспансией, буквально перекроившей местную матрилинейную систему родства, которая прослеживалась у нивхов и айнов. Так, материнский (нивхский) род вступал в связь с отцовским (тунгусским). Дети от таких браков, согласно нивхским нормам, не могут жениться в отцовском роде и, согласно тунгусским нормам, – в материнском. Компромиссным вариантом могла стать билинейность (совмещение патрилинейной или матрилинейной) системы родства или поиск третьего рода. У тунгусо-маньчжурских народов как ассимилированного сообщества отцовская родовая организация уживалась с принципами матрилинейности, имевшей местные корни. Выдача вдовы в соседний род, открывавшая путь к экзогамным отношениям в *доха*, знаменовала переход ее детей в новый отцовский род с дальнейшим запретом для них на брачные

связи внутри рода отчима. Вступление в *доха* даже групп, проживавших далеко друг от друга, указывает на процесс дробления больших локальных общностей на мелкие, их перемешивание и перемещение, вызванное миграцией тунгусов. В результате соседями могли оказаться кровнородственные группы, сблизившиеся через институт *доха*. Также предполагается, что созданное родовое объединение Самар могло базироваться на изначальном генетическом родстве его представителей [Туголуков, 1972].

В настоящей работе показано современное расселение рода Самар в Хабаровском крае, изучен его генофонд по SNP-маркерам Y-хромосомы, а также определена степень генетического родства с другими популяциями нанайцев и народами соседних территорий.

Специфика геногеографических исследований

В последние десятилетия изучение генетического разнообразия популяций человека стало одним из самых актуальных направлений науки. Это обусловлено появлением в арсенале популяционной генетики т.н. однородительских нерекombинирующих маркеров, локализованных на митохондриальной ДНК и Y-хромосоме человека. Поскольку первые имеют материнский тип наследования, а вторые – отцовский, в совокупности они дают раздельное понятие о вкладе представителей разных полов в историю становления генофонда. В настоящее время в филогеографических исследованиях населения маркеры Y-хромосомы исследуются более интенсивно, чем мтДНК, потому что по Y-хромосоме выявляется большее генетическое разнообразие и обнаруживается четкая корреляция с географическим положением и этнической историей населения [Балановская, Балановский, 2007]. Поскольку данная работа основана на использовании маркеров Y-хромосомы, остановимся более подробно на особенностях ее генома и характеристике типов ее полиморфизма.

Протяженность Y-хромосомы составляет ок. 60 млн пар нуклеотидов, ее концевые (теломерные) участки вступают в кроссинговер с гомологичными участками X-хромосомы. Все остальное пространство (более 50 млн пар нуклеотидов) занимает группа сцепленных генов, которая не разрушается рекомбинацией и передается из поколения в поколение в виде единого гаплотипа. Новые гаплотипы образуются только путем мутагенеза. Такой механизм возникновения изменчивости позволяет анализировать родство индивидов со сходными последовательностями нерекombинирующей части Y-хромосомы, что невозможно для рекомбинирующих аутосомных маркеров.

При изучении разнообразия Y-хромосомы исследуют два типа генетического полиморфизма (соответственно два типа маркеров). Однонуклеотидные полиморфизмы (SNP – single nucleotide polymorphism) возникают в Y-хромосоме достаточно часто. Точечные мутации почти никогда не происходят в одной и той же позиции дважды. Исследование SNP позволяет отнести анализируемый образец к той или иной ветви родословного древа Y-хромосомы – гаплогруппе – или ее субветви. Таким образом, мутация является «меткой» для всех последующих потомков и позволяет надежно отличать один «род» от другого. Как правило, у обозначения гаплогруппы (например, N1c1) указывают наименование маркера (индекс), ее определяющего (например, для N1c1 индекс M172). Это связано с тем, что Y-хромосомное древо гаплогрупп постоянно совершенствуется и происходят изменения в их названии, однако маркеры конкретных мутаций не меняются.

При втором типе полиморфизма различия между индивидами определяются по числу аллелей – коротких tandemных повторов (STR – short tandem repeats) в определенных локусах Y-хромосомы. В ряду поколений этот показатель сохраняется, т.е. у ребенка-мальчика, его отца, деда и т.д. будет одинаковый гаплотип Y-хромосомы. Однако все же происходят изменения числа аллелей – возникают новые мутации, причем гораздо чаще, чем SNP, примерно одна на 22 поколения (500 лет).

Обратим внимание на то, что, не зная, к какой гаплогруппе принадлежит исследуемый образец, точно невозможно сказать, действительно ли данный индивид является родственником другого с похожим набором STR-маркеров. Чтобы это проверить, нужно проанализировать SNP-маркеры. Именно поэтому наиболее эффективно параллельное исследование обеих генетических систем (SNP и STR). Их образно сравнивают с часовой и минутной стрелкой: первая (SNP) показывает позицию образца на родословном древе в «глобальном» масштабе, а вторая (STR) – его более точное положение. Исследование STR на фоне данных об SNP позволяет датировать возникновение отдельных кластеров гаплотипов (т.е. ветвей родословного древа Y-хромосомы). Существуют два подхода к анализу SNP-маркеров Y-хромосомы. При первом (традиционном) анализируются отдельные, наиболее информативные маркеры. Второй подход (ставший технически возможным только в самые последние годы) заключается в полной расшифровке нуклеотидной последовательности Y-хромосомы, что позволяет выявить все SNP-маркеры Y-хромосомы, присутствующие у данного образца. В связи с высокой стоимостью полногеномного секвенирования этот подход в нашей работе реализован для одного образца (представителя гаплогруппы C3*-M130), а первый – для всех.

Таким образом, человек обладает набором генов, содержащих информацию о его предках. Весь набор изменений в генофонде популяции отражает очередность генетических преобразований в ряду поколений. Зная среднюю частоту мутаций STR-маркеров Y-хромосомы, можно сравнить спектры гаплотипов разных популяций (или родов), выявить степень их близости и проследить историю изменения Y-гаплотипов. Таким образом, определенные мутации в Y-хромосоме выполняют роль свидетеля исторических процессов: они могут зафиксировать время, миграции, ассимиляцию, метисацию.

Общая структура геногеографических исследований такова: собирают выборку биологических образцов мужчин, не связанных между собой родством по крайней мере на три поколения, но принадлежащих к одной популяции; генотируют STR- и SNP-маркеры Y-хромосомы; проводят анализ частот гаплогрупп и рассчитывают генетические расстояния; анализируют разнообразие гаплогрупп с последующим филогеографическим анализом STR-гаплотипов внутри каждой.

История рода Самар хранится в его генофонде. В ряду множества поколений ассимилировались различные по своему этническому происхождению ветви. Однако с позиции описанного выше методического аппарата современной популяционной генетики изучаемый генофонд не является смесью исторических генофондов. По отцовским линиям Y-хромосомы он хорошо структурируется, что позволяет надеяться на выявление следов не только тунгусской экспансии, но и последующих напластований.

Материал и методы исследований

Материалом для демографических исследований служили данные похозяйственных книг населенных пунктов – мест традиционного проживания нанайцев – трех административных районов Хабаровского края (Солнечный, Комсомольский, Нанайский); для генетических – образцы венозной крови 37 мужчин рода Самар из сельских поселений Кондон ($N = 19$), Нижние Халбы ($N = 10$), Бельго ($N = 5$), Верхняя Эконь ($N = 1$), Черный Мыс ($N = 1$), Нижняя Тамбовка ($N = 1$). В выборку включены индивиды, не состоящие в кровном родстве на глубину не менее трех поколений.

ДНК выделяли фенол-хлороформенной экстракцией. Концентрация ДНК определялась методом ПЦР в реальном времени с использованием набора Quantifiler® (Applied Biosystems). С помощью набора Y-filer™ PCR Amplification Kit (Applied Biosystems) и генетического анализатора 3130×1 (Applied Biosystems) анализировали 17 STR-локусов

Y-хромосомы. На основе установленных гаплотипов проводилась предикция гаплогрупп Y-хромосомы с последующим подтверждением генотипированием SNP-маркеров. Такой подход позволял надежно определять гаплогруппу. Дополнительно для образца с гаплогруппой C3*-M130 (×M48) была проведена полная расшифровка нуклеотидной последовательности Y-хромосомы с использованием технологии BigY, разработанной американской генетико-генеалогической компанией FamilyTreeDNA, и определено положение этого образца в общей филогенетической структуре гаплогруппы.

Сравнение генофонда рода Самар с прочими популяциями нанайцев и этносами из других регионов проведено на основе базы данных Y-base (www.genofond.ru). По частотам гаплогрупп с помощью программы DJgenetic рассчитывали генетические расстояния [Nei, 1975], на основе матрицы которых в программе Statistica осуществляли многомерное шкалирование, графически визуализирующее степень сходства изученных популяций.

Результаты исследований

Современное расселение рода Самар в Хабаровском крае. Наибольшая численность зарегистрирована в районе исторического проживания – пос. Кондон Солнечного р-на: в 2012 г. 93 мужчины и 111 женщин – 38,3 % от населения поселка. За последнее столетие представители рода Самар расселились и по долине Амура, главным образом в пределах территории Комсомольского р-на: Верхняя Эконь – 3 %, Бельго – 8,76, Нижние Халбы – 18,9 %. В населенных пунктах Нанайского р-на индивиды с фамилией Самар отсутствовали или их доля в родовой (фамильной) структуре населения не превышала 1 %.

«Генетический портрет» рода Самар. В результате генотипирования Y-хромосомы установлено, что «генетический портрет» ныне живущих представителей рода характеризуется наличием пяти гаплогрупп: N1c1-M178, C*-M130, I*-M170, J2a1a-M47, O2-P31. Основу генофонда составляет гаплогруппа N1c1 (более 83 %), значительное преобладание которой можно рассматривать как характерную родовую черту, выделяющую данную популяцию среди других нанайских родов.

Североевразийская гаплогруппа N1c1 с высокой частотой встречается в генофондах народов Сибири: якутов (ок. 90 %), бурят (в отдельных популяциях до 78 %), эвенков (34 %), а также дальневосточных чукчей (61 %), коряков (24 %) [Степанов и др., 2001; Харьков, Степанов, 2005; Харьков и др., 2014]. Накопление данной гаплогруппы у представителей рода Самар свидетельствует о наличии генетической связи

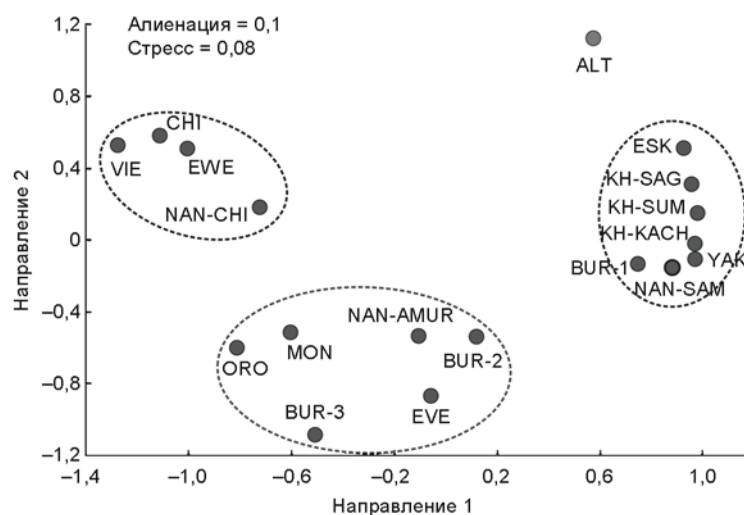
изучаемой популяции с северными народами и подтверждает исторические реконструкции миграционных потоков самагиров на Амур.

Высокая частота гаплогруппы J2a1a-M47 (8,1 %) – вторая характерная особенность генофонда рода Самар. По нашим данным, ближневосточная линия J2 не встречается в генофондах остальных родов нанайцев Хабаровского края (неопубликованные данные). Она отмечена у эвенков и эвенов с частотой менее 2 % и не характерна для других народов Сибири. У этносов Средней Азии достигает 12 %.

Гаплогруппа C3*-M130, являясь одним из минорных компонентов в генофонде рода Самар, может маркировать связи с очень широким кругом народов, у которых она зафиксирована. Поэтому для уточнения было проведено полное секвенирование образца с этой гаплогруппой. Обнаружено большое сходство с ее носителями в других популяциях нанайцев и у нивхов и значительное отличие от таковых у иных народов Сибири и Центральной Азии. Таким образом, наличие гаплогруппы C3*-M130 маркирует пусть минорные по частоте, но четко прослеживаемые генетические связи рода Самар с другими популяциями Амура.

Генетические взаимоотношения между популяциями. Были рассчитаны генетические расстояния между генофондами народов Сибири и Восточной Азии. Использована панель наиболее характерных для изучаемых популяций 13 крупных гаплогрупп, данные по которым присутствуют в литературных источниках. В анализ включены три нанайские выборки: рода Самар (NAN-SAM), суммарной популяции остальных нанайцев Амура (NAN-AMUR) и нанайцев Китая (NAN-CHI). В генетическом пространстве графика многомерного шкалирования выявились три кластера (см. *рисунк*), каждый из которых включил одну из нанайских популяций. Это указывает на значительные генетические различия между ними. Нанайцы Китая вошли в единый кластер с эвенками (генетическое расстояние до них $d = 0,09$), китайцами ($0,10 < d < 0,12$), вьетнамцами ($d = 0,11$). Однако их генофонд обнаруживает меньшее, но выраженное сходство с генофондами монголов ($d = 0,21$) и орочей ($d = 0,22$). А нанайцы Амура вошли в единый кластер с эвенками ($d = 0,05$), монголами ($d = 0,09$), бурятами Забайкальского края ($0,04 < d < 0,13$) и орочами ($d = 0,15$).

Генофонд рода Самар наиболее своеобразен: генетическое расстояние между ним и остальными нанайцами Амура ($d = 0,60$) почти в 2 раза больше, чем между последними и нанайцами Китая ($d = 0,36$). Столь значительные различия между генофондами нанайцев Хабаровского края связаны с преобладанием у рода Самар североевразийской гаплогруппы N1c1-M217 и низкой частотой C3c-M48. Именно поэ-

тому, вопреки огромным географическим расстояниям, его генофонд чрезвычайно похож на таковой бурят Забайкальского края ($d = 0,01$), якутов ($d = 0,01$) и хакасов ($0,01 < d < 0,15$). Сходство «генетических портретов» этих этносов может указывать на общность некоторых этапов их этногенеза. Неожиданной является относительная близость генофондов рода Самар и эскимосов ($d = 0,18$). Указанные популяции образовали единый кластер в генетическом пространстве.

Особенности генофонда рода Самар в целом подтверждают гипотезу историков о происхождении самагиров от более северных народов Сибири. Согласно этой гипотезе, они являются потомками эвенков, испытавших влияние сначала якутов, а затем (в XVII в.) бурят. Несмотря на то, что доля гаплогруппы N1c1 в генофонде современных эвенков не превышает 34 %, у якутов и бурят наблюдается более значительное ее накопление – 90 и 47 % соответственно (у «восточных» бурят может достигать 78 %) [Харьков, Степанов, Медведева и др., 2008; Харьков, Хамина, Медведева и др., 2014]. В изученной нами популяции эвенков (Забайкальский край) частота этой гаплогруппы также невелика (23 %). Однако классическими генетическими маркерами ранее был выявлен чрезвычайно высокий уровень генетического разнообразия данного этноса при огромном ареале и крайне малой численности населения. Это приводит к дрейфу генов, в результате которого возникают значительные различия между генофондами популяций эвенков. Поэтому можно предположить, что истоком генофонда рода Самар была популяция эвенков, отличающаяся более высокими частотами гаплогруппы N1c1. Хотя даже и это не обязательно – основателем рода мог стать один из носителей данной гаплогруппы. Относительный вклад эвенков, якутов и бурят можно будет оценить позднее, после анализа вариан-

тов гаплогруппы N1c1 – STR-гаплотипов, характерных для генофондов каждого из этих этносов.

Заключение

Усилившийся в XX в. распад родовой организации и установление территориально-соседских отношений народов Амура способствовали размытию границ внутриэтнических структур, а межэтнические контакты только ускорили ассимиляцию. На этом фоне, а также в условиях невысокой численности приамурских этносов проводить исследования их этногенеза крайне затруднительно. Современная генетика, опираясь на маркеры Y-хромосомы и внутриэтнический уровень структурирования генофонда, открывает новые источники информации, а следовательно, и новые возможности в изучении этносов.

Значительная доля современных нанайцев в настоящее время проживает в условиях иноязычного окружения и имеет тесные контакты с ним, главным образом с русскими. Однако нанайский род Самар (район современного пос. Кондон) в этом отношении уникален. Значительная удаленность от основного ареала нанайцев, а также труднодоступность территории способствовали длительному практически изолированному существованию популяции, а значит, и сохранению исходного генофонда. Напрямую об этом свидетельствуют низкое разнообразие гаплогрупп и преимущественное накопление только одной линии Y-хромосомы.

Установленный в работе «генетический портрет» нанайского рода Самар позволяет говорить о его тунгусских истоках. За длительный период алдано-ленско-амурской миграции к р. Девятке исходный генофонд испытал многократные влияния извне, о чем свидетельствует сходство с генофондами современ-

Положение популяций нанайцев в генетическом пространстве народов Сибири и Восточной Азии: график многомерного шкалирования.

ALT – алтайцы; BUR-1 – буряты (Забайкальский край); BUR-2 – буряты (Селенгинский и Хоринский р-ны, Республика Бурятия); BUR-3 – буряты (Закаменский р-н, Республика Бурятия); VIE – вьетнамцы; CHI – китайцы [Zhong et al., 2010; Cai et al., 2011]; NAN-SAM – нанайцы рода Самар; NAN-AMUR – нанайцы Амура (Хабаровский край); NAN-CHI – нанайцы Китая [Chen et al., 2006]; MON – монголы [Kim et al., 2011]; ORO – ороочи [Хуе, 2006]; KH-SUM – хакасы, суммарная популяция; KH-SAG – сагайцы; KH-KACH – качинцы; EWE – эвены; EVE – эвенки [Zhong et al., 2010]; ESK – эскимосы [Lell et al., 2002]; YAK – якуты.

ных якутов и бурят. Археологические, этнографические материалы, письменные источники также указывают на участие народов северо-восточных районов Сибири в этногенезе рода Самар [Малявин, 1998; Медведев, 2005; Медведев, Филатова, 2014, с. 148–149]. О степени такого влияния можно будет судить в дальнейшем после филогеографического анализа выявленных гаплотипов Y-хромосомы.

Список литературы

- Балановская Е.В., Балановский О.П.** Русский генофонд на русской равнине. – М.: Луч, 2007. – 416 с.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Албазинский уезд. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 579–614.
- Каргер Н.Г.** Отчет об исследовании родového состава населения бассейна р. Гарина // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 г. – Л.: [б.и.], 1929. – С. 3–24.
- Лопатин И.А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: [б.и.], 1922. – 371 с.
- Малявин А.В.** Древние памятники р. Девятки: явление археологической локалии // Project Amur. – Tsubkuba: University of Tsubkuba, 1998. – Р. 53–68.
- Медведев В.Е.** Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 234–267.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 168 с.
- Смоляк А.В.** Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX – начале XX в. // Общественный строй у народов Севера Сибири. – М.: Наука, 1970. – С. 264–299.
- Смоляк А.В.** Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
- Смоляк А.В.** Народы Нижнего Амура и Сахалина: фототальбом. – М.: Наука, 2001. – 320 с.
- Степанов В.А., Харьков В.Н., Пузырев В.П., Солтобаева Ж.О., Стегний В.Н.** Гаплотипы Y-хромосомы в популяциях Средней Азии // Генетика. – 2001. – Т. 37, № 2. – С. 256–259.
- Туголуков В.А.** Институт «доха» у удэгейцев и орочей // СЭ. – 1972. – № 3. – С. 105–115.
- Харьков В.Н., Степанов В.А.** Формирование генофонда коренного населения Сибири по данным Y-хромосомы // Медицинская генетика. – 2005. – Т. 4, № 6. – С. 282–283.

Харьков В.Н., Степанов В.А., Медведева О.А., Спиридонова М.Г., Максимова Н.Р., Ноговицина А.Н., Пузырев В.П. Происхождение якутов: анализ гаплотипов Y-хромосомы // Молекулярная биология. – 2008. – Т. 42, № 2. – С. 226–237.

Харьков В.Н., Хамина К.В., Медведева О.Ф., Симонова К.В., Еремина Е.Р., Степанов В.А. Генофонд бурят: клинальная изменчивость и территориальная подразделенность по маркерам Y-хромосомы // Генетика. – 2014. – Т. 50, № 2. – С. 203–213.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. – СПб.: Изд-во Имп. АН, 1883. – Т. 1 (части географическая, историческая и антропологическая). – 323 с.

Cai X., Qin Z., Wen B., Xu S., Wang Y., Lu Y., Wei L., Wang C., Li S., Huang X., Jin L., Li H., Genographic Consortium. Human migration through bottlenecks from Southeast Asia into East Asia during Last Glacial Maximum revealed by Y chromosomes // PLoS One. – 2011. – Vol. 6, iss. 8. – P. e24282. – DOI: 10.1371/journal.pone.0024282

Chen J., Li H., Qin Z.D., Liu W.H., Lin W.X., Yin R.X., Jin L., Pan S.L. Y-chromosome genotyping and genetic structure of Zhuang populations // Acta Genetica Sinica. – 2006. – Vol. 33, N 12. – P. 1060–1072.

Kim S.H., Kim K.C., Shin D.J., Jin H.J., Kwak K.D., Han M.S., Song J.M., Kim Won, Kim Wook. High frequencies of Y-chromosome haplogroup O2b-SRY465 lineages in Korea: a genetic perspective on the peopling of Korea // Investig. Genet. – 2011. – Vol. 2. – P. 10.

Lell J.T., Sukernik R.I., Starikovskaya Y.B., Su B., Jin L., Schurr T.G., Underhill P.A., Wallace D.C. The dual origin and Siberian affinities of Native American Y chromosomes // Am. J. Hum. Genet. – 2002. – Vol. 70, N 1. – P. 192–206.

Nei M. Molecular Population Genetics and Evolution. – Amsterdam: North-Holland Publ. Co, 1975. – 290 p.

Xue Y., Zerjal T., Bao W., Zhu S., Shu Q., Xu J., Du R., Fu S., Li P., Hurles M., Yang H., Tyler-Smith C. Male demography in East Asia: a North-South contrast in human population expansion times // Genetics. – 2006. – Vol. 172, N 4. – P. 2431–2439.

Zhong H., Shi H., Qi X.B., Xiao C.J., Jin L., Ma R.Z., Su B. Global distribution of Y-chromosome haplogroup C reveals the prehistoric migration routes of African exodus and early settlement in East Asia // J. Hum. Genet. – 2010. – Vol. 55, N 7. – P. 428–435.

*Материал поступил в редколлегию 20.08.14 г.,
в окончательном варианте – 25.11.14 г.*

Y.V. Bogunov¹, O.V. Maltseva², A.A. Bogunova³, E.V. Balanovskaya⁴

¹*N.I. Vavilov Institute of General Genetics, Russian Academy of Sciences,
Gubkina 3, Moscow, 119991, Russia*

E-mail: forbogunov@inbox.ru

²*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia*

E-mail: olymals@gmail.com

³*Amur State University of Humanities and Pedagogy,
Kirova 17, Komsomolsk-on-Amur, 681000, Russia*

E-mail: annasyachina@mail.ru

⁴*Medical Genetic Research Center,
Moskvorechye 1, Moscow, 115478, Russia*

E-mail: balanovska@mail.ru

THE NANAY CLAN SAMAR: THE STRUCTURE OF GENE POOL BASED ON Y-CHROMOSOME MARKERS

Members of the Nanay clan Samar reside in the Gorin area of the Khabarovsk Province. Their gene pool was studied using the SNP markers of the Y-chromosome. The predominant haplogroup, occurring in more than 83 % of clansmen, is the northern Eurasian haplogroup N1c1-M178. Four other haplogroups are C-M130, I*-M170, J2a1a-M47, and O2-P31. The most frequent haplogroup N1c1-M178 indicates mostly Tungus origin of the Samar clan; other haplogroups detected by complete sequencing such as the minor haplogroup C3*-M130 reveal ties with native populations of the Amur basin. Genetic distances and their multidimensional scaling demonstrate marked affinities of Samar clansmen with Yakuts, Khakas, and certain groups of Buriats, suggesting common origin. Nanay of other regions are much further from the Samar.*

Keywords: Nanays, tribal structure, Samar clan, gene pool, Y-chromosome, haplogroups.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА В ПАЛЕОЛИТЕ ЕВРАЗИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВИДА» 1–7 июля 2014 г.

Для знакомства специалистов с новейшими результатами междисциплинарных исследований алтайского палеолита Институт археологии и этнографии СО РАН периодически проводит международные научные встречи. В июле 2014 г. на Алтае на базе крупнейшего в России археологического научно-исследовательского стационара «Денисова пещера» прошел очередной международный симпозиум, посвященный археологическим, антропологическим и палеогенетическим аспектам заселения первобытным человеком территории Евразии и развития рода *Ното*. Руководили его работой признанные мировые авторитеты в изучении древнейшей истории человечества – акад. А.П. Деревянко и проф. С. Паабо. В симпозиуме приняли участие ок. 60 специалистов из стран Европы, Азии и Америки. Среди них известные исследователи А.П. Бужилова (Россия), М.Х. Волпофф (США), Кидонг Бай (Республика Корея), Т. Хайем (Великобритания), Д. Хоукс (США), В.П. Чабай (Украина), Л. Экскоффер (Швейцария) и др.

Проблемы становления и развития палеолитических культурных традиций и эволюции рода *Ното* являются ключевыми в изучении древнейшей истории Евразии и привлекают внимание широкого круга специалистов в области археологии, антропологии и палеогенетики. В последние годы важные материалы, связанные с разработкой этих проблем, получены сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН на территории Горного Алтая, расположенной на границе Северной и Центральной Азии. Наиболее интересные находки обнаружены в результате междисциплинарных исследований на палеолитических памятниках в долине верхнего течения р. Ануй (Северо-Западный Алтай). В этом районе изучен ряд многослойных комплексов с последовательным залеганием уровней обитания первобытного человека от ранней до заключительной стадии эпохи палеолита.

На стоянке Карамы найдены древнейшие в Северной Азии орудия раннепалеолитического человека, характерные для галечных индустрий архаичного облика. Они залегали в красноцветных отложениях нижнего плейстоцена, датированных по совокупно-

сти геоморфологических, литолого-стратиграфических, палеоботанических и других данных в диапазоне 800–600 тыс. л.н.

В Денисовой пещере прослежены непрерывное развитие палеолитических традиций в течение как минимум 280 тыс. лет и становление культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе в интервале 50–40 тыс. л.н. В культурном слое начальной поры верхнего палеолита собрана одна из древнейших в мире коллекций украшений из кости и зубов животных, бивня мамонта, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков и поделочного камня – подвески, бусины, орнаментированные пронизи, хлоритовый браслет и мраморное кольцо со следами шлифовки и сверления, а также миниатюрные костяные иглы с ушком и проколки. Археологические материалы всех палеолитических комплексов залегают в четких стратиграфических условиях, имеют надежное литологическое и палеонтологическое обоснование, подкрепленное данными датирования физическими и радиологическими методами.

Особое значение Горный Алтай приобрел после обнаружения антропологических находок в Денисовой пещере. Палеогенетические исследования фрагментов костей из культурного слоя начальной стадии верхнего палеолита, проведенные в Институте эволюционной антропологии (г. Лейпциг) под руководством проф. С. Паабо, показали, что костные останки принадлежат ранее неизвестному ископаемому гоминину, который по месту их нахождения получил название «человек алтайский» или «денисовец»*.

Анализ секвенированного генома представителей новой группы древних гомининов выявил ее сестринскую близость с неандертальцами, т.е. сначала ветвь их предков отделилась от общего с человеком современного физического вида эволюционного ствола, а потом произошло и их разделение. Популяция дени-

*Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. – 2010. – Vol. 464. – P. 894–897.

В президиуме симпозиума
А.П. Деревянко (Россия), С. Паабо
(Германия) и М. Волпофф (США).
Все фотографии предоставлены
С.И. Зеленским.

Презентация доклада Т. Хайема
(Великобритания).

Обсуждение докладов симпозиума.
Слева направо: Л. Экскоффер (Швейцария), С. Паабо (Германия), М. Волпофф и Р. Каспари (США).

Осмотр антропологических находок из
Денисовой пещеры.
Слева направо: М.Б. Медникова, А.П. Бужилова, С.А. Васильев (Россия), А. Ким (США), Б. Виола (Германия)

совцев существовала на Алтае вместе с самой восточной группой неандертальцев, установленной по данным антропологического и палеогенетического анализов останков ископаемого человека из пещер Окладникова, Чагырской и Денисовой, т.е. как минимум две разные популяции древних гомининов населяли данную территорию в то время, когда люди современного физического типа вышли из Африки и расселялись в Евразии. При этом археологические материалы – наборы каменных и костяных орудий, а также предметы символической деятельности из кости и поделочного камня – свидетельствуют о том, что по поведенческим характеристикам денисовцы не уступали людям современного облика, жившим одновременно с ними в других регионах, а в некоторых аспектах превосходили.

Работа симпозиума проходила по нескольким тематическим направлениям, охватывающим актуальные проблемы изучения начальной истории человечества. В докладах участников* рассматривались вопросы становления, распространения и регионального проявления палеолитических культурных традиций, физического облика их носителей, определения места древнейших популяций восточной части Евразии в антропогенезе и таксономии рода *Homo*, реконструкции характера адаптации первобытного человека к различным компонентам природно-климатического окружения и реакции его культуры на изменения климата и природной среды, соотношения культурных, биологических и природных факторов в формировании палеолитических культур.

Представленные на симпозиуме материалы стали важным подтверждением правомерности новой концепции становления человека современного физического облика, предложенной А.П. Деревянко** в противовес теории моноцентризма, согласно которой единственным очагом формирования *Homo sapiens* являлась Восточная Африка, откуда потом и произошло его расселение по территории Евразии. Новая версия полицентризма, или мультирегиональной эволюции человека, основана прежде всего на данных археологии – если бы коренное население везде замещалось человеком разумным, пришедшим из Африки, то и культурные проявления ранней стадии верхнего па-

леолита должны были быть достаточно однородными на территории всей первобытной ойкумены. Однако археологические материалы свидетельствуют о том, что это далеко не так. Каменные индустрии начальной поры верхнего палеолита в Африке, западной части Евразии, на юге Сибири и на востоке Азии принципиальным образом отличаются друг от друга, что подразумевает культурную и, следовательно, генетическую непрерывность у первобытного населения в каждом из этих регионов.

Согласно археологическим, антропологическим и генетическим материалам древнейших местонахождений Африки и Евразии, на земном шаре существовало несколько зон, в которых шел самостоятельный процесс эволюции *Homo erectus* и развития технологий обработки камня. В каждой из них складывались свои культурные традиции, свои модели перехода от среднего к верхнему палеолиту и происходило независимое становление ранних форм человека разумного: африканской – в Восточной и Южной Африке, ориентальной – в Восточной и Юго-Восточной Азии, неандертальской и алтайской – на территории остальной части Евразии, которые в разной степени внесли вклад в формирование анатомически современного человека.

В целом прошедший симпозиум показал высокий научный потенциал древнейших археологических комплексов Алтая. Благодаря широкому временному охвату и большому объему фактического материала культурно-хронологическая последовательность алтайского палеолита может рассматриваться в качестве одной из базовых моделей развития палеолитических культурных традиций и эволюции рода *Homo* в восточных районах первобытной ойкумены.

М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17,
Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: shunkov@archaeology.nsc.ru

Материал поступил в редколлегию 05.10.14 г.

***Cultural developments** in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically modern humans. – Novosibirsk: Publ. Dep. of the Inst. of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2014. – 200 p.

****Деревянко А.П.** Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

ПЕРСОНАЛИИ

ЖИЗНЬ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА: К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ТРОИЦКОЙ

9 мая 2015 г. отмечает свой юбилей известный археолог, доктор исторических наук, профессор Татьяна Николаевна Троицкая, с чьим именем связаны начало планомерных археологических исследований на территории Новосибирской области, преподавание археологии в Новосибирском государственном педагогическом институте (ныне университете) и подготовка плеяды профессиональных археологов, нескольких поколений учителей истории и педагогов дополнительного образования, создание в Новосибирске сети детских археологических кружков, давших импульс мощному движению «детская археология».

Родилась Татьяна Николаевна в 1925 г. в Тбилиси, в семье ученых-ботаников. Поэтому и экспедиционная жизнь, и научная среда, и преподавательские заботы были знакомы ей с детства. После окончания школы в 1942 г. она поступила на факультет естествознания Бирского педагогического института (Башкирия, где семья с начала войны находилась в эвакуации). Выбор был

продиктован отсутствием в вузе исторического факультета, но интерес к археологии и истории в итоге оказался сильнее. Через полтора года Татьяна Николаевна поступила на исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, но в связи с очередным переездом родителей перевелась в Крымский государственный педагогический институт (г. Симферополь). Именно с Крымом связаны первые археологические экспедиции – участие в раскопках легендарного Неаполя Скифского, первые шаги в науке и преподавании. С 1947 г. Т.Н. Троицкая начала работать ассистентом на кафедре всеобщей истории, а вскоре и лаборантом отдела истории и археологии Крымского филиала АН УССР, где работал и доктор исторических наук П.Н. Шульц – фактически ее первый учитель. В 1950 г. Татьяна Николаевна поступила в аспирантуру по специальности «археология». Под научным руководством академика Б.А. Рыбакова она начала работать над темой «Славяне в Крыму», но ее душа уже всецело принадлежала скифам! Поэтому кандидатская диссертация, успешно защищенная в 1954 г., была посвящена скифским погребениям в курганах Крыма. Статьи Т.Н. Троицкой по данной проблематике и сегодня востребованы исследователями.

В начале 1956 г. по семейным обстоятельствам Татьяна Николаевна переехала в г. Новосибирск. В течение нескольких лет (до переезда в Новосибирск академика А.П. Окладникова и создания института Истории, филологии и философии в Сибирском отделении АН СССР) Т.Н. Троицкая была единственным археологом – кандидатом исторических наук не только в городе, но и во всей Западной Сибири. Первые годы жизни в Новосибирске она посвятила знакомству с абсолютно неизвестной ей сибирской археологией. Установила профессиональные контакты с немногочисленными молодыми специалистами, которые только начинали свою самостоятельную деятельность после университета – В.И. Матющенко в г. Томске и А.И. Мартыновым в г. Кемерове. Материалы первых собственных раскопок Татьяна Николаевна решила показать М.П. Грязнову, под чьим руководством в 1950-х гг. работала экспедиция в зоне затопления Новосибирского водохранилища. Встреча с Михаилом Петровичем переросла в многолетнюю дружбу. Т.Н. Троицкая считает себя ученицей Грязнова и с благодарностью вспоминает их профессиональное и человеческое общение.

Вникая в новый для нее сибирский материал, Татьяна Николаевна осталась верной скифской тематике: культуры и памятники раннего железного века интересовали ее в наибольшей степени. Можно с уверенностью сказать, что Т.Н. Троицкая заложила фундаментальные основы изучения археологии лесостепного Приобья эпохи железа – огромного хронологического периода в 2 000 лет – от I тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э. Результаты многолетних исследований были обобщены впоследствии в монографии «Кулайская культура в Новосибирском Приобье», в сводном издании «Археологическая карта Новосибирской области» и в докторской диссертации «Лесостепное Приобье в раннем железном веке», блестяще защищенной в 1981 г. Сотни открытых и изученных археологических памятников, первые археологические карты отдельных микрорайонов и Новосибирской области в целом, монографическая характеристика ряда ярких культур железного века – все это позволяет называть Т.Н. Троицкую первооткрывателем и создателем хроностратиграфических схем железного века лесостепной зоны Западной Сибири. Конечно, в последующие десятилетия многие положения и гипотезы были пересмотрены или дополнены как самой Татьяной Николаевной, так и ее учениками, но первые культурно-хронологические и типологические разработки уже прочно вошли в анналы сибирской археологии. На сегодняшний день библиография Т.Н. Троицкой насчитывает более 250 публикаций (семь монографий, учебные пособия, статьи). В последние годы вышел и целый ряд мемуарных и научно-популярных работ, в которых Татьяна Николаевна повествует о разных периодах своей жизни и творчества. В этих трудах, написанных ярко и увлекательно, а также в личных беседах она неоднократно подчеркивала, что наряду с археологией ее главным призванием была педагогика – воспитание и подготовка школьных учителей.

С самого начала своей деятельности в Новосибирском педагогическом институте Т.Н. Троицкая уделяла огромное внимание не только лекционным занятиям, но и индивидуальной работе со студентами. Ею был создан археологический кружок, на еженедельных заседаниях которого заслушивались студенческие доклады. Кружок объединял и тех, кто серьезно интересовался археологией, и тех, кому ближе была педагогика, работа с детьми и экспедиционная романтика. В свою очередь, студенты организовывали такие же объединения в школах города и области, привлекая школьников к краеведческой деятельности и участию в экспедициях. Работа со студентами и детьми требовала методического обеспечения, поэтому регулярно проводились семинары для учителей и руководителей кружков, детские и студенческие конференции, был подготовлен ряд учебных и методических пособий. В результате этой деятельности более 30 бывших сту-

дентов, прошедших школу Т.Н. Троицкой, стали профессиональными археологами – докторами и кандидатами наук, специалистами, успешно работающими в научно-исследовательских институтах РАН, университетах, музеях, научно-производственных центрах по охране археологического наследия.

Татьяна Николаевна никогда не мыслила себя вне преподавания! Если свою экспедиционную деятельность она завершила в 1995 г., то читать лекции студентам продолжала до недавнего времени – вплоть до 2013 г. Студенты приходили к любимому преподавателю домой, и самая большая комната в квартире в последние годы регулярно использовалась как аудитория. Да и рабочий кабинет Т.Н. Троицкой, включая библиотеку, всегда был в распоряжении студентов. Нужно сказать, что близкие Татьяны Николаевны с огромным интересом и уважением относятся к ее работе. Дети и внуки были постоянными участниками археологических экспедиций, хотя каждый из них избрал для себя другую профессию. Дочь Евгения – талантливый биохимик, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники; сын Николай – профессиональный фотограф; старший внук Андрей – детский хирург, младшие Михаил и Данила – выпускники педагогического университета, в котором их бабушка преподавала 56 лет.

Многолетняя педагогическая и научная деятельность Т.Н. Троицкой отмечена рядом государственных наград: медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970 г.) и «Ветеран труда» (1982 г.), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (1998 г.), почетным званием «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2011 г.). Но для самой Татьяны Николаевны важнее всех официальных наград и почестей всегда была возможность заниматься любимым делом. И в этом смысле она абсолютно счастливый человек, более полувека посвятивший образованию и науке!

Многочисленные коллеги и ученики поздравляют своего любимого Учителя и друга со знаменательным юбилеем и желают в первую очередь здоровья! Возраст, тем более для женщины – это не столько прожитые годы, сколько состояние души. А душевных сил, тепла, оптимизма и интереса к жизни у Татьяны Николаевны всегда было и есть с избытком!

**А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
А.П. Бородовский, И.А. Дураков, В.С. Елагин,
Н.С. Ефремова, А.В. Кандыба, Е.В. Карпеева,
Ж.В. Марченко, Л.Н. Мыльникова,
А.В. Новиков, О.И. Новикова,
И.В. Сальникова, Е.А. Соловьева**

Материал поступил в редколлегию 13.03.2015 г.

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВОГиС – Вавиловское общество генетиков и селекционеров
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный Исторический музей
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка, литературы Уфимского научного центра РАН
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
ИЦИГ СО РАН – Институт цитологии и генетики Сибирского отделения РАН
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР)
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (АН СССР)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
IsIAO – Istituto italiano per l’Africa e l’Oriente

- Балановская Е.В.** – доктор биологических наук, профессор, заведующая лабораторией популяционной генетики человека Медико-генетического научного центра, ул. Москворечье, 1, Москва, 115478, Россия. E-mail: balanovska@mail.ru
- Бауло А.В.** – доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bau194@ngs.ru
- Бобров В.В.** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: klae@kemsu.ru
- Богун Ю.В.** – кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, ул. Губкина, 3, Москва, 119991, Россия. E-mail: forbogunov@inbox.ru
- Богун А.А.** – кандидат биологических наук, старший преподаватель Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, ул. Кирова, 17, Комсомольск-на-Амуре, 681000, Россия. E-mail: annasyachina@mail.ru
- Борисенко А.Ю.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: aborisenko2@mail.ru
- Бородовский А.П.** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaicenter2011@gmail.com
- Бочковой В.В.** – старший научный сотрудник Кубанского государственного университета, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350058, Россия. E-mail: meot@mail.ru
- Герман П.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экологии человека СО РАН, пр. Ленинградский, 10, Кемерово, 650065, Россия. E-mail: lithos@mail.ru
- Деревянко А.П.** – академик РАН, доктор исторических наук, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Дураков И.А.** – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: idurakov@yandex.ru
- Евгеньев А.А.** – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Оренбургского государственного педагогического университета, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия. E-mail: oren-arch@mail.ru
- Елагин В.С.** – кандидат исторических наук, директор Института искусств Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Советская, 79, Новосибирск, 630132, Россия. E-mail: ii.Elagin@yandex.ru
- Есин Ю.Н.** – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия. E-mail: esin2006@yandex.ru
- Ефремова Н.С.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: efremova@archaeology.nsc.ru
- Кандыба А.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: arhkandyba@gmail.com
- Карпеева Е.В.** – ведущий художник-реставратор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: agir2@yandex.ru
- Кореневский С.Н.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: skorenevskiy@yandex.ru
- Купцова Л.В.** – научный сотрудник Оренбургского государственного педагогического университета, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия. E-mail: orelin.84@mail.ru
- Мальцева О.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olymals@gmail.com
- Мандрыка П.В.** – кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: pmandryka@yandex.ru
- Марченко Ж.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: marchenko@archaeology.nsc.ru

- Медникова М.Б.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: medma_pa@mail.ru
- Молодин В.И.** – академик РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru
- Моргунова Н.Л.** – доктор исторических наук, профессор, заведующая археологической лабораторией Оренбургского государственного педагогического университета, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия. E-mail: nina-morgunova@yandex.ru
- Мыльников В.П.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru
- Мыльникова Л.Н.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru
- Новиков А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru
- Новикова О.И.** – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: science@archaeology.nsc.ru
- Орозбекова Ж.** – младший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bjkut@yandex.ru
- Пилипенко А.С.** – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; научный сотрудник межинститутского сектора молекулярной палеогенетики Института цитологии и генетики СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: alexpil@boinet.nsc.ru
- Полосьмак Н.В.** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: polosmaknatalia@gmail.com
- Поляков А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: poliakov@yandex.ru
- Сальникова И.В.** – кандидат исторических наук, заведующая отделом музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: salnikovair@rambler.ru
- Сенотрусова П.О.** – кандидат исторических наук, заведующая сектором археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия. E-mail: pollina1987@rambler.ru
- Соловьева Е.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: easolovievy@mail.ru
- Солтани М.** – независимый исследователь, Исфахан, Исламская Республика Иран. Laleh Sq., Emam Sajjad Lane, 8895144659, Isfahan, Islamic Republic of Iran. E-mail: mj.soltani63@gmail.com
- Табалдиев К.Ш.** – кандидат исторических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета «Манас», пр. Мира, 56, Бишкек, 720044, Кыргызстан. E-mail: tabaldievk@yahoo.com
- Тишкин А.А.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, проректор по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета, пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: tishkin210@mail.ru
- Трапезов Р.О.** – аспирант Института цитологии и генетики СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: rtrapezov@yandex.ru
- Худяков Ю.С.** – доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: khudjakov@mail.ru
- Ширази Р.** – доктор наук, доцент Университета Систана и Белуджистана, Исламская Республика Иран. University of Sistan and Baluchestan, Daneshgah Blvd., 98135-655, Zahedan, Islamic Republic of Iran. E-mail: rouhollah.shirazi@lihu.usb.ac.ir
- Шуников М.В.** – доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: shunkov@archaeology.nsc.ru
- Яблонский Л.Т.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru